

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 (16)

2016

Главный редактор

Член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин

Заместители главного редактора:

доктор исторических наук А.Г. Ситдиков

доктор исторических наук Ю.А. Зеленева

Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук Г.Ш. Асылгараева

Редакционный совет:**Р.С. Хакимов** — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)**И. Бальдауф** — доктор наук, профессор (Берлин, Германия)**П. Георгиев** — доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)**Е.П. Казаков** — доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**А. Тюрк** — PhD (Будапешт, Венгрия)**И. Фодор** — доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)**В.Л. Янин** — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** — доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** — доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** — доктор исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** — кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** — доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** — доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Ответственный за выпуск:****Б.Л. Хамидуллин** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Бултерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан», 2016

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2016

© Журнал «Поволжская археология», 2016

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F.Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:

Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Doctor of Historical Sciences **Yu.A. Zeleneev**

Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R.S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)

Kh.A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)

I. Baldauf — Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)

P. Georgiev — Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)

E.P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

N.N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)

A. Türk — PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)

I. Fodor — Doctor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)

V.L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A.A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)

M.Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

R.D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)

I.L. Izmaylov — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

S.V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

A.E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T.B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (V.M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue — Candidate of Historical Sciences **B.L. Khamidullin**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

http://archaeologie.pro

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2016

© Mari State University, 2016

© "Povolzhskaya Arkheologiya" Journal, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования и публикации

<i>Ситдииков А.Г., Измайлов И.Л. (Казань, Россия).</i> Мусульманская археология: объем и содержание понятия	8
<i>Беляев Л.А. (Москва, Россия).</i> Исламский восток и формирование материальной культуры Московской Руси: о методических подходах к оценке	18
<i>Зиливинская Э.Д. (Москва, Россия).</i> Культовая архитектура Золотой Орды: происхождение и традиции	44
<i>Измайлов И.Л. (Казань, Россия).</i> Археология и ислам в Среднем Поволжье в X – первой трети XIII в.: опыт комплексного анализа.....	68
<i>Смагулов Е.А. (Алматы, Казахстан).</i> Застройка центральной площади города Сауран XIV–XVI вв.	93
<i>Бочаров С.Г. (Симферополь, Россия).</i> Мечети города Каффа (Кефе) в 1340–1779 годах	120
<i>Кирилко В.П. (Симферополь, Россия).</i> Михраб мечети в Шейх-Кой	138
<i>Беляев Л.А., Елкина И.И., Лазукин А.В. (Москва, Россия).</i> Новые исследования на территории Малого городка Болгара	151
<i>Пигарёв Е.М. (Астрахань, Россия).</i> Красноярское городище и его округа.....	164
<i>Волков И.В. (Москва, Россия).</i> Два города в Нижнем Поволжье на карте мира 1457 года.....	182
<i>Баранов В.С., Губайдуллин А.М. (Казань, Россия).</i> О некоторых итогах изучения домонгольских напластований Болгарского городища на раскопах CLXXII и CLXXVI в 2012 году	193
<i>Казаков Е.П., Чижевский А.А., Лыганов А.В. (Казань, Россия).</i> Меллятамакское VI селище чияликской культуры.....	219
<i>Макарова Е.М., Ситдииков А.Г., (Казань, Россия), Бочаров С.Г.</i> <i>(Симферополь, Россия).</i> Морфология посткраниального скелета населения Болгара (по материалам СХСІ раскопа)	244
<i>Белавин А.М. (Пермь, Россия).</i> Золотые височные кольца с уточкой из Пермского Предуралья	260

Критика и библиография

- Хузин Ф.Ш. (Казань, Россия).* Рецензия на книгу: Зиливинская Э.Д.
Архитектура Золотой Орды. Часть 1. Культовое зодчество.
М.; Казань: Отечество, 2014. 228 с.,+220 с., илл. 270

Хроника

- Беляев А.В., Валиев Р.Р., Ситдииков А.Г. (Казань, Россия).*
V научный семинар «Междисциплинарные археологические
и естественнонаучные исследования памятников
культурного наследия: Болгар и Свияжск» 278
- Зеленева Ю.А. (Йошкар-Ола, Россия).*
Герман Алексеевич Федоров-Давыдов (1931-2000) 285
- Список сокращений 292
- Правила для авторов 293

CONTENTS

Research and publications

<i>Sitdikov, A.G., Izmaylov I.L. (Kazan, Russian Federation). Muslim Archaeology: Scope and Content of the Concept</i>	8
<i>Belyaev L.A. (Moscow, Russian Federation). The Islamic Orient and the Development of Material Culture of Muscovy: Evaluation Methods</i>	18
<i>Zilivinskaya E.D. (Moscow, Russian Federation). Cult Monuments in the Golden Horde: Origin and Tradition</i>	44
<i>Izmaylov I.L. (Kazan, Russian Federation). Archaeology and Islam in the Middle Volga Region in 10th – first third of 13th centuries: an experience of a complex analysis</i>	68
<i>Smagulov E.A. (Almaty, Kazakhstan) The Ensemble of the Central Square of Sauran City-Site, 14th – 16th Centuries</i>	93
<i>Bocharov S.G. (Simferopol, Russian Federation). Mosques of Caffa (Kefe) City in 1340–1779</i>	120
<i>Kirilko V.P. (Simferopol, Russian Federation). Mihrab of the Mosque in Sheikh-Coy</i>	138
<i>Belyaev L.A., Elkina I.I., Lazukin A.V. (Moscow, Russian Federation). New Studies on the Territory of Malyi Gorodok on Bolgar Fortified Settlement</i>	151
<i>Pigarev E.M. (Kazan, Russian Federation). Krasny Yar Hillfort and its Environs</i>	164
<i>Volkov I.V. (Moscow, Russian Federation). Two Towns in the Lower Volga Region on the <i>Mappa Mundi</i>, 1457</i>	182
<i>Baranov V.S. (Kostroma, Russian Federation), Gubaidullin A.M. (Kazan, Russian Federation). Some Findings of the Study of Pre-Mongolian Strata of Bolgar Fortified Settlement on Digs CLXXII and CLXXVI in 2012</i>	193
<i>Kazakov E.P., Chizhevsky A.A., Lyganov A.V. (Kazan, Russian Federation). Mellya-Tamak VI Settlement of Chiyalik Culture</i>	219
<i>Makarova E.M., Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation), Bocharov S.G. (Simferopol, Russian Federation). Postcranial Skeleton Morphology of the Population of Bolgar (by materials from dig CXCI)</i>	244
<i>Belavin A.M. (Perm, Russian Federation). Gold Temporal Rings with a Small Duck from the Perm Cis-Urals</i>	260

Criticism and bibliography

- Khuzin F.Sh. (Kazan, Russian Federation). Book Review: E.D. Zilivinskaya. Architecture of the Golden Horde. Part 1. Cult Monuments. Moscow; Kazan: "Otechestvo" Publ., 2014. 228 p.,+ 220 p., ill.....270*

Chronicle

- Belyaev A.V., Valiev R.R., Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation). V Scientific Workshop "International Archaeological and Natural Scientific Studies on Cultural Sites: Bolgar and Sviyazhsk" 278*
- Zeleneev Yu.A. (Yoshkar-Ola, Russian Federation). Gherman Fyodorov-Davydov (1931–2000) 285*
- List of abbreviations 292
- Submissions 293

Исследования и публикации

УДК 902/904 + 297

МУСУЛЬМАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ: ОБЪЕМ И СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ

© 2016 г. А.Г. Ситдиков, И.Л. Измайлов

В статье анализируется понятие «мусульманская археология», которая рассматривается как научная дисциплина и особое направление исследований древностей, на широком фоне аналогичных научных дисциплин – таких, как библейская археология и церковная археология. Задачей «мусульманской археологии», по мнению авторов, является накопление, источниковедческая аналитическая обработка, интерпретация материальных объектов и памятников, и синтез этих данных с нарративными источниками с целью более полной реконструкции истории мусульманской цивилизации и религиозной жизни мусульманских сообществ. Можно констатировать, что изучение мусульманских древностей является мультидисциплинарным по характеру, синтезирующим исследования в области археологии, истории религии и церкви, истории искусства и архитектуры. Методами этой дисциплины материальный и духовный аспекты религиозной жизни должны изучаться в самом широком историко-культурном контексте, с использованием всех доступных археологических источников соответствующих эпох. Следует подчеркнуть, что мусульманская археология как наука, не имея собственных конфессиональных интересов, способна открыть новые возможности для изучения культуры, экономики, быта, и вводить в научный оборот независимые источники и новые данные по истории и цивилизации мусульманских стран.

Ключевые слова: археология, история, мусульманская археология, библейская археология, церковная археология, междисциплинарные исследования, искусствоведение, история архитектуры, религиозная жизнь.

«Мусульманская археология» как научная дисциплина и направление исследований сравнительно молодая отрасль знания о древностях. Поэтому очень важно, если не определить окончательную и отработанную дефиницию, то дать описание области знания, которую она изучает, предложить обсудить этот вопрос и наметить пути его решения. Это особенно важно в новейших условиях, когда археология из сугубо специальной и узконаправленной источниковедческой дисциплины превратилась в комплексную науку о прошлом, объединяющую целый ряд специальностей,

которые ранее имели самостоятельный статус или относились к числу исторических, искусствоведческих или естественных наук. Так произошло, например, с историей искусств и архитектурой, которые из науки о выдающихся культурных достижениях превращаются в направления археологических исследований со специфическими методами изучения и описания. Такая же трансформация происходит с исторической этнографией, которая превращается в комплексную археолого-этнологическую отрасль знания с глубоким погружением в лингвистические и естествен-

нонаучные (физическая антропология, генетика и т.д.) проблемы.

Другим поводом для резкого расширения компетенции данной дисциплины стало бурное развитие археологии в странах Востока. Если ранее изучение древностей этих стран, в первую очередь средневековых, развивалось в рамках традиционных для западноевропейской науки искусствоведческих исследований, то по мере роста и укрепления национальных научных школ они все чаще становятся объектом комплексных исследований. Тем самым статус этих научных изысканий повышается: от изучения отдельных явлений – к комплексному системному описанию, от иллюстраций к историческим построениям – самостоятельным и детальным описаниям прошлого. Особо следует подчеркнуть, что подобные исследования продолжают активно развиваться в республиках бывшего СССР, а ныне самостоятельных государствах Центральной Азии – Казахстане, Узбекистане, Туркмении, Азербайджане, где археология как комплексная историческая дисциплина, не только выступает концентрирующей основой для других исследований, но имеет серьезные научные структуры для этого в виде академических институтов. Именно здесь мусульманская археология, как самостоятельное направление исследований, показывает наибольший потенциал к развитию (например, см.: Байпаков, 2012).

Еще одной стороной, вызывающей рост интереса к этой дисциплине, является повсеместное развитие туризма, который становится не просто удовлетворением любопытства любителей старины или паломников, а индустрией, приносящей многомил-

лиардные прибыли и во многих странах являющейся ведущей отраслью экономики (Египет, Турция, Греция, в определенной степени Израиль, Иран, Индия и др. страны). Однако успехи этой отрасли немислимы без развития археологии, а также серьезного развития промышленной базы консервации, реконструкции и охраны выявленных памятников, обустройства сопутствующих туристических зон. Понимание того, что памятники истории и культуры являются частью современной информационной экономики, подталкивает к их изучению, осмыслению и преобразованию.

Археология во всех этих процессах играет решающую роль, а в странах Востока и регионах, входящих или входивших в ареал мусульманской цивилизации, неизбежно возникает вопрос о комплексном понимании мусульманской археологии, как особой и системообразующей дисциплины для изучения и осмысления феномена средневековых мусульманских обществ.

Ясно, что мусульманская археология является важной частью современной науки о древностях. Важность и научная значимость этой отрасли археологии не подлежит сомнению. В принципе, она находится в ряду таких понятий, как «библейская» или «церковная» археология, хотя заметно отличается от них не только своим содержанием (причем не только конфессиональным), но и некоторыми базовыми подходами. Прежде чем перейти к анализу понятия мусульманской археологии, необходимо понять ее место в ряду других подобных дисциплин.

Одной из самых древних и традиционных научных дисциплин являет-

ся «библейская археология», которая ведет свою историю еще с XVIII в., учитывая тот факт, что коллекционирование библейских древностей началось еще в первые века от Рождества Христова. Долгое время эта дисциплина развивалась как часть теологии и была призвана доказывать достоверность библейских историй посредством изучения ископаемых древностей. При этом ее адепты рассматривали историю древнего Израиля как уникальную, «священную историю», а цели ее видели в узко конфессиональных библейско-географических и апологетических функциях проецирования мест, описанных в Библии, на реальный палестинский ландшафт, иллюстрирования библейских цитат «живыми примерами», отыскания подходящих аргументов для теологических дискуссий и т.д.

Но по мере развития библеистики ее подходы стали качественно меняться, насыщаясь светским, более индифферентным к теологическому обоснованию, содержанием, хотя она сохранила традиционный объект собственных изысканий и некоторые подходы к изучению прошлого. Тем не менее можно сказать, что современная «библейская археология» – это отрасль археологии, комплексно изучающая памятники материальной культуры прошлого Ханаана и Израиля как часть сложного процесса развития жизни на Древнем Востоке и на его фоне, как часть «истории расселения», с целью раскрыть ход реального культурного процесса и самого феномена культуры в Палестине, путем сравнительных исследований выявляя особенности Израиля как культурно-исторической области. В этом русле, в частности, развиваются подходы

к теме в отечественной библейской археологии (Мерперт, 2000; Беляев, Мерперт, 2007). Развитие новых подходов и насыщение новыми смыслами прежних схем позволяют библейской археологии оставаться одной из самых перспективных и результативных областей библеистики, способствующей укреплению межконфессиональных отношений и диалогу светского и религиозного мировоззрений. В этом, очевидно, одна из важнейших миссий этой дисциплины. Поскольку археология, в принципе не имея собственных конфессиональных интересов, способна открыть новые возможности изучения Библии как исторического источника и чуть ли не единственная, которая способна вводить в научный оборот независимые источники и новые данные о событиях, описанных в Библии, осмысливать место Палестины в исторических и культурных процессах Древнего Востока.

Не менее традиционной для отечественной науки являлась «церковная археология». Будучи частью православной теологии, изучавшей христианские древности в самом широком смысле этого понятия, она включала и ту часть дисциплин, которые в западной традиции играла библейская археология. Не вдаваясь в детали и особенности становления и развития этой специфической православной теологической дисциплины, следует отметить, что она играла важную роль в становлении археологии как науки в России в целом и в Казани (Казанская Духовная Академия), в частности. Институты, занимавшиеся этой дисциплиной, выполняли важные международные и дипломатические функции, например, Русский археологический институт в Константинополе (подроб-

нее см.: Смирнов, 2013; о нем: Кузьминых, Сорокин, 2015). После 1930 г. все подобные исследования были прекращены, а исследования церковных древностей стали прерогативой археологии, причем с подчеркнута атеистическим содержанием.

В настоящее время церковная археология переживает новый этап расцвета. В значительной мере она базируется на исследованиях археологии, которые велись на древнерусских памятниках в советское время. Но наиболее серьезных достижений она достигла, когда работала как церковная по направленности, но высоконаучная по содержанию. В этом отношении довольно показательны труды Л.А.Беляева (2000), А.Е. Мусина (2002; 2010) и Т.Д. Пановой (2004). Отойдя от церковной апологетики, эти исследователи ориентированы на изучение русской православной церкви, в их трудах был сформулирован принципиально новый подход. Методикой ее стала не подтверждение церковных нарративов и преданий, что было характерно для предыдущего этапа развития этого направления, а методика источниковедческого анализа и синтеза, комплексного мультидисциплинарного подхода к материалу.

Заключается он в максимально широком охвате памятников христианской цивилизации Запада и Востока, от эпохи первых христиан до Нового времени, вторгаясь даже в XVIII–XIX вв., и позиционирует себя как междисциплинарное направление на границе нескольких дисциплин: археологии, истории религии и церкви, истории искусства и архитектуры (Беляев, 2000, с. 7–8). Задача этого направления исследований сформулирована, как «собрание, источниковедческая

обработка и, в известной мере, интерпретация материальных объектов, связанных с историей христианской цивилизации с целью реконструкции развития религиозной жизни общества» (Беляев, 2000, с. 8). Предметом стало изучение церковных сооружений (храмы и иные религиозные здания), служебные принадлежности и другое «содержимое» храма, памятники погребального обряда (некрополи, надгробия, инвентарь и различные религиозные артефакты. Предполагается, что весь этот материальный мир религиозной жизни будет изучаться в самом широком историко-культурном контексте, с привлечением внимания к прочим материальным остаткам соответствующих эпох (Беляев, 2000, с. 8). Успешность данного подхода к теме показывает, что новое содержание, даже облаченное в старую форму может дать прекрасный научный результат, отличный от евангельской притчи (Матфей, 9, 17).

Последовательное применение подобной методики постепенно привело часть исследователей к экуменистической мысли, что все авраамические религии, происходящие и в той или иной мере признающие Священное Писание Ветхого Завета, в археологическом смысле также довольно близки и должны исследоваться в тесном и комплексном единстве (Беляев, 2009, с. 6). По мысли пропагандистов подобного подхода, эти религии не только генетически родственны, но и их семантический, художественный и визуальный миры взаимозависимы. Предполагается, что это был единый культурный организм, тысячелетиями развивающийся подобно трем стволам от одного корня в рамках единого географического пространства и

общей истории. В фокусе подобного подхода должно стать рассмотрение художественных и религиозных традиций трех больших миров путем их сопоставления и выявления общих тенденций, поиска следов и форм культурно-религиозных обменов. Следует отметить, что данный подход не нов и возник еще в рамках атеистической советской археологии. Он был призван доказать, что закономерности развития культовой архитектуры носят надрелигиозный характер и объясняются древними традициями и взаимовлиянием архитектурных школ (см.: Якобсон, 1983; Якобсон, 1985; Якобсон, 1987). К числу недостатков подобного подхода следует отнести недооценку качественных различий между культовыми сооружениями различных религий. Как строительная постройка любой храм подчинялся общим закономерностям развития строительного дела и следовал модным формам архитектоники зданий, но любой храм любой религии имел качественные различия, которые связывали его с другими культовыми сооружениями и отличали от любого другого храма другой религии. В этом смысле никакая мечеть, несмотря на сходство с церковью по внешнему виду и строительным приемам, никаким образом ей не подобна. В этом смысле *Archeologia abrahamica* – это интересная попытка рассмотреть те или иные объекты культуры в широком цивилизационном контексте, но лишь как дополнительный инструмент поиска сходства в различиях и различия в сходствах. Не меньше, но и не больше.

Исходя из этого обзора можно уверенно сказать, что мусульманская археология как направление и отрасль

гуманитарной науки имеет все права на существование, но до сих пор не получила обоснования и целенаправленного описания. Очевидно, что это связано с общей традицией, когда в советской археологии она была немислима по определению, хотя археология и история архитектуры не могли не изучать культовую мусульманскую архитектуру в Поволжье, Закавказье, Средней Азии и Казахстане (Веймарн, 1940; Воронина, 1951; Байпаков, Ермакович, 1971; Пугаченкова, 1976; Халиков, Шарифуллин, 1979, с. 21–45; Булатов, 1988). Изучались также другие памятники, в первую очередь некрополи (Халикова, 1976, с. 113–168; Халикова, 1976, с. 39–59; Халикова, 1986). Однако общей тенденции для изучения всех этих объектов, как единого целого, не сложилось за весьма редким исключением (Якобсон, 1985; Якобсон, 1987). Главным камнем преткновения, кроме обычных препятствий в виде сложности изучения столь разных историко-культурных регионов со своими традициями изучения и трактовки памятников, являлись прямые идеологические запреты в виде «дамоклова меча» «панисламизма».

Исторически сложилось так, что в западной науке, в которой понятие «мусульманская археология» известно и широко используется, оно не в полной мере коррелируется с нашим пониманием задач и предмета археологии. Традиционно для западной (в широком смысле – западноевропейской и североамериканской) науки оно ассоциируется с отраслью искусствоведения, изучающей культуру и искусство стран мусульманского Востока (см.: Blair, Bloom, 1994; Ettinghausen, Grabar, Jenkins-Madina,

2003). Главное внимание ученых, ею занимавшихся, было сосредоточено на артефактах, которые являлись частью коллекций музеев Западной Европы и Северной Америки, таких как керамика, металлы, стекло и текстиль, а также на архитектурных памятниках Ближнего Востока, Передней Азии и Индостана. Как правило, подобное изучение базировалось на письменных источниках и было прикладным к нарративной истории мусульманских стран. Только сравнительно недавно объектом именно археологического изучения и осмысления стали собственно мусульманские объекты в Западной Европе (Weiss, 2016). Сдвиг в сторону нового понимания объектов мусульманской цивилизации, как подлежащих археологическому изучению, видимо, только намечается.

Иными словами, хотя в настоящее время идеологические препятствия в значительной мере сняты, но качественного прорыва в изучении и осмыслении историко-археологической реальности мусульманской цивилизации не произошло. Не исключено, что препятствием служат не только узкие рамки региональных исследований, но и недостаток позитивных объединяющих идей.

Можно предположить, что одной из таких концепций станет концепция «мусульманской археологии». По аналогии с близкими и смежными научными направлениями задачей «мусульманской археологии» является извлечение, собирание, источниковедческая аналитическая обработка и в определенной степени интерпретация и синтез материальных находок, объектов и памятников с нарративными источниками с целью более полной реконструкции истории мусуль-

манской цивилизации и религиозной жизни мусульманских сообществ. Можно констатировать, что изучение мусульманских древностей является мультидисциплинарным по характеру, синтезирующим исследования нескольких дисциплин: археологии, истории религии, истории искусства и архитектуры.

Географические рамки данного направления должны включать все страны мусульманской цивилизации от Дальнего Востока (Китай) до Северной Африки. Регионы, где исламская государственность была потеряна, общины изгнаны, а памятники разрушены или перестроены (например, Испания, Сицилия и т.д.), также являются в полной мере потенциальными объектами изучения методами археологии. Иными словами, объектом изучения мусульманской археологии являются памятники (а также следы и остатки) прошлой мусульманской культуры. Просто в одних регионах это могут быть памятники, оставленные государственной культурой, а в другой – небольшими общинами единоверцев. Но все они одинаково ценны, поскольку дают сведения о развитии исламской цивилизации во всей ее полноте и территориальной широте.

Предмет рассмотрения «мусульманской археологии» распадается на несколько взаимосвязанных направлений: 1) молитвенные сооружения (храмы и иные религиозные здания) и детали их оформления; 2) архитектурные сооружения, которые не являются сами по себе религиозными сооружениями, но в мусульманском городе выполняют системообразующую для исламской общины функцию (например, кварталные бани и соответству-

ющая система водоснабжения и канализации, которые были для мечетей вакфами); 3) служебные принадлежности и другое «содержимое» храма (например, намазлыки (молитвенные коврики), подставки под Коран, чаши для подаяния, реликварии, особые лампы-светильники); 4) памятники поминально-погребального обряда (джаназа), а именно кладбища, надгробия, инвентарь и различные религиозные артефакты (табут и т.п.); 5) Коран и элементы книжного оформления (обложки, заставки и т.д.); 6) личные предметы религиозного содержания (амулеты, тумары (коранницы), обереги, украшения и посуда с арабографическими надписями); 7) другие предметы публично-государственного назначения (указы, монеты с исламскими формулами и т.д.); 8) разнообразные археологические находки, следы и остатки, свидетельствующие о наличии в обществе (в том числе ископаемых) определенных религиозных запретов, характерных для ислама.

Существенным предполагается,

что весь этот материальный и в определенной степени духовный мир религиозной жизни будет изучаться в самом широком историко-культурном контексте, с привлечением внимания к прочим материальным остаткам соответствующих эпох.

Одновременно следует подчеркнуть, что «мусульманская археология» как наука, не имея собственных конфессиональных интересов, способна открыть новые возможности изучения культуры, экономики, быта и едва ли не единственная дисциплина, которая способна вводить в научный оборот независимые источники и новые данные по истории и цивилизации мусульманских стран. Она продолжает оставаться одной из самых перспективных и результативных областей науки, способствующих укреплению межконфессиональных отношений и диалогу светского и религиозного мировоззрений, смягчению межконфессиональных противоречий, создавать реальную основу для противодействия религиозному экстремизму и конфликтогенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Байпаков К.М.* Исламская археологическая архитектура и археология Казахстана. Алматы, 2012. 284 с.
2. *Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Древние города Казахстана. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1971. 211.
3. *Беляев Л.А.* Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. 2-е изд.: СПб, «Алетейя», 2000. 576 с.
4. *Беляев Л.А., Мерперт Н.Я.* От библейских древностей к христианским. Очерки археологии эпохи формирования иудаизма и христианства. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. 392 с.
5. *Беляев Л.А.* Archaeologia abrahamica // Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама / Отв.ред. Л.А.Беляев. М.: Индрик, 2009. С. 5–28.
6. *Булатов М.С.* Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX – XV вв. (историко-теоретические исследования). М.: Наука, 1988. 362 с.
7. *Веймарн Б.В.* Искусство Средней Азии. М.,Л.: Искусство, 1940. 190 с.
8. *Воронина В.Л.* Народные традиции архитектуры Узбекистана. М.: Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1951. 168 с.
9. *Кузьминых С.В., Сорокин А.Н.* «Ты сторел на полуслове...» (А.С. Смирнов в исто-

рии российской археологии) // Поволжская археология. 2015. № 2. С. 278–312.

10. Мерперт Н.Я. Очерки археологии библейских стран. М.: Библейско-богословский институт св. Андрея, 2000. 331 с.

11. Мусин А.Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. 272 с.

12. Мусин А.Е. Церковь и горожане средневекового Пскова. Историко-археологическое исследование. СПб.: Факультет филологии и искусства СПбГУ, 2010. 364 с.

13. Панова Т.Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: Гос. историко-культур. музей-заповедник «Моск. Кремль»; «Радуница», 2004. 184 с.

14. Пугаченкова Г. Зодчество Центральной Азии. XV век. Ведущие тенденции и черты. Ташкент: Изд-во литературы и искусства, 1976. 116 с.

15. Смирнов А.С. Археологические организации и властные структуры российской империи (в контексте внутренней и внешней политики второй половины XIX – начала XX века). М.: ИА РАН, 2011. 589 с.

16. Халиков А.Х., Шарифуллин Р.Ф. Исследование комплекса мечети // Новое в археологии Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С.21–45.

17. Халикова Е.А. Билярские некрополи // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 113–168.

18. Халикова Е.А. Сельские кладбища Волжской Булгарии XII – начала XIII вв. // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1976. С. 39–59.

19. Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань: Изд-во КГУ, 1986. 160 с.

20. Якобсон А.Л. Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры. Л.: Наука, 1983. 170 с.

21. Якобсон А.Л. Закономерности в развитии средневековой архитектуры. Центральные области Византии, Греция, Малая Азия, Сирия, Месопотамия, югославянские страны, Древняя Русь, Закавказье, Средняя Азия. Л.: Наука, 1985. 152 с.

22. Якобсон А.Л. Закономерности в развитии средневековой архитектуры IX–XV вв. Л.: Наука, 1987. 236 с.

23. Blair Sh., Bloom J. The Art and the Architecture of Islam 1250–1800. Yale University Press, 1994, pp. XIII + 348.

24. Ettinghausen R., Grabar O., Jenkins-Madina M. The Art and Architecture of Islam 650–1250. 2nd Ed. The Yale University Press, 2003, 380 p.

25. Weiss D. Islam North of the Pyrenees // Archaeology Magazine. 2016, April 11. Electronic resource: <http://www.archaeology.org/issues/215-1605/trenches/4343-trenches-france-medieval-muslim-burial>.

Информация об авторах:

Ситдиков Айрат Габитович, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, заведующий кафедрой, Казанский (Приволжский) Федеральный университет (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

Измайлов Искандер Лерунович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ismail@inbox.ru

MUSLIM ARCHAEOLOGY: SCOPE AND CONTENT OF THE CONCEPT

A.G. Sitdikov, I.L. Izmaylov

The authors address the concept of ‘Muslim Archaeology’, which is treated as a scientific discipline and a special direction in antiquity studies, against a broad background of similar disciplines, such as Biblical Archaeology and Church Archaeology. The goal of the

‘Muslim Archaeology’, in the authors’ opinion, is to accumulate sources and ensure their analytical processing, interpret material objects and sites, and reconcile these data with the narrative sources in order to ensure a comprehensive reconstruction of the history of Muslim civilization and religious life of the Muslim societies. The study of Muslim antiquities requires a multidisciplinary approach to generalize research in the field of archaeology, history of religion and church, history of art and architecture. Methods of this discipline must be applied to study material and spiritual aspects of religious life in the broadest historical and cultural context, using all available archaeological sources from respective periods. To emphasize, Muslim Archaeology as a scientific discipline, which is free of its own confessional interests, is able to open new possibilities for a study of culture, economy, everyday life as well as to offer independent sources and new data on history and civilization of Muslim countries for scientific discussion.

Keywords: archaeology, history, Muslim Archaeology, Biblical Archaeology, Church Archaeology, interdisciplinary studies, art study, history of architecture, religious life.

REFERENCES

1. Baipakov, K. M. 2012. *Islamskaia arkhelogicheskaiia arkhitektura i arkhelogiia Kazakhstana (Islamic Archaeological Architecture and Archaeology of Kazakhstan)*. Almaty (in Russian).
2. Baipakov, K. M., Erzakovich, L. B. 1971. *Drevnie goroda Kazakhstana (Ancient Towns of Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).
3. Beliaev, L. A. 2000. *Khristianskie drevnosti. Vvedenie v sravnitel’noe izuchenie (Christian Antiquities: an Introduction to Comparative Study)*. Saint Petersburg: “Aleteiia” Publ. (in Russian).
4. Beliaev, L. A., Merpert, N. Ya. 2007. *Ot bibleiskikh drevnostei k khristianskim: Ocherki arkhelologii epokhi formirovaniia iudaizma i khristianstva (From Biblical to Christian Antiquities: Essays on the Archaeology of the Period of Emergence of Judaism and Christianity)*. Moscow: St. Thomas Institute for Philosophy, Theology and History (in Russian).
5. Beliaev, L. A. 2009. In Beliaev, L. A. (ed.). *Archeologia Abrahamica. Issledovaniia v oblasti arkhelologii i khudozhestvennoi traditsii iudaizma, khristianstva i islama (Archeologia Abrahamica. Studies in Archaeology and Artistic Tradition of Judaism, Christianity and Islam)*. Moscow: “Indrik” Publ., 5–28 (in Russian).
6. Bulatov, M. S. 1988. *Geometricheskaiia garmonizatsiia v arkhitekture Srednei Azii IX – XV vv. (istoriko-teoreticheskie issledovaniia) (Geometric Harmonization in the Architecture of Central Asia of 9th–15th Centuries: Historical and Theoretical Studies)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
7. Veimarn, B. V. 1940. *Iskusstvo Srednei Azii (Art of Central Asia)*. Moscow; Leningrad: “Iskusstvo” Publ. (in Russian).
8. Voronina, V. L. 1951. *Narodnye traditsii arkhitektury Uzbekistana (Folk Traditions in the Architecture of Uzbekistan)*. Moscow: “Gosudarstvennoe izdatel’stvo arkhitektury i gradostroitel’stva” Publ. (in Russian).
9. Kuz’minykh, S. V., Sorokin, A. N. 2015. In *Povolzhskaya arkhelogiia (Volga River Region Archaeology)* (2), 278–312 (in Russian).
10. Merpert, N. Ya. 2000. *Ocherki arkhelologii bibleiskikh stran (Essays on the Archaeology of the Biblical Lands)*. Moscow: St. Andrew’s Biblical and Theological Institute (in Russian).
11. Musin, A. E. 2002. *Khristianizatsiia Novgorodskoi zemli v IX–XIV vekakh. Pogrebal’nyi obriad i khristianskie drevnosti (Christianization of the Novgorod Land in 9th–14th Centuries: Funerary Rite and Christian Antiquities)*. Saint Petersburg: “Peterburgskoe vostokovedenie” Publ. (in Russian).
12. Musin, A. E. 2010. *Tserkov’i gorozhane srednevekovogo Pskova. Istoriko-arkhelogicheskoe issledovanie (The Church and the Burghers in Medieval Pskov: Historical and Archaeological Study)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, Faculty of the Philology and Art (in Russian).
13. Panova, T. D. 2004. *Tsarstvo smerti. Pogrebal’nyi obriad srednevekovoi Rusi XI–XVI vekov (The Kingdom of Death. Funerary Rite of Medieval Rus’ in 11th – 16th Centuries)*. Moscow: State Historical and Cultural Museum-Reserve “Moscow Kremlin”; “Radunitsa” Publ. (In Russian).

14. Pugachenkova, G. 1976. *Zodchestvo Tsentral'noi Azii. XV vek. Vedushchie tendentsii i cherty (Architecture of Central Asia. Fifteenth Century. Key Tendencies and Peculiarities)*. Tashkent: "Izdatel'stvo literatury i iskusstva" Publ. (in Russian).
15. Smirnov, A. S. 2011. *Arkheologicheskie organizatsii i vlastnye struktury Rossiiskoi imperii (v kontekste vnutrennei i vneshnei politiki vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka) (Archaeological Organizations and Authority of the Russian Empire (in the Context of Internal and Foreign Policy of the Second Half of 19th – Beginning of 20th Centuries))*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
16. Khalikov, A. Kh., Sharifullin, R. F. 1979. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Novoe v arkheologii Povolzh'ia (Arkheologicheskoe izuchenie tsentra Biliarskogo gorodishcha) (New Developments in Archaeology of the Volga Area (Archaeological Study of the Center of Bilyar Fortified Settlement))*. Kazan: Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 21–45 (in Russian).
17. Khalikova, E. A. 1976. In Sedov, V. V. (ed.). *Issledovaniia Velikogo goroda (Studies of the Great City)*. Moscow: "Nauka" Publ., 113–168 (in Russian).
18. Khalikova, E. A. 1976. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz istorii kul'tury i byta tatarskogo naroda i ego predkov (From the History of Culture and Everyday Life of Tatar People and its Ancestors)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 39–59 (in Russian).
19. Khalikova, E. A. 1986. *Musul'manskie nekropoli Volzhskoi Bulgarii X — nachala XIII vv. (Muslim Necropolises in Volga Bulgaria in 10th — early 13th Centuries)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).
20. Jakobson, A. L. 1983. *Zakonomernosti v razvitii rannesrednevekovoi arkhitektury (Regularities in the Evolution of the Early Medieval Architecture)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
21. Jakobson, A. L. 1985. *Zakonomernosti v razvitii srednevekovoi arkhitektury. Tsentral'nye oblasti Vizantii, Gretsii, Malaia Aziia, Sirii, Mesopotamiia, iugoslavijskie strany, Drevniaia Rus', Zakavkaz'e, Sredniaia Aziia (Regularities in the Evolution of the Medieval Architecture: Central Regions of Byzantium, Greece, Asia Minor, Syria, Mesopotamia, Southern Slavic Lands, Ancient Rus', Transcaucasia, Central Asia)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
22. Jakobson, A. L. 1987. *Zakonomernosti v razvitii srednevekovoi arkhitektury IX–XV vv. (Regularities in the Evolution of the Medieval Architecture of 9th–15th Centuries)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
23. Blair, Sh., Bloom, J. 1994. *The Art and the Architecture of Islam 1250–1800*. Yale University Press.
24. Etinghausen, R., Grabar, O., Jenkins-Madina, M. 2003. *The Art and Architecture of Islam 650–1250*. 2nd ed. The Yale University Press.
25. Weiss, D. 2016. Islam North of the Pyrenees. In *Archaeology Magazine*. April 11. Electronic resource: <http://www.archaeology.org/issues/215-1605/trenches/4343-trenches-france-medieval-muslim-burial>.

About the Authors:

Sitdikov Airat G. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Izmaylov Iskander L. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ismail@inbox.ru

УДК 902/904

**ИСЛАМСКИЙ ВОСТОК И ФОРМИРОВАНИЕ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ МОСКОВСКОЙ РУСИ:
О МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ К ОЦЕНКЕ¹**

© 2016 г. Л.А. Беляев

В статье обсуждается возможность и методика археологического изучения вклада мусульманского мира в становление Московской Руси. До сих пор исследования были сосредоточены на выявлении взаимопроникновения элементов материальной и художественной культуры. Это необходимо, но недостаточно. Следует поставить новые задачи: очертить и охарактеризовать зоны пересечения разнокультурных потоков; выделить формы и этапы таких контактов; понять способы первичного восприятия импульсов, рождавшие своеобразие национально окрашенных культур Средневековья и Нового времени; проследить переработку этих импульсов в дальнейшей перспективе; попытаться понять, существовала ли в прошлом археологически монокультурная среда, принадлежавшая сосуществующим разноязыким и разноконфессиональным группам.

Ключевые слова: археология, история, археология ислама, историческая археология, Московская Русь, мусульманский Восток, этноконфессиональные группы, культурные контакты, культура.

Тема этой статьи возникла в середине 1990-х годов, когда выдающийся ориенталист Олег Грабар предложил подать в IAS (Princeton, USA) проект, связанный с археологией. Автор статьи, опираясь на опыт участия в полевых исследованиях городов Булгарии, Нижнего Поволжья и Хорезма, а также лекции и труды учителей (особенно Г.А. Федорова-Давыдова и М.Д. Полубояриновой), попытался подготовить обзор «восточных древностей»² на Руси. В своей археологической части обзор был издан в фундаментальном «Мукварнас» (Beliaev,

Chernetsov, 1999. Рр. 97–124; там же историография до 1990-х гг.).

Характер обзора с точки зрения методики был произвольным, и мы с А.В. Чернецовым решили заново сформулировать задачи сравнительного анализа древностей ислама на Руси в контексте мировых цивилизаций. Направление было заявлено на конференции 1999 года (Беляев, 1999, с. 40–47; Беляев, Чернецов, 1999, с. 205–226) и через десятилетие нашло место в сборнике, посвященном археологическому и художественному изучению древностей авраамических

¹ Статья написана в рамках НИР «Культура Московской Руси и ее истоки» (0176-2015-0007).

² Понятия «Ислам» и «Восток» использую как синонимы, ведь на Русь элементы более отдаленных восточных традиций попадали благодаря контактам с исламским миром, и наоборот: его культурные элементы поступали с христианского Востока и через Западную Европу, а не прямо с Ближнего Востока или из Центральной Азии (Беляев, 2010, с. 18–27).

религий (см.: Беляев, 2009, с. 5–28).

Важным шагом в структурировании темы «Русь и Восток» стала конференция, проведенная в 2007 году в Казани (см.: РИВ, 2010). На ней были высказаны соображения о необходимости выделения критериев для оценки межкультурного диалога, создания соответствующего научного инструментария и понятийного аппарата (при опоре на западный опыт сопоставления ориентализма с реальным «исламским вкладом» в становление Нового времени Европы (Беляев, 2010, с. 18–27). Параллельно шли углубленные вещеведческие исследования восточной керамики от времени Древней Руси (Коваль, 2010) до эпохи русско-турецких контактов Нового времени (Гусач, 2014, с. 596); уточнялись возможности использования исламского опыта в архитектурной орнаментике (Ситдииков, Шакиров, 2009, с. 385–394; Беляев, 2013, с. 28–37; 2014b, с. 7–8).

Задача выйти на новый уровень осмысления роли Улуса Джучи в развитии пространств от Днестра и Крыма до Волги и Камы ставится и в недавнем сборнике под редакцией С.Г. Бочарова и А.Г. Ситдиикова (ГГЗО, 2015), особенно в сводках историко-географического и археологического характера, убедительно показавших близость ряда мобильных артефактов на южных и центральных территориях улуса. К ним явно следует добавить и распространение их в северной зоне, то есть в центральнорусских землях.

Сегодня археология ислама осознается мировой наукой как часть «исторической археологии» – в нее включают Новое время (отсчитывая его с конца XV в., так что никого уже не удивляет появление Османской

империи в энциклопедиях мировой археологии). В России – стране сравнительно молодой – основу национальных древностей образует археология поздняя, от средних веков до имперского периода (Беляев, 2012; 2014a). Поэтому для археологии Московской Руси, ищущей признания как новая часть науки и культуры, проблематика исламского Востока обладает особой важностью – это стимул роста.

Археология ислама важна своим плотным прилеганием к истории российского государства, хорошей сочетаемостью со всей ее толщей: она пронизывает все эпохи развития страны, начиная с сюжетов «оборот восточного серебра» и «выбор веры», и заканчивая процессом «открытия Востока» в XVII, XVIII, даже XIX–XXI вв. Она существенна для периода «единых государств» с центром сначала в Поволжье, позже – в Москве, затем – в Петербурге, откуда начинается обратное движение назад, на территорию ислама. В результате археологию ислама в пределах России и за ее южной границей можно изучать на землях огромной протяженности, вплоть до 60-й параллели (это примерно отвечает широте Санкт-Петербурга и существенно севернее Москвы).

Итак, древности исламской цивилизации и их воздействие на Московскую Русь – важная часть национального научного и культурного дискурса. Но, хотя взаимодействие с миром ислама как одну из базовых проблем в России изучают с XIX века и археология накопила огромный опыт, методический подход не далек от вылавливания в общей массе русского материала ориентально окрашенных предметов, и наоборот,

древнерусских «импортов» в исламизированные пространствах Поволжья, Причерноморья, Прикавказья, гораздо реже – Зауралья.

Благодаря этому процессу «опознания» и работе по уточнению атрибуций материал обеих группы вырос столь существенно, что требует осмысления на уровне более сложном, чем простая статистика. Тяга к структурному подходу явственно отражена в исследованиях последних десятилетий, но чаще она выражена в стремлении максимально ввести в оборот возрастающий по объему материал и на объективной основе противостоять произвольным гипотезам.

Требуется понять, какой процесс мы наблюдаем. Постепенное сложение единого, с точки зрения политической и материальной культуры, пространства, внутри которого до поры успешно сосуществуют социально-экономические и этноконфессиональные сообщества? Своеобразную колонизационную модель, где одна часть живет за счет подавления и эксплуатации другой (конечно, не в терминах марксовой «теории классов»), перерабатывая и усваивая ее культурные традиции? Или симбиоз, где элементы культур сосуществуют, не смешиваясь и не вторгаясь в пространство друг друга, кроме особых случаев военных контактов, следы которых заслуживают особого внимания (см., напр.: Энговатова, 2012, с. 213–247), – примерно так, как хищники и травоядные перемещаются в ограниченном пространстве саванны?

С точки зрения археологии, это означает продвижение от задач атрибуции отдельных предметов или статистической оценки к вопросам усвоения/отторжения чужого культурного

опыта (= вкуса, моды и т.п.) и/или форм его переработки. Напомню о бродячей идее, высказанной в известной работе Игоря Копытова 1980-х годов, опубликованной в не менее известном сборнике «Общественная жизнь вещей»: «Biographies of things can make salient what might otherwise remain obscure... what is significant about the adoption of alien objects – as of alien ideas – is not the fact that they are adopted, but the way they are culturally redefined and put to use» (Копытофф, 1986, p. 67)³.

Конкретные примеры такого подхода уже есть, они рисуют интересную, хотя и противоречивую, картину культурного взаимодействия. Казавшиеся перспективными направления показали отсутствие связи. Так, генезис русского изразца, одного из базовых элементов московской культуры XVII в., априорно воспринимаемый в XIX в. как след исламской традиции, оказался полностью оторван от лежащего по соседству исламского мира и технологически (в изразце восточных стран нет румп, применяется иная техника полихромии в эмали), и сюжетно (восточные мотивы, конечно, приходят, но через орнаментику восточных ткани и графику Европы XVI–XVII вв.). Более того, можно доказательно продемонстрировать привнесение печного изразца из Московии в Среднее Поволжье во второй половине XVI в. или в XVII в.

³ «Биографии вещей молчаливо воскрешают то, что иначе могло бы остаться неизвестным... в формах адаптации чужеродных предметов (да и чужих идей тоже) важен не факт адаптации, а тот способ, которым они культурно перерабатываются и применяются». Вариант перевода: Копытофф, 2006, с. 138.

Рис. 1. Надгробие инокини Неонилы (Натальи), Зачатьевский (Алексеевский) монастырь, Москва, 1638/9 г. (ИА РАН, 2005): а – общий вид; б – фрагмент с датой.

Fig. 1. Nun Neonila (Natalia)'s grave-stone, Zachatyevsky (of St Anna's Conception) and of St Alexej Convent, Moscow, 1638/9 (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2005): a – general view; b – fragment with date.

Обратная ситуация, при которой стилевые контакты получили подтверждение и абсолютно точную привязку – цветочный орнамент надгробий Казани (более широко, Волжской Булгарии), чей перенос в Московию фиксируется в XVII в. (Ситдиков, Закиров, 2009, с. 385–394; в последующем недолгом развитии резных погребальных сооружений Москвы медиатором по-прежнему служат декоративные ткани и металлические изделия) (рис. 1, а–б).

Есть и промежуточные версии: вопрос о воздействии изощренной эпиграфики исламских каллиграфов на генезис вязи, кириллического варианта декоративного шрифта, мало исследован, но ее воздействие не отрицается – мы делим его с Европой, где выработка декоративных шрифтов в Средние века и Новое время испытала воздействие восточного орнамента.

В архитектуре эти варианты как бы собраны воедино. Попытки отыскать

хотя бы частные «заимствования» конструктивных приемов у исламских мастеров зодчими Московии в XIII–XVII вв. до сих пор приводили только к неудачам (напр. у С.С. Подъяпольского). Очевидно, что явлений, подобных андалусскому *мудехару* (стилю, рожденному смешением исламской традиции с романскими и готическими элементами) и аналогичным западно-средиземноморским, в русской архитектуре нет. Но в памятниках Звенигорода первой четверти XIV в., построенных по заказу князя Юрия Дмитриевича, давно отмечен след мастеров, владевших приемами построения восточного архитектурного орнамента. Сегодня можно уточнить и маршрут, по которому пришел импульс, уточнить принцип отбора и трансформации восточных элементов (Беляев, 2014b, с. 7–8).

Как известно, расцвет фасадной резьбы русского Северо-Востока в эпоху Всеволода Большое Гнездо и его

наследников был резко оборван, и проследить линию ее развития более чем за полтора столетия (1230–1400-е гг.) пока не удастся. В науке всегда предполагали продолжение этой линии, что подтверждают недавние находки в Твери конца XIII столетия. Но в XIV в. эта традиция довольно резко меняется. Хрестоматийно известные храмы, сохранившие фасадную резьбу, Успенский собор на Городке и Рождественский кафоликон Саввино-Сторожевского монастыря Звенигорода, Троицкий собор Сергиева монастыря, а также камни собора Богоявленского монастыря за Торгом и Благовещенского собора в Кремле (Москва) демонстрируют совершенно новую манеру оформления как в отношении композиции (пояса-фризы, горизонтально расчленяющие фасад и украшающие барабан купола), так и в отношении мотивов (сложные растительные плетенки) (рис. 2, а–с).

Отобрав простые и ритмически повторяющиеся из этих мотивов, московские мастера будут воспроизводить их на фасадах храмов вплоть до начала XVI в., в конце концов «переведя» с белого камня на терракотовые плиты (рис. 3, а–б). Изменение оформления фасада (тройная линия орнамента вместо арочно-колончатого пояса и свободно размещаемых фигурных элементов) и ранее неизвестные мотивы (пластичные, сложно скомпонованные плетеные цепочки) рождены не только новым, более простым и лапидарным, архитектурным объемом. Они предполагают иные внешние источники. Их пытались искать в домонгольской орнаментике (Н.Н. Воронин), в резьбе Балканских стран (Г.К. Вагнер) и на Востоке, в сельджукском строительстве

(Л.А. Лелеков), однако вопрос оставался открытым.

Собранные за последние годы на обширном пространстве Восточного Средиземноморья от Анатолии до Египта сравнительные материалы по архитектурной орнаментике XIV–XV вв. позволяют поддержать гипотезу Л.А. Лелекова, связав раннемосковский архитектурный орнамент с особым направлением, образцы которого сосредоточены на памятниках небольших поселений Внутренней Анатолии, по населению (армяне, греки) в основном христианских: караван-сарай Сууз хан, XIII в.; объекты XIII–XV вв. в Нигде, Кайсерии (Кесария Каппадокийская) и др. Есть примеры в Иерусалиме (тюрбе Туркан-хатун, 1350-е гг.) и Каире, но и там они связаны с сельджуками. Протограф этого орнамента можно найти неожиданно в архитектуре Умейядов – в резьбе дворца калифа Хишама, что вообще говоря, позволяет усомниться в дате именно этой детали (Иерихон, VIII в.) (рис. 4, а–г).

Особенно интересны даже не совпадение мотивов «арабского цветка» (название совершенно ошибочно связывает этот мотив именно с арабами) и ранее не отмечавшиеся близкие аналоги пластичного плетеного орнамента, а сами приемы компоновки резных фасадных поясов, такие как установка их уступами друг над другом. Похоже, сама устойчивая трехчленная схема фризового орнамента московских соборов XIV–XV вв. не есть плод переработки владимиросудальской традиции, она создана заново, на основе знакомства с опытом сельджукской архитектуры. Прослеживается и путь мотивов от внутренних районов Анатолии к южному берегу Черного

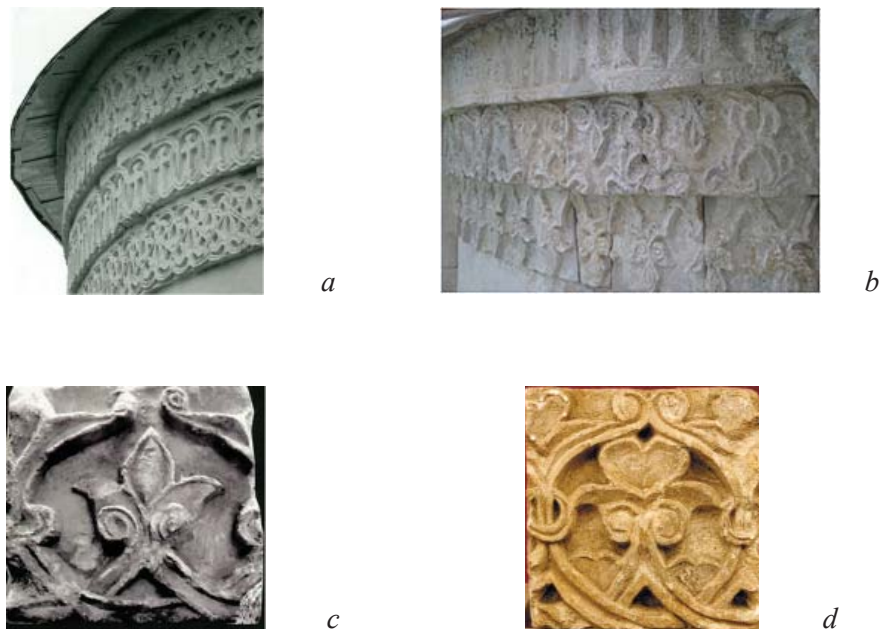

Рис. 2. Резные трехчастные фризы Московской Руси: а – апсида Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры, первая четверть XIV в.; б – апсида Успенского собора на Городке, Звенигород, первая четверть XIV в.; с – Благовещенский собор Московского Кремля, 1416 г.; д – камень фриза (Богоявленский за Торгом монастырь, Москва, XIV–XV вв.).

Fig. 2. Carved three-part friezes of Muscovy: a – apse of the Troitsky Cathedral of the Holy Trinity – St. Sergius Laura, first quarter of the 14th century; b – apse of the Uspensky Cathedral on the Gorodok, Zvenigorod, first quarter of the 14th century; c – the Annunciation Cathedral of the Moscow Kremlin, 1416; d – the frieze stone (the Bogoyavlensky (Epiphany) Monastery behind the Market, Moscow, 14th – 15th centuries).

Рис. 3. Керамические фризы Московской Руси с мотивом «арабского цветка»: а – дворец в Угличе (1490-е? гг.); б – церковь Святого Духа в Троице-Сергиевой лавре, последняя четверть XV в.

Fig. 3. Ceramic friezes of Muscovy with the motif of the “Arabian flower”: a – a palace in Uglich (1490s?); b – the Holy Spirit Church in the Holy Trinity – St. Sergius Laura, last quarter of the 15th c.

*a**b**c**d**e**f**g*

Рис. 4. Резные «сельджукские» фризы Каппадокии, Египта и Палестины:
 а – Донер Хатун в Кайсери (Кесария Каппадокийская), XIII–XIV вв.;
 б – медресе Хатуние (1432 г.) в Кайсери;
 с – дюрбе Худавенд-Хатун (1312 г.) в Нигде;
 д–е – обрамление окна дюрбе Туркан-Хатун (1350-е гг.) в Иерусалиме;
 ф – фриз мечети султана Калауна аль-Мансура (Каир, 1279 – 1290 гг.);
 г – дворец калифа Хишама в Иерихонском оазисе (VIII в.?).

Fig. 4. Carved “Seljuk” friezes in Cappadocia, Egypt and Palestine: a – Doner Hatun in Kayseri (Cappadocian Caesaria), 13th – 14th cc.; b – Hatuniye Madrasa (1432) in Kayseri; c – Hudavend-Hatun Turbe (1312) in Nigde; d–e – window framing of Turkan-Hatun Turbe (1350) in Jerusalem; f – frieze of Sultan Al Mansur Qalawun Mosque (Cairo, 1279–1290); g – Caliph Hisham’s Palace in the Jericho oasis (8th c.?).

a

b

Рис. 5. Резные камни из Солхата, XIV–XV вв. (по: Гаврилов, Майко, 2014).

Fig. 5. Carved stones from Solkhat, 14th – 15th centuries (after Гаврилов, Майко, 2014).

моря и в Крым (Солхат), откуда в Звенигород, через Болгар или напрямую (более точный маршрут потребует серьезного исследования) (рис. 5, a–b).

Приведенные примеры, скорее, из области истории искусства. Но их можно найти и в области чистой археологии. В трансформации технологической модели раннемосковской керамической продукции XIV–XV вв. (и соответственно моды на формы) под влиянием болгарской традиции: в общеизвестном воздействии татарской арабизированной нумизматики на чекан княжеств Руси XIV–XV вв., в некоторых особенностях оружия и снаряжения воина-всадника и так далее (эти примеры приводились неоднократно и здесь не обсуждаются).

Материал для наблюдений предлагают не только раскопки и музейные хранилища. Внутренняя, методическая особенность археологии ислама – возможность проведения сравнительного анализа с использованием источников разного вида. Свидетельства хорошего знакомства московской знати с вещным миром Востока удивительно прямы и ярки. Так, в духовной князя Ивана Дмитриевича Ружского (1503 г.) упомянут молитвенный коврик, причем составители документа

оперируют словом *намаз* («...взял есми у Ивана у Михайлова ковер намазной», показывая, что православные владельцы осведомлены о функции этой необходимой мусульманину для молитвы вещи (в том же тексте названа крымско-турецкая сабля: князь взял у Бориса Кутузова «саблю гирейскую» – ДДГ 1952. № 88, с. 351).

Впрочем, письменные документы встречают археолога не только в архиве или музее – неожиданно яркие тексты предлагают раскопки. Такова берестяная грамота «Москва-3» из Кремля – опись имущества некоего Турабея, вельможи восточного происхождения на службе московских князей (Гиппиус, Зализняк, Коваль, 2011, с. 452–455), в которой перечислены имена его слуг, четко делящиеся на славянские и восточные, и десятки боевых и рабочих коней (рис. 6). Здесь кроется еще одна коннотация с Востоком: владение конями, главным инструментом войны и тягловой силой, определяло в Средневековье статус феодала, правящей династии и государства. Истоки коневодства, как известно, лежат в значительной степени в землях ислама, это в Средневековье знали хорошо (значению «коней Востока» для международного

Рис. 6. Берестяная грамота «Москва-3» с описью имущества Турабея (работы ИА РАН в Кремле, 2007 г.).

Fig. 6. Birch bark manuscript “Moscow-3” with the description of Turabey’s property (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Kremlin, 2007).

культурного обмена и рождения Нового времени в Европе Лиз Жардин и Джерри Броттон посвятили значительную часть труда (Jardine, Brotton, 2000, p. 132–185, 204–241).

Возможность получать коней в почти не ограниченном количестве до начала XX в. определяла военные преимущества России. Не случайно «очарованный странник» Лескова, исключительно точная манифестация национального русского характера – профессиональный конэсер, прирожденный знаток коней, любящий их более всего на свете и неоднократно попадающий на Восток. Именно коневодство и связанная с ним выделка кож образовали экономическую основу развития районов, населенных выходцами с Востока. В Москве, Нижнем Новгороде и других городах многотысячные конные пригоны располагались на приречных лугах, таких как пойма Москва-реки против Коломенского и Конные площадки у Серпуховских ворот (подробнее о топографии: Хайретдинов, 2002).

Проблема коневодства и продажи лошадей жителями степного Поволжья, Подонья, Прикаспия в Московии до сих пор не ставилась (исключая происхождение и распространение упряжи коня и снаряжения всадника) и в археологии Москвы никак не проявлена.

И, напротив, важный для российского исторического нарратива, закреплённый в письменных источниках и «фольклорной истории» сюжет работоторговли, которая велась с территорий и при непосредственном участии исламских государств, фундаментально изучался уже в классических работах М.Д. Полубояриновой (при анализе письменных памятников он прозвучал уже в 1880-х гг. в текстах о русских рабах в Испании, Южной Франции и Италии (Ковалевский, 1886, с. 238–254; Луцицкий, 1886. № 11, с. 192–219; 1885). В западной археологии ислама эта тема стала заметна не ранее конца XX в. (Alexander, 2001, p. 44–60).

Конечно, нам важно строить методические подходы с учетом мирового опыта археологии ислама. Как научная дисциплина эта область существует довольно долго, если считать отдельные крупные раскопки XIX – второй трети XX в.; уже почти полвека прошло с выхода эссе Олега Грабара для исламского номера «Archaeology» (одного из первых спе-

циальных: Grabar, 1971, p. 196–199; о ранних стадиях: Vernoit, 1997, pp. 1–10). Однако разработка подходов и *внутренней* критики в этой области только началась – до недавнего времени не было даже общих курсов, достаточно универсальных для того, чтобы охватить направление целиком.

Этот темп объясним целым рядом сложностей. Пространство исламской цивилизации, исчисленное в квадратных километрах, превосходит размер Римской империи; с нею сопоставимы также яркость и объем материального наследия, глубина и характер разбираемых проблем. Как и там, сохраняется симбиоз с историей архитектуры и искусства, – но положение на иерархической лестнице археологии несопоставимо. Хронология относительно плоская и разорванная, она включена в актуальный ход времени и постоянно прирастает за его счет, что рождает высокую связанность с современными процессами и прямую ангажированность.

Последнее подмечено еще Марком Ферро (1992) и специально артикулировано в сборнике 2010 года: «тема русско-восточных отношений вызывает большой общественный интерес и активно эксплуатируется в современной политике», а потому следует «сохранить строгие методические подходы к анализу археологических материалов, исключающие одностороннее манипулирование ими для иллюстрации тех или иных историософских концепций» (РиВ, 2010, с. 5).

Не случайно дорогу современной археологии ислама на Западе проложили провокативные тексты Тимоти Инсолла (Insoll, 1999 и др.). Согласно Инсоллу, исламская цивилизация обладает «структурирующим кодом»,

введение которого порождает отличную от прочих исламскую культуру. Это, по его мнению, позволяет через анализ источников выявить наличие у этноса в прошлом исламского вероисповедания и образа жизни.⁴

Не правильнее ли использовать термин *исламская археология* как хроно-географический, нейтральный по отношению к охваченному материалу и методикам его изучения? Отчасти да. Хорошо известны другие случаи, когда направления, воспринимавшиеся как религиозные дисциплины («библейская» и «христианская» археологии), трансформировались в хроно-культурные дефиниции, полностью охватывающие развитие в рамках определенного периода, причем на территориях не только конфессионального сообщества, но и инославных анклавов, с особым упором на историю их взаимоотношений. Не даром противовес Инсоллу – специальный номер журнала «Gesta» (с подзаголовком «Ислам: нежданные встречи»; Encounters of Islam. Vol. XLIII/2: 2004), а позже скромно изданная (современная археология требует избегать издательского гламура), но отлично систематизированная книга Маркуса Милрайта (Millwright, 2010).

Археология ислама, конечно, не ограничена изучением исключительно религиозных древностей. Она исследует прошлое как единое целое, но в тех исторически определенных

---

⁴ Работу Инсолла отличает широта географического охвата, включающего мир ислама не только Азии и Африки, но также мусульман в Западной Европе и Северной Америке. В то же время, работа не вполне археологична, это культурно-антропологический и социологический очерк.

регионах, где после VII в. ислам исповедовала, по крайней мере, элита. Она изучает мир вещей, которые были изготовлены или использованы их жителями, мусульманами и немусульманами. А также культуру мусульман, живших под властью немусульманских элит. Так что мэйнстрим современной исламской археологии предполагает не столько выделение круга мусульманских материальных древностей, сколько соотношение их с обширным изменчивым миром всего человечества.

Следует осознать этот выбор как необходимый. Должны ли мы, вслед за Инсоллом, представлять археологию ислама как «исламскую», то есть конфессиональную, область? Ведь идею поиска устойчивых маркеров, свойственных миру ислама; особого состава предметов и комплексов, отделяющихся от иных религиозных миров, к исламу не принадлежащих, поддерживают не только ученые-мусульмане. Во многих отношениях поиск таких «критериев веры» полезен – хотя бы потому, что на его основании археология ислама самоопределяется как область.

Можно ли отыскать в Московской Руси районы и памятники, где соберутся воедино «пять опор археологии ислама», а именно: посвятительные надписи мечетей, медресе, текие, караван-сараев и др.; выраженные памятники исламского искусства и каллиграфически написанные тексты; общественные здания и жилища с характерной планировкой; погребения по исламскому обряду; свидетельства соблюдения *халляля*, т.е. особых ограничений в питании?

Конечно, первые четыре из пяти признаков ислама очевидны в столи-

це такого политико-культурного феномена, как «Касимовское царство» и пресловутый «Мещерский юрт», их археологией давно пора заняться (рис. 7–9). Что касается пятого признака, то в России он фиксируется на территориях исламских сообществ, в том числе в Среднем и Нижнем Поволжье (Яворская, 2014, с. 197–206).

Но в сердце Московской Руси ни мечетей, ни мавзолеев, ни просто мусульманских кладбищ, по крайней мере, до XVIII в., пока не наблюдается. Что явно противоречит идее археологической фиксации признаков конфессионального (православно-исламского) симбиоза. Идея «есть мусульмане – должен быть исламский быт» заметна в недавно переизданной книге Фариды Асадуллина и фундаментальной работе Дамира Хайретдинова, опирающейся на источники XVIII–XIX вв. (Хайретдинов, 2002; рец.: Зайцев, 2004, с. 188–192; см. также: Розенберг, 1987).

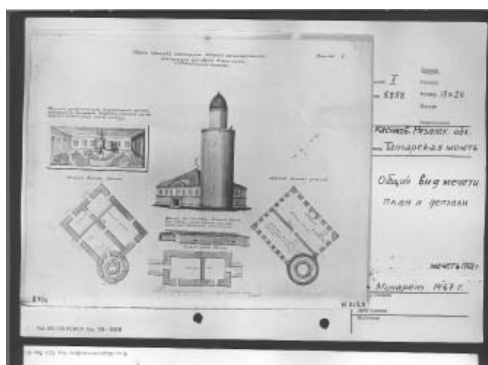
К сожалению, источники по Московскому периоду в этих трудах восприняты некритически, и проверка показывает недостоверность многих используемых в них фактах. Яркий пример – заявление, что Марий Иванович Броссе, выдающийся ориенталист и картвеловед, академик, посетив в 1844 г. известное подмосковное село Кунцево, описал сохранившийся фундамент культового сооружения XVI–XVII вв., идентифицировав его как мечеть, и татарское кладбище, плиты которого имели арабские надписи и ориентировку с учетом кыблы (Асадуллин, 2015, с. 40). Будь это так, картина была бы убедительной. К сожалению, Броссе ничего подобного не писал, его пересказанный на рубеже 1840–1850-х годов «отчет»

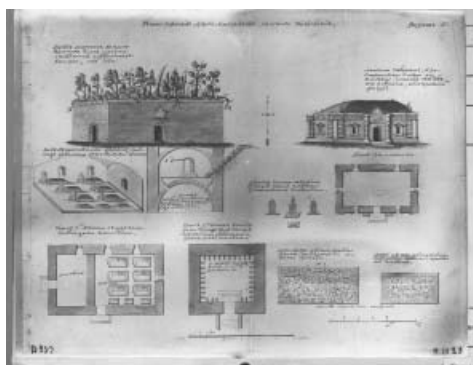

Рис. 7. Исламские памятники Касимова в XVII в. (по гравюре Адама Олеария).

Fig. 7. 17th century Islamic sites of Kasimov (by Adam Olearius's engraving).

a

b

Рис. 8. Памятники Касимова в рисунках И.С. Гагина (1767—1844): а – план, фасад и вид интерьера Старой мечети (XVIII в.) с минаретом (XV в.?). Тушь, акварель, 1840-е гг. Касимовский краеведческий музей (По учетной карточке в картотеке ГМА им. А.В. Щусева, Д 936, Н. 11128, инв. № 5858); б – «Планы и фасады двух мавзолеев, ханского погребения». Лист обмеров и рисунков (тушь, акварель). По учетной карточке в картотеке ГМА им. А.В. Щусева, Д 937, Н. 11129 (инв. № 5859).

Fig. 8. Kasimov sites in I.S. Gagin's drawings (1767—1844): a – plan, façade and interior view of the Old Mosque (18th c.) with minaret (15th c.?). Ink, water-color, 1840s, Kasimov Local History Museum (reference card in the catalog of Shchusev State Architecture Museum, С 936, Н. 11128, inv.no. 5858); b – “Plans and façades of two mausoleums and a khan's burial?”. Sheet with measurements and drawings (ink, water-color). Reference card in the catalog of Shchusev State Architecture Museum, С 937, Н. 11129 (inv.no.5859).

*a**b*

Рис. 9. Исламские памятники Касимова в фотографиях середины XX в.:
 а – текие Авган-Мухаммед-султана, 1649 г. Западный фасад. (ГМА им. А.В. Щусева,
 колл. ГУОП, neg. 8564); б – текие Шах-Али-хана, супруга Сююмбеке. Портал и плита
 с надписью. 1550-е годы. (ГМА им. А.В. Щусева, колл. I, neg. № 865).

Fig. 9. Kasimov Islamic sites in photos of the middle 20th century:
 a – Sultan Afghan Mohammed's Tekiye, 1649. Western façade. (Shchusev State Architecture Museum,
 coll. General Directorate for Monuments Protection, neg. 8564); b – Shah Ali Khan's Tekiye, Queen
 Seyembike's Husband. The portal and the plate with inscription. 1550s.
 (Shchusev State Architecture Museum, coll. I, neg. no. 865).

фиксирует белокаменные плиты, но это, несомненно, обычные русские надгробия с резьбой «треугольниками» и «косичками» (XV–XVII вв.?) и церковно-славянскими эпитафиями, вполне верно прочитанными Броссе. Академик упоминает и арабские надписи, и ориентировку могил, но в противоположном смысле, замечая, что в Кунцеве их нет. И правда: раскопки второй половины XX в. на городище показали остатки христианской церкви и кладбища. Что касается топонима, то село «Татарово», действительно, известно вблизи городища, но эта распространенная притяжательная форма никак не указывает на присутствие татарского населения (Броссе, 1849–1850; ср. Трембицкий, 1999).

Памятников арабской эпиграфики, монументальной или надгробной, найденных на месте в коренной Московии мы также не сможем предъявить: фрагменты плиты Султан Юсофа бен Касема в Ново-Иерусалимском монастыре (Зеленская, Святославский, 2006, с. 93–94, 190–191 и фотография) относятся к коллекции областного музея, куда их привез архитектор П.Д. Барановский в 1950-е годы⁵; широкие раскопки 2009–2015 гг. новых следов подобных надписей не обнаружили. Учтенная нами при работах в Зачатьевском монастыре на Остоженке мраморная плита с арабской графикой, принесенная туда в со-

ставе строительного мусора, относится к середине XX в. и даже к поздней археологии не принадлежит.

Московские топонимы от слов *Орда*, *Крым*, *татары* (Татарское кладбище; Крымский брод с одноименным подворьем, Ордынка, Арбат/Рабат) имеют ограниченное распространение, их связь с поселениями и погребениями мусульман до XVII–XVIII вв. археологически не подтверждена, а исторические привязки не всегда надежны. В уже упоминавшейся работе Д. Хайретдинова материалы Нового времени рассмотрены на основании вновь привлеченных источников, но ранний период (до XVII в.) выглядит совершенно легендарным, прежде всего, потому, что автор пользуется общими очерками Москвы и краеведческими сочинениями, в лучшем случае – лингвистическими (Г.П. Смолицкая), историческая составляющая в которых критически не анализировалась. Видимо, пора прекратить переписывать сомнительные гипотезы из нескольких сочинений XIX–XX вв.

Все это не значит, конечно, что кладбища и районы расселения мусульман в дальнейшем не будут обнаружены. Ожидать их нужно на периферии городов, вне крепостных линий – в некоторых случаях мы приблизительно знаем, где их искать (в Татарской слободе селились владевшие восточными языками служащие Посольского приказа; двор касимовских царевичей до XVIII в. помещался на Мясницкой и т.д.). Но мало быть готовыми к появлению соответствующих памятников – нужен целенаправленный поиск, возможно, на основе особой исследовательской программы.

Более того. Исламская составляю-

⁵ Он работал на Кавказе до войны (1938–1941 гг.) и после нее, руководя научно-исследовательской и реставрационной работой в Азербайджане (реставрация Нухинского дворца), в Дагестане и других зонах. Сам он упоминает, что вел эти работы параллельно с реставрацией собора в Новом Иерусалиме. См.: Петр Барановский, 1996.

шая начинает медленно проступать в общей схеме стратиграфии Москвы, предложенной еще М.Г. Рабиновичем. Зададимся вопросом о возможности выделения отдельного «слоя исламского периода», более, чем другие, насыщенного изделиями восточного облика. В сохранных отложениях XIV–XVI вв. на приречной трассе вдоль Москвы-реки, у линии будущей стены Китай-города, ориентальные импорты заняли вполне определенную нишу, хронологически близкую середине – второй половине XIV в. (раскопки ИА РАН, 2015 г.). По составу они соотносимы с находками, характерными для многих поселений Улуса Джучи: на сравнительно небольшой площади (до 100 кв. м) встречены часть зеркала с арабской надписью, декоративные накладки и бляшки в виде цветка лотоса, ордынские монеты, фрагменты бронзовых болгарских браслетов, импортной керамики и др. (рис. 10, а–е). Намечаются подобные скопления в Кремле на участке древнего подворья Орды и Чудова монастыря; укажу и скопление редких для Москвы вещей в Зачатьевском монастыре (саладоновое блюдо, сфероконус, фрагменты поливной керамики – не привязанные к определенному слою, они явно принадлежат XIV–XV вв., и, возможно, соотносимы с деятельностью митрополита Алексия) (рис. 11). Отметим и серию ордынских вещей на Затьмацком посаде Твери (о находке сообщили в 2015 г.: с металлическими крестами там сочетаются восточные монеты, сфероконус, свинцовый грузик (Оруджев, 2015).

Конечно, до сих пор возможность выделения исламского слоя, или «исламских пятен», оставалась чистой

гипотезой, сомнительность ее реализации очевидна. Но как лабораторный инструмент этот подход продуктивен. Если отказаться от поиска «исламского следа» в области конфессионального искусства (его вклад вполне определен, но ограничен) и сосредоточиться на свидетельствах повседневного быта, то ориентальный флер в Москве XIV–XV вв. проявится четче. Более или менее ясно также, что юг России и современные Донецкая и Харьковская области Украины входят в ареал, население которого оставляло мусульманские могильники и древности в золотоордынский период.

Допустимо ставить вопрос о частичном сходстве бытовой культуры в пространстве Московии и Булгарии ордынского периода; ее представляют, среди прочих, многочисленные в слоях русских городов свинцовые «грузики», распространенные и в Поволжье (ср.: Руденко, 2015, рис. 95, табл. 22–26; Федоров-Давыдов, 1966, с. 86, рис. 6, II–VII, особенно VI; Лесман, 1990, с. 81–84, рис. 10: 7.1–7.8 и мн. др.). Их функции все еще не ясны, но эти, часто орнаментированные, изделия, вылитые из дорогого в Средние века металла, – хороший индикатор общности предметного мира наряду со встречающимися по всей территории Поволжья и Причерноморья замками и ключами или проникающими далеко в исламскую среду артефактами христианского культа.

Возвращаясь к проблематике археологии ислама, отмечу, что это условная генерализация: ее конструкция в точках роста, в разных концах исламского мира, на разных исторических картах очень разная, она зависит от зоны ойкумены и актуального для нее культурно-исторического контекста.

a

b

c

d

e

Рис. 10. Находки в слое второй половины XIV – начала XV в.(?). Москва, Зарядье, раскоп № 7 (ИА РАН, 2015): а – фрагмент зеркала с надписью «наск»; б – край литого металлического браслета с головой дракона; с – бляшка в форме цветка лотоса (?); д – «грузик» орнаментированный (свинец); е – фрагмент стенки сосуда.

Fig. 10. Finds in the layer of the second half of 14th – early 15th c. (?). Moscow, Zaryadye, dig no. 7 (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2015): a – fragment of mirror, with inscription 'Nashk'; b – edge of the cast metallic bracelet with a dragon's head; c – plaque shaped as a lotus flower (?); d – ornamented "weight" (lead); e – fragment of a vessel's wall.

Рис. 11. Фрагменты фарфоровой (селадон) чаши.
Зачатьевский (Алексеевский) монастырь. (ИА РАН, 2004).

Fig. 11. Fragments of a china (celadon) cup. The Zachatyevsky (of St Anna's Conception) and of St Alexej Convent. (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2004).

Так, в Испании археология ислама, хотя чрезвычайно развита, но ставит иные вопросы и занимается иными хронологическими периодами чем, скажем, археология ислама в Сиро-Палестинском регионе (ср.: Guichard, 1976; Boone, 2009; справка по археологии на русском языке: Беляев, Григорян, 2011, с. 485–494, и: Schick, 1995; Petersen, 2005; Avni, 2014). При этом в обеих зонах темы завоевания и освоения мусульманами наследия христианских городов; проблемного или легкого, естественного перехода к новым формам хозяйственной, социальной и религиозной жизни; путей дальнейшего сосуществования конфессий стали господствующими, что фиксируют серии трудов последнего полувека.

Можно, конечно, выстроить еди-

ный набор проблем, таких как взаимодействие исламизированных территорий (классического мира) с культурно-историческим субстратом; сложение контактных зон цивилизаций христианства и ислама; работа международных торговых путей внутри и вокруг этих цивилизаций. Но каждую из них археолог изучает на почве конкретной географии и культурного контекста, ведь вопросы предметного, архитектурного, иконографического мира для такой контактной зоны, как Испания, сильно отличаются от аналогичных даже на юге Италии, не говоря уже о таких территориях контакта, как Кавказ или Сибирь. В зоне Эль-Андалуз христианская цивилизация прервалась на несколько столетий с последующим возвращением (реконкистой). Там

остались многослойные памятники, где христианская, а подчас и дохристианская основа перекрыта исламским слоем, достижения которого вновь использованы в церковных целях, а храмы и мечети неоднократно меняли «собственников».

В России эта модель не встречается. Столь же чуждой нам остается ситуация «вторичного использования» классического и византийского наследия в Османской империи завоеванной Анатолии и, Константинополя (Ousterhout, 1995, p. 48–62; он же, 2004, p. 165–176, там же библиография). Типологически несколько ближе юг Италии, Сицилия и другие большие острова (Корсика, Сардиния), где смешиваются византийские, норманнские и местные традиции с добавкой классической подосновы, а воздействие исламского стиля через торговые города побережья Аппенинского полуострова (включая север: Генуя, Пиза) определяет особенности местного архитектурного стиля (Nickles, 2004, p. 99–114).

Особо интересна для анализа исламского вклада в материально-художественную культуру Московской Руси модель отношений в Латинских королевствах XII–XIII вв. в ключевой момент цивилизационного соприкосновения в Средиземноморье (Hillenbrand, 1999; Georgoroulou, 2004, pp. 115–128), а также исключительно сложная и богатая историческими ассоциациями и самым разнообразным материалом «лабораторная площадка» межконфессиональных исследований – Крым. Убедительная статья написана в этом ключе несколько лет назад (Крамаровский, 2010, с. 395–432) и подкреплена детальной сводкой памятников Солхата (Гаврилов, Май-

ко, 2014). Хотя более традиционным остается подход, при котором даже в общих курсах на первый план выступают материалы одной конфессии – христианства – с его пещерными городами, херсонесскими базиликами, византийскими и позднесредневековыми кладбищами.

Совершенно особый мир представляет пространство международной торговли и местных производств, ею индуцируемых. Оно также распадается на большие эпизоды, некоторые из которых мы уже упоминали. Чрезвычайно интересны и порождают массу ассоциаций (а то и прямые аналогии в материале) такие, например, темы, как общие бытовые и статусные виды артефактов, которые можно оценить как исламско-византийские, но которые распространяются и на территории Руси, и на зону Волжской Булгарии. Например, пресловутые стеклянные браслеты, с их зонами и волнами популярности в разные эпохи Средневековья.

В завершение укажу еще раз на модель, давно предложенную в отечественной науке для выработки критериев разделения русско-христианских и исламских (или во всяком случае нехристианских) поселений и районов в пределах Волжской Болгарии и ордынских земель Нижней Волги, использованную М.Д. Полубояриновой (Полубояринова, 1978; 1993). Несмотря на очевидный вектор, направленный в этих трудах на выделение «неисламских» древностей, они образовали (так сказать, «от противного») один из опорных столбов отечественной археологии ислама.

Поскольку зоны поселений русских, с их христианскими древностями, оказались выделенными в архео-

логии Поволжья существенно раньше, чем аналогичные исламские, – в пределах Центральной России, необходимо направить специальные усилия на продвижение в этом направлении, на обнаружение и выделение исламских анклавов и/или слоев в наиболее северной части Улуса Джучи (если они отсутствуют, важно получить тому твердое доказательство). Не менее актуально параллельное, сравнительное изучение распределения и характера инородных включений – по крайней мере на территориях, где улус и будущее Московское царство географически совпадают.

Речь, таким образом, идет: о составлении корпусов технологически однородных объектов, рассмотренных в общемировом или региональном контексте; о выделении устойчивого набора признаков, маркирующих этно-конфессиональные группы (по-

пытка: Коваль, 2010б, с. 76–85), и очерчивании районов и/или слоев поселений, где сосредоточены такие признаки; о социально-культурной интерпретации этих хроно-географических элементов; об извлечении исторических выводов и включении сделанных наблюдений в большой нарратив (Беляев, 2012, с. 179–191).

Очевидно, что древности ислама важны для Московской Руси в двух аспектах: как памятники северной зоны всей исламской цивилизации, рассматриваемые внутри ее общей археологии, и как пространство культурного взаимодействия, освоение которого оказалось решающим для построения Московского царства. Пока археологии трудно убедительно показывать масштаб взаимного обмена культур, но наблюдать и оценивать его крайне интересно и, несомненно, полезно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асадуллин Ф. Мир ислама в общественно-культурном пространстве Москвы: опыт прошлого и современность. М.: Институт востоковедения РАН, 2015. 228 с.
2. Беляев Л.А. «Восточные влияния» или общеевропейский «ориентализм»? О методических подходах к характеристике исламских элементов в культуре средневековой Москвы // Русь и Восток в IX–XI веках: новые археологические исследования / Отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: ИА РАН; Наука, 2010. С. 18–27.
3. Беляев Л.А. De archeologia abrahamica // Archeologia abrahamica. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. / Отв. ред. Л.А. Беляев. М.: Индрик, 2009. С. 5–28.
4. Беляев Л.А. Археология и большой нарратив русской истории: от основания Москвы к Петровским преобразованиям // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. Программа фундаментальных исследований Президиума РАН / Ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. М., 2012. С. 179–191.
5. Беляев Л.А. Археология позднего средневековья и нового времени в России: заметки о самоопределении // Культура русских в археологических исследованиях. Сб. науч. ст. Т. I. / Отв. ред. Л.В. Татаурова, В.А. Борзунов. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Издательство «Магеллан», 2014а. С. 11–18.
6. Беляев Л.А. Архитектура собора Покрова на Рву в контексте раннего европейского ориентализма // 450 лет Покровскому собору. Покровский собор в истории и культуре России. / Отв. ред. Л.И. Лифшиц. М., 2013. С. 28–37.
7. Беляев Л.А. Древняя Русь в кругу средневековых цивилизаций и культур // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования. Материалы конференции. / Отв. ред. А.В. Чернецов. М.: Изд-во РГГУ, 1999. С. 40–47.

8. Беляев Л.А. Орнаментальные фризы на фасадах раннемосковских храмов конца XIV – первой четверти XV века: генезис мотивов и композиции // Сергей Радонежский и русское искусство второй половины XIV – первой половины XV века в контексте византийской культуры. Тез. док. в Междунар. науч. симпозиума. М., 2014b. С. 7–8.

9. Беляев Л.А., Григорян С.Б. Испания: археология // Православная энциклопедия. Т. 27. / Под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М.: НИЦ «Православная энциклопедия», 2011. С. 485–494.

10. Беляев Л.А., Чернецов А.В. Средневековая Русь и Восток: некоторые проблемы и перспективы // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования. Материалы конференции. / Отв. ред. А.В. Чернецов. М.: Изд-во РГГУ, 1999. С. 205–226.

11. Броссе М.И. Подмосковные села: Кунцево и Влахернское. Исследование академика М.И. Броссе в Кунцеве... // Московские ведомости. 1849, № 79 и 80; 1850, № 67 (отдельным изданием: М. 1850).

12. Гаврилов А.В., Майко В.В., Средневековое городище Солхат-Крым (Материалы к археологической карте города Старый Крым). Симферополь: «Бизнес-Информ», 2014. 212 с.

13. Гиппиус А.А., Зализняк А.А., Коваль В.Ю. Берестяная грамота из раскопок в Московском Кремле // Московский Кремль XV столетия: Сб. ст. Т. 1: Древние святыни и исторические памятники / Отв. ред. Л.А. Беляев, И.А. Воронникова. М.: Арт-Волхонка, 2011. С. 452–455.

14. Гусач И.Р. Керамические материалы Северо-Восточного Приазовья в Позднем Средневековье: Османский период // Тр. IV (XX) ВАС съезда в Казани. Том III. Казань: Отечество, 2014. С. 596–597.

15. Гусач И.Р., Валид Али Мухаммед. Мусульманские клинки с надписями из коллекций донских музеев // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2011 г. Вып. 27. / Отв. ред. А.А. Горбенко. Азов: Издательство Азовского музея-заповедника, 2013. С. 268–319.

16. Зайцев И.В. (рец.): Хайретдинов Д.З. Мусульманская община Москвы в XIV – начале XX века. Нижний Новгород, 2002 // Восток (Oriens). 2004. № 2. С. 188–192.

17. Зеленская Г.М., Святославский А.В. Некрополь Нового Иерусалима. Историко-семиотическое исследование. М.: «Древлехранилище», 2006. 418 с.

18. Ковалевский М.М. О русских и других православных рабах в Испании // Юридический вестник. Т. 21, кн. 2 (февраль). М., 1886. С. 238–254.

19. Коваль Ю.В. Глазурованные чашечки из погребений XI века // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. Сб. статей к 60-летию акад. Н.А. Макарова. / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. М.; Вологда: ИА РАН; «Древности Севера», 2015. С. 229–239.

20. Коваль Ю.В. Керамика Востока на Руси IX–XVII вв. М.: Наука, 2010. 269 с.

21. Коваль Ю.В. Ордынцы на Руси // Русь и Восток в IX–XI веках: новые археологические исследования / Отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: ИА РАН; Наука, 2010б. С. 76–85.

22. Копытофф Игорь. Культурная биография вещей: товаризация как процесс // Социология вещей / Ред. В. Вахштайн. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. С. 134–168.

23. Кравченко Э.Е. Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдикиев. Кишинев: Stratum Plus, 2015. С. 411–478.

24. Крамаровский М.Б. Религиозные общины в истории и культуре Солхата XIII–XIV вв. // *Archeologia abrahamica*. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. / Под ред. Л.А. Беляева. М.: Индрик, 2009. С. 395–432.

25. Лесман Ю.М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Ма-

териалы по археологии Новгорода. 1988. / Отв. ред. В.Л. Янин, П.Г. Гайдуков. М.: Новгородская археологическая экспедиция, 1990. С. 29–98.

26. *Луцицкий И.В.* Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV и в XV веках // Университетские известия. Киев, 1885. № 1. (отдельный оттиск).

27. *Луцицкий И.В.* Русские рабы и рабство в Руссильоне в XIV и XV веках [рец.] // Университетские известия. Киев, 1886. № 11. С. 192–219.

28. *Оруджев Р.* Устное интервью о работах в Твери в 2015 году // Государственная Академия Славянской культуры, 2015. Сетевой ресурс: <http://www.kp.ru/daily/26466/3336658>.

29. *Петр Барановский.* Труды, воспоминания современников. / Сост. Ю.А. Бычков и др. М.: Фонд П.Д. Барановского, МГО ВООПИиК, 1996. 280 с.

30. *Полубояринова М.Д.* Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978. 136 с.

31. *Полубояринова М.Д.* Русь и Волжская Болгария. М.: Наука, 1993. 123 с.

32. *Розенберг Л.И.* Татары в Москве XVII – середины XIX века // Этнические группы в городах Европейской части СССР (формирование, расселение, динамика культуры). / Отв. ред. П. Дашкевич. М.: АН СССР, 1987. С. 16–26.

33. *Руденко К.А.* Памятники эпохи Золотой Орды на Средней Волге (Булгарский улус Золотой Орды) // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Кишинев: Stratum Plus, 2015. С. 255–364.

34. *Ситдииков А.Г., Шакиров З.Г.* Надписное надгробие XVII века из раскопок Казанского кремля // *Archeologia abrahamica*. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. Под ред. Л.А. Беляева. М.: Индрик, 2009. С. 385–394.

35. *Трембицкий А.А.* По Западному округу. Фили. Кунцево. Описание жизни родной земли. М.: Компания Спутник, 1999. 84 с.

36. *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.

37. *Ферро Марк.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Высшая школа, 1992. 351 с.

38. *Хайретдинов Д.З.* Мусульманская община Москвы в XIV – начале XX века. Нижний Новгород: ИД «Медина», 2002. 248 с.

39. *Энговатова А.В.* Археология древнего Ярославля. Загадки и открытия. М.: ИА РАН, 2012. 296 с.

40. *Яворская Л.В.* Процессы урбанизации и динамика мясного потребления в средневековых городах Поволжья (по археозоологическим материалам) // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Кишинев: Stratum Plus, 2015. С. 197–206.

41. Alexander J. Islam, archaeology and slavery in Africa. *World Archaeology*, 2001, vol. 33, no. 1, pp. 44–60.

42. Avni Gideon, *The Byzantine-Islamic Transition in Palestine. An Archaeological Approach*. Oxford, 2014, 448 p. (Oxford Studies in Byzantium)

43. Beliaev Leonid A. and Chernetsov, *The Eastern Contribution to Medieval Russian Culture*. Muqarnas. An Annual on the Visual Culture of the Islamic World. Edited by Gulru Necipoglu. Leiden: BRILL, 1999, vol. 16, pp. 97–124.

44. Boone, James L. *Lost Civilization: The Contested Islamic Past in Spain and Portugal* (Debates in Archaeology), 2009, 144 p.

45. Georgopoulou Maria, *The Artistic World of the Crusaders and Oriental Christians in the Twelfth and Thirteenth Centuries*. Gesta, vol. XLIII/2: Encounters of Islam, 2004, pp. 115–128

46. Grabar Oleg, *Islamic Archaeology: An introduction*. *Archaeology*, vol. XXIV, no. 3, June ("Islamic Archeology"), 1971, pp. 196–199.

47. Guichard Pierre, *Al Andalus, 711–1492: Une histoire de l'Andalousie arabe*. Hachette, Paris, 1973 (trans. 1976), 269 p.

48. Hillenbrand Carole, *The Crusaders. Islamic Perspectives*. Edinburgh, University Press, 1999, 648 p.
49. Insoll, Timothy. *The Archaeology of Islam*. Oxford: Blackwell, 1999, 292 p.
50. Jardine L. *Wordly Goods: a new history of the Renaissance*. N.Y.; L., 1998, 512 p.
51. Jardine L., Brotton J. *Global Interests: Renaissance Art Between East and West*. Ithaca; New York, 2000, 224 p.
52. Johns Jeremy. *Islamic archaeology at a difficult age*. Art and Archaeology of the Islamic Mediterranean. The Khalili Research Centre University of Oxford. Electronic resource: <http://www.antiquity.ac.uk/reviews/johns326.html>.
53. Kopytoff I. *The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process*. ed.: A. Appadurai. *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*. Cambridge, 1986, pp. 65–91.
54. Millwright Marcus. *An Introduction to Islamic Archaeology*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. (The New Edinburgh Surveys, edited by Carole Hillenbrand), 260 p.
55. Milwright Marcus, *Defining Islamic Archaeology. Some Preliminary Notes*. web. mit.edu/akpia/www/articlemilwright.pdf.
56. Nickles Charles E. *Builders, Patrons and Identity: the Domed Basilicas of Sicily and Calabria*. *Gesta*. Vol. XLIII/2: *Encounters of Islam*. 2004, pp. 99–114.
57. Ousterhout Robert, *Ethnic Identity and Cultural Appropriation in Early Ottoman Architecture*. *Muqarnas*. XIII (1995), pp. 48–62.
58. Ousterhout Robert, *The East, the West and the Appropriation of the Past in Early Ottoman Architecture*. *Gesta*. Vol. XLIII/2: *Encounters of Islam*. 2004, pp. 165–176.
59. Petersen Andrew. *The Towns of Palestine under Muslim Rule AD 600-1600*. 2005, (BAR International), 243 p.
60. Schick Robert. *The Christian Communities of Palestine from Byzantine to Islamic Rule*. Princeton, N.J., 1995, 621 p.
61. Vernoit Stephen. *The Rise of Islamic Archaeology*. *Muqarnas XIV: An Annual on the Visual Culture of the Islamic World*. Gülru Necipoglu (ed). Leiden: E.J. Brill, 1997, pp. 1–10.
62. Walmsley Alan, *Archaeology and Islamic studies: the development of a relationship. From Handaxe to Khan: essays presented to Peder Mortensen on the occasion of his 70th birthday*. Aarhus Universitetsforlag, Aarhus, 2004, pp. 317–329.

Информация об авторе:

Беляев Леонид Андреевич, доктор исторических наук, заведующий отделом, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); labeliaev@bk.ru

THE ISLAMIC ORIENT AND THE DEVELOPMENT OF MATERIAL CULTURE OF MUSCOVY: EVALUATION METHODS

L.A. Belyaev

The author discusses approaches to archaeological analysis of the Muslim contribution to the development of Muscovy, as well as the mere possibility of such analysis. So far, the studies focused on identification of some interpenetrating elements of the material and artistic culture, which is necessary, but not quite sufficient. New tasks must be formulated: to outline and characterize areas of intersection of various cultural streams; to identify forms and stages of such contacts; to understand ways for primary perception of impulses, which gave birth to distinctive national cultures in the Middle Ages and in the Modern era; to trace processing of such impulses further on; to try and understand whether there was a monocultural archaeological environment that existed in the past and belonged to the co-

---

The article was prepared under the research project “The Culture of Muscovy and Its Origins” (0176-2015-0007).

existing groups speaking different languages and belonging to different confessions.

Keywords: archaeology, history, Islamic archaeology, historical archaeology, Muscovy, Muslim Orient, ethno-confessional groups, cultural contacts, culture.

REFERENCES

1. Asadullin, F. 2015. *Mir islama v obshchestvenno-kul'turnom prostranstve Moskvy: opyt proshlogo i sovremennost'* (*The World of Islam in the Socio-Cultural Space of Moscow: the Experience of Past and the Present Time*). Moscow: Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (in Russian).
2. Belyaev, L. A. 2010. In Makarov, N. A., Koval', V. Yu. (eds.). *Rus' i Vostok v IX–XVI vekakh: Noveyе arkhеologicheskіe issledovaniia (Rus' and Orient in 9th — 11th Centuries: New Archaeological Studies)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; "Nauka" Publ., 18–27 (in Russian).
3. Belyaev, L. A. 2009. In Belyaev, L. A. (ed.). *Archeologia Abrahamica. Issledovaniia v oblasti arkhеologii i khudozhestvennoi traditsii iudaizma, khristianstva i islama (Archeologia Abrahamica. Studies in Archaeology and Artistic Tradition of Judaism, Christianity and Islam)*. Moscow: "Indrik" Publ., 5–28 (in Russian).
4. Belyaev, L. A. 2012. In Derevyanko, A. P., Kudelin, A. B., Tishkov, V. A. (eds.). *Istoriko-kul'turnoe nasledie i dukhovnye tsennosti Rossii. (Historical and Cultural Heritage and Spiritual Values of Russia)*. Moscow: "ROSSPEN" Publ., 179–191 (in Russian).
5. Belyaev, L. A. 2014. In Tataurova, L. V., Borzunov, V. A. (eds.). *Kul'tura russkikh v arkhеologicheskikh issledovaniiaakh (The Culture of Russians in Archaeological Research)* I. Omsk; Tyumen; Yekaterinburg: "Magellan" Publ., 11–18 (in Russian).
6. Belyaev, L. A. 2013. In Lifshits, L. I. (ed.). *450 let Pokrovskomu soboru. Pokrovskii sobor v istorii i kul'ture Rossii (450 Years of Pokrovsky Cathedral. Pokrovsky Cathedral in the History and Culture of Russia)*. Moscow, 28–37 (in Russian).
7. Belyaev, L. A. 1999. In Chernetsov, A. V. (ed.). *Drevnerusskaia kul'tura v mirovom kontekste: arkhеologiia i mezhdistsiplinarnye issledovaniia (The Old Rus' Culture in the World Context: Archaeology and Interdisciplinary Studies)*. Moscow: Russian State University for the Humanities, 40–47 (in Russian).
8. Belyaev, L. A. 2014. In *Sergii Radonezhskii i russkoe iskusstvo vtoroi poloviny XIV – pervoi poloviny XV veka v kontekste vizantiiskoi kul'tury (Sergius of Radonezh and the Russian Art of the Second Half of 14th — First Half of 15th Centuries in the Context of the Byzantine Culture)*. Moscow, 7–8 (in Russian).
9. Belyaev, L. A., Grigorian, S. B. 2011. In *Pravoslavnaia entsiklopediia (The Orthodox Encyclopedia)* 27. Moscow: "Orthodox Encyclopedia" Publ., 485–494 (in Russian).
10. Belyaev, L. A., Chernetsov, A. V. 1999. In Chernetsov, A. V. (ed.). *Drevnerusskaia kul'tura v mirovom kontekste: arkhеologiia i mezhdistsiplinarnye issledovaniia (The Old Rus' Culture in the World Context: Archaeology and Interdisciplinary Studies)*. Moscow: Russian State University for the Humanities, 205–226 (in Russian).
11. Brosse, M. I. 1850. *Podmoskovnye sela: Kuntsevo i Vlahernskoe. Issledovanie akademika M. I. Brosse v Kuntseve... (The Villages of the Moscow Region: Kuntsevo and Vlahernskoe. Studies of the Academician M. I. Brosse in Kuntsevo...)*. Moscow (in Russian).
12. Gavrilov, A. V., Maiko, V. V. 2014. *Srednevekovoe gorodishche Solkhat-Krym (Materialy k arkhеologicheskoi karte goroda Staryi Krym) (Medieval Fortified Site of Solkhat-Krym: Materials to the Archaeological Map of the Staryi Krym Town)*. Simferopol: "Business-Inform" Publ. (in Russian).
13. Gippius, A. A., Zaluzniak, A. A., Koval', V. Yu. 2011. In Belyaev, L. A., Vorotnikova I. A. (eds.). *Moskovskii Kreml' XV stoletii (The Moscow Kremlin in 15th Century)* 1. *Drevnie sviatyni i istoricheskie pamiatniki (Ancient Sacred Places and Historical Sites)*. Moscow: "Art-Volkhonka" Publ., 452–455 (in Russian).
14. Gusach, I. R. 2014. In *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkhеologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Meeting in Kazan)* III. Kazan: "Otechestvo"

Publ., 596–597 (in Russian).

15. Gusach, I. R., Valid Ali Muhammad. 2013. In Gorbenko, A. A. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2011 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2011)* 27. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum, 268–319 (in Russian).

16. Zaitsev, I. V. 2004. In *Vostok (Oriens)* (2), 188–192 (in Russian).

17. Zelenskaia, G. M., Sviatoslavskii, A. V. 2006. *Nekropol' Novogo Ierusalima. Istoriko-semioticheskoe issledovanie (The Necropolis of New Jerusalem: Historical and Semiotic Study)*. Moscow: "Drevlekhranilishche" Publ. (in Russian).

18. Kovalevskii, M. M. 1886. In *Iuridicheskii vestnik (Juridical Herald)* 21 (2). Moscow, 238–254 (in Russian).

19. Koval', Yu. V. 2015. In Gaidukov, P. G. (ed.). *Goroda i vesi srednevekovoii Rusi: arkheologia, istoriia, kul'tura (Towns and Villages of Medieval Russia: Archaeology, History, Culture)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; Vologda: "Drevnosti Severa" Publ., 229–239 (in Russian).

20. Koval', V. Yu. 2010. *Keramika Vostoka na Rusi. IX–XVII veka (Oriental Ceramics in Rus' in 9th–17th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

21. Koval', Yu. V. 2010. In Makarov, N. A., Koval', V. Yu. (eds.). *Rus' i Vostok v IX–XVI vekakh: Novye arkheologicheskie issledovaniia (Rus' and Orient in 9th — 16th Centuries: New Archaeological Studies)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; "Nauka" Publ., 76–85 (in Russian).

22. Kopytoff, I. 2006. In Vakhshain, V. (ed.). *Sotsiologiia veshchei (Sociology of Things)*. Moscow: "Territoriiia budushchego" Publishing House, 134–168 (in Russian).

23. Kravchenko, E. E. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (ed.). *Genuezskaiia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 411–478 (in Russian).

24. Kramarovskii, M. B. 2009. In Belyaev, L. A. (ed.). *Archeologia Abrahamica. Issledovaniia v oblasti arkheologii i khudozhestvennoi traditsii iudaizma, khristianstva i islama (Archeologia Abrahamica. Studies in Archaeology and Artistic Tradition of Judaism, Christianity and Islam)*. Moscow: "Indrik" Publ., 395–432 (in Russian).

25. Lesman, Yu. M. 1990. In Yanin, V. L., Gaidukov, P. G. (eds.). *Materialy po arkheologii Novgoroda. 1988 (Materials on the Archaeology of Novgorod: 1988)*. Moscow: Novgorod Archaeological Expedition, 29–98 (in Russian).

26. Luchitskii, I. V. 1885. In *Universitetskie izvestiia (Bulletin of the University)* 1. Kiev. (Offprint) (in Russian).

27. Luchitskii, I. V. 1886. In *Universitetskie izvestiia (Bulletin of the University)* 11. Kiev, 192–219 (in Russian).

28. Orudzhev, R. 2015. *Interv'iu o rabotakh v Tveri v 2015 godu (Interview on the Works in Tver in 2015)*. Online resource: <http://www.kp.ru/daily/26466/3336658> (in Russian).

29. Bychkov, Yu. A., et al. (comp.). 1996. *Petr Baranovskii. Trudy, vospominaniia sovremennikov (Petr Baranovsky: Works, Memoirs of Contemporaries)*. Moscow: P. D. Baranovsky's Fund; Moscow City Branch of the All-Union Society of Historical and Cultural Sites Protection (in Russian).

30. Poluboiarinova, M. D. 1978. *Russkie liudi v Zolotoi Orde (Russian People in the Golden Horde)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

31. Poluboiarinova, M. D. 1993. *Rus' i Volzhskaiia Bolgariia (Rus' and Volga Bulgaria)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

32. Rozenberg, L. I. 1987. In Dashkevich, P. (ed.). *Etnicheskie grupy v gorodakh evropeiskoi chasti SSSR (formirovanie, rasselenie, dinamika kul'tury) (Ethnic Groups in the Cities of the European Part of USSR (Formation, Settlement, Dynamics of Culture))*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 16–26 (in Russian).

33. Rudenko, K. A. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (ed.). *Genuezskaiia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 255–364 (in Russian).

34. Sitdikov, A. G., Shakirov, Z. G. 2009. In Belyaev, L. A. (ed.). *Archeologia Abrahamica. Issledovaniia v oblasti arkhologii i khudozhestvennoi traditsii iudaizma, khristianstva i islama (Archeologia Abrahamica. Studies in Archaeology and Artistic Tradition of Judaism, Christianity and Islam)*. Moscow: "Indrik" Publ., 385–394 (in Russian).
35. Trembitskii, A. A. 1999. *Po Zapadnomu okrugu. Fili. Kuntsevo. Opisanie zhizni rodnoi zemli (Across the Western District. Fili. Kuntsevo. Description of Life in Homeland)*. Moscow: "Kompaniia Sputnik" Publ. (in Russian).
36. Fyodorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
37. Ferro, M. 1992. *Kak rasskazvaiut istoriiu detiam v raznykh stranakh mira (Comment on raconte l'histoire aux enfants : à travers le monde entier)*. Moscow: "Vysshiaia shkola" Publ. (in Russian).
38. Khairtdinov, D. Z. 2002. *Musul'manskaia obshchina Moskvy v XIV – nachale XX veka (Muslim Community in Moscow in 14th — Early 20th Centuries)*. Nizhny Novgorod: "Medina" Publishing House (in Russian).
39. Engovatova, A. V. 2012. *Arkheologiia drevnego Iaroslavl'ia. Zagadki i otkrytiia (Archaeology of Ancient Yaroslavl: Riddles and Discoveries)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences.
40. Yavorskaya, L. V. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (ed.). *Genuezskaiia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 197–206 (in Russian).
41. Alexander, J. 2001. Islam, archaeology and slavery in Africa. *World Archaeology*. Vol. 33, n. 1, 44–60.
42. Avni, Gideon. 2014. *The Byzantine-Islamic Transition in Palestine. An Archaeological Approach*. Oxford (Oxford Studies in Byzantium).
43. Beliaev, L. A., Chernetsov, A. 1999. Edited by Gülru Necipoğlu. The Eastern Contribution to Medieval Russian Culture. *Muqarnas. An Annual on the Visual Culture of the Islamic World* 16. Leiden: Brill, 97–124.
44. Boone, J. L. 2009. *Lost Civilization: The Contested Islamic Past in Spain and Portugal (Debates in Archaeology)*.
45. Georgopoulou, M. 2004. The Artistic World of the Crusaders and Oriental Christians in the Twelfth and Thirteenth Centuries. *Gesta* XLIII (2): *Encounters of Islam*, 115–128.
46. Grabar, O. 1971. Islamic Archaeology: An introduction. *Archaeology* XXIV (3). *Islamic Archaeology*, 196–199.
47. Guichard, P. 1973. *Al Andalus, 711–1492: Une histoire de l'Andalousie arabe*. Paris : Hachette (trans. 1976).
48. Hillenbrand, C. 1999. *The Crusaders. Islamic Perspectives*. Edinburgh: University Press.
49. Insoll, T. 1999. *The Archaeology of Islam*. Oxford: Blackwell.
50. Jardine, L. 1998. *Worldly Goods: a new history of the Renaissance*. New York; London.
51. Jardine, L., Brotton, J. 2000. *Global Interests: Renaissance Art Between East and West*. Ithaca; New York.
52. Johns, J. Islamic archaeology at a difficult age. Art and Archaeology of the Islamic Mediterranean. The Khalili Research Centre University of Oxford. Electronic resource: <http://www.antiquity.ac.uk/reviews/johns326.html>.
53. Kopytoff, I. 1986. The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process. In Appadurai, A. (ed.). *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*. Cambridge, 65–91.
54. Millwright, M. 2010. *An Introduction to Islamic Archaeology*. (The New Edinburgh Surveys, edited by Carole Hillenbrand). Edinburgh: Edinburgh University Press,
55. Milwright, M. *Defining Islamic Archaeology. Some Preliminary Notes*. Electronic resource: web.mit.edu/akpia/www/articlemilwright.pdf.
56. Nickles, Ch. E. 2004. Builders, Patrons and Identity: the Domed Basilicas of Sicily and Calabria. *Gesta* XLIII (2). *Encounters of Islam*, 99–114.

57. Ousterhout, R. 1995. Ethnic Identity and Cultural Appropriation in Early Ottoman Architecture. *Muqarnas* XIII, 48–62.
58. Ousterhout, R. 2004. The East, the West and the Appropriation of the Past in Early Ottoman Architecture. *Gesta* XLIII (2). *Encounters of Islam*, 165–176.
59. Petersen, A. 2005. *The Towns of Palestine under Muslim Rule AD 600-1600*. BAR International Series.
60. Schick, R. 1995. *The Christian Communities of Palestine from Byzantine to Islamic Rule*. Princeton, N. J.
61. Vernot, S. 1997. The Rise of Islamic Archaeology. In Gülru Necipoğlu (ed.). *Muqarnas: An Annual on the Visual Culture of the Islamic World* XIV. Leiden: E. J. Brill, 1–10.
62. Walmsley, A. 2004. Archaeology and Islamic studies: the development of a relationship. *From Handaxe to Khan: essays presented to Peder Mortensen on the occasion of his 70th birthday*. Aarhus Universitetsforlag, Aarhus, 317–329.

About the Author:

Belyaev Leonid A. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; labeliaev@bk.ru

УДК 902/904

КУЛЬТОВАЯ АРХИТЕКТУРА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ТРАДИЦИИ

© 2016 г. Э.Д. Зиливинская

Статья посвящена анализу культовых архитектурных памятников Золотой Орды. Рассматриваются такие категории зданий как мечети, минареты и мавзолеи. Объекты монументальной архитектуры достаточно четко отражают различные традиции в сложении многокомпонентной городской культуры Золотой Орды. Анализ планировки мечетей, главных сооружений мусульманского города, показал, что все известные на данный момент Джума-мечети Золотой Орды имели базиличную планировку, которая была заимствована в Малой Азии, а именно, в Анатолии, где подобные мечети получили распространение в сельджукский период. Малоазийский облик имели и минареты. Планировка мавзолеев достаточно разнообразна, в ней заметно влияние архитектурных школ Малой Азии, Закавказья, Хорезма и кочевнических традиций. Несмотря на присутствие различных строительных традиций и творческих новаций, принципы планировки культовых зданий были общими для всей Золотой Орды, что свидетельствует о выработке единого, хотя и эклектичного в деталях, архитектурного стиля.

Ключевые слова: археология, история, археологические памятники, Золотая Орда, культовая архитектура, мечети, минареты, мавзолеи, Малая Азия, Закавказье, Хорезм, кочевники, культурное наследие.

Исследователи Золотой Орды неоднократно отмечали мультикультурный характер этого государства. Принято говорить о синкретизме и (или) синтезе различных традиций в культуре Золотой Орды. Это вполне закономерно, так как Улус Джучи, получивший впоследствии название Золотая Орда, возник в середине XIII в. в результате широких завоевательных походов монгольских войск. В его состав вошли традиционно оседлые области, такие как Южный и Восточный Казахстан, левобережный Хорезм, Северный Кавказ, Крым, Волжская Болгария, мордовские земли, Поднепровье. Но большую часть территории занимали пустынные, степные и лесостепные пространства Северного и Западного Казахстана, Волго-Уральского междуречья, Поволжья, Подонья и Приднепровья (Дешт-и-Кипчак), на-

селенные кочевыми и полукочевыми народами. В домонгольский период там почти не существовало городов, но в конце XIII в. начинается интенсивное строительство городов именно в степных районах, и центром Золотой Орды становится Нижнее Поволжье. Для возведения своих городов кочевники-монголы использовали подневольный труд завоеванных народов, имевших многовековые строительные навыки. Полиэтничность и соответственно мультикультурность золотоордынского общества наиболее ярко прослеживается именно в городах, которые были населены строителями, ремесленниками и торговцами из всех стран, втянутых в орбиту монгольской экспансии, в то время как население степей было гораздо более однородным. Наиболее выразительным воплощением городской

культуры являются монументальные постройки, определяющие внешний вид городов. Кроме того, именно объекты архитектуры лучше всего поддаются археологическому изучению. Поэтому исследование монументального зодчества позволяет достаточно полно и достоверно проследить взаимодействие различных традиций в сложении городской культуры Золотой Орды.

Наиболее важными культовыми постройками во всех странах, связанных с мусульманской религией, являются мечети. Ко времени появления в городах Золотой Орды этот вид зданий имел уже многовековую историю и в разных частях мусульманского мира существовали различные типы мечетей.

Считается, что прообразом ранних мечетей являлся замкнутый двор дома пророка Мухаммеда, в котором имелась молитвенная зона с навесом перед стеной ориентированной на киблу (в направлении Мекки) и навесы вдоль остальных трех стен. Таким образом, был сформирован основной план, который стал известен как арабский план мечетей (Hillenbrand, 1994, р. 66–92; Petersen, 1996, р. 195–196; Stierlin, 1996). Начиная с IX в. часть помещения, чаще всего перед михрабом, начинает перекрываться куполами, которые с тех пор являются неотъемлемым архитектурным компонентом мечети.

Дворовый план мечети распространяется по всей территории Арабского халифата одновременно с его завоеванием и впоследствии эта планировка остается главенствующей в западной части мусульманского мира.

Иначе происходило сложение архитектурных форм в Иране и Средней

Азии. Арабские наместники строили в городах Ирана мечети дворового плана, но иранцы брали за образец доисламские сооружения сасанидского времени. Так появляются местные типы мечетей – мечеть-киоск на западе и мечеть-айван на востоке (Herzfeld, 1935; Godard, 1962, р. 340–348). При сельджуках соединение арабского и местного планов породило четырехайванную планировку, ставшую в XII в. главенствующей (Petersen, 1996, р. 195–196). В Средней Азии также был внедрен арабский дворовый план мечети, однако здесь существовали здания, имевшие местные корни. Мечети типа купольного зала, также как и мечеть-киоск в Иране, построены по образу зороастрийских святилищ огня, называемых чортак (Пугаченкова, 1958, с. 185; С.Хмельницкий, 1992, с. 86). Местное происхождение имеют и столпные многокупольные мечети (Прибыткова, 1958, с. 131–134; 1973, 38–58; С.Хмельницкий, 1992, с. 71–86). В последующие периоды слияние и дальнейшее развитие арабской и местных традиций дало все многообразие типов среднеазиатских мечетей (Маньковская, 1980, с. 102–121).

Своеобразное развитие получили мечети в Малой Азии при сельджуках Рума (Benset, 1973; Hillenbrand, 1994, с. 92–100; Stierlin, 1998, р. 24–32). Первоначально здесь строились мечети арабского дворового плана или купольные постройки иранского образца. В XI–XII вв. в мечетях арабского плана начал перекрываться внутренний двор и большинство мечетей этого периода представляют собой здания базиличной планировки, то есть колонные залы с плоским перекрытием, опирающимся на балки или аркады. Над предмихрабной частью

часто возводили небольшой купол, а в качестве пережитка двора в крыше мог находиться световой люк по центру зала или ближе к выходу. В Золотой Орде, государстве мусульманского мира, первые мечети, вероятно, начали строиться во время правления Берке, который был мусульманином. Он способствовал городскому строительству. Но массовое возведение их, несомненно, относится ко времени Узбека, с именем которого связано принятие мусульманства как государственной религии и расцвет городов. Именно в эти годы Ибн Баттута упоминает «тринадцать мечетей для соборной службы и... чрезвычайно много других мечетей» только в Сарае (Тизенгаузен, 1884, с. 306).

В настоящее время исследованы мечети в различных частях Золотой Орды – в Волжской Болгарии, Нижнем Поволжье, Северном Кавказе, Крыму, Поднепровье, Приднестровье и Южном Казахстане (Зиливинская, 2009; 214, с. 17–45). Большая часть этих построек относится к одному типу – это квадратные или прямоугольные в плане здания, внутреннее пространство которых разделено рядами колонн, поддерживающих плоское перекрытие в виде балок или аркад (рис. 1). Прямоугольные мечети чаще вытянуты в меридиональном направлении, но могут быть – и в широтном, как Большая мечеть Верхнего Джулата. Главный вход в здание расположен в северной стене, напротив михраба и обрамлен порталом. При значительной площади здание может иметь дополнительные боковые входы, как, например, в Болгаре, Сарае, на Кучугурском городище. Мечеть Сарая имеет небольшой внутренний дворик, в центре которого находится

водоем. В мечети Водянского городища пространство перед михрабом отгорожено, и крыша в этом месте, вероятно, была выше.

Этот основной тип мечетей в Золотой Орде сложился под влиянием Малой Азии (рис. 2). Как уже упоминалось, малоазийские мечети сельджукского периода представляли собой базилики, то есть прямоугольные залы, разделенные на нефы рядами столбов или колонн, соединенных балками или аркадами. Характернейшей чертой сельджукских мечетей является наличие в крыше светового люка, под которым находится сильно редуцированный внутренний дворик с фонтаном. Над предмихрабной частью мог быть возведен небольшой купол. Так, одна из простейших построек сельджукско-анатолийского периода, мечеть Махмуд-бея близ Кастамону, представляет собой трехнефный зал с двумя рядами деревянных колонн, балочным перекрытием и двускатной крышей. Улу-Джами в Шивазе и Афьоне – это большие многонефные залы с трансептом, ведущим к михрабу, и плоским перекрытием на аркадах (Bencet, 1973, p. 16–17; L'art, 1981, p. 100–102).

Несколько необычна по своим пропорциям Большая мечеть Верхнего Джулата, здание которой вытянуто в широтном направлении. Скорее всего, это связано с местными традициями. Так, например, наиболее древняя на Кавказе джума-мечеть Дербента, построенная в VIII в., представляет собой сильно вытянутое в широтном направлении прямоугольное здание с выступом в центральной части южного фасада. Известны и другие мечети таких же пропорций (Артамонов, 1946, с. 141–143; Искусство, 1949,

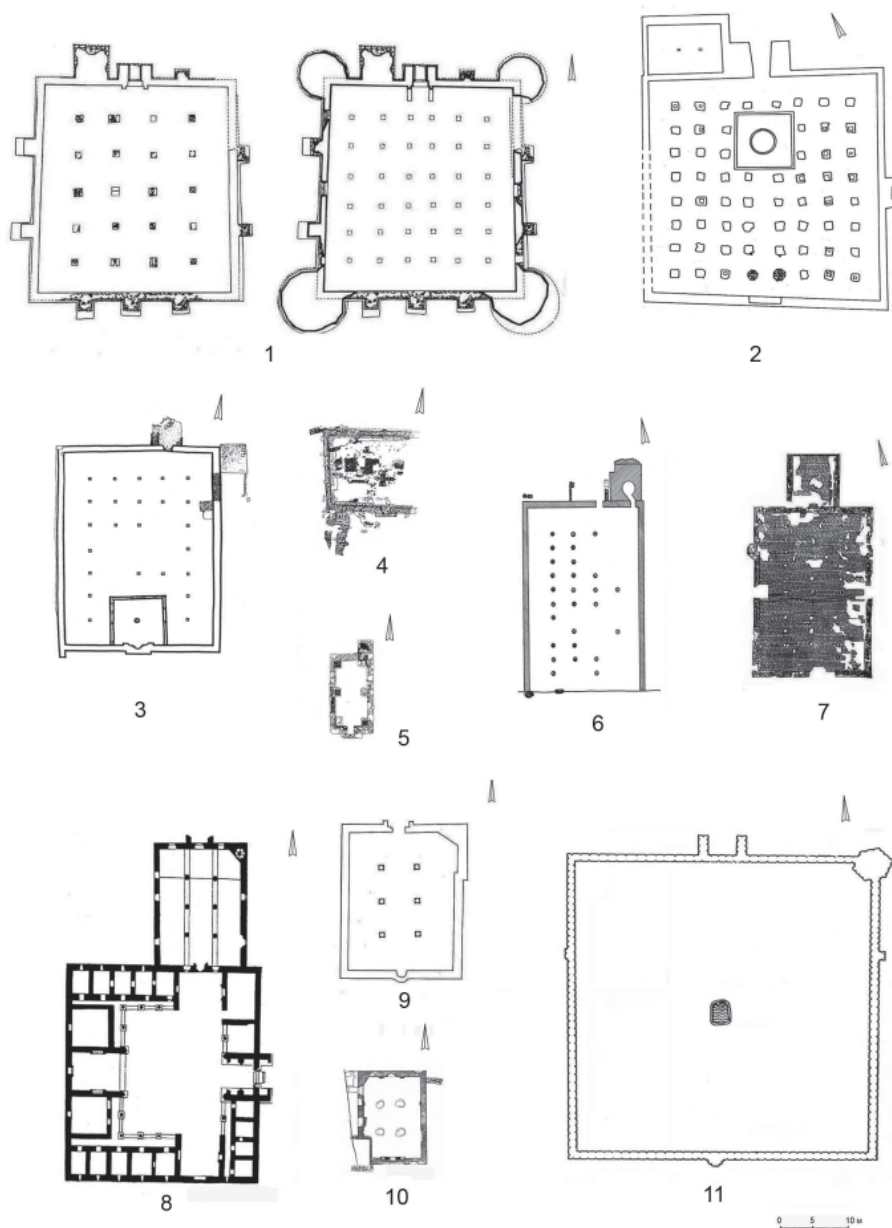

Рис. 1. Мечети Золотой Орды базиличной планировки: 1 – Болгар I и II периоды; 2 – Селитренное городище; 3 – Водянское городище; 4 – Большая мечеть Верхнего Джулата; 5 – Малая мечеть Верхнего Джулата; 6 – Нижний Джулат; 7 – Кучугурское городище; 8 – мечеть и медресе Узбека в Солхате; 9 – «Бейбарса» в Солхате; 10 – в Чуфут-кале; 11 – в Старом Орхее.

Fig. 1. Golden Horde mosques with a basilica plan:

1 – Bolgar I and II periods; 2 – Selitrennoye settlement; 3 – Vodyanskoye settlement; 4 – the Big Mosque of the Upper Julat; 5 – the Small Mosque of the Upper Julat; 6 – the Lower Julat; 7 – Kuchugur hillfort; 8 – Uzbek's mosque and madrasa in Solkhat; 9 – "Beybarsa" in Solkhat; 10 – in Chufut-kale; 11 – in the Old Ohrei.

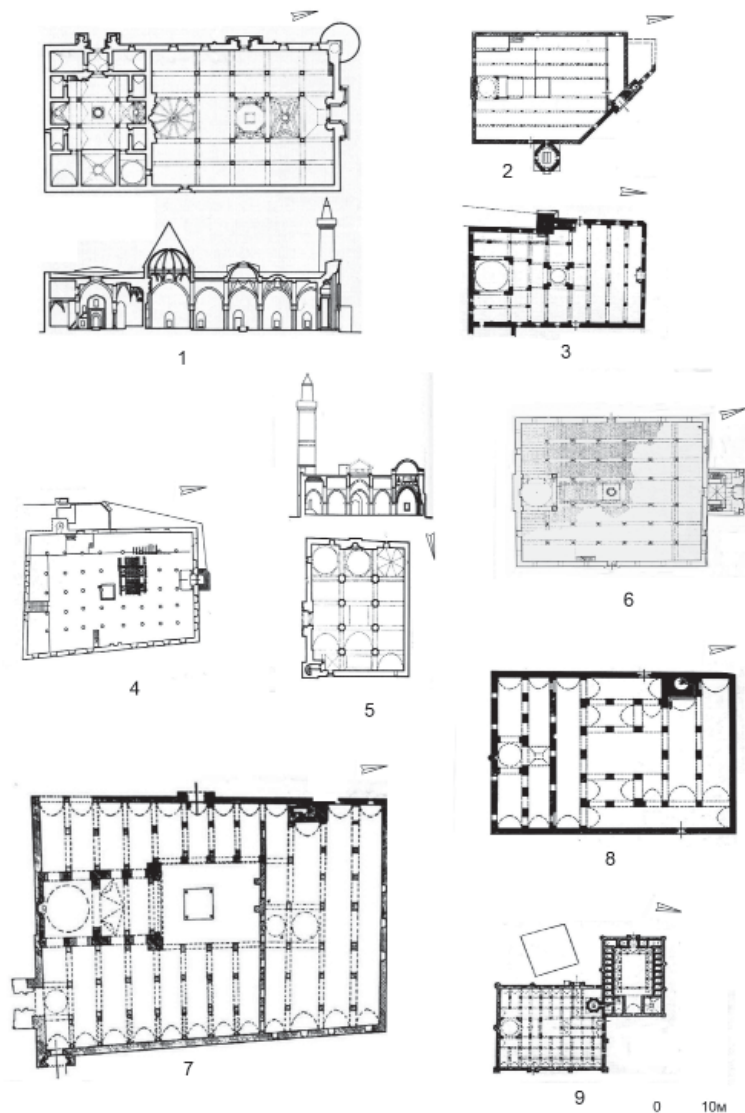

Рис. 2. Мечети Малой Азии сельджукского периода (XII–XIII вв.): 1 – в Дивриги; 2 – в Бейшехире; 3 – в Кайсери; 4 – в Афьоне Карахиссаре; 5 – в Нигде; 6 – Сахиб Ата в Конье; 7 – в Малатье; 8 – в Харпуте; 9 – мечеть-медресе Хунат-Хатун в Кайсери (по Р. Хилленбранд).

Fig. 2. Mosques in Asia Minor, Seljuk period (12th – 13th centuries): 1 – in Divrigi; 2 – in Beyshehir; 3 – in Kayseri; 4 – in Afyonkarahisar; 5 – in Nigde; 6 – Sahib Ata in Konye; 7 – in Malatye; 8 – in Kharput; 9 – Hunat-Natun Mosque-Madrasa in Kayseri (after P. Хилленбранд).

с. 205; Хан-Магомедов, 1970; Кудрявцев, 1989, с. 110–112).

Кроме больших мечетей базиличного плана, в Золотой Орде существовали и другие. Купольные мечети

Крыма представляют собой небольшие здания, состоящие из одного или двух помещений (рис. 3: 1–2). Квадратное помещение молельного зала, перекрытое куполом, предва-

ряется прямоугольным тамбуром со сводчатым перекрытием. В углу здания может быть встроен минарет. Такую же структуру имеют небольшие малоазийские мечети сельджукского и раннеосманского периодов (рис. 3: 3–12), такие как мечеть Ала ал-Дина в Бурсе (1335 г.), Орхан Гази в Билесике, Зеленая мечеть в Изнике (1378 г.) (Hillenbrand, 1994, p. 114–117; Stierlin, 1998, p. 79–99).

Малая мечеть Верхнего Джулата относится к столпно-купольным постройкам. По плану она более всего напоминает небольшие столпные сооружения Средней Азии, такие как мечети при мавзолеях Хаким-ат-Термези (XI в.) и Ходжа Иса (XI в.) (Бородина, 1974, с. 118). Разница состоит лишь в том, что эти здания вытянуты в широтном направлении, а нижнеджулатская мечеть – в меридиональном. Однако возможен и другой вариант, а именно: сводчатое перекрытие с подпружной аркой. Эта форма встречается в сельских мечетях Азербайджана, например в ханеге на р. Пирсагат и в поселке Ханлар (XIII в.) (Бретаницкий, 1966).

Принципиально отличается планировка джума-мечетей присырдарьинских городов. Обе исследованные здесь постройки относятся к сооружениям дворового типа, что объясняется близостью Среднего Востока и влиянием его архитектуры.

Таким образом, в планировке и оформлении мечетей в Золотой Орде преобладает влияние Малой Азии. Сельджукская строительная традиция могла распространяться через Закавказье, где сохранились такие ее образцы, как мечеть Мануче в Ани (Арутюнян, Сафарян, 1951, табл. 100), и через Крым. Мечети с залом, разде-

ленным на нефы, были известны в домонгольское время в Волжской Болгарии (Халиков, Шарифуллин, 1979; Айдаров, Забирова, 1979), что тоже могло послужить образцом для подражания. Взяв за основу базиличную планировку с плоским перекрытием, золотоордынские мастера творчески переработали ее, сообразуясь с местными условиями и вкусами заказчиков. Более того, в ряде случаев была воспринята сама идея закрытого зала, с плоским перекрытием, опирающимся на колоннаду, но воплощение ее в разных частях государства было разнообразным и часто оригинальным. В то же время нельзя полностью исключать влияние Средней Азии или местных традиций, как в Волжской Болгарии и на Кавказе.

Одним из важнейших градообразующих элементов мусульманских городов Востока и Запада являются минареты, встроенные в здания мечетей или стоящие рядом с ними. В различных странах минареты имели разную форму, причем формы эти весьма характерны. В Сирии, Северной Африке и Испании минареты состоят из квадратных в плане башен, построенных из камня. Форма происходит от традиционных сирийских колоколен византийского периода (Petersen, 1996, p. 188; Hillenbrand, 1994, p. 139–144). Ранние аббасидские минареты Ирака состояли из квадратного основания и круглого ствола с лестницей, находящейся снаружи. Минареты Ирана и Средней Азии имели цилиндрическую форму, сужающуюся кверху. Иногда они ставились на квадратное или звездчатое основание, у некоторых имеется граненая база. Стволы минаретов выложены кирпичами, причем орнамент либо покрывает

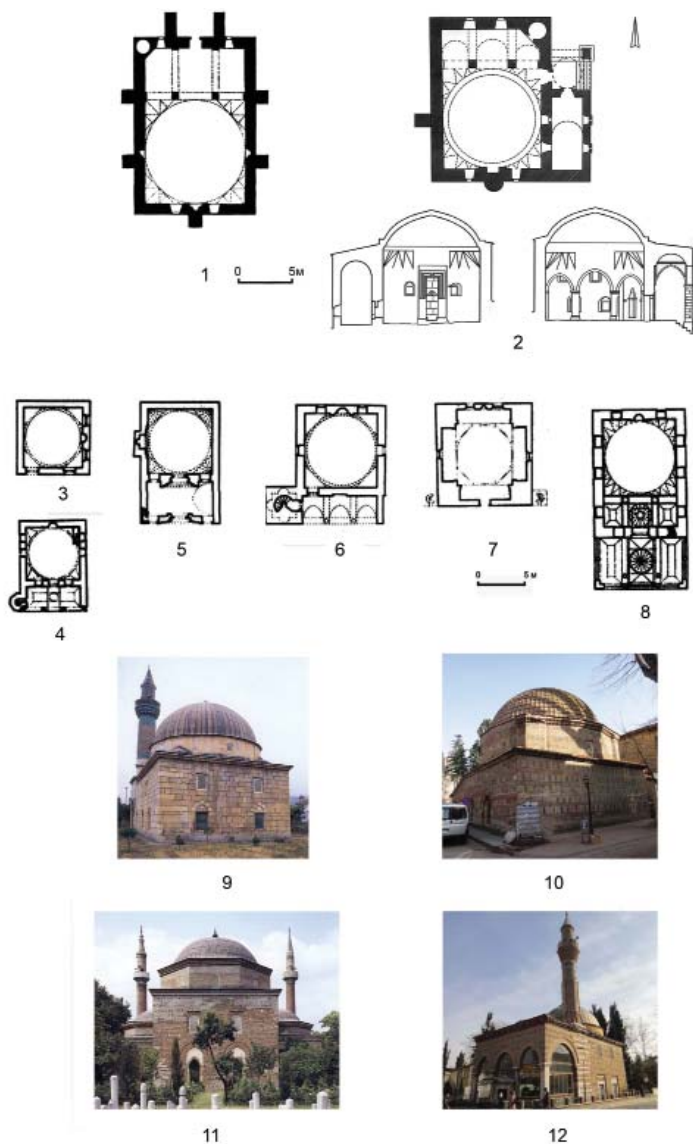

Рис. 3. Купольные мечети Крыма и Малой Азии: 1 – Куршун Джами в Солхате, план (по А.С. Башкирову); 2 – мечеть в Судак, план и разрезы (по И.А. Баранову и М.А. Фронжуло); 3 – Феррух Шах в Акшехире; 4 – Ала ал Дина в Бурсе; 5 – Хаджи Феррух в Конье; 6 – Хока Хасан в Конье; 7 – Орхан Гази в Билесике; 8, 9 – Зеленая мечеть в Изнике (конец XIV в.); 10 – Хаджи Ёзбек в Изнике; 11 – Мурад Паша Джами в Бурсе (1378 г.); 12 – мечеть (текие) Якуба Челекби в Изнике (конец XIV в.) (по Р. Хилленбранд, Г. Стирлин).

Fig. 3. Domical mosques in Crimea and Asia Minor: 1 – Kurshun Cami in Solkhat, plan (after A.C. Башкиров); 2 – mosque in Sudak, plan and sections (after И.А. Баранов and М.А. Фронжуло); 3 – Farruh Shah in Akshehir; 4 – Ala al Dina in Bursa; 5 – Haji Farruh in Konya; 6 – Hoka Hasan in Konya; 7 – Orhan Gazi in Bilesik; 8, 9 – the Green Mosque in Iznik (late 14th century); 10 – Haji Oz-bek in Iznik; 11 – Murad Pasha Cami in Bursa (1378); 12 – Yakub Celebi's mosque (tekiye) in Iznik (late 14th century) (after P. Хилленбранд, Г. Стирлин).

весь ствол, либо делится поясами разнообразных рисунков, перемежаемых кольцами надписей. В XI в. в оформлении появляется поливной декор. Наверху иранские минареты имеют балкон с деревянной крышей, в Средней Азии их венчает массивная ротонда с круговой аркадой и плоским перекрытием. Поддерживает карниз балкона пояс из крупных сталактитов. К концу XII в. появляется второй промежуточный сталактитовый балкончик. Большинство минаретов в этих регионах имеют значительную высоту, до 50 м (Воронина, 1969, с. 154; Petersen, 1996, p. 187–189).

В Малой Азии сельджукского периода, так же как и мечети, минареты получили своеобразное развитие. Все они имеют трехчастное членение: высокий квадратный в плане цоколь при помощи треугольных скосов переходит в восьмигранник, на котором стоит стройный цилиндрический ствол минарета, почти не сужающийся кверху. В верхней части ствола находится открытый балкончик, поддерживаемый несколькими рядами сталактитов. Венчает ствол коническая крыша (Hillenbrand, 1994, p. 161; Stierlin, 1998, p. 26–43). Ствол минарета часто украшен фигурной кирпичной кладкой и голубыми изразцами. Сходное с малоазийскими трехчастное деление имеют минареты Азербайджана, но существуют и некоторые отличия: они более массивны и приземисты, а камера над балконом покрыта дольчатым куполом (Бретаницкий, 1966, с. 88–96, 156–160).

В Золотой Орде большинство мечетей также имело минареты, однако очень немногие из них дожили до современности (Зиливинская, 2014, с. 46–56). Два минарета сохранились

почти полностью, еще два известны по рисункам и фотографиям (рис. 4). От остальных построек остались только цокольные части.

Почти полностью сохранился до настоящего времени Малый минарет на городище Болгары (рис. 4: 2). Его квадратное в плане основание, при помощи треугольных наружных скосов переходит в восьмигранный ярус. Выше находится цилиндрический, несколько сужающийся кверху ствол. Переход к нему от восьмигранника также осуществляется при помощи более мелких внешних скосов. Над стволом располагался невысокий барабан верхнего яруса с конической кровлей. Стены постройки изнутри и снаружи облицованы тщательно отесанными известняковыми и туфовыми блоками и частично оштукатурены. Отдельные элементы здания украшены резьбой по камню. Примерно такое же строение имел Большой минарет, известный по рисункам (рис. 4: 1).

Татартупский минарет на городище Верхний Джулат сохранился почти целиком до 1981 г., поэтому был хорошо изучен (рис. 4: 3). Прямоугольный в плане цоколь его сложен из кирпича и каменных блоков. Ствол минарета, сложенный из кирпича имел коническую форму и состоял из двух частей. Их расчленял двойной сталактитовый пояс, который раньше поддерживал балкончик для муэдзина. Ствол минарета был украшен несколькими орнаментальными поясами.

До наших дней частично сохранился и был реконструирован минарет в мечети Узбека в Солхате (рис. 4: 4). Он имеет высокий, треугольный в плане цоколь, который на уровне крыши при помощи скосов переходит

1

2

3

4

Рис. 4. Минареты в Золотой Орде:
1 – Большой минарет в Болгаре;
2 – Малый минарет в Болгаре;
3 – Верхний Джулат;
4 – минарет мечети «Узбека» в Солхате.

Fig. 4. Minarets in the Golden Horde:
1 – the Big Mosque in Bolgar;
2 – the Small Minaret in Bolgar;
3 – the Upper Julat;
4 – minaret of “Uzbek”’s Mosque in Solkhat.

в стройный цилиндрический ствол. Ствол имеет два яруса, разделенных открытым балкончиком с каменным парапетом. Балкончик-шарэф опирается на карниз, который в оригинале был образован сталактитами. Покрытие ствола минарета не сохранилось, но поскольку весь памятник имеет ярко выраженный малоазийский облик, скорее всего, оно было коническим.

От минаретов на других памятниках в Поволжье, Северном Кавказе, Крыму, Поднепровье и Приднестровье остались только основания цоколей. В некоторых случаях найдены остатки упавших стволов и некоторые архитектурные детали. Это позволяет реконструировать их строение в общем и целом.

По своему положению относительно мечети минареты Золотой Орды делятся на три группы: отдельно стоящие; с пристроенным к стене мечети цоколем; с цоколем, встроенным в объем стены. Отдельно стоящие и пристроенные к мечети минареты имеют кубический или призматический цоколь, который при помощи внешних скосов переходит в восьмигранную призму или непосредственно в цилиндрический слегка сужающийся сверху ствол. В основании встроенных минаретов лежит многогранник. Цоколь минаретов сложен из камня или обожженного кирпича. Ствол обычно кирпичный, но может быть и из камня. Каменные постройки декорированы резьбой. Ствол кирпичных минаретов украшен орнаментальными поясами из резной терракоты, обточенных кирпичиков, ганчевых вставок и поливных изразцов. Под балкончиком для муэдзина находится сталактитовый пояс. Покрытие минаретов – шатровое. Только минареты мечети Отрара, которые фланкируют портал мечети, не имели такого цоколя и были цилиндрическими с самого основания.

До настоящего времени наиболее детальному анализу подвергались те постройки, которые сохранились полностью. Практически все исследователи отмечают сходство минаретов Болгара с азербайджанскими минаретами ширвано-апшеронской школы. Трехчастное членение зданий, несколько приземистые их пропорции, приемы каменной кладки – все это является общим для болгарских и азербайджанских минаретов. Исследователи также отмечают сходство орнаментальных мотивов на резных панно Малого минарета с памятниками армянского и малоазийского зодчества, то есть минареты Болгара тесно связаны с Закавказьем и, весьма вероятно, были построены руками армянских и азербайджанских мастеров.

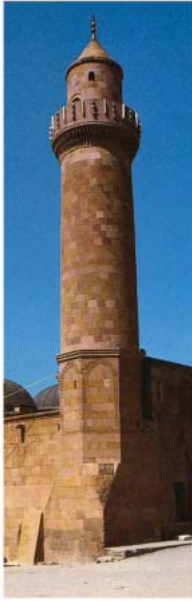
Татартупский минарет на Северном Кавказе имеет такое же строение, но несколько более стройные формы, он сложен из комбинации камня и кирпича. Декоративное оформление минарета, использование в облицовке резных кирпичей и изразцов, создание орнаментальных и сталактитовых поясов стилистически связывает его с памятниками Нахичеванской школы Азербайджана. Сходное строение имеют и минареты Малой Азии сельджукского и ранне-османского периодов.

Об остальных минаретах Золотой Орды можно судить лишь в общих чертах. Достоверно известно лишь то, что они имели призматический цоколь, который через восьмигранник или помимо него переходил в круглый в сечении ствол. Подобные архитектурные формы характерны только для Малой Азии и связанных с ней стран. Они возникают там в сельджукское время и, несколько видоизменяясь,

существуют в дальнейшем (рис. 5). Таковы, например, минарет Алаеддин-Джами в Нигде постройки 1223 г., Ивли-Минар в Анталье 1220 г., минареты Большой мечети и Гёкмедресе в Сивасе 1271 г., Зеленой мечети Изника 1378 г. (Hillenbrand, 1994, p. 160–163; Stierlin, 1998, p. 26–45).

В странах, находящихся в сфере культурного влияния Малой Азии, таких как Азербайджан, Крым, частично Северный Иран, также получают распространение минареты подобного облика. Распространение их в Золотой Орде является еще одним свидетельством значительного влияния культур Малой Азии и Закавказья на сложение всей культовой архитектуры в этом государстве, так как мечети и минареты при них обычно образуют единый ансамбль. Исключение составляют только цилиндрические минареты мечети Отрара, построенные по среднеазиатским образцам. Но это вполне понятно, так как Кок Орда включала в себя области Хорезма и, естественно, находилась в сфере влияния его развитой строительной культуры.

Мавзолеи как погребальные и поминальные сооружения получили широчайшее распространение в мусульманских странах. Количество их огромно, и роль в создании архитектурного облика городов и других местностей весьма существенна. Рассматривая сложение архитектурных форм мавзолеев, исследователи выделяют две основные провинции, центры которых находились в Египте и Иране, что связано с политическими границами того времени. Египет, Левант и Аравия образовывали единую политическую структуру под властью мамлюков. Аналогичным обра-

1

2

3

4

5

Рис. 5. Минареты Малой Азии XII–XIV вв.: 1 – мечеть Алаеддин Джамии в Нигде; 2 – мечеть в Изнике; 3 – Джамии мечеть в Сивасе; 4 – Гёк-медресе в Сивасе; 5 – Ивли-минар в Анталье (по Г. Стирлин).

Fig. 5. Asia Minor minarets of 12th – 14th centuries: 1 – Alaeddin Cami's Mosque in Nigde; 2 – mosque in Iznik; 3 – Cami Mosque in Sivas; 4 – Gok-Madrassa in Sivas; 5 – Ivli-minar in Antalya (after Г. Стирлин).

зом Анатолия, Ирак, Кавказ, Средняя Азия, Афганистан и Индия находились в сфере влияния Ирана.

Ранние мавзолеи Ирана (и связанных с ним регионов) делятся на две большие типологические группы: здания кубического объема, увенчанные куполом и башенные постройки. Башенные мавзолеи строились для правителей и других светских лиц. Квадратные в плане купольные постройки служили местом погребения и почитания духовных лиц – имамзода. Кубические постройки, в свою очередь, разделяются на центрические и порталные. У центрических мавзолеев все фасады одинаковы, они имеют четыре входа с каждой стороны или два на одной оси. В порталных мавзолеях выделен один фасад, в котором находится вход. Входной проем оформлен в виде высокой арочной ниши в прямоугольной раме. Такой портал, называемый по-персидски *пештак* (передняя арка), может выступать из фасадной стены или быть выше самого здания. Все многообразие мавзолеев последующих веков произошло от этих трех типов зданий. Все они представляют собой трансформацию или соединение отдельных элементов центрических, порталных или башенных мавзолеев.

В Золотой Орде, как и в других странах этого времени, где мусульманская религия играла существенную роль, мавзолеи строились повсеместно. Этому способствовал и тот факт, что в золотоордынских городах наибольшим влиянием пользовались проповедники суфизма, которому присущ культ «святых могил». Среди раскопанных археологами объектов монументальной архитектуры мавзолеи составляют наибольшее ко-

личество. Отдельные постройки сохранились до наших дней, некоторые известны по рисункам и описаниям исследователей и путешественников предыдущих веков. Общее число золотоордынских мавзолеев, планировка которых может быть в той или иной степени проанализирована, приближается к сотне.

Обзор мемориальных сооружений Золотой Орды показывает, что среди них прослеживается широкий спектр архитектурных форм и планировочных решений (Зиливинская, 2014, с. 97–169). Это разнообразие делает возможным систематизацию всех имеющихся данных и создание развернутой типологии золотоордынских мавзолеев (рис. 6, 7). В классификации используются следующие признаки: количество помещений; форма здания; отсутствие или наличие порталов; форма портала; форма покрытия; наличие или отсутствие подземного или полуподземного склепа-крипты.

Прежде всего, все постройки можно разделить на две большие группы – однокамерные (I) и многокамерные (II) мавзолеи. Большая часть золотоордынских мавзолеев представлена однокамерными зданиями. По форме основного помещения они делятся на три отдела: А) башнеобразные, Б) пирамидальные, В) кубические (призматические). Отдел башнеобразных мавзолеев состоит из двух подотделов, отличающихся формой плана: 1) круглые и 2) многоугольные. Пирамидальные мавзолеи также могут быть круглыми (1) и многоугольными (2) в плане, а в основе кубических зданий лежит квадрат или прямоугольник, близкий по пропорциям к квадрату (3). Следует отметить, что данная терминология описывает идеальную

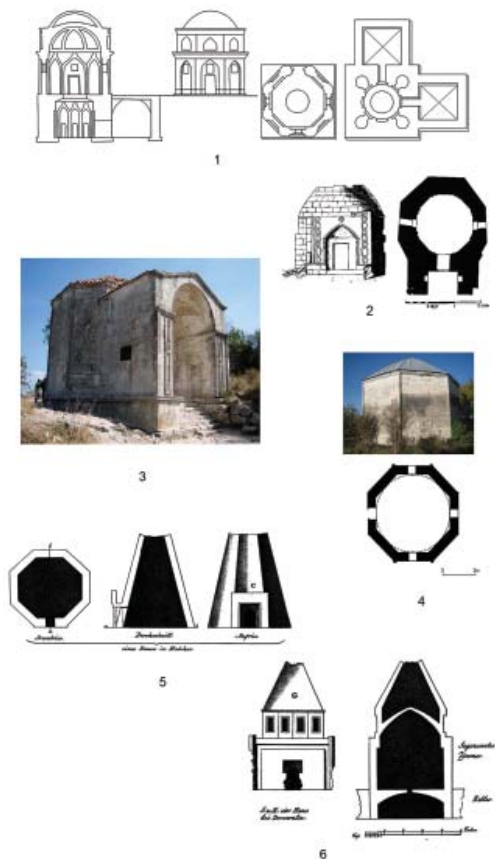

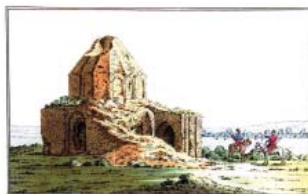
Рис. 6. Мавзолеи Золотой Орды
1–4 – башенные, 5 – пирамидальный,
6 – фасадный:
1 – в окрестностях Маджара; 2 – Кон-
ские воды; 3 – Джанике-ханым на Чу-
фут-кале; 4 – в Асизе; 5–6 – в Маджаре.

Fig. 6. Mausoleums of the Golden Horde
1–4 – with towers, 5 – pyramidal,
6 – with façade:
1 – near Majar; 2 – Konskie vody; 3 – Janike-
hanim on Cufut-Kale; 4 – in Asiz; 5–6 – in
Majar.

Рис. 7. Мавзолеи Золотой Орды пор-
тальные в Маджаре: 1–2 – гравюры из
сочинений П.-С. Палласа; 3 – акварель
М.М. Иванова.

Fig. 7. Mausoleums of the Golden Horde in Ma-
jar, with portals: 1–2 – engravings from
P.-S. Pallas's works; 3 – M.M. Ivanov's water-
color.

1

2

3

схему строения мавзолеев. Так, одна из основных линий развития этой категории зданий – куб (в плане основания лежит квадрат), увенчанный куполом. В реальности здания этого типа могут быть прямоугольными в плане или иметь несколько вытянутые пропорции (высота больше длины основания). Для позднесредневековых мавзолеев характерно наличие высокого барабана, стоящего на кубическом основании и увенчанного куполом. Тем не менее *типологически* они относятся именно к зданиям с кубическим основанием.

В типологии золотоордынских мавзолеев каждый отдел может быть разделен на два типа: а) фасадные, б) порталные. Фасадными являются мавзолеи без явно выраженного портала, но с выделенной стороной, в которой находится вход. К порталным относятся здания с явно выделенным объемом входного портала. Учитывая первоначальную планировку Черной палаты в Болгаре, в отдел кубических мавзолеев следует добавить третий тип центральных зданий (в).

По форме портала здания можно разделить на подтипы: б*) выступающий вперед портал, б**) портал, вписанный в объем здания и опирающийся на массивные пилоны, толщина которых превышает толщину стен (пештак). Для Золотой Орды можно выделить еще и третий подтип портала: б***) портал, вписанный в объем здания, но не имеющий массивных пилонов. Стенки его являются простым продолжением меридиональных стен здания и образуют перед погребальным помещением обширный айван, равный ему по ширине. Это разделение основано на планиграфии зданий, так как чаще всего именно она

и бывает нам доступна. Вариантов объемного решения порталной части значительно больше. Так, например, выступающие порталы с пилонами небольшой толщины и существенно суженные относительно фасада здания не превышают высоту стен. А выступающие порталы, ширина которых незначительно уже ширины основной части здания и имеющие массивные пилоны, могли поддерживать арку большой высоты, близкую по размерам арке классического пештака. Все три вида портала характерны для однокамерных кубических и многокамерных мавзолеев. Башенные и пирамидальные здания либо являются фасадными, либо имеют пристроенный снаружи выступающий портал.

И, наконец, каждый подтип зданий делится на два вида по форме покрытия: Q) купольное, S) шатровое. Покрытие в археологических памятниках сохраняется редко, поэтому чаще всего определить вид его сложно, зато он хорошо определяется по рисункам. Башенные и кубические мавзолеи могут иметь крышу обоих видов, все пирамидальные мавзолеи по определению являются шатровыми.

Группа многокамерных мавзолеев разделена на три отдела: Г) призматические продольноосевые, Д) призматические поперечноосевые, Е) многокамерные сложного строения. В плане мавзолеи отделов Г и Д – прямоугольные. В большинстве случаев они двухкамерные. Планы многокамерных зданий сложного плана могут варьироваться, они зависят от количества помещений и их взаимного расположения. Мавзолеи отдела Е могут быть в плане квадратными (3), прямоугольными (4), Т-образными (5) и в виде сложных ступенчатых много-

угольников (6). В подотдел 6 входят здания-конгломераты нерегулярной планировки. Деление на типы, подтипы и виды в группе многокамерных построек основано на тех же принципах, но оно применимо преимущественно к зданиям отделов Г и Д. Постройки сложного плана (Е), особенно здания-конгломераты, состоят из различных частей, которые могут отличаться оформлением входа и формой перекрытия.

Важным, но не определяющим признаком является наличие подземного или полуподземного склепа – усыпальницы. Вообще склепами называют самые разнообразные конструкции в погребениях. В данной классификации рассматриваются только те склепы, которые являются частью здания, то есть образуют помещения в нижнем уровне с отдельным входом. При наличии таких больших склепов, аналогичных криптам христианских храмов, все захоронения находятся в них. Наземное же помещение мавзолея может использоваться как зиорат-хана. В этом случае однокамерный мавзолей становится как бы двухкамерным, но по вертикали. Наличие или отсутствие склепа совершенно не зависит от формы мавзолея. Скорее, здесь просматриваются региональные различия.

Классификация золотоордынских мавзолеев отчетливо показывает, что в Золотой Орде существовала довольно развитая архитектура мемориальных построек. Многообразие типов мавзолеев свидетельствует о том, что они были принесены из разных стран мусульманского мира, причем в различных частях огромного золотоордынского государства могут превалировать те или иные заимство-

вания. Некоторые постройки вполне оригинальны и являются результатом творческой переработки уже известных типов планировки. Материал, имеющийся у нас в настоящее время, позволяет более точно определить не только генезис отдельных типов мавзолеев, но и проследить распределение сфер влияния различных архитектурных школ в разных частях Золотой Орды. Для этого рассматривается не только планировка мемориальных сооружений, но и анализируются их строительная техника, а также детали внешнего и внутреннего оформления зданий.

В пределах Золотой Орды также можно выделить два направления зодчества – строительство из камня и строительство из кирпича (обожженного и сырцового). Существует также смешанная техника, когда отдельные части здания строятся из различных материалов.

Анализ планировки, строительных приемов, архитектурных деталей мавзолеев и строительной техники позволяет сделать вывод о том, что в сложении золотоордынского мемориального зодчества прослеживается несколько направлений. Это армяно-малоазийское влияние, которое отчетливо присутствует в памятниках, выполненных в технике каменного строительства (рис. 8). Очень существенным было влияние среднеазиатской школы, связанной со строительством из обожженного и сырцового кирпича (рис. 9). И, наконец, в архитектурных формах встречаются пережитки кочевнических (кипчакских) традиций (рис. 10). В настоящее время можно выделить несколько областей, где превалировала та или иная школа. Волжская Болгария и Крым

являлись зонами армяно-малоазийского влияния, а Нижнее Поволжье и степные районы Северного Кавказа – среднеазиатского. В то же время в некоторых частях Нижнего Поволжья (Водянское городище) и Северного Кавказа (Пятигорье, Верхний Джулат, Нижний Джулат) отчетливо прослеживаются традиции азербайджанского зодчества, представленного нахичеванской школой, для которой характерно сочетание камня и кирпича, активное применение в качестве декора изразцов. В Волжской Болгарии также фиксируется присутствие азербайджанского элемента, а именно ширвано-апшеронской школы. Редкие формы мавзолеев, которые можно вывести из тюркских поминальных построек, встречаются в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе.

В то же время в городах Золотой Орды происходило не прямое заимствование принесенных извне традиций, а их творческая переработка. В Волжской Болгарии широко использовалась кладка из грубо отесанных камней на известковом растворе или глине, применявшаяся впоследствии и в Нижнем Поволжье. Здесь выработывался удивительно единообразный тип усыпальниц, который распространялся и на другие районы. Так в Приуралье, наряду с мавзолеями среднеазиатского облика, строились здания, почти идентичные болгарским мавзолеям. Возникали и новые типы планировки мемориальных построек, которые также распространились в различных частях государства. Кроме того, вполне характерным для Золотой Орды являлось применение строительной техники одной традиции для возведения здания другой архитектурной школы, то есть про-

исходила активная и очень быстрая (учитывая весь период существования Золотой Орды) творческая переработка заимствованных навыков, которая неминуемо должна была привести к возникновению оригинального стиля.

Таким образом, объекты монументальной архитектуры достаточно четко отражают различные традиции в сложении многокомпонентной городской культуры Золотой Орды. Анализ планировки мечетей, главных сооружений мусульманского города, показал, что все известные на данный момент джума-мечети Золотой Орды имели базиличную планировку, то есть представляли собой прямоугольные в плане здания, внутреннее пространство которых разделено на нефы рядами колонн. Такая планировка, без сомнения, была заимствована в Малой Азии, а именно в Анатолии, где подобные мечети получили распространение в сельджукский период. Небольшие купольные мечети, известные в основном в Крыму, также копируют аналогичные постройки сельджукского и раннеосманского периодов. Малоазийский облик имели и минареты, связанные с мечетями и соответственно образующие с ними единый архитектурный ансамбль.

На связь с Анатолией вполне определенно указывают также каменные архитектурные детали, украшенные искусной резьбой. Такие детали присутствуют в мечетях и минаретах Болгара, Крыма, Старого Орхя. В орнаментальных мотивах этой резьбы отчетливо прослеживается сельджукское влияние. Тем не менее, восприняв анатолийский тип мечетей в общем и целом, золотоордынские зодчие внесли много нового в его воплощение.

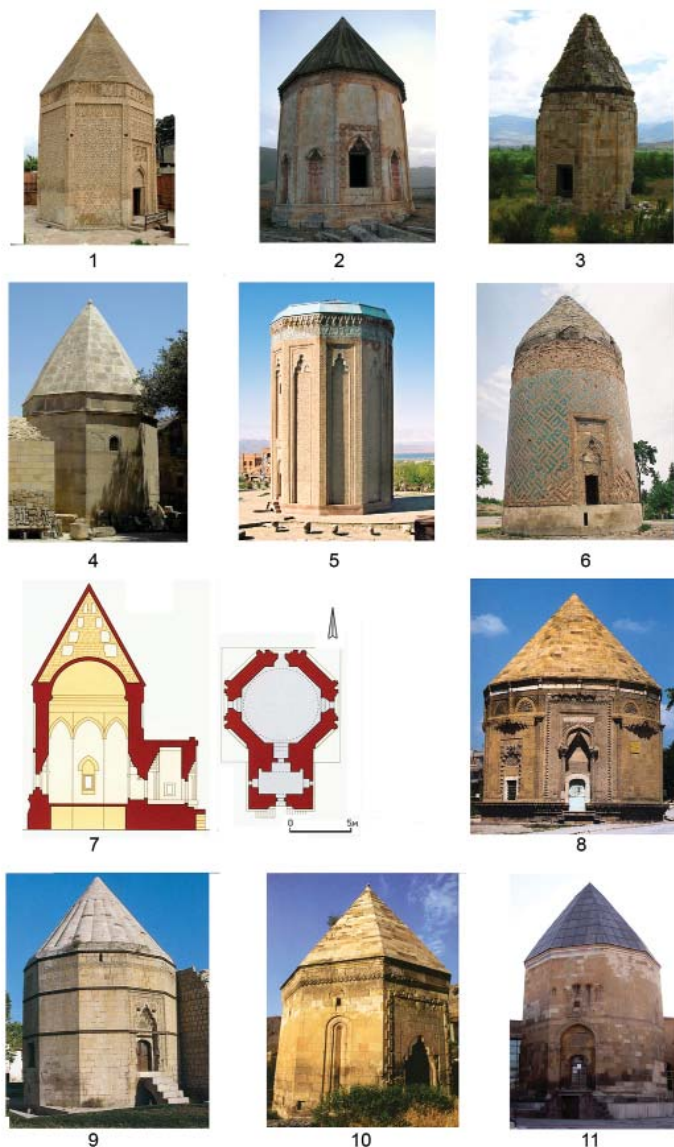

Рис. 8. Башенные мавзолеи Азербайджана (1–6) и Малой Азии (7–11):

1 – Юсуфа ибн Кусейра (XII в.); 2 – Хачин-Дорбатлы (XIV в.); 3 – мавзолей Йахйи ибн Мухаммада ал-Хаджа, 1305 г.; 4 – мавзолей Сейида Яхья Бакуви (XV в.); 5 – Момине Хатун (XII в.); 6 – мавзолей в Барде (XIV в.); 7 – Али Кафер в Кайсери (XIII в.); 8 – Караманоглу Алаеддин бея в Карамане (XIII в.); 9 – дюрбе Худавентхатун в Нигде (начало XIV в.); 10 – Ситте Мелик в Дивриги (XII в.); 11 – Кылыч Арслана в Конье (XII в.) (по Л.С. Бретаницкий и Г. Стирлин).

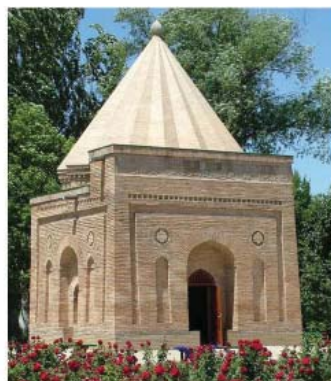
Fig. 8. Mausoleums with towers in Azerbaijan (1–6) and Asia Minor (7–11):

1 – Youssuf ibn Kuseyr (12th c.); 2 – Hacin Dorbatly (14th c.); 3 – Mausoleum of Yahya ibn Muhammad al-Haj, 1305; 4 – Mausoleum of Seyid Yahya Bakuvi (15th c.); 5 – Momine Hatun (12th c.); 6 – Mausoleum in Barda (14th c.); 7 – Ali Kafer in Kayseri (14th c.); 8 – Karamanoglu Alaeddin bey in Karaman (13th c.); 9 – Hudavent Hatun Turbe in Nigde (early 14th c.); 10 – Sitte-Melik in Divrigi (12th c.); 11 – Kilic Arslana in Konye (12th c.) (after Л.С. Бретаницкий and Г. Стирлин).

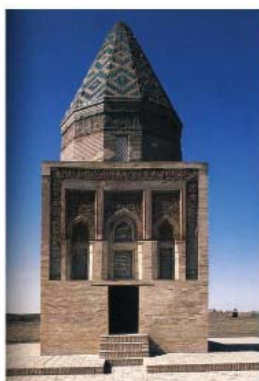

1

2

3

4

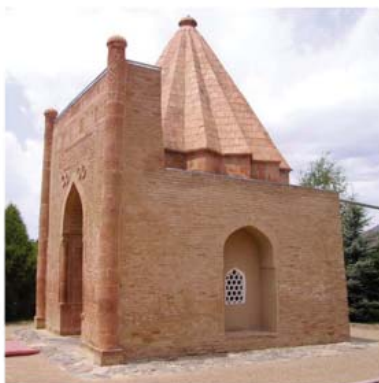

Рис. 9. Шатровые мавзолеи Средней Азии: 1 – Айша-биби (XI–XII вв.);
2 – Бабаджа-хатун (XI в.); 3 – Фахраддина Рази (XII в.);
4 – султана Текеша (XI–XII вв.); 5 – Гумбез Манаса (XIV в.).

Fig. 9. Central Asian tented masoleums: 1 – Aisha-bibi (11th – 12th centuries);
2 – Babaja-Hatun (11th c.); 3 – Fakhraddin Rasi (12th c.);
4 – Sultan Tekesh (11th – 12th centuries); 5 – Gumbez Manasa (14th c.).

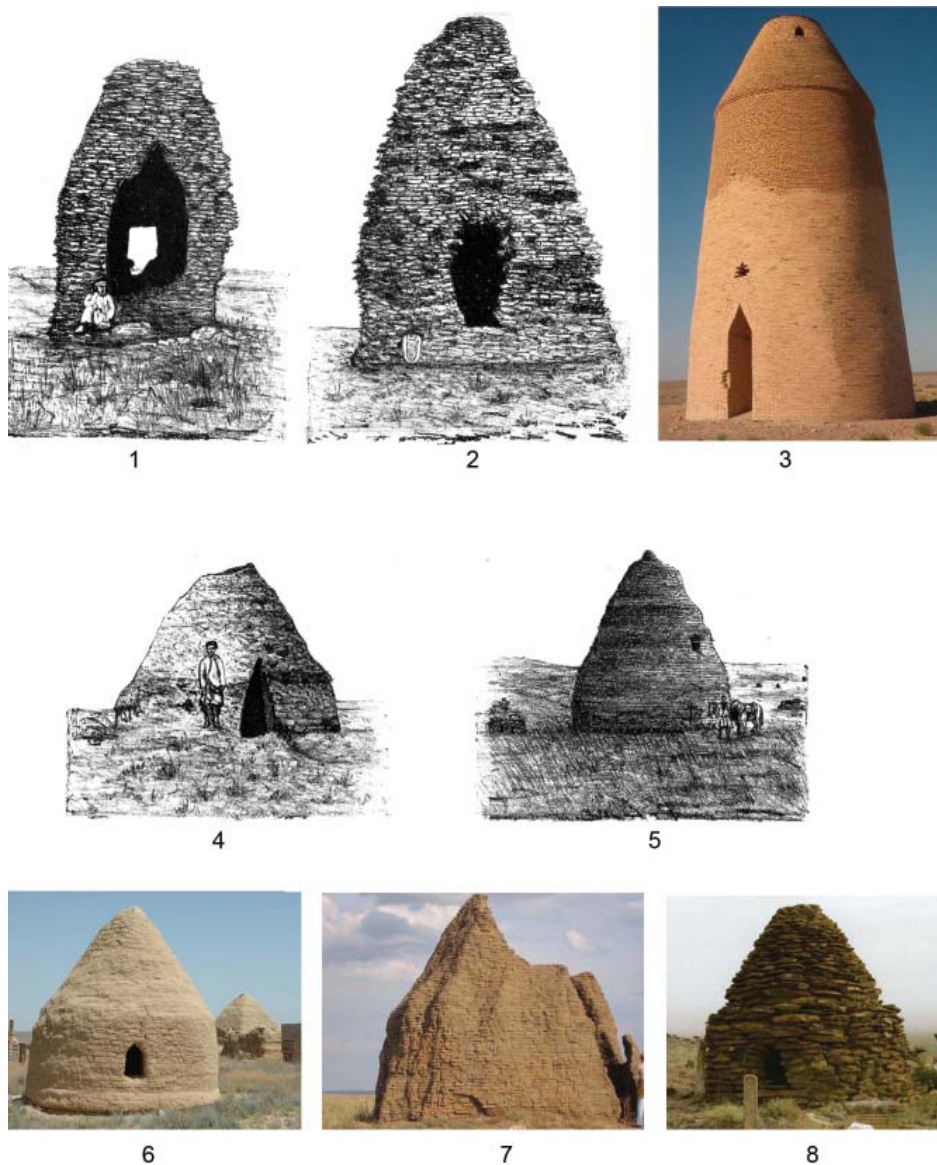

Рис. 10. Пирамидальные и конические мавзолеи Казахстана: 1–2 – каменные Дынгек и Козу Корпеч в Семиречье (по И.А. Кастанье); 3 – башня Сараман-коса в Низовьях Сырдарьи; 4–5 сырцовые мавзолеи Центрального Казахстана (по И.А. Кастанье); 6 – сырцовый мавзолей на современном некрополе Ешкыкырган в Мангистаунской области (фото М.Д. Калменова); 7 – сырцовый мавзолей (XIX в.?) на могильнике Абат Байтак в Западном Казахстане; 8 – Мазар Шилков-Мейрама (XVIII–XIX вв.?) в Западном Казахстане. (по З. Самашев и др.).

Fig. 10. Pyramidal and conical mausoleums in Kazakhstan: 1–2 – stone Dyngek and Kozy Korpech in Semirechye (Zhetysu) (after И.А. Кастанье); 3 – tower Saraman-kosa in the Lower Syrdarya area; 4–5 adobe mausoleums of Central Kazakhstan (after И.А. Кастанье); 6 – adobe mausoleum on the modern necropolis Eshkikyrgan in Mangistau Oblast (photo by М.Д. Калменов); 7 – adobe mausoleum (19th c.?) on Abat Baytak cemetery in Western Kazakhstan; 8 – Shilkov-Meygram Mazar (18th – 19th centuries?) in Western Kazakhstan (after З. Самашев et al.).

Мемориальные памятники, представленные мавзолеями, составляют наиболее многочисленную группу монументальных построек. Планировка их достаточно разнообразна. Многочисленность мемориальных памятников является причиной того, что именно они наиболее показательны для определения влияний различных архитектурных школ и выделения архитектурных провинций внутри Золотой Орды.

Анализ архитектуры общественных зданий в целом указывает на значительную роль выходцев из Малой Азии в формировании золотоордынской культуры. Представляется, что истоки общегосударственной золотоордынской архитектуры следует искать не только за пределами государства, но и в наиболее развитых в культурном отношении его областях, таких как Крым и Волжская Болгария. Тесная связь Крыма с Малой Азией в домонгольское время была обусловлена торговыми отношениями. В золотоордынский период происходит переселения в Крым выходцев из Анатолии во главе с потерявшим власть султаном Изз-ад-Дином Кейкавусом II (Райс, 2004, с. 67, 77; Крамаровский, 2009, с. 409). Вероятно, были и другие волны миграций из разоренной вторжениями внешних врагов и междоусобными войнами Малой Азии в Золотую Орду, жизнь в которой была спокойной и стабильной, а рост городов постоянно требовал притока искусных строителей и ремесленников. В зодчестве Волжской Болгарии также отчетливо заметно малоазийское влияние. Представляется вероятным, что корни его уходят в домонгольский период. Вполне возможно, что опре-

деленный вклад в развитие каменной резьбы в Золотой Орде внесли и мастера из Армении.

Золотая Орда, включившая в свой состав области с различным историческим прошлым и многочисленные народы, не была едина в своем культурном развитии. Это хорошо видно на примере монументального зодчества. В Крыму, Волжской Болгарии, Поднестровье были сильны традиции каменного строительства. Архитектурный декор здесь представлен резьбой по камню. В городах степной зоны (города Нижнего Поволжья, Маджар) применялась среднеазиатская строительная техника. Здания возводились из сырцового и обожженного кирпича, а в качестве архитектурного декора применялись изразцовые кирпичи, мозаики, майолики, терракота и детали, выточенные из кирпича. В интерьере присутствовали элементы декора из резного и штампованного ганча, а также изразцы с полихромной надглазурной росписью и позолотой. В Бельджамене, Мохше, Азове, на Кучугурском городище применялась смешанная техника строительства из кирпича и камня. На Северном Кавказе были сильны местные традиции. Особую архитектурную провинцию Золотой Орды составляли присырдарьинские города Южного Казахстана. Здесь наиболее ощутимым было влияние среднеазиатского зодчества. Таким образом, несмотря на присутствие различных строительных традиций и творческие новации, принципы планировки общественных зданий были общими для всей Золотой Орды, что свидетельствует о выработке единого, пусть и эклектичного в деталях, архитектурного стиля.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айдаров С.С., Забирова Ф.М.* О реконструкции и консервации остатков комплекса мечети // Новое в археологии Поволжья: Археологическое изучение центра Билярского городища / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 46–62.
2. *Артамонов М.И.* Древний Дербент // СА. Т. VIII. / Отв. ред. Б.Д. Греков. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 121–144.
3. *Арутюнян В.М., Сафарян С.А.* Памятники армянского зодчества. М.: «Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре», 1951. 244 с.
4. *Бородина И.Ф.* Особенности формирования мемориальных сооружений Средней Азии X–XV вв. // Архитектурное наследство. № 22. М.: Стройиздат, 1974. С. 117–127.
5. *Бретаницкий Л.С.* Зодчество Азербайджана XII–XV вв. и его место в архитектуре Переднего востока. М.: Гл. ред. восточной лит-ры изд-ва "Наука", 1966. 560 с.
6. *Воронина В.Л.* Архитектура средневекового Ирана // ВИА. Т. 8. М.: «Стройиздат», 1969. С. 15–110.
7. *Зиливинская Э.Д.* Золотая Орда как архитектурная провинция ислама: мечети Среднего и Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и Крыма // *Archaeologia Abrahamica: исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама* / Ред.-сост. Л.А. Беляев. М.: «Индрик», 2009. С. 349–385.
8. *Зиливинская Э.Д.* Архитектура Золотой Орды. Часть I. Культовое зодчество. Казань, 2014. М.; Казань: «Отечество», 2014. 448 с.
9. *Искусство Азербайджана.* Т. VIII. Баку, 1949. 624 с.
10. *Крамаровский М.Г.* Религиозные общины в истории и культуре Солхата XIII–XIV вв. // *Archaeologia Abrahamica: исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама* / Ред.-сост. Л.А. Беляев. М.: «Индрик», 2009. С. 395–433.
11. *Кудрявцев А.А.* К изучению архитектуры средневекового Дербента (VIII–XIII вв.) // Древняя и средневековая архитектура Дагестана / Сост. М. С. Гаджиев. Махачкала: Дагестан. филиал АН СССР, 1989. С. 98–114.
12. *Маньковская Л.Ю.* Типологические основы зодчества Средней Азии. IX – начало XX в. Ташкент: «Фан», 1980. 183 с.
13. *Прибыткова А.М.* О некоторых местных традициях в зодчестве Средней Азии в IX–X вв. // Архитектурное наследство. Вып. 11. М.: Стройиздат. 1958. С. 133–144.
14. *Прибыткова А.М.* Строительная культура Средней Азии IX–XII вв. М.: Стройиздат, 1973. 237 с.
15. *Пугаченкова Г.А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 493 с.
16. *Райс Т.Т.* Сельджуки. Кочевники – завоеватели Малой Азии. М.: Центрполиграф, 2004. 238 с.
17. *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Арабские источники. СПб, 1884. 588 с.
18. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Персидские источники. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
19. *Халиков А.Х., Шарифуллин Р.Ф.* Исследование комплекса мечети // Новое в археологии Поволжья: Археологическое изучение центра Билярского городища / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 21–46.
20. *Хан-Магомедов С.О.* Джума-мечеть в Дербенте // СА. 1970. № 1. С. 202–221.
21. *Хмельницкий С.* Между арабами и тюрками. Архитектура Средней Азии IX–X вв. Берлин; Рига: «Continent», 1992. 344 с.
22. *Хмельницкий С.* Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI – начала XIII вв. Ч. I. Берлин; Рига: «GamaJun», 1996. 336 с.

23. Benset Ünsal. Turkish Islamic Architecture. Seldjuk to Ottoman. New York, 1973.
24. Godard A. L'Art de Iran. Paris: Arthaud, 1962, 530 p.
25. Grabar O. The formation of Islamic Art. New Haven and London, 1973, 340 p.
26. Herzfeld E. Archaeological History of Iran. London, 1935, 342 p.
27. Hillenbrand R. Islamic Architecture. N.Y.: Columbia University Press, 1994, 645 p.
28. Petersen A. Dictionary of Islamic Architecture. London and New York: Routledge, 1996, 352 p.
29. L'Art en Turguie. Friborg, 1981.
30. Stierlin H. Islam. Early Architecture from Baghdad to Cordoba. Vol.1. Köln: Tashen, 1996, 240 p.
31. Stierlin H. Turkey from the Selçuks to the Ottomans. Köln: Tashen, 1998, 238 p.

Информация об авторе:

Зиливинская Эмма Давидовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской Академии наук, (Москва, Россия), eziliv@mail.ru

CULT MONUMENTS IN THE GOLDEN HORDE: ORIGIN AND TRADITION

E.D. Zilivinskaya

The author analyzes cult architectural sites of the Golden Horde. She addresses such categories of buildings as mosques, minarets and mausoleums. Objects of monumental architecture quite clearly reflect the different traditions in development of multifaceted urban culture of the Golden Horde. Analysis of plans of the mosques, main structures of the Muslim city showed that all currently known Juma Mosques of the Golden Horde had a basilica plan, which was adopted in Asia Minor, namely, in Anatolia, where similar mosques became widespread in the Seljuk period. Minarets too resembled Asia Minor models. Plans of the mausoleums are quite diverse. They were built under the influence of architectural schools of Asia Minor, the Caucasus, Khwarezm and nomadic traditions. In spite of various building traditions and innovations, the Golden Horde applied common principles for the planning of cult buildings, which implies development of a uniform, though eclectic in details, architectural style.

Keywords: archaeology, history, archaeological monuments, Golden Horde, cult architecture, mosques, minarets, mausoleums, Asia Minor, Caucasus, Khorezm, nomads, cultural heritage.

REFERENCES

1. Aidarov, S. S., Zabirova, F. M. 1979. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Novoe v arkheologii Povolzh'ia (Arkheologicheskoe izuchenie tsentra Biliarskogo gorodishcha) (New Developments in Archaeology of the Volga Area (Archaeological Study of the Center of Bilyar Fortified Settlement))*. Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 46–62 (in Russian).
2. Artamonov, M. I. 1946. In Grekov, B. D. (ed.). *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* VIII. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 121–144 (in Russian).
3. Arutiunian, V. M., Safarian, S. A. 1951. *Pamiatniki armianskogo zodchestva (Monuments of the Armenian Architecture)*. Moscow: "Gosudarstvennoe izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu i arkhitekture" Publ. (in Russian).
4. Borodina, I. F. 1974. In *Arkhitekturnoe nasledstvo (Architectural Heritage)* 22. Moscow: "Stroiizdat" Publ., 117–127 (in Russian).

5. Bretanitskii, L. S. 1966. *Zodchestvo Azerbaidzhana XII–XV vv. i ego mesto v arkhitekture Perednego Vostoka (Architecture of Azerbaijan in 12th — 15th Centuries and Its Place in the Architecture of Western Asia)*. Moscow: “Nauka” Publ., General Department of Oriental Literature (in Russian).
6. Voronina, V. L. 1969. In *Vseobshchaia istoriia arkhitektury (General History of Architecture)* 8. Moscow: “Stroiizdat” Publ., 15–110 (in Russian).
7. Zilivinskaya, E. D. 2009. In Beliaev, L. A. (ed.). *Archeologia Abrahamica. Issledovaniia v oblasti arkheologii i khudozhestvennoi traditsii iudaizma, khristianstva i islama (Archeologia Abrahamica. Studies in Archaeology and Artistic Tradition of Judaism, Christianity and Islam)*. Moscow: “Indrik” Publ., 349–385 (in Russian).
8. Zilivinskaya, E. D. 2014. *Arkhitektura Zolotoi Ordy (Architecture of the Golden Horde) I. Kul’ovoe zodchestvo (Ritual Architecture)*. Moscow; Kazan: “Otechestvo” Publ. (in Russian).
9. *Iskusstvo Azerbaidzhana (Arts of Azerbaijan)* VIII. 1949. Baku (in Russian).
10. Kramarovskii, M. G. 2009. In Beliaev, L. A. (ed.). *Archeologia Abrahamica. Issledovaniia v oblasti arkheologii i khudozhestvennoi traditsii iudaizma, khristianstva i islama (Archeologia Abrahamica. Studies in Archaeology and Artistic Tradition of Judaism, Christianity and Islam)*. Moscow: “Indrik” Publ., 395–433 (in Russian).
11. Kudriavtsev, A. A. 1989. In Gadzhiev M. S. (comp.). *Drevniia i srednevekovaia arkhitektura Dagestana (Antique and Medieval Architecture of Dagestan)*. Makhachkala: Dagestan Branch, Academy of Sciences of the USSR, 98–114 (in Russian).
12. Man’kovskaia, L. Yu. 1980. *Tipologicheskie osnovy zodchestva Srednei Azii. IX – nachalo XX v. (Typological Basics of Central Asia Architecture: 9th — Early 20th Centuries)*. Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).
13. Pribytkova, A. M. 1958. In *Arkhitekturnoe nasledstvo (Architectural Heritage)* 11. Moscow: “Stroiizdat” Publ., 133–144 (in Russian).
14. Pribytkova, A. M. 1973. *Stroitel’naia kul’ura Srednei Azii IX–XII vv. (Architectural Culture of Central Asia in 9th — 12th Centuries)*. Moscow: “Stroiizdat” Publ. (in Russian).
15. Pugachenkova, G. A. 1958. *Puti razvitiia arkhitektury Iuzhnogo Turkmenistana pory rabovladieniia i feodalizma (Ways of Development of South Turkmenistan Architecture during Slavery and Feudalism)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
16. Talbot Rice, T. 2004. *Sel’dzhuki. Kochevniki – zavoevateli Maloi Azii (The Seljuks in Asia Minor)*. Moscow: “Tsentrpoligraf” Publ. (in Russian).
17. Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy. T. 1. Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Collected Works Related to the History of the Golden Horde. Vol. 1. Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).
18. Tiesenhausen, V. G. 1941. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy (Collected Works Related to the History of the Golden Horde) II. Persidskie istochniki (Persian Writings)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
19. Khalikov, A. Kh., Sharifullin, R. F. 1979. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Novoe v arkheologii Povolzh’ia (Arkheologicheskoe izuchenie tsentra Biliarskogo gorodishcha) (New Developments in Archaeology of the Volga Area (Archaeological Study of the Center of Bilyar Fortified Settlement))*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 21–46 (in Russian).
20. Khan-Magomedov, S. O. 1970. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 202–221 (in Russian).
21. Khmel’nitskii, S. 1992. *Mezhd u arabami i tiurkami. Arkhitektura Srednei Azii IX–X vv. (From the Arabs to the Turks: Architecture of Central Asia in 9th–10th Centuries)*. Berlin; Riga: “Continent” Publ. (in Russian).
22. Khmel’nitskii, S. 1996. *Mezhd u Samanidami i mongolami. Arkhitektura Srednei Azii XI – nachala XIII vv. (From the Samanids to the Mongols: Architecture of Central Asia in 11th — Early 13th Centuries)*. Part I. Berlin; Riga: “Gamajun” Publ. (in Russian).
23. Benset, Ünsal. 1973. *Turkish Islamic Architecture. Seljuk to Ottoman*. New York.
24. Godard, A. 1962. *L’Art de Iran*. Paris: Arthaud.

25. Grabar, O. 1973. *The formation of Islamic Art*. New Haven; London.
26. Herzfeld, E. 1935. *Archaeological History of Iran*. London.
27. Hillenbrand, R. 1994. *Islamic Architecture*. New York: Columbia University Press.
28. Petersen, A. 1996. *Dictionary of Islamic Architecture*. London; New York: Routledge.
29. *L'Art en Turquie*. 1981. Fribourg.
30. Stierlin, H. 1996. *Islam. Early Architecture from Baghdad to Cordoba*. Vol.1. Köln: Taschen.
31. Stierlin, H. 1998. *Turkey from the Selçuks to the Ottomans*. Köln: Taschen.

About the author:

Zilivinskaya Emma D. Doctor of Historical Sciences. Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maklay (IEA), Russian Academy of Sciences. Leninsky Ave., 32a, Moscow, 119334, Russian Federation; eziliv@mail.ru

УДК 94(47)+28 (035.3)

**АРХЕОЛОГИЯ И ИСЛАМ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ
В X – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIII В.: ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА**

© 2016 г. И.Л. Измайлов

Статья посвящена проблеме происхождения и распространения ислама в Среднем Поволжье. Данная тема уже более двух столетий привлекает внимание исследователей. В настоящее время нет сомнений в том, что Волжская Булгария была мусульманским государством со значительным распространением ислама среди населения страны. Но остается дискуссионным вопрос о характере и интенсивности этого процесса. Для изучения данного вопроса использовались главным образом нарративные источники. Археологические материалы (в основном погребальные памятники) привлекались спорадически. В данной статье для анализа ситуации привлечен весь имеющийся корпус археологических источников, что позволило сделать ряд важных выводов. Судя по этим данным, ислам был широко распространен среди городского и сельского населения. Никаких следов языческих погребальных обрядов с начала XI в. в Булгарии не зафиксировано. Представления о существовании некоего массива языческого «финно-угорского» населения следует считать ошибочным, основанном на манипулировании некоторыми видами археологических находок, в первую очередь украшениями, которые, очевидно, не несли ни этнокультурной, ни конфессиональной нагрузки, а их распространение являлось результатом господствовавшей тогда своеобразной моды. Ислам среди населения средневековой Булгарии был единственной религией, не считая, видимо, христианских общин, которые жили обособленно. Мусульманская культура составляла неразрывное целое с болгарской археологической культурой.

Ключевые слова: археология, история, Волжская Булгария, ислам, мусульманская культура, средневековый мусульманский город, погребальный обряд, мечети, бани.

Проблема происхождения и распространения ислама в Среднем Поволжье достаточно давно привлекает внимание исследователей. Мусульманская Булгария была одним из ранних средневековых государств Восточной Европы, что резко изменило цивилизационную и конфессиональную ситуацию в регионе, определив на многие века культурное, религиозное и этническое своеобразие Волго-Уральского региона.

До начала широких археологических исследований историки, только изучая письменные данные, получали сведения о социальной и этнокультурной истории Волжской Булгарии. В

современных условиях вполне оправдано максимально широкое использование археологических материалов. Но это не просто некое механическое собрание разнокультурных древностей, как иногда представляется некоторым авторам (см.: Руденко, 2008, с. 16, 55 и др.), а остатки некогда живой культуры, которая имела свои истоки, динамику развития и общие характерные элементы, отличающие ее от окружающих археологических реалий. Все археологические объекты, являющиеся непосредственными ископаемыми остатками культуры населения Волжской Булгарии, объединяются понятием болгарской археоло-

Рис. 1. Карта основной территории Волжской Булгарии.

Fig. 1. Map of the main territory of the Volga Bulgaria.

гической культуры (Измайлов, 2002, с. 488). Поскольку рамки статьи не позволяют развернуть полную аргументацию, отметим, что эта культура имеет все элементы, которыми обычно исследователи характеризуют ту или иную культуру – сплошной и ограниченный ареал памятников, городища (особенности топографии выделяют среди других окружающих культур), единообразный погребальный обряд, единство материальной культуры, включая гончарную круговую посуду, различные типы орудий труда и быта, украшений и деталей костюма, а также предметов вооружения, которые имели общие и единообразные тенденции развития. Территориальные рамки этой культуры довольно четко очерчиваются среди других культур Волго-Уральского региона (см.: Фахрутдинов, 1975; Хлебникова, 1984; Хузин, 2001; 2006), что позволяет с

некоторыми дополнениями использовать эти материалы для комплексного анализа источников (рис. 1).

Особый цивилизационный облик средневековой Булгарии придавало распространение в регионе ислама, который влиял на все стороны жизни населения страны и окружающего региона. Сам этот факт не подвергается серьезным сомнениям, но характер и – главное – интенсивность проникновения ислама во все сферы жизни средневекового населения Среднего Поволжья, искажается или игнорируется. В этой связи возникают серьезные вопросы о возможности системного анализа данных археологии для изучения особенностей распространения религии в средневековом обществе, о соотношении разных традиционных и религиозных элементов в культуре, а также методике комплексного сопоставления данных ар-

хеологии и сведений о региональной конкретике религиозной жизни и законоведческой практике в определенном регионе (опыт подобного анализа см.: Измайлов, 2002а; 2008; 2009).

Все эти вопросы так или иначе уже были поставлены в историко-археологической литературе и получили определенное разрешение, что позволяет остановиться на общей оценке этих выводов и методике анализа.

Сюжеты о появлении и распространении ислама в Среднем Поволжье давно привлекали внимание исследователей. Фактически уже с конца XVIII в., т.е. с начала научного осмысления истории этого региона, характер ислама являлся предметом пристального изучения. Общий ход движения научной мысли можно охарактеризовать как постепенное накопление данных и постепенную эволюцию взглядов от представлений о том, что ислам был распространен только среди элиты общества, к постепенному осознанию широкого распространения ислама в болгарском обществе.

На раннем этапе изучения встречались уникальные мнения, например, о распространении у болгар буддизма и позднем принятии ими ислама. Определенные итоги этим исследования подвел С.М. Шпилевский. Изучив весь комплекс письменных источников и сопоставив его с отрывочными на то время данными археологии, он сделал вывод о распространении ислама и его связи с расселением народов края. «В западной части Казанской губернии, памятников древности гораздо менее, – писал казанский историк, – нежели в восточной. Причина этому понятна... на востоке губернии было господство ислама и мусульманской культуры, на западе господствовало

шаманство и обитали племена, в культурном развитии значительно уступавшие мусульманам» (Шпилевский, 1877, с. 508). С этого времени вопрос об исламе в Поволжье и отношении Булгарии к исламской цивилизации стал немислим без комплексного подхода к данной теме.

Новый этап изучения этой проблемы начался уже в 1930-х гг. С одной стороны, он основывался на анализе новых письменных источников и данных археологии, которая стала бурно развиваться в это время. С другой – в науку стал внедряться классовый и вульгарно-материалистический подход. Использование данных археологии позволило Б.Д. Грекову сформулировать тезис: «Ислам еще долго оставался здесь религией только господствующих классов, народная же масса продолжала пребывать в язычестве» (Греков, 1945, с. 32), который нашел одобрение и подтверждение в доводах А.П. Смирнова (Смирнов, 1951, с. 81–83). Представления о слабом распространении ислама (и только в среде феодальной знати и городской верхушки), а также о наличии значительных пережитков язычества в той или иной мере становятся общим местом советской историографии.

По мере накопления данных археологии стало ясно, что подобная точка зрения требует пересмотра. Этапным в этом отношении следует признать исследования Е.А. Халиковой болгарских мусульманских некрополей и ее историко-археологические выводы о периодах распространения ислама в Булгарии (Халикова, 1986, с. 137–52).

Между тем ряд историков, не пытаясь отвергнуть слишком красноречивые факты по существу, прибегли к практике мелкой детализации или

полного отрицания достижений археологии. Некоторые исследователи поступают еще проще и, игнорируя любые факты, априорно заявляют, что «Ислам как культурное явление пришел в Волго-Камье, по большому счету, только в золотоордынскую эпоху» (Егоров, 2012, с. 15), а значительные группы населения ислам якобы охватил лишь в период Казанского ханства (Каховский, 1983, с. 30; Егоров, 2012, с. 16–17). При этом они ссылаются на свою пристрастную и выборочную характеристику письменных источников.

Примерно так же поступают некоторые археологи. Считая, что письменные источники отрывочны и не отражают всей полноты картины религиозной жизни в Волжской Булгарии, они полагаются на данные археологии. Но сам комплексный анализ они подменяют дисперсным и несистемным привлечением различных фактов. Одним из таких способов является попытка представить некоторые отклонения от «классического» обряда как свидетельство «двоеверия» и «полуязычества» болгар (Газимзянов, 1997, с. 19–22). Другие археологи прямо связывают предметы быта и искусства, в частности, бронзовые шумящие подвески, другие женские украшения и находки круговой керамики с примесью раковины в тесте с наличием среди болгар определенного массива языческого финно-угорского населения (Казаков, 1993, с. 12–22; 2014, с. 230–238; Руденко, 1998, с. 17) или на основе сомнительных интерпретаций данных некоторых прежних раскопок конструируют существование неких «языческих святилищ» на территории Волжской Булгарии в XI–XIV вв.

(Руденко, 2004, с. 36–66). Подробный анализ археологических материалов, которые привели автора к этим насколько сомнительным, настолько же абсурдным выводам, показал их полную источниковедческую беспочвенность, что позволяет считать, что эта гипотеза с точки зрения науки имеет лишь историографический интерес (Хузин, 2010, с. 59–64; Хузин, Хамидуллин, 2013, с. 216–217).

Сколь ни абсурдными являются подобные исторические штудии, они создают видимость некоей дискуссии. Возникает дилемма, когда реальные археологические находки вроде бы противоречат тому, что нам известно по письменным источникам. Теоретические построения марксизма о господстве в народном сознании традиционных верований также дают основания для подобных сомнений. Общую картину размывают представления о том, что археология имеет якобы дело с бесспорными фактами, которые подтверждают поверхностное распространение ислама в Булгарии. Отсюда возникают теории о каких-то значительных группах язычников и поликонфессиональности населения Булгарии. Подобные выводы, однако, требуют серьезной и всесторонней проверки и дополнительной аргументации.

Восточная литература однозначно трактует болгар, как мусульман, а их страну, как относящуюся к исламской цивилизации. Очевидец событий, секретарь багдадского посольства Ибн Фадлан указывал, что кроме ставки Алмышы, где было много мусульман (он даже описывает их погребальный обряд (Ковалевский, 1956, с. 138–140)), был специальный штат духовенства, включая муэдзина (Кова-

левский, 1956, с. 133), существовало довольно много других общин мусульман. Таким образом, можно уверенно сказать, что уже в 910–920-е гг. среди болгар были значительные общины мусульман, причем и болгарская знать во главе с Алмышем приняла новую веру. Характерно относящееся к этой традиции указание на то, что болгары воюют с неверными, т.е. окружающими их язычниками.

В русском средневековом сознании имя волжских болгар было практически неотделимо от понятия «мусульманство» (Измайлов, 1999, с. 69–75). Так, в рассказе об «Учениях о верах» в ПВЛ (в одной из ранних редакций) отмечается, что «приидоша Болгаре веры Бохмице» (НПЛ, 2000, с. 132). В ряде летописей, восходящих, видимо, к владимирской редакции «Повести», вера болгар названа «срачинской» (ПСРЛ, Т. XV, Стл. 77). Это характерно не только для летописных повестей, но и для церковной литературы. Наиболее точно религия болгар определяется в так называемом «Слове об идолах» (Аничков, 1913, с. 380–386), автор пишет, что болгары научились своей религии от «арвитьских писаний», которое «учением дьяволим изобретено» и «Мамеда проклятого срачиньскаго жреца» (Аничков, 1913, с. 384). Неоднократно именуется болгары в летописях как «поганые» или «безбожные» (ПСРЛ, Т. I, стб. 352, 364, 390, 444; ЛПС, 1851, с. 75, 81, 93), что в христианской традиции означало население, придерживавшееся языческих и вообще ложных верований, к которым, например, западноевропейские хронисты относили всех мусульман (Лучицкая, 1994, с. 21). В глазах православных книжников мусульмане были, конечно же, настоящими языч-

никами (то есть людьми, придерживавшимися ложных верований – «погаными») или даже «безбожниками».

Не обошли эту тему и западноевропейские источники (Юлиан, Дж. де Плано Карпини, Г. Рубрук и т.д.). Наиболее яркая характеристика болгар содержится в труде Гильома де Рубрука: «Эти болгары – самые злейшие сарацины, крепче держащиеся закона Магометова, чем кто-нибудь другой» (Путешествия, 1957, с. 119).

Иными словами, все письменные источники указывают, что уже к концу X в. Болгария на международной арене выступала как мусульманская страна, которая была связана множеством торговых, культурных и политических нитей со странами Европы, Средней и Передней Азии, Ближнего Востока. У современников не вызывал никаких сомнений тот факт, что они имеют дело со страной ислама и мусульманским населением.

Не противоречат им, а в значительной степени дополняют и расширяют наши представления данные археологии. Рассмотрение всего комплекса болгарских материалов выявило данные, которые позволяют решить эту дилемму и внести определенность в понимание реального соотношения археологических материалов и данных письменных источников, изучить религиозные представления болгар по археологическим данным. В первую очередь это касается предметов и остатков, характеризующих исламскую субкультуру. Среди них есть предметы, связанные с исламскими странами Средней Азии, Ближнего и Переднего Востоком (металлическая посуда с арабографическими надписями, замки в форме львов и лошадей, поясные накладки, украшения и т.д.)

(Мухаметшин, Хакимзянов, 1996, с. 128–157, рис. 43, 44, 73, 78, 79) (рис. 2, 3). Археологические источники представляют и более веские доказательства распространения ислама в Булгарии. Из коллекций находок из памятников с территории Булгарии происходят как предметы исламского культа – футляры для хранения молитв (*тумар*), – так и бытовые предметы с арабскими надписями (зеркала, перстни, фрагменты сосудов, в том числе и религиозного содержания) (Казаков, 1985, с. 178–185; Казаков, 1991, с. 128–157, рис. 50, 1–7; Полякова, 1996, с. 176–179, рис. 61, 11–29).

Все эти находки не позволяют сделать однозначный вывод о мусульманстве людей, которые их использовали в силу широкой распространенности данных предметов в Восточной Европе. Тем не менее направленность торговых и культурных контактов более выразительна на «негативном» фоне: в том, какие предметы и находки отсутствуют или единичны – христианские культовые предметы (см.: Пособояринова, 1993, с. 73–78) и находки византийского происхождения (Измайлов, 1992, с. 102–113, рис. 1, 3–4). Иными словами, сами по себе они могут свидетельствовать о давних и устойчивых связях болгар с восточными странами, показывая культурный ареал, чьи культурные достижения и художественные изделия являлись явно более предпочтительными, чем другие.

Многолетние археологические раскопки болгарских памятников позволили выявить и более весомые доказательства распространения ислама в болгарских городах не на уровне бытовых предметов, а на уровне социальной топографии.

Уникальным свидетельством распространения ислама в болгарских городах следует признать открытие единственной в домонгольской Булгарии деревянной и белокаменной мечети на Билярском городище – средневековом городе Биляре (Халиков, Шарифуллин, 1979, с. 21–45) (рис. 4–6). Особое внимание комплекс мечети привлекает своими размерами (деревянная – 44/48 х 30 м и белокаменная – 42 х 26 м), которые в этот период были характерны для больших городских храмовых построек, поскольку обычные квартальные мечети и церкви были гораздо меньше (Якобсон, 1985, с. 60–61). Парадный характер здания подтверждают расположение в центре города, а также нахождение близ него кирпичной бани (Халиков, 1979, с. 11–20) (рис. 7) и большого городского кладбища с уникальной для Булгарии X в. семейной усыпальницей или мавзолеем с двумя погребенными (Шарифуллин, 1984, с. 65–82) по типу надземной усыпальницы (*макбара*) или полуподземного родового склепа (*сагана*). Датировка этого культового здания (деревянной части – не позднее середины X в., а белокаменной – рубежом X–XI вв.) (Хузин, 1995, с. 56–58) очерчивает время, когда институты ислама заняли центральное положение в структуре города и общественной жизни. Вне всякого сомнения, комплекс этих построек, имеющих явный религиозный характер, является важнейшим свидетельством не только распространения ислама в Биляре в X в., но и становления регулярных исламских институтов, включая мечети, кладбища и соответствующих служителей веры.

Кроме этих зданий с территории средневековой Булгарии X–XIII вв. из-

Рис. 2. Крышка чернильницы. Бронза. XI–XIII вв. МБЦ БГИАМЗ.

Fig. 2. Lid of an ink-pot. Bronze. 11th – 13th centuries (Exhibition at the Museum of Bolgar Civilization. Bolgar State Historical and Architectural Reserve).

вестно восемь кирпичных построек: три на Билярском (рис. 7, 8), видимо, два на Валынском, так называемый «Муромский городок» (Самарская Лука) и по одному на Суварском городище, Кошкиновобимбаевском, так называемом городище «Хулаш» и на Красносундюковском I городище (Смирнов, 1951, с. 246–255; Халиков, 1979, с. 11–20; Семькин, 1993, с. 219–230; Хузин, 2001, с. 278–288). По планировочным особенностям они являлись, скорее всего, общественными банями и их можно условно разделить на два типа: простой (однокамерный) и сложный (многокамерный). Очевидно, что все эти здания служили банями, о чем могут свидетельствовать система водоснабжения, обогрева и тщательно оштукатуренные и покрытые орнаментальной росписью стены, что было характерно для восточных бань. Располагались они как внутри городов (Биляр, Сувар, «Хулаш»,

Красносундюково), так и близ городских стен (Биляр, «Муромский городок»), где, очевидно, являлись частью комплексов построек караван-сараев. Судя по расположению и различиям в планировке, болгарские бани имели различный социальный статус и являлись, возможно, квартальными. Баня в центре Биляра близ комплекса мечети, по-видимому, была вакуфным учреждением, доходы с которого обеспечивали функционирование мечети и, возможно, медресе и госпиталя при ней. Институт подобных вакуфов был весьма характерен и распространен на Ближнем и Среднем Востоке. Само наличие бань во многих городах Булгарии подчеркивает восточный характер болгарского города и городской культуры. В качестве доказательства принадлежности бань именно к исламской цивилизации достаточно ска-

Рис. 3. Замочек в виде лошади. Бронза. XI–XIII вв. МБЦ БГИАМЗ.

Fig. 3. A snap shaped as a horse. Bronze. 11th – 13th centuries (Exhibition at the Museum of Bolgar Civilization. Bolgar State Historical and Architectural Reserve).

зять, что многочисленные раскопки древнерусских городов практически ни в одном из них общественных кирпичных бань не выявили.

Другим важнейшим доказательством широкого распространения ислама в Булгарии может служить распределение костей свиньи среди археологических (остеологических) остатков из памятников Волжской Булгарии. Запрет на употребление в пищу свиного мяса является важнейшей частью сакрального культа. В Коране он повторен неоднократно, характерна, в частности, заповедь из суры «Пчелы»: «Ешьте же то, что даровал вам Аллах дозволенным, благим, и благодарите милость Аллаха, если Ему вы поклоняетесь! Запретил Он вам только мертвечину, кровь, мясо свиньи и то, над чем призывалось имя не Аллаха» (Коран, сура XVI, с. 115–116). Возникновение этого запрета связано с древнейшими семито-арабскими представлениями и обрядовой практикой, а позднее он служил сплочению общины мусульман, связывая ее общими предписаниями и запретами (Шифман, 1984, с. 38–41).

Для болгарских памятников X–XIII вв. характерно практически полное отсутствие костей свиньи. Например, среди остеологических материалов из Билярского городища за время раскопок 1967–1971 гг. (всего обнаружено 9606 костей) их вообще не выявлено, нет костей свиньи и на других памятниках (Петренко, 1976, с. 228–239; Петренко, 1978, с. 124–138). Редкие исключения только подтверждают общее правило. Так, при раскопках центра Билярского городища (1974–1977 гг.) обнаружены отдельные кости свиньи, которые концентрируются

близ усадьбы русского ремесленника (Петренко, 1984, с. 66–69). Высокая статистически представительная выборка материалов и ее поразительная стерильность в отношении костей свиньи, как среди материалов городских, так и сельских поселений, а также факт широкого распространения свиноводства в более ранний исторический период (Петренко, 1984, с. 66–69) в соседних с Волжской Булгарией регионах (Андреева, Петренко, 1976, с. 178–179), позволяют сделать вывод о повсеместном и строгом следовании булгарами предписаний и запретов ислама.

Другие подобные запреты (употребления вина и т.д.) менее четко и менее выразительно определяются в археологическом материале, хотя можно отметить весьма незначительное количество (примерно 0,1–0,2% всего количества гончарной керамики) находок амфор и тарной посуды, в частности, предназначенной для транспортировки вина (Кочкина, 1999, с. 132–139).

Однако более четкие и наиболее убедительные доказательства широкого и повсеместного распространения ислама на территории Волжской Булгарии предоставляет изучение погребальных памятников Среднего Поволжья. Это не случайно может считаться *ultimo ratio* в споре о широте и всеохватности мусульманской религией населения Булгарии, поскольку само отношение к смерти является фундаментальным для каждой человеческой культуры.

Свидетельства распространения ислама среди населения Волжской Булгарии, так же как и детали представлений о смерти, которые можно почерпнуть из письменных источ-

ников, чрезвычайно доказательны и выразительны. Однако в силу отрывочности и лаконичности этих сведений только на их основании судить о представлениях о смерти средневековых болгар невозможно. Весьма существенно расширяет наши знания по этому вопросу анализ археологических материалов. Изучение средневековых погребальных обрядов позволяет изучить характер представлений о смерти в наиболее концентрированном виде, но только при учете комплексного их анализа и адекватной интерпретации (Измайлов, 2008, с. 4–41).

Булгарские могильники как археологический источник были скрупулезно и всесторонне проанализированы Е.А. Халиковой, что позволяет опираться на ее выводы по этой проблеме. Мусульманский погребальный обряд населения Булгарии X–XIII вв., по ее данным, можно реконструировать так: глубина могильной ямы до 1 м, могильная камера без ляхда, стенки ямы отвесные или с небольшим наклоном, иногда на дне ямы фиксировался подбой, погребенный был ориентирован головой на запад, запад–северо-запад или запад–юго-запад, иногда умерший хоронился в гробу или деревянном ящике с перекрытием; умерший, как правило, клался в могилу с некоторым поворотом туловища на правый бок, лицом обращенным в сторону Мекки (редко на спине и лицом вверх), руки умершего лежали: правая вдоль тела, левая сдвинута на таз (реже обе вытянуты вдоль тела или полусогнуты), ноги чаще вытянуты (реже согнуты, полусогнуты или одна из них полусогнута). Вещи в погребениях, как правило, отсутствуют, хотя иногда встречаются, но не как

элемент одежды, а, очевидно, как поминальный дар (Халикова, 1986, с. 43–132).

По данным Е.А. Халиковой, данный «классический» обряд выработался не сразу, а в течение определенного времени, но и после его становления встречаются определенные вариации этого канона. Она сделала вывод о начале распространения ислама в Булгарии в конце IX – начале X в., о полной и окончательной победе мусульманской погребальной обрядности в среде горожан в первой половине X в., а в отдельных регионах во второй половине XI в. При этом автором особо подчеркивалось, что с рубежа X–XI вв. языческие могильники на территории Булгарии уже не известны (Халикова, 1986, с. 137–152). Выводы эти в основном выдержали испытание временем и сейчас можно сказать, что расширение источниковедческой базы по материалам булгарских мусульманских могильников лишь подтверждает основные положения работ исследователя.

Изучив значительную группу булгарских мусульманских некрополей Волжской Булгарии, Е.А. Халикова пришла к выводу, что практически только два из обрядов джаназы могут быть сопоставлены с археологическим материалом – выполнение ритуала кыблы, дабы увидеть приход судного дня и восстать из мертвых, и запрет на помещение в могилу вещей, поскольку во время страшного суда ничто не должно мешать человеку и напоминать о мирской жизни – ни одежда, ни вещи, ни помыслы, – и поэтому имеют особое, определяющее значение для выделения мусульманских погребений и даже характеристики степени исламизации населе-

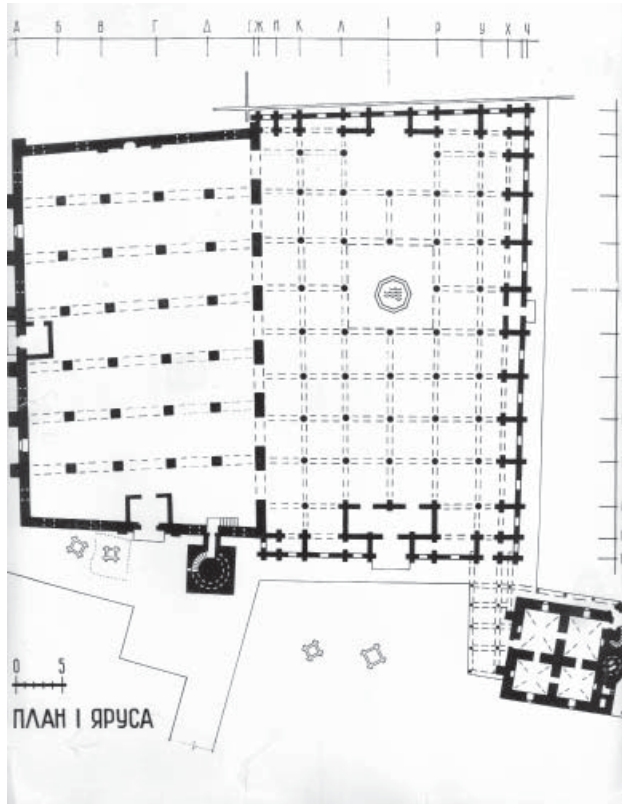

Рис. 4. План мечети в центре Билярского городища
(по Халиков А.Х. и Шарифуллин Р.Ф., 1979)

Fig. 4. Plan of mosque in the center of Bilyar fortified settlement
(after Халиков А.Х. and Шарифуллин Р.Ф., 1979)

ния (Халикова, 1986, с. 44–49).

Представляется, однако, что эти элементы погребальной обрядности имели разный вес в системе джаназы. Первый действительно является определяющим элементом, что, впрочем, не исключает некоторых отклонений от канона как естественного, вызванного особенностями археологизации погребенного (нарушения положения костяка, изменение поворота головы или невозможности в силу разных обстоятельств придать телу каноническую ориентацию, например, когда тело зачехлено без соответствующего обряда и т.д.), так и обрядового (дань традиции, местные вариации канона и т.д.). Второй же пункт

представляется неверным по самой постановке вопроса, поскольку категорического запрета на положение вещей в могилу нет ни в хадисах, ни в шариате, ни в поздних установлениях и трактовках (Торнау, 1850, с. 67–68; *Китаб-аль-Джанаиз*; Хисматуллин, Крюкова, 1997). Здесь не важно, когда был формально канонизирован запрет и был ли он установлен всегда и везде. В такой постановке вопроса адекватного ответа не получить. Все дело в том, что умерший мусульманин должен быть погребен в специальной одежде (или завернут в саван), что предполагает, как правило, отсутствие деталей одежды, бытовых вещей и даже украшений. Как правило, но не

Рис. 5. Реконструкция деревянной части мечети. Современный вид. Фото автора.

Fig. 5. Reconstruction of the wooden part of the mosque. Modern view. Photo by the author.

Рис. 6. Реконструкция белокаменной части мечети. Современный вид. Фото автора.

Fig. 6. White stone part of the mosque, reconstruction. Modern view. Photo by the author.

Рис. 7. Реконструкция белокаменной бани. Современный вид. Фото автора.

Fig. 7. White stone bath, reconstruction. Modern view. Photo by the author.

как категорический запрет. При этом надо учитывать, что, с точки зрения мусульман, вещи не были «нечистыми» (*харам*) и не могли осквернить могилы (Торнау, 1850, с. 70–71). Кроме того, судя по характеру находок, большинство вещей попадало не как украшения или детали одежды, а как поминальные дары. При этом разные предметы могли иметь разный смысл, например, накладки на ремень и кольца из одного из погребений Билярского II могильника могли быть деталями ремня, стягивающего саван, а браслет из погребения 239 Танкеевского могильника был надет на руку погребенной (в остальном обряд был исполнен безукоризненно). Разумеется, с точки зрения «высокой» учености и официальной теологии, поминальные дары или украшения являлись отступлением от канонических норм. Однако, с точки зрения этих норм и предписаний, и гробы, и мавзолеи, и надгробия, и поминки, – все то, что являлось или является неотъемлемой частью религиозной культуры, было «наущением дьявола и злостным суеверием», с которыми официальная религия была вынуждена считаться и вести изнурительную борьбу. Все эти обстоятельства заставляют определенно считать, что находки вещей в погребениях, особенно на раннем этапе внедрения исламской обрядности (не только в Поволжье, но и вообще в исламской ойкумене), являются местной особенностью мусульманской джаназы, а не свидетельством «пережитков» язычества.

В настоящее время есть возможность обобщить гораздо больший материал, чем был в распоряжении Е.А. Халиковой, и сделать анализ погребальных обрядов болгар более

комплексным. Всего на территории Волго-Уральского региона насчитывается более 80 грунтовых могильников, из них 52 относятся к концу X–XIII вв. (Измайлов, 2002а; Измайлов, 2008). Мусульманские могильники располагаются практически равномерно по всей территории Волжской Булгарии. Наибольшее количество некрополей известно и изучено в Западном Закамье, где широко исследованы Спасский (Старокуйбышевский) I (40 погребений), Суварский I (> 1), Танкеевский (56), Измерский (50), Кожаевский (144), в Центральном Закамье – Донауровский (> 6), Мурзихинский I (> 9), в бассейне р. Черемшан – Большетиганский II (> 20), в Предволжье – Богдашкинский (4), Тетюшский III (62), в Предкамье – Рождественский (31) и в окрестностях Болгарского (Ага-Базарский (?)) и Билярского (I–V) (352) городищ. Важно, что, хотя и с разной степенью интенсивности, но во всех регионах изучены как городские (Спасский, Суварский, Данауровский, Богдашкинский, Билярские) могильники, так и сельские (Танкеевский, Измерский, Кожаевский, Мурзихинский, Большетиганский, Тетюшский, Рождественский и др.) некрополи. Одновременно заметно определенное количество сомнительных погребений (т.е. зафиксированных недостаточно четко в отношении датировки или деталей обряда) в Центральном Закамье, бассейне р. Черемшан, Предволжье и Предкамье, а также отсутствие достоверных сведений о мусульманских могильниках в Посурье и Примокшанье, где находился большой куст болгарских археологических памятников, что связано, очевидно, со сложностью поиска грунтовых могильников, которые не под-

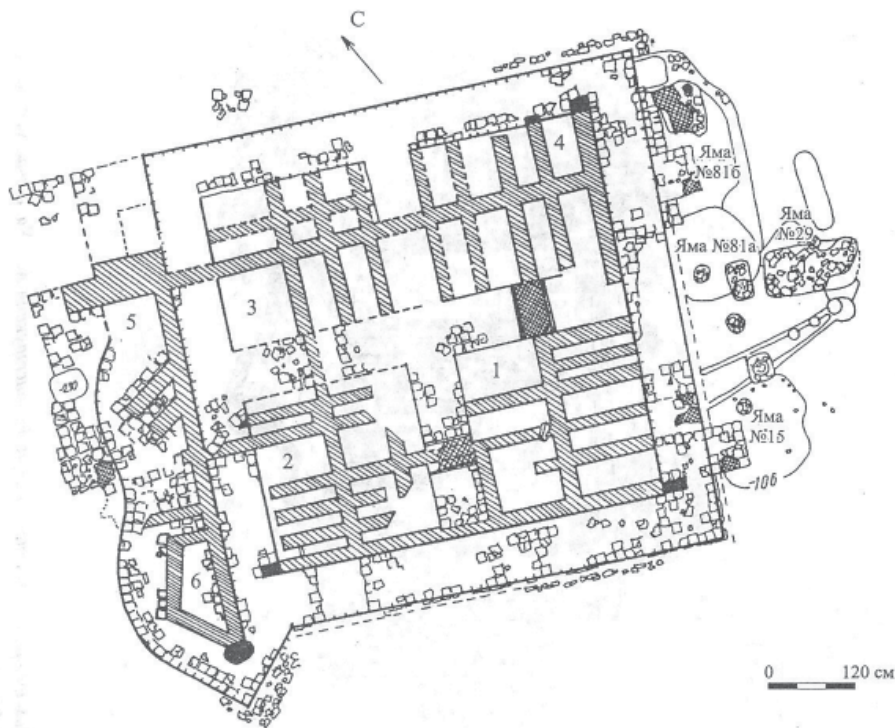

Рис. 8. План кирпичной бани. Билярское городище (По Шарифуллин Р.Ф., 2001)

Fig. 8. Plan of a brick bath. Bilyar fortified settlement (after Шарифуллин Р.Ф., 2001).

вергаются интенсивному разрушению или, наоборот, быстро уничтожаются под антропогенным (строительство, водохранилище) воздействием. Тем не менее большая территориально и социально-топографически разнообразная выборка позволяет сделать вывод о распространенности ислама в Волжской Булгарии в X–XIII вв. и деталях обряда.

Самые ранние погребения с отчетливо выраженным мусульманским обрядом в Волжской Булгарии зафиксированы на Билярском городище (Билярские II и III могильники). Здесь, судя по археологическим данным, они функционировали в первой половине – середине X в. (Халикова, 1976, с. 113–121; Халикова, 1986, с. 68–76, 88–93). Мусульманские могильники на Билярском городище располага-

лись не только по окраинам города, но и в центре городища, где был открыт и исследован Билярский IV могильник (Халикова, 1979, с. 114–118; Шарифуллин, 1984, с. 65–82). Установить достаточно точную дату этого некрополя позволяет то, что ранняя часть его погребений была перекрыта строительным горизонтом белокаменной мечети, возведенной, как показывают исследования, не позднее конца X – начала XI в., что позволяет отнести начало функционирования этого центрального (?) городского кладбища к первой половине – середине X в. (Хузин, 1995, с. 58, 59).

Характерными чертами обряда самых ранних из известных мусульманских городских некрополей являются: ориентировка головой на запад, запад–северо-запад или северо-запад

Рис. 9. Мусульманские погребения Спасского (Старокуйбышевского) могильника (раскопки автора, 1987).

Fig. 9. Muslim burials of Spassky (Stary Kuybyshev) burial ground (excavations led by the author, 1987).

(единично встречена даже юг–юго-восточная); «классическая» поза с соблюдением обряда кыблы, – но в ряде случаев (30–38%) они были погребены на спине, а иногда (в 5–10% случаев) лицом вверх; кроме обычного положения рук (правая – вдоль тела, левая – на тазе) (до 60–75% случаев) они были или полусогнуты и сложены на груди, или вытянуты вдоль тела; в некоторых погребениях были зафиксированы вещи (3–4% случаев) (Халикова, 1986, с. 43–100).

Отсюда можно сделать вывод, что ислам начал распространяться в Булгарии в период становления раннегородских поселений. Сравнение начального этапа истории городов с датой начала функционирования таких некрополей, как Билярские II, III и IV, показывает, что они возникли археологически одновременно. Это должно означать, что появление городов, городской культуры и распро-

странение ислама в них происходили в один и тот же период, а горожане в подавляющем большинстве были мусульманами. Чрезвычайно выразителен в этом отношении IV Билярский могильник, представляющий собой археологические остатки центрального городского кладбища. Само место его расположения, близ «святого места» у городской мечети, наличие золотой подвески в одном из погребений, наличие в его черте мавзолея (единственного пока исследованного на территории домонгольской Булгарии), – все это свидетельствует о нерядовом характере могильника. Скорее всего, это было центральное городское кладбище булгарской элиты.

Для сельской округи однозначных доказательств времени возникновения могильников практически нет. Исключение, очевидно, может составлять исследованное Е.П. Казаковым единственное погребение разрушен-

ного Девичьегогородского I могильника, которое, вероятно, следует датировать серединой – второй половиной X в. Другие сельские некрополи, в силу особенностей топографии (в стороне от поселения) и стратиграфии (редкое перекрытие могил более поздними слоями), могут быть датированы только широким хронологическим отрезком, как правило, второй половиной X – серединой XIII в. Несколько иначе обстояло дело с могильниками, начинавшими функционировать как языческие кладбища, а позднее в ходе исторического процесса превратившимися в ортодоксальные мусульманские некрополи. Археологически изучены два таких могильника – Танкеевский и Тетюшский (Халикова, 1986, с. 36–66; Казаков, 1992, с. 87–108). Анализ погребального обряда позволяет проследить общую картину внедрения ислама в среду отдельных групп населения и выяснить механизм обращения и обрядовую практику нефитов. Первые предметы, связанные с исламом (перстень с каменной вставкой с вырезанной арабской надписью религиозного содержания), появляются в погребениях Танкеевского могильника на рубеже IX–X вв. (Казаков, 1985, с. 179–182), но отдельные погребения с явно выраженными элементами исламской обрядности (положение костяка, ориентация на Мекку, редкие вещи в погребении) начинают распространяться только во второй половине X в., причем захоронения эти были частично совершены в рядных (расположенных рядами) могилах, чересполосно с языческими. Но к рубежу X–XI вв. языческая обрядность полностью уступает место мусульманской. Принятие новой религии населением, оставившим этот

могильник, заняло, таким образом, исторически довольно краткий период: время жизни двух-трех поколений. Погребения на Тетюшском могильнике совершались не такой длительный отрезок времени, как на Танкеевском, но и они демонстрируют, что первые мусульманские захоронения были совершены еще на языческом кладбище во второй половине X в., а к началу XI в. исламский обряд полностью вытесняет языческий (Халикова, 1986, с. 59–66; Казаков, Халикова, 1981, с. 21–35).

Характерными особенностями мусульманских погребений этих двух могильников является их традиционность, выразившаяся в определенном сходстве языческих и ранних мусульманских погребений (сравнительно большая глубина могильных ям (0,6–1 м и глубже), ориентировка умершего головой на запад (с отклонениями в секторе от северо-запада до юго-запада), положение погребенного (до 30% всех прослеженных случаев), наличие вещей (до 7% всех мусульманских погребений). Вместе с тем значительная группа захоронений совершена согласно требованиям новой обрядности выполнения кыблы: положение умершего головой на запад, лицом к югу (к Мекке), тело чуть повернуто на правый бок (около 63% всех случаев), руки вытянуты (47%) или правая – вдоль тела, а левая – на тазе (43%), ноги вытянуты (70%) (Халикова, 1986, с. 54–59, 82).

Сравнивая даты мусульманских погребений из этих могильников с установленным временем совершения мусульманских захоронений в городских некрополях Болгарии, нельзя не прийти к выводу об их большей традиционности и консервативности.

Поскольку, судя по археологическим данным, ислам уже ко второй половине X в. был сравнительно широко распространен в городах и даже сельской округе, то, очевидно, что население, оставившее Танкеевский и Тетюшский могильники, находилось на периферии социально-политической и этнокультурной жизни болгарского общества.

Одно обстоятельство из истории этих могильников вызывает особый интерес. В них довольно много разграбленных языческих погребений (особенно велико их число в Танкеевском могильнике, где из 1171 погребения полностью или частично разрушено 691) (Казаков, 1992, с. 89). Не является ли это свидетельством раскола в обществе? Предки в родовом обществе всегда считались членами общины, причем, если не более значимой, то всегда почитаемой и отдельной его частью. Глубокие изменения, привнесенные в жизнь общины исламом, явно заметны в отношении к умершим. После обращения в ислам предки стали считаться язычниками, погрязшими в своем невежестве, которые должны были понести заслуженную кару. Эти соображения наталкивают на мысль о целенаправленном ритуальном уничтожении, «вторичном умерщвлении» родственников, совершаемом ради демонстративного разрыва с прошлыми поколениями единоплеменников при переходе в новую мусульманскую общину, где все мусульмане – родственники, а не мусульмане – чужие. При этом часть родственников продолжала сохранять связь со своими предками, часть вторично хоронила умерших в соответствии с нормами ислама (выполнение кыблы), а третьи – просто ритуально

уничтожали их? Как бы то ни было, но определенное «запаздывание» исламизации общин, оставивших Танкеевский и Тетюшский могильники, свидетельствует о более позднем включении их в социальную структуру болгарского государства и, несомненно, этнополитическую и этнокультурную общность болгар, именно как мусульман.

Свидетельством этого является доминирующий с рубежа X–XI вв. и вплоть до середины XIII в. исключительно мусульманский погребальный обряд, который зафиксирован на всех могильниках с территории Булгарии (Халикова, 1986, с. 108–133). Исламская обрядность распространилась не только вширь (мусульманские могильники, судя по нашим данным, открыты и изучены во всех регионах Булгарии), но и вглубь (мусульманский погребальный обряд болгарского населения устоялся и приобрел единообразные «канонические» формы). Действительно, на всей территории Булгарии повсеместно был установлен и утвердился довольно единообразный обряд: погребение в неглубокой (обычно до 1 м) могиле, погребенный укладывался головой на запад или запад–северо-запад, лицом на юг (на большинстве могильников до 100% всех случаев), чуть повернуто на правом боку (реже на спине), руки обычно уложены: правая вдоль тела, а левая на тазе, ноги вытянуты или полусогнуты. Умерший часто хоронился в гробу (от 40 до 50% случаев). Вещи в погребении отсутствуют, по крайней мере, в отличие от X в., таких случаев с начала XI в. и до второй половины XIII в. не отмечено (Измайлов, 2008, с. 4–41).

Говоря о «классичности» и «ка-

ноничности» мусульманского погребального обряда у болгар, нельзя понимать его как заранее известный результат, к достижению которого стремились все истинно верующие. Скорее, его надо трактовать как процесс, как направление развития – постепенную адаптацию и сближение норм ислама с традиционными поминально-погребальными обрядами (Измайлов, 2002а, с. 60–69). На основе взаимодействия различных обрядов и практик шла выработка наиболее органично отвечавших местной традиции погребальных обрядов, норм и канонов. И, разумеется, если этому обряду и следовали некоторые группы мусульман, находившиеся в сфере политического и культурного влияния Булгарии, например, в Нижнем Поволжье, то это не было каноном для мусульман Средней Азии или Крыма. Иными словами, болгары в течение определенного времени выработали довольно строгий канон погребальной обрядности, придерживаясь основных исламских правил и установлений, хотя это и не означало, что такой обряд должен был быть всегда и у всех мусульман Восточной Европы. Ярким свидетельством этого являются изменения, которые произошли в мусульманском погребальном обряде у болгар в период Улуса Джучи.

Следует, однако, подчеркнуть, что в случае с Волжской Булгарией произошла не просто адаптация ислама к местным нормам. Был выработан свой канон, который через определенное время был внедрен по всем мусульманским общинам, а фактически – по всей стране. Подобная система установления норм законоведческой практики была бы невозможна без ее поддержки государственной властью.

Причем эти правила распространялись по всей стране, очевидно, не просто через систему мусульманских учебных заведений, а при полной поддержке всей мощи государственного аппарата и военно-служилого сословия. Это позволяет сделать вывод не только о силе и сплоченности болгарской элиты, но и о ее стремлении сплотить подданных посредством строгих религиозных норм и установлений. В этой среде возникли и развивались представления о своем «пограничном положении» как защитниках «Стены Искандера» и связи мощи и благосостояния страны со строгим следованием установлениям ислама (Измайлов, 2000, с. 99–105). В этой связи понятно, что подобные ревнители веры просто не могли бы допустить существования языческого населения внутри государства, а стремились бы к активному распространению ислама за пределы своей страны, о чем сообщают нам письменные источники.

Археологические материалы убедительно свидетельствуют, что на территории Булгарии не было сколько-нибудь значительного иноконфессионального населения, кроме купцов и дипломатов, а язычников не было вообще. Представления о существовании некоего массива языческого «финно-угорского» населения следует считать ошибочным, основанном на манипулировании некоторыми видами археологических находок, в первую очередь украшениями, которые, очевидно, не несли ни этнокультурной, ни конфессиональной нагрузки, а их распространение являлось результатом господствовавшей тогда своеобразной моды. Археологические признаки болгарской мусульманской культуры выявляются довольно четко

и представлены всеми категориями материала, которые можно коррелировать с данными письменных источников – система поселений с центрами в виде городищ, на части которых выявлены монументальные постройки, имеющие прямые аналогии в архитектуре исламских стран (мечети, бани), которые определяют внутреннюю топографию и структуру данных поселений; погребальные памятники, прямо указывающие на следование населением, их оставившим, мусульманским поминально-погребальным обрядам (джаназа); комплекс находок с болгарских памятников полностью совпадает с запретами, которые практикуются в исламе (т.е. в нем отсутствуют остатки, соответствующие запретам ислама). Особо следует подчеркнуть, что весь этот комплекс материалов болгарской археологической культуры резко отличается от

«образа культур» окружающих народов и по структуре поселений, и могильников, и по составу находок. Он со всей убедительностью показывает, что население Булгарии не просто следовало общим нормам исламского правоведения, но выработало свои, гораздо более строгие, каноны и правила, нежели в целом ряде мусульманских стран средневекового Востока, что выявлено в отношении пищевых запретов и поминально-погребальных обрядов. Феномен подобного жесткого и последовательного следования выработанным нормам мусульманского законоустановления в Булгарии еще предстоит полностью осмыслить (Измайлов, 2000; 2002а, 2008; Хузин, Хамидуллин, 2013) и, сопоставив с комплексным анализом письменных источников, понять, как он коррелирует со структурой болгарской элиты и самой государственностью Булгарии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Е.Г., Петренко А.Г. Древние млекопитающие по археологическим материалам Среднего Поволжья и Верхнего Прикамья // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1976. С. 137–189.
2. Аничков Е.В. Язычество и древняя Русь. СПб., 1913. 386 с.
3. Газимзянов И.Р. О некоторых элементах в погребальной практике волжских болгар X–XV вв. // Гуманистические традиции Запада и Востока в музейном деле России и Татарстана. Материалы Всерос. научно-практич. конф. Секция археологии / Ред. П.Н. Старостин, С.Ю. Измайлова. Казань: Изд-во ГОМ РТ, 1997. С. 19–22.
4. Греков Б.Д. Волжские болгары в IX–X веках // ИЗ. 1945. № 14. С. 3–37.
5. Егоров Н.И. Динамика формирования национальных концепций идентичности у татар и чувашей. От конфессионального к этнонациональному. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. 51 с.
6. Измайлов И. Л. Военно-дружинные связи Волжской Булгарии с Южной Русью в X–XI вв. // Путь из Булгара в Киев / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КНЦ РАН, 1992. С. 102–113.
7. Измайлов И.Л. «Безбожные агаряне»: Волжская Булгария и болгары глазами русских (X–XIII вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. Контакты, зоны контактов и контактные зоны. XI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М.: ИВИ РАН, 1999. С. 69–75.
8. Измайлов И.Л. «Начала истории» Волжской Булгарии в предании и исторической традиции // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 / Отв. ред. Л.В. Столярова, Е.А. Мельникова. М.: Наука, 2000. С. 99–105.
9. Измайлов И.Л. Булгарская культура // Татарская энциклопедия: в 5 томах / Гл. ред. М.Х. Хасанов. Т. I: А–В. Казань: Изд-во ИТЭ, 2002. С. 488.

10. *Измайлов И.Л.* К вопросу о каноничности и языческих пережитках в мусульманском погребальном обряде // Вопросы древней истории Волго-Камья / Отв. ред. Е.П. Казаков. Казань: Мастер Лайн, 2002а. С. 60–69.

11. *Измайлов И.Л.* Мусульманин на пороге вечности: представления о смерти и особенности джаназы в Волжской Булгарии // Минбар (Казань). 2008. Вып. 1. С. 4–41.

12. *Измайлов И.Л.* Предметы мусульманского культа в археологической культуре Волжской Булгарии // Наследие ислама в музеях России: пространственные границы и образы: Материалы науч.-практич. конф. 10–11 декабря 2008 г. / Отв. ред. Г.Р. Назипова. Казань: РИЦ «Школа», 2009. С. 47–56.

13. *Китаб ал-Джанаиз.* Смерть и похороны по ханафитскому фикху. Казань: Иман, 2000. 49 с.

14. *Казаков Е.П.* Знаки и письмо ранней Волжской Болгарии по археологическим данным // СА. 1985. № 4. С. 178–185.

15. *Казаков Е.П.* Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.

16. *Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Болгарии. М.: Наука, 1992. 335 с.

17. *Казаков Е.П.* О языческой культуре волжских болгар (по археологическим данным) // Под ред. А.Х. Халикова, Г.Ф. Валиевой-Сулеймановой. Культура, искусство татарского народа: истоки, традиции, взаимосвязи. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1993 С. 12–22.

18. *Казаков Е.П.* Хронология древностей Волжской Болгарии в системе средневековых миграций Восточной Европы // Поволжская археология. 2014. № 3. С. 222–241.

19. *Казаков Е.П., Халикова Е.А.* Раннеболгарские погребения Тетюшского могильника // Из истории ранних болгар / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. С. 21–35.

20. *Каховский Б.В.* О язычестве волжских болгар (по археологическим данным) // Новые исследования по археологии и этнографии Чувашии / Отв. ред. В.Ф. Каховский. Чебоксары, 1983. С. 26–42.

21. *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд-во Харьков. ун-та, 1956. 256 с.

22. Коран / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. 2-е изд. М.: Вост. лит, 1990. 727 с.

23. *Кочкина А.Ф.* Причерноморско-средиземноморские связи Волжской Булгарии в X – начале XIII вв. // Международные торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII вв. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИИ АН РТ, 1999. С. 132–139.

24. Летописец Переяслава Суздальского (ЛПС). М., 1851. 113 с.

25. *Луцицкая С.И.* Араб глазами франка (Конфессиональный аспект восприятия мусульманской культуры) // Одиссей. Человек в истории. 1993 / Отв. ред. А.Я. Гуревич. М.: Наука, 1994. С. 19–37.

26. *Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С.* Надписи на металлических изделиях // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1996. С. 293–304.

27. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (НПЛ). М.: Языки русской культуры, 2000. 720 с.

28. *Петренко А.Г.* Изучение костных остатков животных из раскопок Билярского городища в 1967–1971 гг. // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 228–239.

29. *Петренко А.Г.* Билярские остеологические материалы из раскопок 1974–1977 гг. // Новое в археологии Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 124–138.

30. *Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 174 с.

31. *Полубояринова М.Д.* Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.: Наука, 1993. 123 с.

32. Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1996. С. 154–268.
33. ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.
34. ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Наука, 1965. 504 с.
35. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Географгиз, 1957. 272 с.
36. Руденко К.А. К вопросу о взаимодействии болгар с поволжскими и прикамскими финнами в XII–XIV вв. (по материалам селищ) // *Finno-Ugrica*. 1998. № 1(2). С. 15–29.
37. Руденко К.А. Булгарские святилища эпохи средневековья XI–XIV вв. (по археологическим материалам) // Культурные памятники Камско-Вятского региона / Отв. ред. Н.И. Шутова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 36–66.
38. Руденко К.А. Археология Волжской Булгарии. Историография и история изучения (X–XX вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2008. 264 с.
39. Семькин Ю.А. Исследование бани на I Красносуюндюковском городище // Археологические исследования в Поволжье / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Самара: Изд-во «Самарский ун-т», 1993. С. 219–230.
40. Смирнов А.П. Волжские булгары / Тр. ГИМ. Вып. XIX. М.: Изд-во ГИМ, 1951. 273 с.
41. Торнау Н. Изложение начал мусульманского законовещения. СПб.: Типография II отд. Соб. Е.И.В. Канц., 1850. 632 с.
42. Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань: Татар. кн. изд-во, 1975. 220 с.
43. Халиков А.Х. Кирпичное здание на XVII раскопе // Новое в археологии Поволжья / Под ред. А.Х. Халикова. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 11–20.
44. Халиков А.Х., Шарифуллин Р.Ф. Исследование комплекса мечети // Новое в археологии Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 21–45.
45. Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника (К вопросу об истоках населения Волжской Булгарии IX – X вв.) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971. С. 64–93.
46. Халикова Е.А. Билярские некрополи // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 113–168.
47. Халикова Е.А. Сельские кладбища Волжской Булгарии XII – начала XIII вв. // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1976. С. 39–59.
48. Халикова Е.А. О могильнике «Бабий бугор» в Болгарах // Вопросы древней и средневековой истории Восточной Европы / Отв. ред. В.И. Козенкова, Ю.А. Краснов, И.Г. Розенфельдт. М.: Наука, 1978. С. 205–211.
49. Халикова Е.А. IV Билярский некрополь // Новое в археологии Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 114–118.
50. Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань: Изд-во КГУ, 1986. 160 с.
51. Хисматуллин А.А., Крюкова В.Ю. Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. СПб.: Петербургское востоковедение, 1997. 272 с.
52. Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Булгарии: к вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 241 с.
53. Хузин Ф.Ш. Великий город на Черемшане. Стратиграфия, хронология. Проблемы Биляра – Булгара. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1995. 223 с.
54. Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. Казань: Мастер Лайн, 2001. 480 с.

55. Хузин Ф.Ш. Ранние булгары и Волжская Булгария (VIII – начало XIII в.). Казань: «Фолиантъ», 2006. 583 с.

56. Хузин Ф.Ш. О распространении ислама среди булгар (по археологическим источникам) // Проблемы археологии и истории Татарстана. Вып. 2 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Изд-во МОиН РТ, 2010. С. 59–64.

57. Хузин Ф.Ш., Хамидуллин Б.Л. Еще раз о соотношении язычества и ислама в домонгольской культуре Волжской Булгарии // Филология и культура. 2013. № 1. С. 214–221.

58. Шарифуллин Р.Ф. Исследования IV Билярского могильника в 1979 году // Археологические памятники Нижнего Прикамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1984. С. 65–82.

59. Шифман И.Ш. О некоторых установлениях раннего ислама // Ислам. Религия, общество, государство / Отв. ред. П.А. Грязневич, С.М. Прозоров. М.: Наука, 1984. С. 36–43.

60. Шпилевский С. М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Тип. Казан. Имп. ун-та, 1877. 611 с.

61. Якобсон А.Л. Закономерности в развитии средневековой архитектуры. Л.: Наука, 1985. 170 с.

Информация об авторе:

Измайлов Искандер Лерунович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ismail@inbox.ru

ARCHAEOLOGY AND ISLAM IN THE MIDDLE VOLGA REGION IN 10TH – FIRST THIRD OF 13TH CENTURIES: AN EXPERIENCE OF A COMPLEX ANALYSIS

I.L. Izmaylov

The author addresses the origin and spread of Islam in the Middle Volga area. This topic has attracted attention of researchers for more than two centuries now. Presently, there is no doubt that the Volga Bulgaria was a Muslim state, and that Islam got widely spread among the local population. However, the character and intensity of this process is still under discussion. The author primarily uses narrative sources to study this issue, while archaeological evidence (funerary sites, mainly) were used sporadically. He analyzes the entire corpus of archaeological sources to study the situation, which allows him to make a few very important conclusions. Judging by these data, Islam was widely spread among the urban and rural population. There is no documented trace of any pagan funerary rite in the Volga Bulgaria since early 11th century. So, the idea of a massive pagan “Finno-Ugric” population here should be considered a mistake caused through manipulation of some archaeological finds, adornments first of all, which, obviously, did not have any ethnic-cultural or confessional meaning, and their spread was due to a particular fashion of the time. Islam was the only religion in the medieval Bulgaria, maybe with the exception of some isolated Christian communities. Thus, the Muslim culture was inseparably associated with the Bulgarian archaeological culture.

Keywords: archaeology, history, Volga Bulgaria, Islam, Muslim culture, medieval Muslim city, funerary rite, mosques, baths.

REFERENCES

1. Andreeva, E. G., Petrenko, A. G. 1976. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz arkheologii Volgo-Kam'ia (From the Volga-Kama Archaeology)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 137–189 (in Russian).

2. Anichkov, E. V. 1913. *Iazychestvo i drevniaia Rus' (Paganism and Ancient Rus')*. Saint Petersburg (in Russian).
3. Gazimzianov, I. R. 1997. In Starostin, P. N., Izmaylova, S. Yu. (eds.). *Gumanisticheskie traditsii Zapada i Vostoka v muzeinom dele Rossii i Tatarstana (Humanistic Traditions of Occident and Orient in the Museology of Russia and Tatarstan)*. Kazan: State United Museum of the Republic of Tatarstan, 19–22 (in Russian).
4. Grekov, B. D. 1945. In *Istoricheskie zapiski (Historical Notes)* 14, S. 3–37 (in Russian).
5. Egorov, N. I. 2012. *Dinamika formirovaniia natsional'nykh kontseptsii identichnosti u tatar i chuvashei. Ot konfessional'nogo k etnonatsional'nomu (Development of the Tatars' and Chuvashes' National Identities: from the Confessional to the Ethno-National)*. Cheboksary: Chuvashia State Institute for Humanities (in Russian).
6. Izmaylov, I. L. 1992. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Put' iz Bulgara v Kiev (The Way from Bulgar to Kiev)*. Kazan: Russian Academy of Sciences, Kazan Scientific Center, G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, 102–113 (in Russian).
7. Izmaylov, I. L. 1999. In Mel'nikova, E. A. (ed.). *Vostochnaia Evropa v drevnosti i sredne-vekov'e. Kontakty, zony kontaktov i kontaktnye zony (Eastern Europe in the Antiquity and Middle Ages. Contacts, Zones of Contacts and Contact Zones)*. Moscow: Institute for Universal History, Russian Academy of Sciences, 69–75 (in Russian).
8. Izmaylov, I. L. 2000. In Stoliarova, L. V., Mel'nikova, E. A. (eds.). *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 1998 (The Earliest States of Eastern Europe: 1998)*. Moscow: "Nauka" Publ., 99–105 (in Russian).
9. Izmaylov, I. L. 2002. In Khasanov, M. Kh. (ed.). *Tatarskaia entsiklopediia (Tatar Encyclopaedia)* I. Kazan: Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Institute for the Tatar Encyclopaedia, 488 (in Russian).
10. Izmaylov, I. L. 2002. In Kazakov, E. P. (ed.). *Voprosy drevnei istorii Volgo-Kam'ia (Issues of Ancient History of the Volga-Kama Region)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 60–69 (in Russian).
11. Izmaylov, I. L. 2008. In *Minbar (Kazan) (Minbar (Kazan))* 1, 4–41 (in Russian).
12. Izmaylov, I. L. 2009. In Nazipova, G. R. (ed.). *Nasledie islama v muzeiakh Rossii: prostranstvennye granitsy i obrazy (Islamic Heritage in the Museums of Russia: Spatial Borders and Images)*. Kazan: "Shkola" Publ., 47–56 (in Russian).
13. *Kitab al-Dzhanaiz. Smert' i pokhorony po khanafitskomu fikkh (Kitab Al-Jana'iz: Death and Funeral in Hanafi Fiqh)*. 2000. Kazan: "Iman" Publ. (in Russian).
14. Kazakov, E. P. 1985. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 178–185 (in Russian).
15. Kazakov, E. P. 1991. *Bulgarskoe selo X–XIII vekov nizovii Kamy (10th – 13th Century Bulgar Village in the Lower Kama Region)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
16. Kazakov, E. P. 1992. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii (etapy etnokul'turnoi istorii) (Culture of the Early Volga Bulgaria: Stages of the Ethnic-Cultural History)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
17. Kazakov, E. P. 1993. In Khalikov, A. Kh., Valieva-Suleimanova, G. F. (eds.). *Kul'tura, iskusstvo tatarskogo naroda: istoki, traditsii, vzaimosviazi (Culture and Art of the Tatar People: Origins, Traditions, Interrelations)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 12–22 (in Russian).
18. Kazakov, E. P. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiia (Volga River Region Archaeology)* (3), 222–241 (in Russian).
19. Kazakov, E. P., Khalikova, E. A. 1981. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz istorii rannikh bulgar (From the History of Early Bulgars)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 21–35 (in Russian).
20. Kakhovskii, B. V. 1983. In Kakhovskii, V. F. (ed.). *Novye issledovaniia po arkheologii i etnografii Chuvashii (Recent Studies on the Archaeology and Ethnography of Chuvashia)*. Cheboksary, 26–42 (in Russian).
21. Kovalevskii, A. P. 1956. *Kniga Akhmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg. (Ibn-Fadlan's Book on His Journey to the Volga in 921-922)*. Kharkov: Kharkov State Univer-

sity (in Russian).

22. Koran (Qur'an). 1990. / Krachkovsky, I. Y. (trad. and comments). 2nd ed. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).

23. Kochkina, A. F. 1999. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Mezhdunarodnye torgovye puti i goroda Srednego Povolzh'ia IX–XII vv. (International Trade Routes and the Towns of the Middle Volga Area in 9th–12th Centuries)*. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 132–139 (in Russian).

24. *Letopisets Pereiaslavlia Suzdal'skogo (Chronicle of Pereiaslavl near Suzdal)*. 1851. Moscow (in Russian).

25. Luchitskaia, S. I. 1994. In Gurevich, A. Ya. (ed.). *Odissei. Chelovek v istorii. 1993 (Odysseus: Man in History, 1993)*. Moscow: "Nauka" Publ., 19–37 (in Russian).

26. Mukhametshin, D. G., Khakimzianov, F. S. 1996. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 293–304 (in Russian).

27. *Novgorodskaiia Pervaia letopis' starshego i mladshego izvodov (Novgorod First Chronicle of the Early and Late Versions)*. 2000. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) 3. Moscow: "Iazyki russkoi kul'tury" Publ. (in Russian).

28. Petrenko, A. G. 1976. In Sedov, V. V. (ed.). *Issledovaniia Velikogo goroda (Studies of the Great City)*. Moscow: "Nauka" Publ., 228–239 (in Russian).

29. Petrenko, A. G. 1979. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Novoe v arkheologii Povolzh'ia (Arkheologicheskoe izuchenie tsentra Biliarskogo gorodishcha) (New Developments in Archaeology of the Volga Area (Archaeological Study of the Center of Bilyar Fortified Settlement))*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 124–138 (in Russian).

30. Petrenko, A. G. 1984. *Drevnee i srednevekovoe zhitovnovodstvo Srednego Povolzh'ia i Predural'ia (Ancient and Medieval Cattle-Breeding of the Middle Volga Area and Cis-Urals)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

31. Poluboiarinova, M. D. 1993. *Rus' i Volzhskaiia Bolgariia v X–XV vv. (Rus' and Volga Bulgaria in 10th–15th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

32. Poliakova, G. F. 1996. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 154–268 (in Russian).

33. *Lavrent'evskaia letopis' (Laurentian Codex)*. 1997. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) I. Moscow: "Iazyki russkoi kul'tury" Publ. (in Russian).

34. *Rogozhskii letopisets. Tverskoi sbornik (Rogozhskoe Chronicle. Tver Collection)*. 1965. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) XV. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

35. *Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubrika (The Journey of Plano Carpini and William of Rubruk to the Eastern Parts)*. 1957. Moscow: "Geografiz" Publ. (in Russian).

36. Rudenko, K. A. 1998. In *Finno-Ugrica* 1(2), 15–29. (in Russian).

37. Rudenko, K. A. 2004. In Shutova, N. I. (ed.). *Kul'tovye pamiatniki Kamsko-Viatskogo regiona: Materialy i issledovaniia (Cult Sites of Kama and Vyatka Rivers Region: Materials and Studies)*. Izhevsk: Udmurt Institute for History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 36–66 (in Russian).

38. Rudenko, K. A. 2008. *Arkheologiia Volzhskoi Bulgarii. Istoriografiia i istoriia izucheniia (X–XX vv.) (Archaeology of the Volga Bulgaria: Historiography and History of Studies (10th — 20th Centuries))*. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).

39. Semykin, Yu. A. 1993. In Matveeva, G. I. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia v Povolzh'e (Archaeological Research in the Volga Region)*. Samara: Samara State University, 219–230 (in Russian).

40. Smirnov, A. P. 1951. *Volzhskie bulgary (Volga Bulgars)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum XIX. Moscow: State Historical Museum (in Russian).

41. Tornau, N. E. 1850. *Izlozhenie nachal musul'manskogo zakonovedeniia (Elementary Muslim Jurisprudence: an Overview)*. Saint Petersburg: Typography of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery (in Russian).

42. Fakhrutdinov, R. G. 1975. *Arkheologicheskie pamiatniki Volzhsko-Kamskoi Bulgarii i ee territorii (Archaeological Sites of Volga-Kama Bulgaria and its Territory)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

43. Khalikov, A. Kh. 1979. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Novoe v arkheologii Povolzh'ia (Arkheologicheskoe izuchenie tsentra Biliarskogo gorodishcha) (New Developments in Archaeology of the Volga Area (Archaeological Study of the Center of Bilyar Fortified Settlement))*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 11–20 (in Russian).

44. Khalikov, A. Kh., Sharifullin, R. F. 1979. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Novoe v arkheologii Povolzh'ia (Arkheologicheskoe izuchenie tsentra Biliarskogo gorodishcha) (New Developments in Archaeology of the Volga Area (Archaeological Study of the Center of Bilyar Fortified Settlement))*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 21–45 (in Russian).

45. Khalikova, E. A. 1971. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Voprosy etnogeneza tiurkoiazыchnykh narodov Srednego Povolzh'ia (The Issues on Ethnogenesis of the Turkic-speaking People of the Middle Volga Region)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 64–93 (in Russian).

46. Khalikova, E. A. 1976. In Sedov, V. V. (ed.). *Issledovaniia Velikogo goroda (Studies of the Great City)*. Moscow: "Nauka" Publ., 113–168 (in Russian).

47. Khalikova, E. A. 1976. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz istorii kul'tury i byta tatarskogo naroda i ego predkov (From the History of Culture and Everyday Life of Tatar People and its Ancestors)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 39–59 (in Russian).

48. Khalikova, E. A. 1978. In Kozenkova, V. I., Krasnov, Yu. A., Rozenfel'dt, I. G. (eds.). *Voprosy drevnei i srednevekovoї istorii Vostochnoi Evropy (Issues of the Ancient and Medieval History of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ., 205–211 (in Russian).

49. Khalikova, E. A. 1979. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Novoe v arkheologii Povolzh'ia (Arkheologicheskoe izuchenie tsentra Biliarskogo gorodishcha) (New Developments in Archaeology of the Volga Area (Archaeological Study of the Center of Bilyar Fortified Settlement))*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 114–118 (in Russian).

50. Khalikova, E. A. 1986. *Musul'manskіe nekropoli Volzhskoi Bulgarii X — nachala XIII vv. (Muslim Necropolises in Volga Bulgaria in 10th — early 13th Centuries)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

51. Khismatullin, A. A., Kriukova, V. Yu. 1997. *Smert' i pokhoronnyi obriad v islame i zoroastrizme (Death and Funerary Rite in Islam and Zoroastrianism)*. Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ. (in Russian).

52. Khlebnikova, T. A. 1984. *Keramika pamiatnikov Volzhskoi Bulgarii: (K voprosu ob etnokul'turnom sostave naseleniia) (Ceramic Ware of the Volga Bulgaria Sites. On the Issue of Ethnocultural Composition of the Population)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

53. Khuzin, F. Sh. 1995. *Velikii gorod na Cheremshane. Stratigrafiia, khronologiia. Problemy Biliara-Bulgara (Great Town on Cheremshan River. Stratigraphy, Chronology. Issues of Bilyar and Bulgar)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

54. Khuzin, F. Sh. 2001. *Bulgarskii gorod v X — nachale XIII vv. (Bulgar City in 10th — Early 13th Centuries)*. Kazan: "Master-Line" Publ. (in Russian).

55. Khuzin, F. Sh. 2010. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Problemy arkheologii i istorii Tatarstana (Issues of Archaeology and History of Tatarstan) 2*. Kazan: Ministry of Education and Science of the Republic of Tatarstan, 59–64 (in Russian).

56. Khuzin, F. Sh. 2006. *Rannie bulgary i Volzhskaia Bulgariia (VIII — nachalo XIII v.) (Early Bulgars and Volga Bulgaria (8th — Early 13th Centuries))*. Kazan: "Foliant" Publ. (in Russian).
57. Khuzin, F. Sh., Khamidullin, B. L. 2013. In *Filologiya i kul'tura (Philology and Culture)* (1), 214–221 (in Russian).
58. Sharifullin, R. F. 1984. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Nizhnego Prikam'ia (Archaeological Sites of the Lower Kama Region)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 65–82 (in Russian).
59. Shifman, I. Sh. 1984. In Griaznevich, P. A., Prozorov S. M. (eds.). *Islam. Religii, obshchestvo, gosudarstvo (Islam: Religion, Society, State)*. Moscow: "Nauka" Publ., 36–43 (in Russian).
60. Shpilevskii, S. M. 1877. *Drevnie goroda i drugie bolgarsko-tatarskie pamiatniki v Kazanskoj gubernii (Ancient Towns and Other Bulgar-Tatar Sites in the Kazan Province)*. Kazan: Typography of the Kazan Imperial University (in Russian).
61. Jakobson, A. L. 1985. *Zakonomernosti v razvitii srednevekovoi arkhitektury (Regularities in the Evolution of the Medieval Architecture)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Author:

Izmaylov Iskander L. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ismail@inbox.ru

УДК 94 (100–87) + 902

ЗАСТРОЙКА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ ГОРОДА САУРАН XIV–XVI ВВ.

© 2016 г. Е.А. Смагулов

Средневековый Сауран – один из крупнейших и известнейших городов на юге Казахстана. Его двухтысячелетняя история отложилась в слоях двух рядом расположенных городищ: Каратобе (первые вв. н.э. – XIII в.) и Сауран (XIV–XVIII вв.), которые отличаются высокой сохранностью. На городище Сауран Институтом археологии им. А.Х.Маргулана в 2004 г. начаты масштабные археологические раскопки. Одним из объектов исследования стала застройка центральной городской площади на цитадели городища. Здесь открыт ряд крупных общественных зданий: жума-мечеть, медресе и, возможно, ханака. Все здания имеют замкнутую дворовую планировку, четко выраженные входные порталы, сводчатые и купольные перекрытия и фасады, облицованные полихромными глазурованными плитами. Стратиграфия этих комплексов позволяет рассматривать процесс становления архитектурного ансамбля во времени.

Ключевые слова: археология, Южный Казахстан, средние века, городище Сауран, мечеть, медресе, ханака, архитектурный комплекс, стратиграфия.

Средневековое городище Сауран находится на территории современного Туркестанского района Южно-Казахстанской области Казахстана, в 45 км. к западу от г. Туркестан. Сохранность городища уникальная. На его территории наблюдаются все детали топографии средневекового города, которые большей частью утрачены у иных городищ Казахстана и Средней Азии. Более того, его история отложилась в культурных слоях двух рядом расположенных городищ – Каратобе (IV–XIII вв.) и Сауран (XIV–XVIII вв.). По северной территории позднего городища Сауран проходят международные железнодорожная и автомагистрали, что повышает его «туристический потенциал». Сауран – один из немногих средневековых городов Казахстана, локализация которого считается бесспорной.

Впервые Сауран/Сулхан упоминается в письменных источниках в связи

с арабскими завоеваниями присырдарьинских оазисов в первой половине VIII в. (Муминов, 2003, с. 117–153). В дальнейшем практически все средневековые авторы, писавшие о событиях в казахстанских степях, упоминают этот город в связи с теми или иными политическими событиями. Анализ этих сведений позволяет охарактеризовать Сауран как важнейший культурный, экономический и политический центр средневекового Казахстана (Пищулина, 1966; Байпаков, Смагулов, 2005).

Городище неоднократно и достаточно подробно описано (Агеева, Пацевич, 1958, с. 97–101; Байпаков, Смагулов, 2005; Смагулов, 2007, с. 132), поэтому мы отметим лишь, что, как и любое средневековое городище, оно обладает своей сложной внутренней структурой, отражающей структуру крупного средневекового города в его историческом развитии (Смагулов, 2007, с. 126–142). Наиболее зна-

чительной и сложной частью является *кала* – центральная часть, которая представляет собой овал площадью 800 x 900 м, окруженный крепостными стенами. Остальная территория города вне стен калы расположена на площади примерно в 4 кв. км. Здесь присутствуют участки как сплошной, так и усадебной застройки. Как археологически установлено, внутри крепостных стен культурный слой датируется XIII–XVIII вв. и насыщен остатками жилых, производственных и общественных построек. Культовые и общественные сооружения из обожженного кирпича образуют здесь архитектурные комплексы, сопоставимые с архитектурными ансамблями Самарканда, Хивы или Бухары, и представляют собой выдающиеся памятники архитектуры. В более ранний период (IV–XIII вв.) Сауран локализуется на месте городища Каратобе, расположенного в 3 км южнее (Смагулов, 2007, с. 126–135; 2011).

Местоположение центральной городской площади достаточно четко определялось еще до начала раскопок, по микротопографическим признакам. Центральная магистральная улица («проспект»), имеющая местами ширину до 10 м. ведет от «северных» городских ворот внутрь города и от нее формируется городская уличная сеть, теперь в виде ложбин между холмами, представляющими собой развалины отдельных фундаментальных построек или массивов сплошной жилой застройки. Эта уличная сеть частично дешифрована на плане Сауранской калы 1940-х годов, но площадь на ней еще не обозначена (Бернштам, 1949, с. 81, рис. 10).

В 200 м. от Северных ворот «проспект» выходит на обширную цен-

тральную городскую площадь размерами примерно 100 x 50 м. Площадь имеет подпрямоугольные очертания и расположена длинной осью поперек направления магистральной улицы (рис. 1). По ее периметру расположены мощные холмы развалин зданий, построенных, как оказалось, из квадратного жженого кирпича. Улица переходит в площадь, расширяясь до 18-ти м. Под холмом слева расчищены руины медресе начала XVI в., а справа – такое же большое здание с замкнутой дворовой композицией плана (рис. 2) (Акылбек, 2008, с. 321–329; Смагулов, Ержигитова, Лушпенко, 2011, с. 132–136).

Мечеть. Вдоль всей северо-западной стороны площади было расположено здание пятничной/соборной мечети – жума-мечети. Такой вывод можно было сделать уже после рекогносцировочных исследований, проведенных Туркестанской археологической экспедицией (ТАЭ) еще в 1998 г. (Смагулов, 2000, с. 100–109). В 2005–2007 гг. была завершена полная расчистка, и ее краткие описания уже нашли место в обзорах архитектурных памятников Золотой Орды (Зиливинская, 2011, с. 28).

Как известно, в реестре мусульманских культовых сооружений жума-мечети отличаются рядом родовых признаков. Прежде всего, это достаточно сложный и репрезентативный архитектурный комплекс, предназначенный для регулярного собрания мужской части городской общины. Изначально жума/джами мечети в городах мусульманского мира выступали свидетельством благосостояния города и благочестия его правителей. Располагались они обычно в центральной части города, вблизи цен-

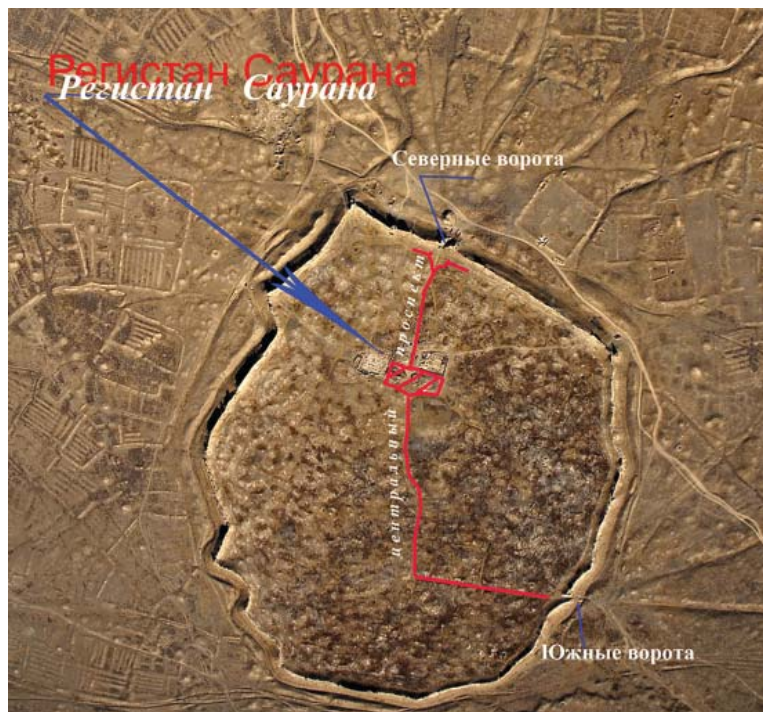

Рис. 1. Аэрофото центральной части (калы) Саурана с прилегающей городской территорией.

Fig. 1. Aerial photograph of the central part (qala) of Sauran, with adjacent urban territory.

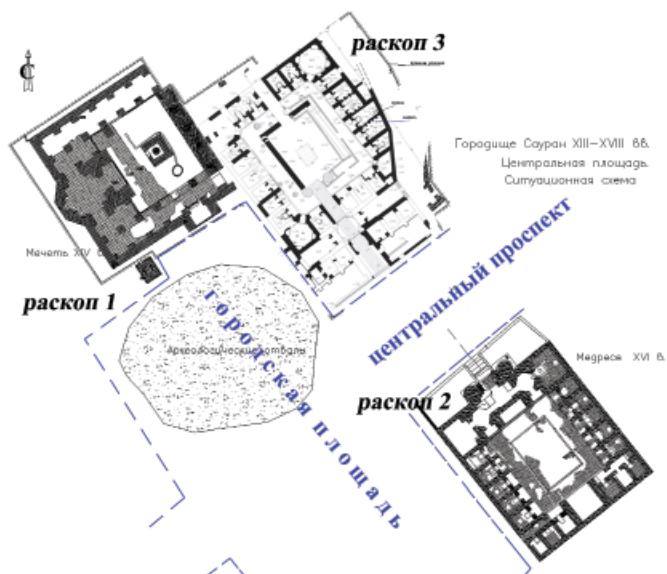

Рис. 2. Ситуационный план застройки северной и западной стороны Сауранского Регистана.

Fig. 2. Situational layout of the northern and western part of the Sauran Registan.

тральных площадей и были богато украшены в соответствии со вкусами эпохи. В плане они представляли (и представляют) собой обширный прямоугольный двор в окружении колонных галерей. Сторона, обращенная к кыбле, расширялась до размеров крытого многоколонного зала – макуры. В стене, обращенной к кыбле, обычно на центральной оси симметрии, устраивался михраб – молитвенная ниша, куда обращались молящиеся. По мнению специалистов, на почве Средней Азии произошел симбиоз арабской дворово-колонной и местной айванной планировочных структур, породивший многообразие архитектурных решений жума-мечетей (Хмельницкий, 1996, с. 69). При этом обязательными составными частями, или элементами топоса, горизонтальной структуры жума-мечетей являются обширный открытый двор, ориентированный на кыблу молитвенная ниша в стене, перекрытое пространство перед этой нишей, водный источник в виде колодца/бассейна/фонтана в центре всей планировки. Считается, что прототипом мусульманских молитвенных мест/мечетей/масжид послужил мединский дом пророка Мухаммада. Именно от него берет начало архитектурный тип дворовой арабской мечети, основанный на сопоставлении открытого пространства (сахн) и затененного пространства молитвенного зала (зулла) (Шукуров, 2002, с. 30).

Стратиграфические наблюдения показали, что здание мечети пережило два основных периода. Первый период (СГ1) – от постройки до частичного разрушения здания; второй период (СГ2) – от частичного разрушения и использования части территории ме-

чети под гончарную мастерскую и до полного заброса связанного, вероятно, с общим угасанием города в XVIII в. (рис. 3). Во второй период существования стены разбирались для добычи качественного обожженного кирпича, который шел на вторичное использование. Во многих местах кирпич выбран до основания, так что некоторые детали плана приходится реконструировать по косвенным признакам.

После того как мечеть перестала в полном объеме функционировать по прямому назначению, ее помещения служили не только для посещения прихожан, но и, вероятно, кровом для временного обитания. От этого периода на полах сохранились следы кострищ в виде зольных пятен в разных частях здания, остатки временных очагов, сложенных из кирпича, вынуженного из стен постройки, и небольшая коллекция обломков бытовой глазурованной посуды (кеса, блюда, пиала и пр.). Под кирпичным полом михрабного зала обнаружен клад из двенадцати узелков с мелкими медными монетами XVI в. (рис. 4) (Бурнашева и др., 2006, с. 61–66).

В это же время шло разрушение и разборка конструктивных элементов строения. Таким образом, толщину наружных стен пришлось реконструировать по редким отдельным кирпичикам от самых нижних слоев кладки стен, сохранившимся *in situ*. Выяснено, что стены и прочие несущие конструкции поставлены фактически на слои ленточной пахсы, из которой состоит вся специальная платформа под постройкой, а под ней – стерильный материк. Это показал углубившийся на 2,5 м. под уровень пола шурф площадью 4 кв. м. в помещении 3. Так же как и под мечетью Отрара, где был

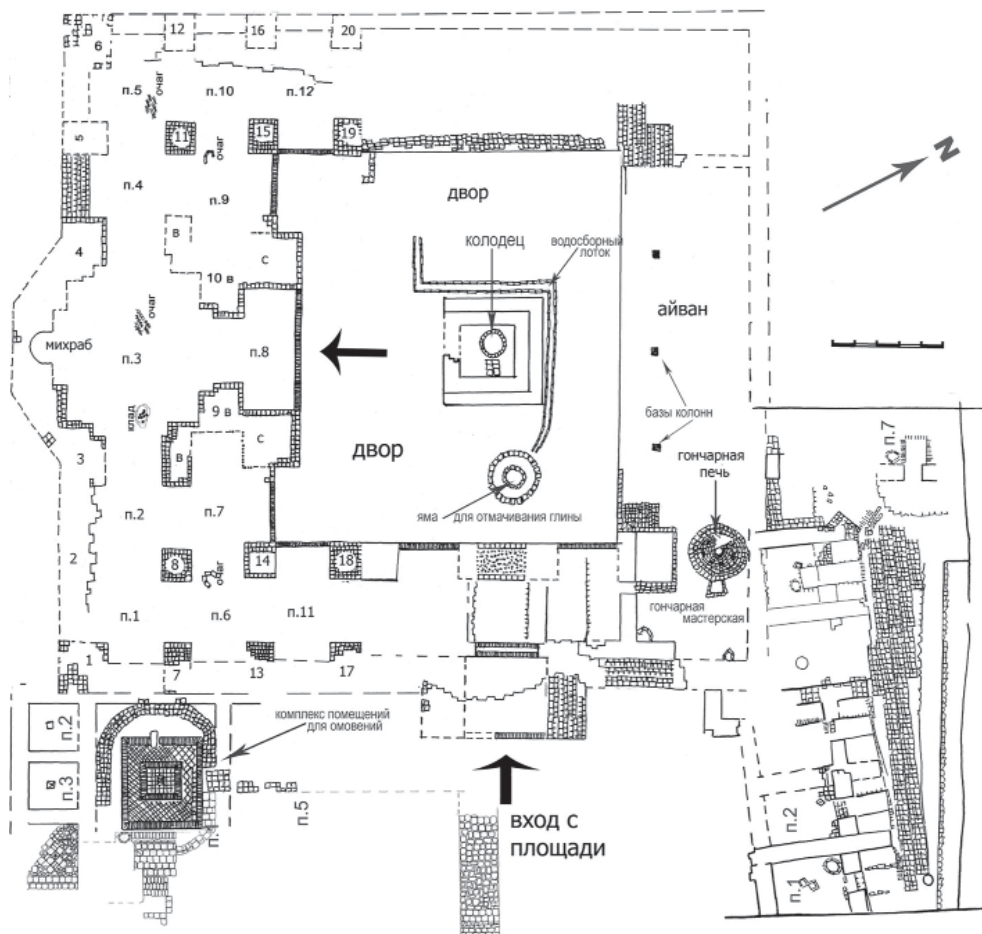

Рис. 3. План мечети.
Fig. 3. Plan of the mosque.

Рис. 4. Монетки в узелках из клада под полом мечети. XVI в.
Fig. 4. Bundled coins from a hoard discovered under the floor of the 16th century mosque.

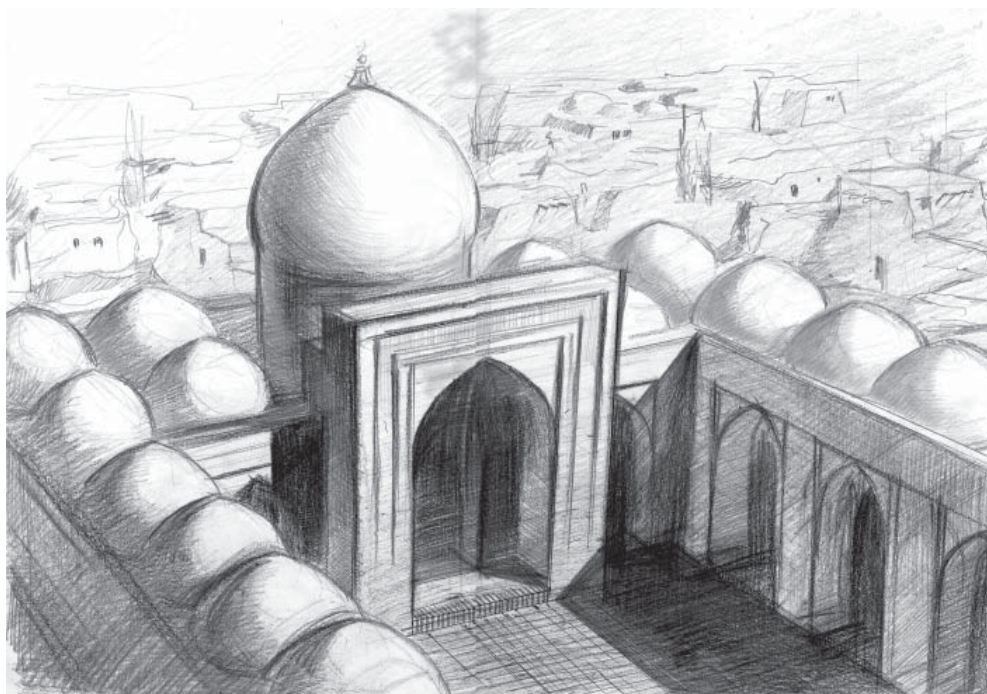

Рис. 5. Вариант реконструкции мечети. Деталь.
(Реконструкция Смагулова Е.А., рис. Имажанова Н.Х.).

Fig. 5. Mosque, a version of reconstruction. Detail.
(E.A. Smagulov's reconstruction, drawing by N.Kh. Imazhanov).

зафиксирован слой чистых лессовых прослоек толщиной около 1,2 м (Имажанов, Бейсембаева, 2003, с. 252). От обрушившихся конструкций в слое завала сохранились отдельные фрагменты кирпичных кладок, соединенных алебастровым раствором. Стоит упомянуть большой фрагмент основания купола, лежавший в северо-восточной части центрального михрабного зала (пом. 3); отдельные фрагменты арок у колонн № 7, 8, 11, участки купола над колонной № 15 и т.д.

Вскрытые архитектурно-планировочные детали комплекса мечети позволяют отнести ее к *замкнутому айванно-дворовому типу архитектурных сооружений* (Маньковская, 1980, с. 115–118). Центральный двор имел размеры 15,3 x 17,8 м, и на него были обращены все помещения, располо-

женные по периметру. Юго-западную сторону двора замыкала основная (или михрабная) часть здания мечети, которая была обращена во двор входным арочным порталом (рис. 5). План этой части комплекса имел пятинефную двухрядную композицию с арочно-купольными перекрытиями.

Ширина входной ниши составляет 6 м. Арка ее покоилась на массивных пилонах. Через дверной проем шириной 2,95 м сразу попадали в квадратный (6 x 6 м) зал перед михрабной нишей. Объем зала был несколько увеличен за счет трех ниш глубиной по 0,75 м. На главной оси в центре юго-западной стены в нише глубиной 0,75 м. был устроен михраб. Судя по следу на полу, его ширина 1,5 м и глубина 1,2 м. Ширина проходов между столбами-опорами купольного пере-

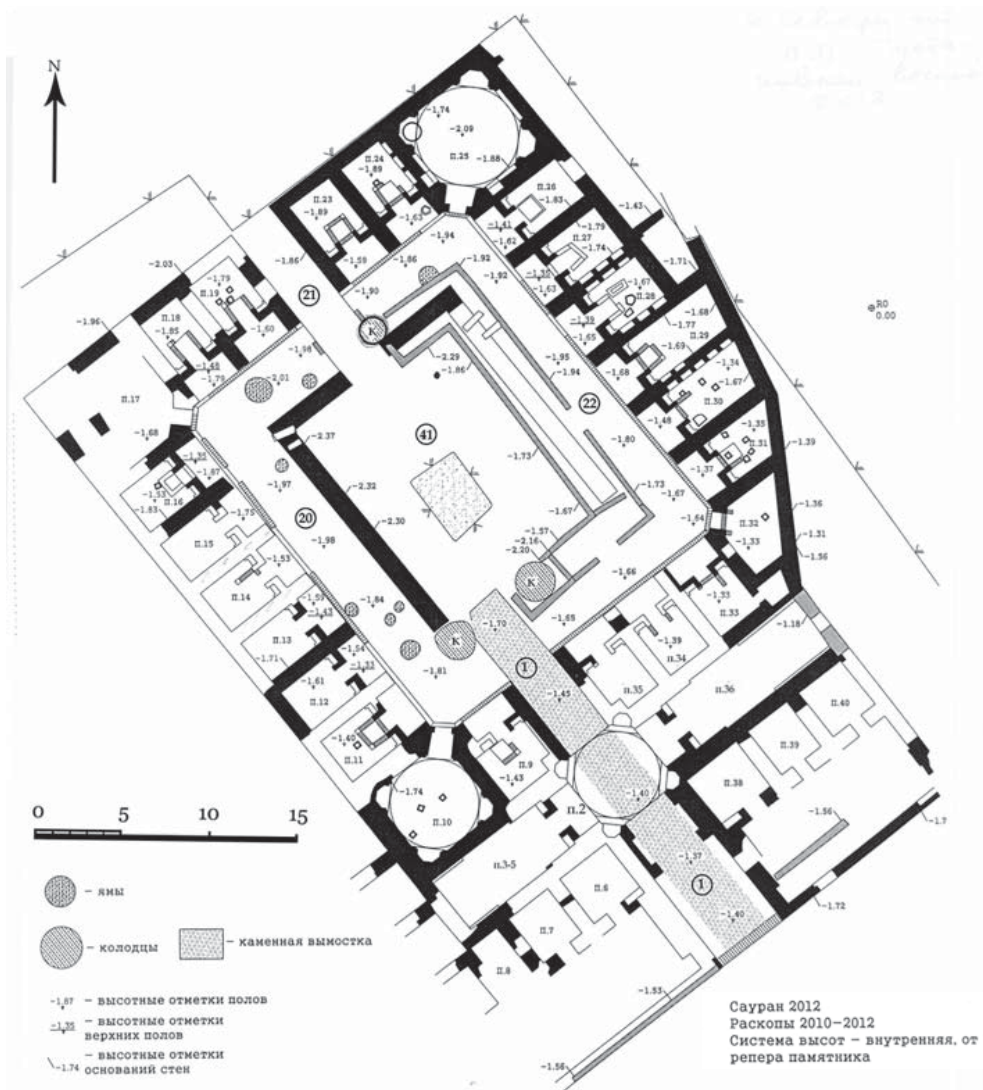

Рис. 6. План ханаки (раскоп 3) или раннего медресе (?).

Fig. 6. Plan of the khanqah (dig 3) or early madrasa (?).

крытия 2,75 м, ширина самих столбов 1,15 м. Очевидно, что купол над центральным михрабным залом был диаметром 6 м, а восемь куполов по его сторонам – 3 м.

Площадь михрабной части комплекса по наружным линиям стен равна примерно 31 x 12 м, а площадь всего комплекса по наружному контуру – 31 x 34 м, т.е. чуть более 1000 кв. м. По плану это тип замкнуто-дворовых

мечетей с выделенной портално-купольной двухрядной михрабной частью с двором перед ней. Двор обведен по сторонам арочно-купольной однорядной галереей. Характерен широкий портал (пештак), обращенный в закрытый двор, в центре которого на основной оси расположен колодец с неким капитальным сооружением над ним, а далее – широкий (16 м) и глубокий (6 м) открытый во

двор айван (рис. 3). Эта центральная ось перпендикулярна оси, проходящей через центр входного с площади портала, который устроен в юго-восточной фасадной стене с некоторым смещением от центральной оси прямоугольника двора, то есть входной портал ассиметричен по отношению ко всей постройке. Такой план комплекса был, очевидно, продиктован местоположением мечети – она замыкала северо-западную сторону прямоугольной площади и при этом было необходимо ориентировать главную ось композиции плана с михрабом на юго-запад (рис. 2), то есть сауранским архитекторам пришлось решать задачу аналогичную той, что и при планировке мечети/медресе Тилла-кари на Самаркандском Регистане. В обоих случаях ось входного с площади портала перпендикулярна «михрабной» оси симметрии.

От входного портала сохранилось лишь основание правого пилона шириной 1,8 м. Он выступает за линию фасадной стены на 2,2 м. Глубина же входного айвана составляет 4,0 м, а его ширина – 3,6 м, т.е. равна удвоенной ширине пилона (1,8 м). В таком случае ширина всего выступающего портала составляла 7,2 м.

Толщина наружной стены составляла 1,4 м. Наибольшую сохранность в 9–10 слоев кладки имеет участок юго-восточной фасадной стены справа от входного портала. Это участок стены большого углового помещения (5,2 x 5,6 м), которое существовало и во второй период (СГ2), когда на значительной части мечети была устроена и продолжительное время функционировала керамическая мастерская. Возможно, в это время какие-то части здания мечети уже были разрушены,

другие приспособлены. А в этом угловом помещении была построена круглая (диаметром 2,0 м) двухъярусная печь для обжига керамики.

Ко второму периоду относится также и круглый (диаметром 1,9 м) резервуар, расположенный во дворе ближе к углу с обжигательной печью, рядом с «колодезным сооружением». Вероятно, в этом резервуаре осуществлялась выдержка (отмачивание) керамической глины. Он углублен на 50–65 см и обведен по кругу кладкой из обожженного кирпича. С западной стороны подходит выложенный обломками кирпичиков лоток-водосборник, который, огибая стены «колодезной постройки», пересекает весь двор мечети с ЮЗ на СВ. Примерно в центре двора, с небольшим смещением по «михрабной оси» к СЗ (на 2 м), зафиксировано устье колодца диаметром 0,9 м. Колодец находится в середине прямоугольной постройки площадью 4,4 x 4,95 м.

В целом необходимо заключить, что на Регистане Саурана нами полностью вскрыта ранняя соборная мечеть. Ее планировка оказалась достаточно типичной, а сохранность конструкций вполне позволяет реконструировать архитектурный облик этого интересного здания. По размерам она может быть сопоставима с еще хуже сохранившейся мечетью на городище Сыгнак (Жолдасбаев и др., 2010, с. 248–249). Более блестящие и масштабные аналогичные постройки – это соборные мечети Биби-ханым (размеры 167 x 109 м; конец XIV в.) и мечеть-медресе Тилла-Кари (XVII в.) в Самарканде, мечеть Джами Ташкента (91 x 36,5 м; конец XV в.) и соборная мечеть Калян в Бухаре (126 x 81,4 м; первая четверть XVI в.). Среди

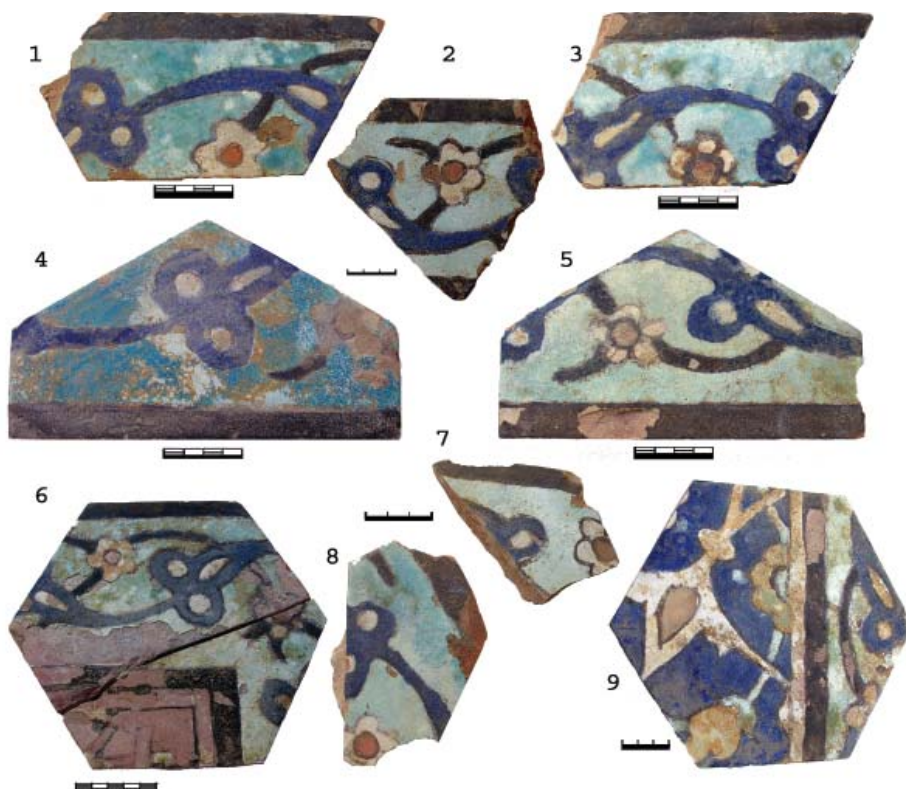

Рис. 7. Облицовочные глазурованные плитки оформления портала ханаки.

Fig. 7. Façade glazed tiles from the khanqah's portal.

этих мечетей Сауранская мечеть, возможно, самая ранняя.

Четко фиксируемое наличие двух периодов существования постройки (что характерно, кстати, и для остальных общественных сооружений сауранского Регистана) свидетельствует о каком-то значительном историческом рубеже, после которого происходят существенные изменения в облике средневековых городов региона. Кстати говоря, аналогичное явление зафиксировано и в соседнем Отраре. Здесь мечеть, существовавшая в XIV–XV вв., в какой-то момент подверглась разрушению, а на ее месте возникла застройка рядовыми жилыми домами ремесленников (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987, с. 103–109).

Медресе, ханака или каравансарай? Расположенная к северу от мечети постройка предположительно реконструируется как фундаментальное сооружение также замкнуто-дворовой планировки с порталным входом, ориентированным на отрезок центральной улицы, и построенное на одной центральной оси с расположенным напротив медресе (раскоп 2; рис. 2). В 2004 г. раскопом 3 начата расчистка входного комплекса этого сооружения (Байпаков и др., 2005, с. 304–307). Уровень основания ее стен, примыкающих к стене мечети, на 35–45 см выше уровня основания стен мечети, а уровень отмостки первоначального пола почти на метр выше первоначального уровня двора мече-

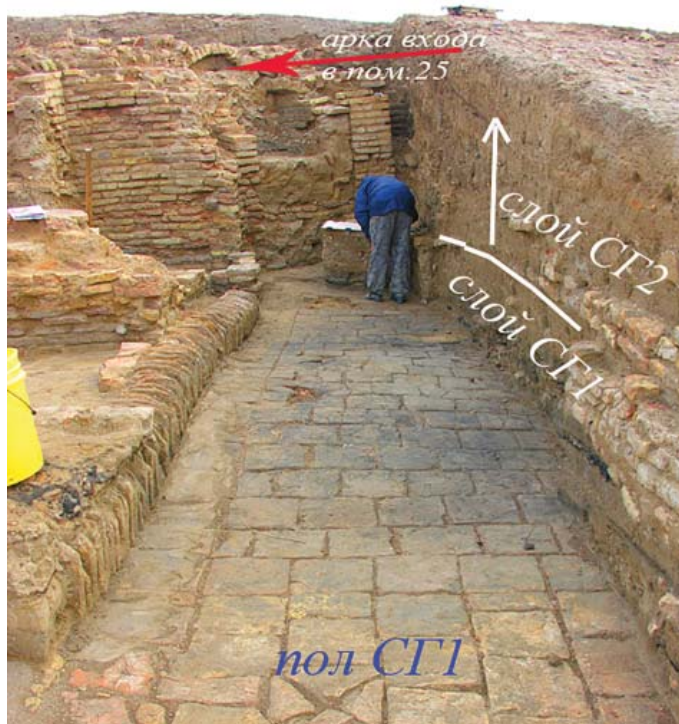

Рис. 8. Северо-западный участок айвана перед входом в угловой зал № 25.

Fig. 8. North-western part of iwan before the entrance to the corner hall no. 25.

ти¹. Хотя она построена позже мечети, но в то время, когда мечеть еще функционировала по своему прямому назначению, т.е. до начала второго периода. Очевидно, что только в этот период можно было использовать наружную стену мечети как общую стену двух вплотную расположенных построек. Полученные в ходе расчистки этого сооружения данные позволяют предположить, что во втором периоде

¹ Нужно отметить, кстати, что порог (дандана) мечети по уровню залегания находится ниже каменного порога медресе на 0,77 м. А полы помещений мечети ниже полов помещений медресе на 2,75 м. В то время как порог и уровень вымощенного булыжником пола входного айвана архитектурного комплекса напротив медресе (раскоп 3) залегает практически на одном уровне с каменным порогом медресе.

(СГ2) здесь была городская «кархана», связанная с выплавкой железа и бронзы, обработкой рога и кожи (Смагулов, Ержигитова, Лушпенко, 2010, с. 230–231; 2011, с. 132–136, рис. 1).

Как оказалось, «главный» восточный вход, хотя и расположен по середине юго-восточного фасада, но выходит не по центру восточной стороны двора, как это должно было бы быть, а несколько со смещением к его юго-восточному углу (рис. 6). Фасад был оформлен в виде не высокого портала с широким айваном. Согласно стилю эпохи, он был декорирован сплошным ковром полихромных глазурованных облицовок (рис. 7).

В целом расчищенная часть архитектурного комплекса занимает площадь более 2000 кв. м (51 x 40 м). Стены в северной части сооружения, как

отмечалось, столь хорошей сохранности, что зафиксирована даже арка углового дверного проема, ведущего из общего айвана в угловое восьмиугольное помещение № 25 (рис. 8).

Юго-восточный главный фасад, обращенный на расширенный до 18-ти метров участок главной улицы, был расчленен плоскими арочными нишами с арочными дверными проемами в небольшие помещения, служившие, скорее всего, торговыми лавками (№№ 6–8 и 38–40), а южный фасад, обращенный на площадь, – глубокими арочными нишами, где могли располагаться небольшие торговые лавки. В последний период запустения из стен заброшенной постройки выламывался качественный обожженный кирпич. Но это началось в XVIII в., а до того под сводами и куполами этого архитектурного сооружения на центральной площади города бурлила активная производственная и торговая жизнь.

Пройдя под сводами и куполом длинного коридора, пол которого на втором этапе был вымощен окатанными булыжниками, посетитель попадал в прямоугольный двор. Его размеры 23,65 x 20,30 м, если включить в площадь двора полуоткрытый айван, вымощенный квадратным обожженным кирпичом, который широкой полосой (4,4 м) охватывал территорию двора. Площадь нижнего пола открытого двора 11,5 x 14,8 м. Он лишен вымостки (или она была разобрана?) и залегает на 40–45 см ниже уровня поверхности айвана. Айван прерывается в двух местах – в месте северо-западного входа во двор (шириной 2,85 м) и в противоположной стороне, ближе к южному углу, там, где длинный главный вход. В средней части этого коридорообразного прохода была ше-

стигранная купольная ротонда.

В поздний период пространство двора было заполнено довольно рыхлым слоем золитого грунта толщиной в 1,0–1,2 м с обильным включением фрагментов керамики, обломков тиглей и стенок плавильных печей, шлаков, золы. Этот слой был выровнен и на нем поставлены стенки обкладки суф и конструкций позднего строительного горизонта (СГ2) (рис. 9).

Перекрытый айван, отделявший открытый объем двора от замкнутых объемов, расположенных по периметру помещений, состоит из плоскости пола шириной 3,3 м и подпорной стенки (1,1 м), которая идет вдоль края айвана. Эта стена, в свою очередь, сложена из двух параллельных стенок высотой в 6 слоев кладки (42–45 см) из целых квадратных кирпичей, а пространство между ними заполнено кирпичным ломом и глиной. Она почему-то не перекрыта сверху вымосткой айвана. Длина юго-западного айвана 23,6 м. В западной части он поворачивает на север и вдоль двух худжр доходит до западного прохода во двор и далее до углового входа в пом. № 25 (рис. 8).

По нашей реконструкции, на общий айван выходили дверные проемы по меньшей мере 18 худжр. Худжры, как известно, были основной планировочной ячейкой в таких архитектурных комплексах мусульманской архитектуры, как медресе, караван-сарай, ханака. Вход в такие помещения устраивался обычно в глубоких арочных нишах, за дверным порогом оформлялась небольшая площадка пола (до 1,5–2,0 кв. м) с ташнау, остальная площадь комнаты представляла собой приподнятую на 20–40 см суфу. На ней обычно устраивался

Рис. 9. Вид с Севера на восточный угол двора ханаки.

Fig. 9. View from the North to the eastern corner of the khanqah's court.

«сандал» – очажок в виде квадратной ямки, обложенной поставленными на ребро квадратными кирпичами. Этот очажок использовался для сжигания/воскурения травы адраспан (дым этой травы, по местным поверьям, имеет антисептическое свойство), а в холодное время года в него помещались угли для обогрева помещения. Иногда в лицевой стене (в стене с входом) в углу устраивался основной очаг-камин.

На айване располагались производственные процессы, связанные с плавкой меди или бронзы. Следы этих производств, в виде круглых ям – остатков плавильных печей, зольных линз, зеленых пятен выплесков раскаленного металла или шлаков на кирпичи пола и пр., – komponуются на протяжении всей юго-западной суфы в три производственные площадки.

В юго-восточном и северо-западном углах комплекса расчищены купольные залы №№ 10 и 25 (рис. 4:

6–1). Стены зала № 10 сохранились на высоту 0,2–0,5 м, в то время как высота сохранившихся стен зала № 25 составляет местами более 2 м. Он в плане представляет собой правильный восьмиугольник или квадрат 6,15 x 6,15 м со срезанными углами. Толщина северной стены – 1,1 м, восточной – 1,2 м, южной – 1,05 м, западной – 1,2 м. Длина по внутреннему периметру южной, восточной, северной и западной стен – 2,5 м, длина угловых срезов – 2,45 м. В юго-восточном углу находится вход в помещение. Над ним частично сохранилась арка свода. Ее высота от первоначального пола 2,45 м. (рис. 8). Арки, перекрывавшие углы квадрата, опирались на конструкции «ласточкин хвост», что обеспечивало разгрузку напряжения на стены всей конструкции.

В юго-западном углу помещения устроена большая печь-камин, она занимала всю угловую нишу (рис. 10). На уровне пола вдоль входа, южной и

Рис. 10. Угловая печь-камин в восьмигранном зале № 25.

Fig. 10. Corner fireplace in the octagonal hall no. 25.

западной стен идут следы ряда очагов круглой и прямоугольной формы (всего 9 шт.), заполненных золой, углями и большим количеством прочих отходов, имеющих отношение к металлургическому производству.

Нельзя не обратить внимания на странный изломанный контур внешней северо-восточной стены и общий ассиметричный план (рис. 6). Но однозначных свидетельств того, что в этой части здание подверглось перестройке, нет. При этом в архитектуре «мусульманского Востока» нам не известны подобные по планировке сооружения.

Оригинальная планировка архитектурного сооружения соответствует, вероятно, и необычному назначению всей этой постройки. О функциональном назначении данного комплекса со всей убедительностью свидетельствуют находки, сделанные при расчистке сохранившихся строительных конструкций, как по первоначальному уровню (СГ1), так и по уровню, последовавшему за некото-

рой перестройкой комплекса (СГ2). Здесь повсюду фиксировались следы производства, связанного с плавкой и обработкой меди или бронзы. Ямы стационарных плавильных печей выявлены на южном айване СГ1, а также на уровне СГ2 на других участках. Не менее интенсивные следы аналогичного производства, связанные с верхним и первоначальным строительными горизонтами, зафиксированы внутри хаджр.

Из конкретных артефактов, связанных с плавкой, надо отметить фрагмент керамического лотка, как можно предположить, для слива металла (?). Лоток найден в пом. 25 на верхнем полу. Он сильно прокален до оранжевой рыхлой структуры теста. Это просто лист раскатанной глины, которому придана соответствующая изогнутая в профиле форма. Толщина листа 3,0–3,5 см, ширина 18 см и длина около 30 см.

При расчистке уровня первоначального горизонта (СГ1), особенно внутри открытой части двора, найде-

Рис. 11. Некоторые находки из помещений ханаки. 1 – алебастровый сосудик; 2 – бронзовые цимбалки; 3 – фрагменты медеплавильных тиглей.

Fig. 11. Some finds from the khanqah. 1 – small alabaster vessel; 2 – bronze tymbalki; 3 – fragments of copper-smelting cup.

но множество фрагментов керамических тиглей. Эти узкоспециализированные изделия имеют вид круглых «стаканов» диаметром примерно 6–7 см и высотой около 15 см. Слой глины, оплавившейся от высокой температуры в горне, как глазурью покрывает поверхность, стекая каплями с их стенок (рис. 11: 3).

Довольно многочисленны находки «хвостовиков» бронзовых слитков, которые образовывались при волочении проволоки.

Другой категорией находок, которые свидетельствуют об активной ремесленной деятельности, являются обломки стенок медеплавильных печей. Эти фрагменты различной формы и размеров во множестве обнаруживались в слое под верхним полом комплекса. Обычно это куски прокаленной глины, на одной стороне

которых имеется зеленый ноздревато-пузыристый слой. Толщина этого слоя различна (0,2–1,2 см), иногда он лежит прямо на оранжевом слое, иной раз на оплавившемся, остекленевшем слое глины.

Уникальной находкой является арабиграфичная надпись в 8 строк на штукатурке помещения № 30. На участке сохранившейся штукатурки выявились, по крайней мере, три участка с разного вида графикой: участок с эпиграфикой примерно в середине; левее от надписи участок с прочерченными рядами вертикальных черточек (выявлено три таких ряда), и правее от надписи – участок с граффити (рис. 12). Здесь мы различаем изображения не менее трех разного масштаба фигур в виде двух параллельных вертикальных линий, сверху «зубчатая линия», образующая как

бы один большой угол в центре и два острых угла по сторонам. Возможно, это схематичные изображения порталов неких пирамидально-купольных построек (мавзолеев?). Слева от них хорошо различимо изображение «деревя». Оно как будто изображено «вершиной вниз», перевернутое. Над «деревом» еще один неясный рисунок. Здесь можно попытаться различить весьма примитивный, возможно, не законченный рисунок «всадника».

Фотографии участка с надписью были осмотрены А.Бустановым, и ему удалось предварительно разобрать:

- 1) ديدم .... لا
- 2) جاين ميت (؟) جرارة
- 3) سکز يوز اون سنه ده
- 4) حال بو است ...
- 5) بولم ار (ات)
- 6) باشد.... سيرال

из того, что можно перевести:

- 1) я видел...
- 2) это место захоронения многочисленных
- 3) в 810 году
- 4) таково состояние
- 5) ???
- 6) стал...²

Для проверки предположения, что надпись могла быть эпитафией, в помещении № 29 в северо-восточном углу была проведена дополнительная зачистка и действительно обнаружена могильная яма/циста размерами 90 x 33 x 50 см из обожженного кирпича. На полу цисты отсутствуют какие-либо находки, связанные с бывшим здесь погребением. В заполнении – грунт, три крупных обломка обожженного кирпича. В полуметре к западу

от первой обнаружили еще одну пустую могильную яму. У нее оказались разрушенными даже боковые стенки. Тем не менее, расчистки в этом помещении с несомненностью показали, что основания стен основной постройки залегают выше уровня устья могильных ям на 12–15 см (рис. 13). Расчистки второй могильной ямы установили, что ее дно располагается на твердой лессовой поверхности, на глубине 1,05 м от уровня устьев могильных ям. Слой почти в 1 м толщиной под полом помещения № 29 насыщен развалинами кладок из целых жженных кирпичей, которые можно трактовать как фрагменты каких-то предшествовавших построек. Можно предположить, что здесь были мемориальные постройки с могильными ямами.

Нам представляется, что излом восточной стены на уровне помещений № 29–32 вовсе не случаен, хотя и не продиктован требованием некоего традиционного плана. Похоже, что восточная стена отклоняется от прямого направления, дабы не пройти точно над могильными ямами и не разрушить бывших здесь неких намогильных сооружений. Стена направлена так, что бывшие здесь до строительства погребения оказались внутри помещения № 29. Видимо, эти погребения были настолько почитаемы, что для того чтобы не разрушать их, а наоборот, включить в план нового сооружения, архитектором было принято решение внести изменения в традиционную планировку (рис. 6).

Вероятно, после возведения здания медресе (или ханаки?) в помещении № 29 была устроена гурхана, а в помещении № 30 зиарат-хана мавзолея столь почитаемой сауранцами лично-

² Пользуюсь случаем выразить А. Бустанову признательность за попытку этого прочтения.

Рис. 12. Сохранившийся участок штукатурки с рисунком на стене между худжрами № 29 и 30.

Fig. 12. Preserved fragment of plastering, with a drawing on the wall, between hujra no. 29 and 30.

сти, что из-за его могилы пришлось изменить традиционный прямоугольный план постройки³.

Эта уникальная находка мавзолея в здании медресе (или ханаки) после полного прочтения надписи-эпитафии может пролить свет на интересный сюжет в истории этого здания и

³ В таком явлении нет ничего необычного, и в среднеазиатских реалиях примеров тому много. Достаточно сказать, что упоминавшийся Мир-и Араб, иначе Абдаллах ал-Араб ал-Йамани ал-Хадрамаути, известен также как «строитель» носящего его имя медресе на Регистане Бухары – медресе Мир-Араб. В угловом зале этого медресе и упокоился, пожалуй, самый знаменитый сауранский житель (о нем см.: (Бабаджанов, 1995, с. 88–102; Джураева, 1985, с. 74–79). Бережно отнеслись к существовавшим здесь прежде почитаемым могилам и строители тимуридского здания мавзолея Ходжа Ахмеда в Туркестане.

дать нам первую реальную абсолютную дату по этому сооружению, и вторую по всему комплексу застройки Сауранского Регистана.

Как было отмечено выше, однозначно определить функциональную принадлежность исследуемого обширного архитектурного комплекса, вследствие смены характера деятельности, протекавшей в его стенах, затруднительно. Ранее мы предположили, что здесь раскапывается здание ханаки, которое в композиции «кош» было противопоставлено зданию медресе, как это имело место в Самарканде (комплекс Мухаммад-Султана, первоначальная композиция тимуридского Регистана) (Смагулов, Ержигитова, Лушпенко, 2010, с. 230–231). Этому не противоречили редкие находки с уровня СГ1 – пара медных цимбалок (диам. 6 см) и мраморный сосудик для краски (рис. 11–1, 2).

Рис. 13. Худжра № 29 с могильными ямами у стены.

Fig. 13. Hujra no. 29, with grave pits beside the wall.

В издании итогов раскопок входной части данной постройки, коллеги определили данное строение как «второе сауранское медресе» (Байпаков, Акылбек, 2012, с. 84). Стратиграфия здания описана как трехслойная, и в каждом периоде это здание выполняло функции медресе. Никакой переориентации назначения не было. Такая реконструкция и интерпретация исторических событий вызывает некоторые сомнения, тем более что она противоречит всему комплексу артефактов и наблюдений, полученных нами при вскрытии его основной территории. А учет всего комплекса археологических данных при определении функционального назначения зданий – одно из основных положений археологической архитектуры (Пугаченкова, 1982). Если назначение здания не менялось, то оказывается, что в XVI в. на регистане Саурана стояли друг против друга два действующих медресе? Впрочем, ранее этими же авторами высказывалось мнение, что

вскрываемая порталная часть есть не что иное, как дворец Мир-и Араба, весьма влиятельного при шейбанидах местного духовного деятеля (Байпаков, Железняков, 2006, с. 56–64).

Полученные нами массовые материалы свидетельствуют, что если первоначально здесь и было медресе, то на втором этапе произошло изменение его функционального назначения. Если оно было построено в первой половине XIV в., то за многие десятилетия здание ветшало, и в конце XV в. напротив построили здание нового медресе – «медресе Убайдуллахана». А в старом обветшавшем здании в XVI в. произошли некоторые перепланировки, и его территорию заняли ремесленники разного профиля. С этого времени здесь располагается обширная «кархана» по выплавке и обработке металлов – меди и железа, обработке кости, преимущественно рога парнокопытных. Отметим также, что, скорее всего, в это же время было заброшено и рядом расположенное

старое здание мечети. В нем размещалась керамическая мастерская.

Таким образом, здание, расчищенное раскопом 3, можно, пока не завершена его полная расчистка, считать первым, т.е. более ранним, медресе. А исследованное ранее «медресе Убайдуллахана», по сути, т.е. в исторической последовательности, и есть второе медресе.

«*Медресе Убайдуллахана*» было обнаружено под угловым холмом в восточной части периметра площади. Полное вскрытие выявило незаурядное строение, которое возможно однозначно отождествить с медресе, описанным Зайнадином Васифи в начале XVI в. Его чудесные качающиеся минареты еще долго возвышались над руинами Саурана. Один обрушился в 1867 г., а второй в 1878 г. (Пугаченкова, 1954, с. 163). Строительство медресе велось по распоряжению бухарского правителя Убайдуллы-хана, и было окончено в 1515 г. Главным мударрисом был назначен друг Васифи сейид Шамсаддин Мухаммад Курти (Болдырев, 1957, с. 160–161).

Медресе представляет собой прямоугольное (31,5 x 28 м) в плане здание симметричной дворовой композиции (Байпаков, Акылбек, 2008) (рис. 14). Главный вход с двумя минаретами по сторонам ориентирован на северо-запад (рис. 2). Расчистка завалов к северу и югу от входа в медресе выявила основания этих минаретов. Были расчищены четыре верхних ряда кладки основания северного минарета, выступающие над цоколем. Цоколь скрывал под собой 11 слоев кладки высотой 1 м. Диаметр основания ствола – 3,3 м. Нижняя часть минарета сложена «в перевязку» с фасадной стеной и порталом

и выступает за фасадную стену. Тело минарета, вероятно, было цельным до уровня крыши одноэтажного здания, а далее полым с винтовой лестницей внутри. В северо-восточном вестибюле медресе на северной грани в стене сохранились ступеньки винтовой лестницы, ведущей на крышу.

Минарет построен на фундаменте в виде прямоугольной конструкции 3,5 x 2,75 м сплошной кладки из обожженного кирпича (23–25 x 23–25 x 5–6 см) на глиняном растворе с большой примесью золы (кыр). Ее конструкцию удалось изучить под полностью разрушенным южным минаретом. Основание этой тумбы/фундамента залегает на глубине 2 м от уровня камней порога и на глубине 3 м от уровня полов постройки и сохранилось в высоту на 1,75 м. Для устройства фундамента был вырыт котлован, прорезавший нижележащий культурный слой. Нижний ряд кладки фундамента составляют кирпичи, поставленные на ребро, сгруппированные по четыре, и выложенные в шахматном порядке с чередованием ориентировки. Между кирпичами скрепляющего раствора нет, лишь произведена заливка жидкой смесью воды и золы. Затем следует кладка из шести рядов жженого кирпича, на растворе со значительным содержанием золы. Далее еще один ряд кирпичей на ребро, положенный в вышеописанном порядке. И наконец, пять рядов кладки плашмя. Можно предположить, что два ряда кирпичей, поставленных на ребро без раствора, выполняли функцию «сейсмопояса».

Зондажи под основание стен обнаружили следы предшествующего строительного горизонта на глубине 0,5 м и небольшой комплекс керами-

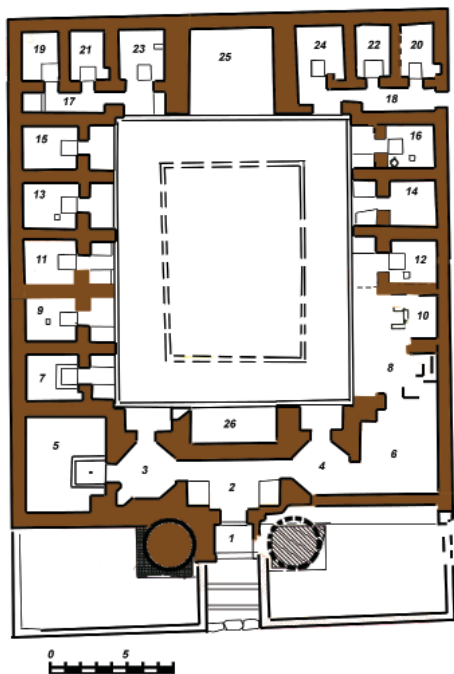

Рис. 14. План медресе XVI в.

Fig. 14. Plan of the 16th century madrasa.

1,3 x 1,7 м. Вестибюль с двумя восьмигранными помещениями по сторонам. Через левое восьмигранное помещение попадали в «дарсхану» и во двор. Правое помещение имело проходы во двор и, скорее всего, в мечеть, которая, к сожалению, разрушена полностью.

Прямоугольный двор размером 11,7 x 8,5 м; его широкой полосой (2,5 м) охватывает полоса айвана. Его поверхность была выложена кирпичами, которые хорошо сохранились между двумя рядами данданы. Общая площадь двора с айваном составляет 18 x 15 м. Два широких айвана, расположенные на главной оси, открыты в сторону двора. Площадь большего, юго-восточного, айвана 5,40 x 5,40 м. Он был перекрыт сводом. Толщина несущих стен составила 1,55–1,56 м. Кладка стен и свода комбинированная. В теле стены и в рухнувшем своде в основном применен сырцовый кирпич. Северо-западную часть двора занимал завал, образовавшийся при разрушении северо-западного айвана. Первоначальный размер айвана был равен 5,4 x 2,3 м, затем торцы были наращены до 3,5 м.

ки, датируемый XV в.

Все здание стояло на невысоком цоколе (1,2 м), край которого оформлен подпорной стенкой из двух рядов жженого кирпича. Входная лестница шириной 3,3 м и длиной 4,5 м как бы прорезает этот цоколь и выводит к portalу с входным айваном шириной 2,5 м и глубиной 2,25 м (рис. 15). Поверхность широких ступеней была выложена крупноформатными (45 x 45 x 7 см) керамическими плитами. Края ступеней оформлены рядами поставленных на ребро кирпичей (дандана).

Над айваном можно предполагать высокую арку, покоившуюся на выдвинутых пилонах, расширенных за счет вплотную пристроенных минаретов. Далее через дверной проем шириной 1,9 м попадали во входной вестибюль, площадью 5,8 x 2,9 м. Входная дверь была устроена в нише глубиной 0,25–0,30 м и шириной 3,3 м. В углах у входа были устроены широкие суфы

При расчистке помещений было установлено, что разрушению предшествовал некоторый период запустения, когда образовывался толстый наносной слой, после чего они обжигались повторно. Во всех помещениях перед входом были устроены заглубленные относительно пола площадки с ташнау. В нескольких помещени-

Рис. 15. Центральный вход в медресе.

Fig. 15. Central entrance to the madrasa.

ях, сохранившихся более или менее удовлетворительно, выявлены ниши в стенах. Они расположены произвольно (на задних, боковых, фасадных стенах). Полы в помещениях вымощены как целыми, так и битыми жжеными кирпичами. На них были устроены печи для отопления с дымоходами в суфах, выведенных к углу помещений, в результате чего первоначальный уровень суф в помещениях несколько повысился. Топка печей в помещениях находится в углах площадки, для чего в этих местах борта площадок разбирались. Дымоходы выложены обожженным кирпичом, поставленным на ребро, образовавшиеся желоба шириной до 22 см перекрыты целыми кирпичами. Также позднее в помещениях появились курильницы в виде углубления в полу, устроенные из четырех вертикально поставленных квадратных жженных кирпичей размером 25 x 25 см, глубиной 20 см. Перекрытия в помещениях, вероятно, было сводчатыми. Завалы в основном концентрируются в центре помеще-

ний, в четырех из них обнаружены дугообразные фрагменты кладок сводов и трапециевидные в сечении ганчевые плитки, которыми оформлялись перекрытия. Стены были оштукатурены ганчевым раствором, многочисленные фрагменты которых встречаются в завалах. Найдены глазурованные плитки с растительным и эпиграфическим орнаментом и шлифованные плитки, применявшиеся при облицовке фасадов.

Всего в комплексе расчищено разной степени сохранности около 30 помещений, некоторые из которых служили проходными коридорами, вестибюлями, айванами, но в основном это жилые однокомнатные секции – худжры – для преподавателей и учащихся в медресе.

Историческая интерпретация.

В известных письменных источниках в числе городов, захваченных в 1207–1208 гг. Хорезм-шахом Мухаммедом и в 1220 г. Чингиз-ханом, город Сауран не упоминается. Из этого можно предположить, что он не оказывал су-

ественного сопротивления и поэтому не подвергся разрушению. Город смог быстро оправиться, чтобы уже в 1254 г. быть «весьма велик», как отметил историк, описывающий путешествие армянского царя Гайтона/Гетума в ставку Великого хана (Ганзакеци Киракос, 1976, с. 224). Но это упоминание, скорее всего, относится к городу, который еще находился на месте раннего городища Каратобе, верхний горизонт которого, как показали раскопки, достоверно относится к XIII в. (Смагулов, 2011).

С момента образования Ак-Орды (1265–1266 гг.) город Сауран входит в состав последней и, согласно сообщению «Анонима Искандера», в нем был похоронен умерший в 1320 г. правитель Ак-Орды – Сасы-Бука. Его сын Эрзен-хан (1320–1345 гг.), по словам того же источника, построил в Отраре, Саурани и других городах много медресе, ханака и мечетей (СМИЗО, 1941, с. 129). Вполне вероятно, что как раз в этот период, во время правления хана Сасы-Буки, или в конце XIII – начале XIV в., и происходит перемещение города на новое место. В этот период город Сауран стал временами играть роль столицы Ак-Орды. Возможно, что именно при Сасы-Буке или его сыне Эрзен-хане и была построена мечеть на центральной городской площади. Во всяком случае, «Аноним Искандера» характеризует четверть века правления Эрзен-хана как период такого процветания, какого никто в улусе не видел после «и во сне» (СМИЗО, 1941, с. 129–130). Именно этим периодом в истории южноказахстанских городов датируется перемещение цитадели Отрара и организация

ее в южном углу городища Отрартобе (Акылбек, 2014, с. 425).

Интересно отметить, что во второй четверти XIV в. происходит смена местоположения ряда крупных золотоордынских городов, включая столицу в Нижнем Поволжье. Это явление, как известно, породило в историографии Золотой Орды условно называемую «проблему двух столиц». Исследователями выдвинут ряд гипотез (от внутри- и внешнеполитических до экологических), объясняющих это явление. Предпринятый В.В. Пачкаловым критический обзор этих интерпретаций ставит под сомнение основания всех, кроме одной – «экологической». Новые археологические исследования и анализ накопившихся нумизматических коллекций, по мнению В.В. Пачкалова, решает эту проблему в пользу катастрофической трансгрессии Каспия во второй четверти XIV в. как основного фактора, приведшего к смене местоположения ряда городов в Северном Прикаспии, и, в частности, в переносе столицы и основании Сарая ал-Джедид – «Нового Сарая» (Пачкалов, 2007, с. 171–180).

Конечно же, подобное решение по этим городам не снимает актуальности и прочих факторов, действовавших в тот исторический период в иных природно-географических зонах Евразии, в частности, в Приаралье. Известно, что климат и экология Прикаспия и Приаралья находятся в «обратной связи», т.е., предельно обобщая, можно говорить, что при трансгрессии Каспия происходит регрессия бассейна Арала. Это т.н. «концепция гетерохронности увлажнения Евразии», по Л.Н.Гумилеву (Гумилев, 1993, с. 271–297). В последнее время появились убедительные археологические

свидетельства значительного падения уровня Арала в XIV в. Казахстанскими археологами на обнажившемся дне Арала обнаружены и исследованы остатки поселений и некрополей, датированных XIV в. (Смагулов, 2001, с. 77–82; Байпаков и др., 2007, с. 120–122). Существенное обмеление Арала может свидетельствовать о значительной аридизации с начала XIV в. бассейна одной из главных рек региона – Сырдарьи, следствием чего становится крайний дефицит воды в крупных городских центрах ее бассейна, таких как Сауран. Жизнь в городе становится предельно зависимой от условий залегания водоносных пластов, а к древнему Саурану (на месте городища Каратобе), вероятно, было невозможно подвести одновременно достаточное количество кяризной воды. Более выгодными условиями, видимо, обладала местность в 3–3,5 км к северу, куда сходились водоносные пласты конусов выноса трех местных небольших рек, стекавших с гор Каратау. Видимо, в этот период в целях преодоления водного кризиса активизируется строительство разветвленной системы кяризов, с помощью которых актуализировались глубоко залегающие грунтовые воды (Сма-

гулов, 2003, с. 172–189; Deom, Sala, 2005, с. 120–132).

Вряд ли только одна причина, сколь бы существенной она не выглядела, имела следствием перемещение на новое место крупного города. Вероятно, в случае с Саураном имел место еще и тот фактор, о котором применительно к городам Поволжья писал Г.А. Федоров-Давыдов (1973, с. 80). Стремление местной элиты выйти из-под номинальной власти каракорумских великих ханов было достаточной дополнительной мотивацией для осуществления больших градостроительных проектов. Реализация их была возможна лишь в столичном городе как осуществление централизованной политической воли, начало которой было положено самим фактом смены местоположения и закладки фактически нового города на ранее почти пустом месте. Хань молодого государства, не уступая представителям других постмонгольских династий, вели активное строительство, осуществляя амбициозные архитектурные проекты. При этом авторы архитектурных и градостроительных проектов работали в общем русле развития архитектуры Центральной Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агеева Е.И., Пацевич Г.И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Тр. ИИАЭ АН КазССР. Т. 5. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1958. С. 3–215.
2. *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Позднесредневековый Отрар. Алма-Ата: Наука, 1981. 343 с.
3. *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Отрар XIII–XV вв. Алма-Ата: Наука, 1987. 255 с.
4. *Акылбек С.Ш.* Медресе Саурана // Материалы Междун. науч. конф. «Роль степных городов в цивилизации номадов», посвящ. 10-летию юбилею г. Астана. Астана: Ин-т археологии, 2008. С. 321–329.
5. *Акылбек С.Ш.* Цитадели Отрара // Восхождение к вершинам археологии. Сб. материалов междунар. науч. конф. «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвящ. 90-летию со дня рождения К.А. Акишева. Алматы: Ин-т археологии, 2014. С. 413–430.

6. *Бабаджанов Б.* Мир-и Араб / Культура кочевников на рубеже веков (XIX–XX, XX–XXI вв): Проблемы генезиса и трансформации. Алматы: Рафах, 1995. С. 88–102.
7. *Байпаков К.М., Айдосов А.Х., Воякин Д.А., Антонов М.А., Бермагамбетов А.Ж., Шишков А.* Археологические исследования на дне Арала // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» 2006 года / Отв. ред. И.Н. Тасмагамбетов. Алматы: Ин-т археологии, 2007. С. 120–122.
8. *Байпаков К.М., Акылбек С.* Второе Сауранское медресе // Изв. НАН РК, сер. обществ. наук. 2012. № 3. С. 84–93.
9. *Байпаков К.М., Акылбек С.Ш.* Медресе средневекового Саурана // Археология степной Евразии / Отв. ред. К.М. Байпаков, А.М. Илюшин. Алматы – Кемерово: Ин-т археологии, 2008. С. 59–69.
10. *Байпаков К.М., Железняков Б.А.* Сауран – город правоверных // *Nomad Kazakhstan*. 2006. № 1 (7). С. 56–64.
11. *Байпаков К.М., Смагулов Е.А.* Средневековый город Сауран. Алматы: Credo, 2005. 202 с.
12. *Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., Туякбаев М.К., Толеев Д., Бейсебаев А., Железняков Б.* Исследование городища средневекового Саурана // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2005 году / Отв. ред. К.М. Байпаков. Алматы: Ин-т археологии, 2005. С. 304–307.
13. *Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А.* Средневековое городище Жайык. Алматы: Credo, 2005. 222 с.
14. *Болдырев А.Н.* Зайнатдин Васифи – таджикский писатель XVI в. Сталинабад: Таджик. госиздат, 1957. 324 с.
15. *Бурнашева Р.З., Смагулов Е.А., Туякбаев М.К.* Клады и монеты Туркестана. Алматы: изд. «Баур», 2006. 205 с.
16. *Ганзакеци Киракос.* История Армении. Пер. с древнеармян., предисл. и коммен. Л.А. Ханларян. М.: Наука, 1976. 425 с.
17. *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии. М.: Экопрос, 1993. 576 с.
18. *Джураева Г.А.* Мир-и Араб и политическая жизнь в Бухаре в XVI в. // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М.: Наука, 1985. С. 74–79.
19. *Жолдасбаев С., Нурханов Б., Мунгабаев С., Бахытбаев М., Амантунов М.* Археологические исследования на средневековом городище Сыгнак в 2009 году // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2009 году / Отв. ред. К.М. Байпаков. Алматы: Ин-т археологии, 2010. С. 248–249.
20. *Зиливинская Э.Д.* Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды. Астрахань: Изд. дом «Астраханский ун-т», 2011. 252 с.
21. *Имажанов Н., Бейсембаева Л.* Соборная мечеть средневекового Отрара (опыт графической реконструкции) // Изв. НАН РК. Сер. обществ. наук. 2003. № 3. С. 247–254.
22. *Маньковская Л.Ю.* Типологические основы зодчества Средней Азии (IX – начало XX в.). Ташкент: Фан, 1980. 182 с.
23. *Муминов А.К.* Кокандская версия исламизации Туркестана // Подвижники ислама. Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе / Отв. ред. С.Н. Абашин, В.О. Бобровников. М.: Вост. лит.-ра, 2003. С. 138–140.
24. *Пачкалов А.В.* Трансгрессия Каспийского моря и история золотоордынских городов в Северном Прикаспии // Восток-Запад: диалог культур и цивилизаций Евразии. Казань: АН РТ, 2007. Вып. 8. С. 171–180.
25. *Пищулина К.А.* Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств // Казахстан в XV–XVII вв. Алма-Ата: «Гылым», 1969. С. 23–44.
26. *Пугаченкова Г.А.* К проблеме архитектурной археологии в изучении зодчества Средней Азии // КСИА, 1982. Вып. 172. С. 24–30.

27. Пугаченкова Г.А. Сауранские башни // Тр. САГУ. Вып. LVII. Ташкент, 1954. С. 161–169.
28. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды (СМИЗО). Т. 2. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 307с.
29. Смагулов Е.А. Город Сауран: перспективы исследования, консервации и музеефикации // Отан тарихы. 2000, № 1–2. С. 100–109.
30. Смагулов Е.А. Находка и исследование мазара на дне Аральского моря // Отан тарихы. 2001. № 4. С. 77–82.
31. Смагулов Е.А. Проблемы исследования средневековых городов в Уральской области // Изв. МОН РК, НАН РК, сер. общественных наук, 2002, № 1. С. 91–102.
32. Смагулов Е.А. Кяризы Туркестанского оазиса // Изв. МОН РК, НАН РК, сер. общ-ых наук, 2003, № 1. С. 172–189.
33. Смагулов Е.А. Сауранский археологический комплекс // Изв. НАН РК, сер. обществ. наук, 2007, № 1. С. 126–142.
34. Смагулов Е.А. Древний Сауран. Алматы: изд-во «АВДИ», 2011. 434 с.
35. Смагулов Е.А. Жума мечети Отрара и Саурана: общее и особенное // Изв. НАН, серия обществ.наук, 2013, № 3. С. 109–126.
36. Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., Лушпенко О.Н. Продолжение исследования объекта № 3 на центральной площади Саурана // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2009 г. / Отв. ред. К.М. Байпаков. Алматы: Ин-т археологии, 2010, с. 230–231.
37. Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., Лушпенко О.Н. Отчет об исследованиях на центральной площади Саурана // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2010 г. / Отв. ред. К.М.Байпаков. Алматы: «Гылым», 2011. С. 132–136.
38. Смагулов Е.А., Лушпенко О.Н., Ержигитова А.А. Мост Северных ворот средневекового Саурана // Изв. НАН РК, сер.общ.наук, 2011, № 3. С. 121–131.
39. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1973. 178 с.
40. Хмельницкий С.Г. Между саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI–XIII вв. Ч.1. Берлин; Рига: «GAMAJUN», 1996. 335 с.
41. Шукуров Ш.М. Образ храма. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 496 с.
42. Deom J.M., Sala R. The 232 Karez of the Sauran region // Сохранение и использование объектов культурного и смешанного наследия современной Центральной Азии. Алматы: «Print S», 2005. с. 120–132.

Информация об авторе:

Смагулов Ербулат Акижанович, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им.А.Х. Маргулана МОН РК (г. Алма-Ата, Республика Казахстан); az_sultan2015@mail.ru

THE ENSEMBLE OF THE CENTRAL SQUARE OF SAURAN CITY-SITE, 14TH – 16TH CENTURIES.

E.A. Smagulov

Medieval Sauran is one of the largest and best known cities in Southern Kazakhstan. Its two-millennial history has deposited in cultural layers of the two neighboring fortified settlements: Karatobe (first centuries of our era – 13th century AD) and Sauran (14th – 18th centuries AD), with a very high degree of preservation. A. Kh. Margulan Institute of Archaeology launched large-scale archaeological excavations of Sauran in 2004. The central city square within the *qala* (citadel) became an important object of archaeological research. A number of large public buildings were discovered here: *Jum'a* mosque, a *madrasa*, and, probably, a *khanqah*. All buildings feature closed layouts of their plans with inner courtyards, clearly outlined portals, vaulted and domed

roofs and facades faced with multicolor glazed tiles. Stratigraphy of these complexes allows looking into the process of development of this ensemble over time.

Keywords: archaeology, South Kazakhstan, Middle Ages, fortified settlement, Sauran, mosque, madrasa, khanqah, architectural complex, stratigraphy

REFERENCES

1. Ageeva, E. I., Patsevich, G. I. 1958. In *Trudy Instituta Istorii, arkheologii i etnografii Akademii Nauk Kazakhskoi SSR (Proceedings of the Institute for History, Archaeology and Ethnography, Academy of Sciences of the Kazakh Soviet Socialist Republic)* 5. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh Soviet Socialist Republic, 3–215 (in Russian).
2. Akishev, K. A., Baipakov, K. M., Erzakovich, L. B. 1981. *Pozdnesrednevekovyi Otrar (Late Medieval Otrar)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).
3. Akishev, K. A., Baipakov, K. M., Erzakovich, L. B. 1987. *Otrar XIII–XV vv. (Otrar in 13th — 15th Centuries)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).
4. Akylbek, S. Sh. 2008. In Tasmagambetov, I. N. (ed.). *Rol’ stepnykh gorodov v tsivilizatsii nomadov (Role of Steppe Towns in the Civilization of Nomads)*. Astana: Institute for Archaeology, 321–329 (in Russian).
5. Akylbek, S. Sh. 2014. In Baitanaev, B. A. (ed.). *Voskhozhdenie k vershinam arkheologii (Towards the Apex of Archaeology)*. Almaty: Institute for Archaeology, 413–430.
6. Babadzhanov, B. 1995. In Shakhanova N. (ed.). *Kul’tura kochevnikov na rubezhe vekov (XIX–XX, XX–XXI vv.): Problemy genezisa i transformatsii (Culture of Nomads on the Turn of Centuries (19th–20th, 20th–21st Centuries): Issues of Genesis and Transformation)*. Almaty: “Rafakh” Publ., 88–102 (in Russian).
7. Baipakov, K. M., Aidosov, A. Kh., Voiakin, D. A., Antonov, M. A., Bermagambetov, A. Zh., Shishkov, A. 2007. In Tasmagambetov, I. N. (ed.). *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh po Gosudarstvennoi programme «Kul’turnoe nasledie» 2006 goda (Report on the Archaeological Investigations under the State Program “Cultural Heritage” in 2006)*. Almaty: Institute for Archaeology, 120–122 (in Russian).
8. Baipakov, K. M., Akylbek, S. Sh. 2012. In *Izvestiia Natsional’noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan, seriia obshchestvennykh nauk (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series)* 3, 84–93 (in Russian).
9. Baipakov, K. M., Akylbek, S. Sh. 2008. In Baipakov, K. M., Iliushin, A. M. (eds.). *Arkheologiya stepnoi Evrazii (Archaeology of the Steppe Eurasia)*. Almaty; Kemerovo: Institute for Archaeology, 59–69 (in Russian).
10. Baipakov, K. M., Zhelezniakov, B. A. 2006. In *Nomad Kazakhstan* 7 (1), 56–64.
11. Baipakov, K. M., Smagulov, E. A. 2005. *Srednevekovyi gorod Sauran (Medieval Town of Sauran)*. Almaty: “Credo” Publ. (in Russian).
12. Baipakov, K. M., Smagulov, E. A., Erzhigitova, A. A., Tuiakbaev, M. K., Toleev, D., Beisebaev, A., Zhelezniakov, B. 2005. In Baipakov, K. M. (ed.). *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh po Gosudarstvennoi programme «Kul’turnoe nasledie» v 2005 godu (Report on the Archaeological Investigations under the State Program “Cultural Heritage” in 2005)*. Almaty: Institute for Archaeology, 304–307 (in Russian).
13. Baipakov, K. M., Smagulov, E. A., Akhatov, G. A. 2005. *Srednevekovoe gorodishche Zhaiyk (Medieval Fortified Site of Zhayyk)*. Almaty: “Credo” Publ. (in Russian).
14. Boldyrev, A. N. 1957. *Zainatdin Vasifi – tadjzhikskii pisatel’ XVI v. (Zaynatdin Vasifi, the Tajik Writer of 16th Century)*. Stalinabad: “Tadjhikgosizdat” Publ. (in Russian).
15. Burnasheva, R. Z., Smagulov, E. A., Tuiakbaev, M. K. 2006. *Klady i monety Turkestana (Hoards and Coins of Turkestan)*. Almaty: “Baur” Publ. (in Russian).
16. Kirakos of Gandzak. 1976. *Istoriia Armenii (History of Armenia)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
17. Gumilev, L. N. 1993. *Ritmy Evrazii (Rhythms of Eurasia)*. Moscow: “Ekopros” Publ. (in Russian).

18. Dzhuraeva, G. A. 1985. In Kim, G., et al. (eds.). *Dukhovenstvo i politicheskaia zhizn' na Blizhnem i Srednem Vostoke v period feodalizma (The Clergy and the Political Life in the Western Asia and Middle East in the Feudal Time)*. Moscow: "Nauka" Publ., 74–79 (in Russian).
19. Zholdasbaev, S., Nurkhanov, B., Mupgabaev, S., Bakhytbaev, M., Amantunov, M. 2010. In Baipakov, K. M. (ed.). *Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniiax po Gosudarstvennoi programme «Kul'turnoe nasledie» v 2009 godu (Report on the Archaeological Investigations under the State Program "Cultural Heritage" in 2009)*. Almaty: Institute for Archaeology, 248–249 (in Russian).
20. Zilivinskaia, E. D. 2011. *Ocherki kul'tovogo i grazhdanskogo zodchestva Zolotoi Ordy (Sketches on the Golden Horde Ritual and Civil Architecture)*. Astrakhan: Astrakhan University Publishing House (in Russian).
21. Imazhanov, N., Beisembaeva, L. 2003. In *Izvestiia Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan. Serii obshchestvennykh nauk (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series)* 3, 247–254 (in Russian).
22. Man'kovskaia, L. Yu. 1980. *Tipologicheskie osnovy zodchestva Srednei Azii (IX – nachalo XX v.) (Essential Typology of the Central Asian Architecture: 9th — Early 20th Centuries)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).
23. Muminov, A. K. 2003. In Abashin, S. N., Bobrovnikov, V. O. (eds.). *Podvizhniki islama. Kul't svyatykh i sufizm v Srednei Azii i na Kavkaze (Heroes of Islam: the Cult of Saints and the Sufism in Central Asia and the Caucasus)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ., 138–140 (in Russian).
24. Pachkalov, A. V. 2007. In Burkhanov, A. A. (ed.). *Vostok-Zapad: dialog kul'tur i tsivilizatsii Evrazii (West and East: Dialogue of Cultures and Civilizations of Eurasia)* 8. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 171–180 (in Russian).
25. Pishchulina, K. A. 1969. In *Kazakhstan v XV–XVII vv. (Kazakhstan in 15th–17th Centuries)*. Alma-Ata: "Gylym" Publ., 23–44 (in Russian).
26. Pugachenkova, G. A. 1982. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkhologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 172, 24–30.
27. Pugachenkova, G. A. 1954. In *Trudy Sredne-Aziatskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of the State University of Central Asia)* LVII. Tashkent, 161–169 (in Russian).
28. Tiesenhausen, V. G. 1941. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy (Collected Works Related to the History of the Golden Horde)*. Vol. 2. *Iz vlecheniia iz persidskikh sochinenii (Excerpts from Persian Writings)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
29. Smagulov, E. A. 2000. In *Otan tarixi (History of the Homeland)* (1–2), 100–109 (in Russian).
30. Smagulov, E. A. 2001. In *Otan tarixi (History of the Homeland)* (4), 77–82 (in Russian).
31. Smagulov, E. A. 2002. In *Izvestiia MON RK, NAN RK, serii obshchestvennykh nauk (Bulletin of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan and the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series)* (1), 91–102 (in Russian).
32. Smagulov, E. A. 2003. In *Izvestiia MON RK, NAN RK, serii obshchestvennykh nauk (Bulletin of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan and the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series)* (1), 172–189 (in Russian).
33. Smagulov, E. A. 2007. In *Izvestiia Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan, serii obshchestvennykh nauk (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series)* (1), 126–142.
34. Smagulov, E. A. 2011. *Drevnii Sauran (Ancient Sauran)*. Almaty: "ABDI" Publ. (in Russian).
35. Smagulov, E. A. 2013. In *Izvestiia NAN, serii obshchestvennykh nauk (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series)* (3), 109–126 (in Russian).
36. Smagulov, E. A., Erzhigitova, A. A., Lushpenko, O. N. 2010. In Baipakov, K. M. (ed.). *Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniiax po Gosudarstvennoi programme «Kul'turnoe nasledie» v 2009 g. (Report on the Archaeological Investigations under the State Program "Cultural Heritage" in 2009)*. Almaty: Institute for Archaeology, 230–231 (in Russian).
37. Smagulov, E. A., Erzhigitova, A. A., Lushpenko, O. N. 2011. In Baipakov, K. M. (ed.). *Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniiax po gosudarstvennoi programme «Kul'turnoe nasledie» 2010 g.*

(Report on the Archaeological Investigations under the State Program “Cultural Heritage” in 2010). Almaty: “Gylym” Publ., 132–136 (in Russian).

38. Smagulov, E. A., Lushpenko, O. N., Erzhigitova, A. A. 2011. In *Izvestiia Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan, seriia obshchestvennykh nauk (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series)* (3), 121–131 (in Russian).

39. Fyodorov-Davydov, G. A. 1973. *Obshchestvennyi stroi Zolotoi Ordy (The Golden Horde Society)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

40. Khmel'nitskii, S. G. 1996. *Mezhdru samanidami i mongolami. Arkhitektura Srednei Azii XI–XIII vv. (From the Samanids to the Mongols: Architecture of Central Asia in 11th–13th Centuries)*. Part 1. Berlin; Riga: “Gamajun” Publ. (in Russian).

41. Shukurov, Sh. M. 2002. *Obraz khrama (The Concept of Temple)*. Moscow: “Progress-Traditsiia” Publ. (in Russian).

42. Deom, J., M., Sala, R. 2005. The 232 Karez of the Sauran region. In *Sokhranenie i ispol'zovanie ob"ektov kul'turnogo i smeshannogo naslediiia sovremennoi Tsentral'noi Azii (Conservation and Use of the Objects of Cultural and Mixed Heritage in the Modern Central Asia)*. Almaty: “PrintS” Publ., 120–132.

About the Author:

Smagulov Erbulat A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko Str., 28, Almaty, 050010, the Republic of Kazakhstan; az_sultan2015@mail.ru

УДК 94/904

МЕЧЕТИ ГОРОДА КАФФА (КЕФЕ) В 1340 – 1779 ГОДАХ¹

© 2016 г. С.Г. Бочаров

Статья посвящена одному из важнейших аспектов изучения исторической топографии Каффы – локализации средневековых мечетей. В генуэзский период городской истории (1275–1475 гг.) в Каффе была построена только одна мечеть. Ситуация кардинально изменилась после османского завоевания города. В османский период (1475–1774 гг.) в Кефе возводятся 39 новых мечетей. На карте города удалось обозначить местонахождение всех 40 строений. Для 28 мечетей установлены их исторические названия. Выявлены точные размеры 29 построек. Удалось установить закономерности размещения мусульманского населения на городской территории. В генуэзский период оно занимало северо-западные районы бурга (укрепленной городской территории) и северные районы антибурга (неукрепленного предместья). В османский период им осваиваются центральные районы Кефе и цитадель.

Ключевые слова: археология, культурное наследие, археологические памятники, Крым, Каффа, Генуэзская республика, Османская империя, историческая топография, мечети.

Каффа (1275–1475 гг.) – не просто важнейшая фактория Генуи, но и один из крупнейших городов Северного Причерноморья, основной экономический и административный центр территории, получившей название Генуэзской Газарии. В Каффе проживали представители нескольких конфессий. В этот период в городском пейзаже доминировали христианские храмы трех основных конфессиональных массивов – католического (Бочаров, 2000, с. 12), православного (византийского) (Айбабина, Бочаров, 2000, с. 425; 2002, с. 160) и армяно-григорианского (Бочаров, 1996, с. 220).

Месторасположение средневековых культовых зданий – один из слабо изученных аспектов исторической топографии Каффы – Кефе (конца

XIII–XVIII вв.). Точная локализация храмов, мечетей, кенас, принимая во внимание тезис о «демотопографической» организации фактории (Balard, Veinstein, 1981, p. 89) (город разделялся на кварталы – контрадо, которых насчитывалось около шестидесяти (Balard, 1979, p. 207), и каждый квартал имел свою определенную этническую доминанту), позволяет определить городские районы, где большую часть населения составляли представители той или иной конфессии или общины Каффы, охарактеризовать различные части города с точки зрения этнического состава населения и тем самым выявить стабильность или, наоборот, изменчивость этого зонирования в османские времена по сравнению с периодом генуэзского

¹ Исследование подготовлено в рамках работы по проекту «Причерноморье и Средиземноморский мир в системе отношений Руси, Востока и Запада в Средние века» поддержанному Российским научным фондом (соглашение № 14-28-00213 от 15 августа 2014 г. между Российским научным фондом и МГУ им. М.В. Ломоносова).

господства (Balard, Veinstein, 1981, p. 89). Размещение культовых зданий в условиях растущего города отражало особенности формирования его территории и время заселения его различных районов.

Постройка подавляющего большинства мусульманских культовых зданий приходится на период османского господства (Bocharov, 2009, p. 42). В XIV–XV вв. в городе существовала только одна мечеть (Бартольд, 1965, с. 454). Около 1340 г. во время посещения Каффы в этой мечети останавливался Ибн Баттута и встречался с кади и эмиром «здешних» мусульман (Тизенгаузен, 1884, с. 280). Видимо, об этой же мечети пишет Иоганн Шильтбергер: «В городе есть и много язычников, которые имеют в нем свой храм» (Шильтбергер, 1984, с. 45). К сожалению, ни дату строительства, ни точного местонахождения этой мечети не удалось определить по письменным и картографическим источникам. Можно лишь выдвинуть предположение, что эту постройку следует искать в северо-западном участке средневековой городской территории, где располагались одни из первых жилых кварталов, заселенных преимущественно мусульманским (сарацинским) населением. Так, Мишель Балар пришел к выводу, что генуэзские писцы используют термин «сарацины» в привычном для них понимании: они обозначают таким образом общность нехристиан, которые их окружают, «неверных» – независимо от их этнической принадлежности. По мнению исследователя, группа сарацин, этнически разнородная, образует в Каффе сообщество, объединенное в силу своего отличия от религии хозяев фактории, которое тем самым

противостоит западному господству (Balard, 1989, p. 88). По нашему мнению, самая ранняя городская мечеть в позднеосманский период называлась Джефенди (рис. 1).

Быстрое строительство мечетей начинается после османского завоевания Каффы в 1475 г. Новые завоеватели сохраняют за городом статус политического и административного центра. Он становится столицей одноименного административного округа (лива или санджак) Османской империи. Управляет провинцией турецкий наместник – мирлива. Этот пост дважды занимали наследные принцы, сыновья султана. Сын Баязида II Мехмет правил в городе с 1497 по 1504 г., его преемником до 1512 г. был Сулейман, будущий самый знаменитый правитель империи – Сулейман Великолепный. В конце XVI в., в связи с все более увеличивающимся военным значением, эта северная провинция османской империи получает самый высокий в государстве административный статус – эялет, или бейлербейлик (Бочаров, 2008, с. 44).

Между 1475 и 1520 г. количество мечетей возрастает до тридцати шести, а к 1542 г. их уже тридцать восемь, причем они разделяются на джами – большие мечети, где совершается пятничный молебен и меджиды, которые могли быть различными по размерам (Balard, Veinstein, 1981, p. 88).

Так, в турецкой переписи населения Кефе, проведенной около 1520 г., указаны названия мечетей, расположенных в разных районах города: в Цитадели (Френк Хисар): Насух Реис (Nasuh re'is), Ходжа Джафер (Hoga Ga'fer), Ходжа Шабан (Hoga Sa'ban), Мусалла (Musalla), Махмуд

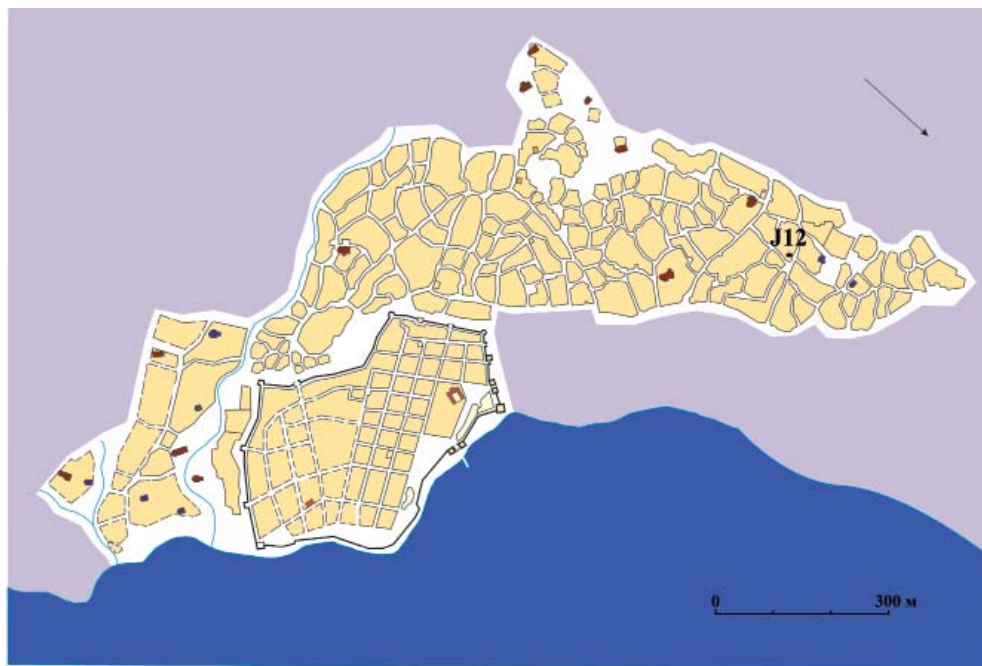

Рис. 1. План города Каффа (середина XIV века) с обозначением мечети J 12.

Fig. 1. Plan of Caffa City (middle 14th century), with the mosque marked as J 12.

Атжи (Mahmud Atci), Хаджи Кишвер (Haggi Kisver), Полат (Polat), Ханбалы (Hanbali), Мерджан Ага (Mergan aga); 2) Городская территория, укрепленная городскими стенами (Кале Бурун): Халил Еничери (Halil yeniceri), Вазис Сипах (Vaciz Sipah), Ходжа Джафер (Hoga Ga'fer), Синан Ага (Sinan aga), Кебир (Cami-i kebir), Джедид (Cami-i gedid), Валиде (hatun valide-i merhum sehzade sultan Mehmed han), Сейдилик (Seydiliq (?), Ходжа Вели (Hoga Veli), Мехмед Сербазар (Mehmed ser bazar), Мерджан (Mergan aga-i mezbur), Акбаш (Aqbas), Ширвани (Sirvani), Джатджат (Gat-Gat), Ходжа Хасан (Hoga Hasan), Хайреддин Ордек (Hayreddin ordek (?), Хасан Руйан (Hasan ruyan), Касым Паша (Qasim pasha); 3) Городские предместья (Топраклы Варош): Ахмет Хаят (Ahmed Hayat), Синан Ага (Sinan aga), Бенли Хафиз (Benli Hafiz), Азеван Хасса ('azeban-i hassa),

Сеид Яхья (Seyyid Yahya), Меликан Шериф (Melikan veled-i Serif), Катиб Синан Фатих (katib Sinan Faqih), Хамза Босняк (Hamza Bosna), Ахмед Фатих (Ahmed faqih) (Balard, Veinstein, 1981, p. 125).

Следующая перепись, проведенная в 1542 г., отмечает еще одну мечеть в цитадели Хаджи Неби (Haggi Nebi), а также – в городе, в пределах оборонительных стен: приводятся другое название мечети Хайреддин Эрдек – Мустафа Данишменд (Mustafa Danismend) и другое название мечети Хасан Рубах – Хаджи Бекир (Haggi Bekir); появляются две новых постройки Мухи Эддин (Muhi ed-din) и Сеид Ахмед (Seydi Mehmed). В неукрепленном пригороде Топраклы Варош, в переписи 1542 г., отсутствуют названия таких мечетей, как Азеван Хасса, Сеид Яхья и Меликан Шериф, а на их месте названа новая Абу эль

Кемаль (Ebu el-kemal), также не отмечено функционирование мечети Ахмед Фатих, место которой в переписи заняли два новых объекта – Хусам Эддин (Husam ed-din) и Баба Вели (Baba Veli) (Balard, Veinstein, 1981, p. 125).

Данные двух переписей населения первой половины XVI века можно дополнить сведениями двух более поздних источников – путевыми заметками Эвлии Челеби, побывавшего в Крыму в 1666–1667 гг., и данными генерального плана 1784 г. (План г. Кафы. Апрель 1784, л. 1), на котором отмечены тридцать мусульманских культовых зданий и приведены названия двадцати семи из них, причем в трех случаях написано «мечеть», «мечеть каменная» и «часовня» без названия. Сведения этих двух источников были сведены в таблицу 1.

При сопоставлении четырех генеральных планов Каффы (план г. Кафы, апрель 1784, л. 1; план города Феодосии с показанием, л. 2; план города Кафы, 1771 г., л. 2; план Феодосии, 1779 г. л. 4) удалось определить месторасположение сорока мечетей (рис. 2; 3). Четыре мечети (J 1–J 4) находились в цитадели (Френк Хисар), двадцать две (J 5–J 26) в окруженной крепостными стенами городской территории (Кале Бурун), одна мечеть (J 27) входила в комплекс строений турецкого бастиона у башни св. Константина и 13 зданий (J 28–J 40) находились в неукрепленном предместьи (Топраклы Варош или Кала-и Хак).

Для общей систематизации культовых памятников мечети были обозначены буквой J и пронумерованы арабскими цифрами.

Одно мусульманское культовое здание сохранилось до наших дней – это мечеть Муфти-Джами (J 16, рис. 2; 6).

J 1 (Таджир Хаджи Наби, рис. 2) – мечеть располагалась в цитадели в 30 м юго-восточнее ворот Св. Георгия, позднее Атли-Капу и в 100 м юго-западнее ворот Искеле-Капу. Здание представляло собой прямоугольную в плане постройку с приблизительными размерами 9,5 x 11,0 м. К северному фасаду здания примыкала открытая галерея размером 1,5 x 9,5 м. Квадратное в плане основание минарета (2,1 x 2,1 м) примыкало к северо-западному углу здания (рис. 4). Название мечети установлено по экспликации плана 1784 г.

Об этом архитектурном объекте Эвлия Челеби (Книга путешествия, 1999, с. 90) сообщает следующее: «... мечеть Таджир Хаджи Наби, крытая свинцом, отстроенная и древняя, большая мечеть. Над ее дверьми следующий тарих:

«Нет никакого другого божества, кроме Бога и Мухаммед – пророк Бога!
Во имя Бога, Всемилоостиго, Всемилосердного!»
И после этого:
«Построил слабый Хаджи Наби Таджир
Мечеть Аль-Аксу,
Сказал почтенный народ о дате:
– И заложил он Каабу, да продлится благословение.
Год ...»

J 2 (Чин эли, рис. 2) – мечеть располагалась в цитадели, в 70 м восточнее ворот 4 (Бочаров, 1998, рис. 1) и в 170 м южнее мечети Таджир Хаджи Наби. Здание представляло собой квадратную в плане постройку с приблизительными размерами 7,5 x 7,5 м (рис. 4). Название мечети установлено по экспликации плана 1784 года.

J 3 (Фергадни Медрез, рис. 2) – ме-

Таблица 1.

Сведения Эвлии Челеби (1666–1667 гг.) (Книга путешествия, 1999, с. 90–92)	Экспликация к генеральному плану Каффы 1784 г. (План г. Каффы. Апрель 1784, л. 1)
Мечеть шахзаде Сулейман-хана.	Мечеть Султан-Селим.
Мечеть Муфтия.	Мечеть Касым Паша (Kasim-Paşa).
Мечеть Ени.	Мечеть Лонжа.
Мечеть Гуль-баши.	Мечеть Агмет.
Мечеть Таджир Хаджи Наби.	Мечеть Ширвани (Şirvani).
Мечеть Куле-капу.	Мечеть Капу-ага (Mercan-Aga).
Мечеть Хаджи Идрис.	Мечеть Бегали (Begli Hafiz).
Мечеть Кёпрюлю-баши.	Мечеть Мефты.
Мечеть Орта Капу.	Мечеть Кишла.
Мечеть Капу-ага.	Мечеть Дан Ешмент (Mustafa Danişmend).
Мечеть-молельня Азабов.	Мечеть Аджи-Махмут (Atçi Mahmud).
Мечеть Хатуние.	Мечеть Чин-эли (Çinelü).
Мечеть Чаклы.	Мечеть Хаджи Неби (Hacı Güşver).
Мечеть Бала-Хатуние.	Мечеть Ферганди медрес.
Мечеть Ахмед-ага.	Мечеть Кефе-лоули.
Мечеть Муфти.	Мечеть Аджи Гарж.
Мечеть Чин-эли.	Мечеть Адже Геннан (Hoca Hasân).
Мечеть Хисар-намазях.	Мечеть Гуль-баш (Cami-i Cedid-i Gölbaş).
	Мечеть Мердевели (Hoca Veli)?
	Мечеть Селим ?
	Мечеть Сергасп лоули (Ser-bazar)?
	Мечеть Кучук.
	Мечеть Арплар.
	Мечеть Джефенди.
	Мечеть Голь (Sagu-Göl).
	Мечеть Джума.
	Мечеть Чекали (Gat-Gat).

четь располагалась в цитадели, в 70 м восточнее ворот 4 и в 170 м южнее мечети Таджир Хаджи Наби. Здание представляло собой прямоугольную в плане постройку (7,2 x 14,0 м – рис. 4). Название мечети установлено по экспликации плана 1784 г.

Ж 4 (Аджи-Махмут, рис. 2) – мечеть располагалась в цитадели (А) в 180 м

восточнее башни А 8. Здание представляло собой прямоугольную в плане постройку (10,5 x 14,9 м). Минарет с квадратным в плане основанием (3,4 x 3,4 м) примыкал к центральной части северной стены (рис. 4). Название мечети установлено по экспликации плана 1784 года. Возможно, это здание названо в переписи населения

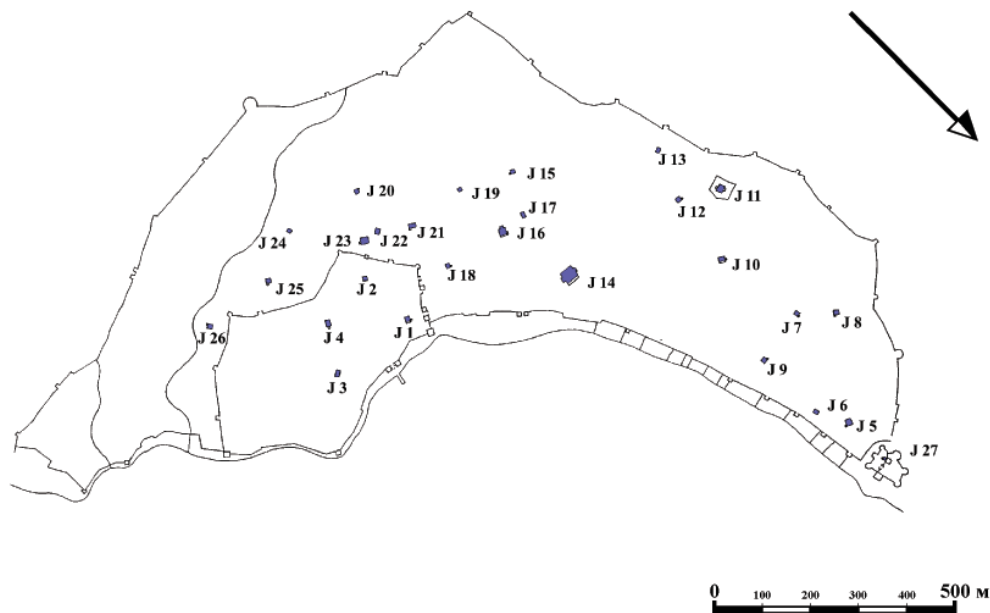

Рис. 2. Мечети Каффы-Кефе в пределах цитадели (Френк Хисар) и укрепленной городской территории (Кале Бурун).

Fig. 2. Mosques of Caffa-Kefe within the fortified urban area (Kale Burun).

(1520 г.) Махмуд Атжи (Balard, Veinstein, 1981, p. 125).

Ж 5 (Касым-паша, рис. 2) – мечеть располагалась в пределах внешнего оборонительного кольца (Кале Бурун) в квартале, расположенном на главной улице Каффы, в северо-западной части средневековой городской территории. Здание представляло собой прямоугольную в плане постройку (9,6 x 11,4 м). Квадратное в плане основание минарета (2,4 x 2,4 м) примыкало к северо-восточному углу строения. С северной стороны к зданию пристроен квадратный в плане дворик размером 9,0 x 9,6 м, возможно, кладбище при мечети (рис. 4). Название мечети установлено по экспликации плана 1784 г.

Мечеть носит имя первого османского правителя Каффы – Касым-паша. Так, регламент сбора комиссионных налогов в Кефе предписывал, чтобы за каждого проданного в горо-

де пленника особая подать в 4 акче выплачивалась вакуфам Касым-паша (Balard, Veinstein, 1981, p. 115). М. Балар и Ж. Ванштейн правильно отождествляют мечеть Касым-паша с мечетью Куле-Капу, отмеченной у Эвлии Челеби (Balard, Veinstein, 1981, p. 115). Помимо этого, здание мечети находилось рядом с воротами Куле-Капу.

Эвлия Челеби (Книга путешествия, 1999, с. 91) так описывает эту постройку: «Это мечеть без свинцового покрытия, но достаточно благоустроенная. Створки ее больших кыбловых дверей украшены мелким хамелеоньим узором, отличной резьбой и различными цветами... Над этими воротами следующий тарих:

«Эта благородная молельня –
Дом божий, построенный вновь.
Дата закладки ее фундамента:
– Мечеть основана на благочестии.

Затем слагаю исчисление

Окончания постройки мечети:

– Аль Акса.

Год 888».

М. Балар и Ж. Ванштейн переводят дату из тариха 888 г.х. = 1483 (Balard, Veinstein, 1981, p. 115). Е.В. Бахревский считает, что дата вычислена с ошибкой и в действительности тарих соответствует 885 г. х. – 1480–1481 гг. (Книга путешествия, 1999, с. 91).

Ж 6 (название не установлено, рис. 2) – мечеть располагалась в пределах внешнего оборонительного кольца в квартале, расположенном на главной улице Каффы, в северо-западной части средневековой городской территории. Здание представляло собой прямоугольную в плане постройку (6,5 x 8,9 м) (рис. 4).

Ж 7 (Ширвани, рис. 2) – мечеть располагалась в пределах внешнего оборонительного кольца, в северо-западной части средневековой городской территории. Здание представляло собой прямоугольную в плане постройку (9,1 x 7,5 м). Квадратное в плане основание минарета (1,8 x 1,8 м) примыкало к северо-западному углу строения (рис. 4). Название мечети установлено по экспликации плана 1784 г. Постройка названа в переписи населения (1520 г.).

Ж 8 (название не установлено, рис. 2) – мечеть располагалась в пределах внешнего оборонительного кольца в 180 м западнее греческой церкви Введения во храм Богородицы, в северо-западной части средневековой городской территории. Здание представляло собой прямоугольную в плане постройку (6,6 x 7,8 м). Квадратное в плане основание минарета (1,8 x 1,8 м) примыкало к северо-западному углу строения (рис. 4).

Ж 9 (Бегали, рис. 2) – мечеть распо-

лагалась в пределах внешнего оборонительного кольца, в одном квартале от главной улицы Каффы, в 180 м севернее греческой церкви Введения во храм Богородицы, в северо-западной части средневековой городской территории. Здание представляло собой прямоугольную в плане постройку (8,6 x 9,6 м). Квадратное в плане (2,1 x 2,1 м) основание минарета примыкало к северо-западному углу строения (рис. 4). Название мечети установлено по экспликации плана 1784 г.

Ж 10 (Паша-ага, рис. 2) – мечеть располагалась в пределах внешнего оборонительного кольца, в 110 м северо-восточнее греческой церкви Св. Николая и 110 м юго-западнее греческой церкви Введения во храм Богородицы, в северо-западной части средневековой городской территории. Прямоугольное в плане здание с примыкающей к северному фасаду галереей, главный фасад шире боковых (приблизительные размеры: 14,1 x 9,1 м, размеры галереи: 2,0 x 14,1 м). Квадратное в плане основание минарета (2,1 x 2,1 м) примыкало к северо-западному углу строения (рис. 4). Название мечети установлено по экспликации плана 1784 г. Возможно, что это та же постройка, которую Эвлия Челеби называет Капу-ага (Книга путешествия, 1999, с. 92).

Ж 11 (название не установлено, рис. 2) – мечеть располагалась в пределах внешнего оборонительного кольца в 55 м юго-западнее греческой церкви Св. Николая в северо-западной части средневековой городской территории. Прямоугольное в плане здание (11,8 x 14,6 м) с вальмовой крышей. К западной и восточным стенам мечети примыкали прямоугольные в плане сооружения, предположительно фун-

даменты минаретов (2,5 x 5,6 и 2,5 x 5,2 м). Мечеть имеет ограду, к которой пристроены три здания, два прямоугольной в плане формы (7,3 x 27,5 м и 3,8 x 10,5 м) и одно – в форме прямоугольной трапеции (3,7 x 4,0 м) (рис. 4). Видимо, это один из каффийских мусульманских монастырей – текке, о которых сообщает Эвлия Челеби.

Ж 12 (Джефенди, рис. 2) – мечеть располагалась в пределах внешнего оборонительного кольца в северо-западной части средневековой городской территории. Здание представляло собой прямоугольную в плане постройку (8,2 x 8,6 м). Квадратное в плане (1,8 x 1,8 м) основание минарета примыкало к северо-западному углу строения (рис. 4). Название мечети установлено по экспликации плана 1784 г.

Ж 13 (Араплар, рис. 2) – мечеть располагалась в пределах внешнего оборонительного кольца в 25 м юго-западнее армянской церкви Св. Архангелов Михаила и Гавриила в юго-западной части средневековой городской территории. Здание представляло собой прямоугольную в плане постройку (8,4 x 9,6 м (рис. 4)). Название мечети установлено по экспликации плана 1784 г.

Ж 14 (Султан-Селим, рис. 2) – мечеть располагалась в пределах внешнего оборонительного кольца в 100 м северо-восточнее армянской церкви Св. Сергия на центральной площади города. Представляет собой прямоугольное в плане сооружение, состоящее из двух четко выраженных частей, собственно мечети (36 x 22 м) и двора (36 x 13 м) с галереей (36 x 7 м). Здание мечети трехнефное, разделялось на отдельные пролеты арочными проходами с одной промежуточной

опорой. Центральная часть здания, квадратная в плане, была перекрыта куполом на высоком барабане. Барабан состоит из двух частей: нижняя восьмигранная и верхняя, предположительно шестнадцатигранная. Боковые пролеты барабана и примыкавшая к зданию с севера галерея завершались маленькими куполами на восьмигранных барабанах, их количество: над боковыми нефами по два, на галерее – пять. Галерея открывалась во двор пятипролетной аркадой. Освещение здания двухъярусное. Вход в комплекс и в мечеть находились на одной оси, с севера. Внешний вход был украшен порталом. С обоих боков к мечети пристроены минареты на квадратных в плане основаниях (рис. 5). Это центральная мечеть города, построена Ходжой Синаном (около 1489–1588 гг.).

Эвлия Челеби приводит и другое название мечети – Сулейман-хан. Вслед за средневековым автором А.П. Григорьев высказал предположение, что за мечетью в настоящее время ошибочно укрепилось имя султана Селима II (1566–1575 гг.), здание было выстроено до 1520 г. и являлось постройкой наиболее раннего этапа в творчестве Синана (Григорьев, 1974, с. 27–28).

Ж 15 (Кучук, рис. 2) – мечеть располагалась в пределах внешнего оборонительного кольца в 120 м юго-западнее мечети Муфти Джами в юго-западной части средневековой городской территории. Здание представляло собой прямоугольную в плане постройку (10,0 x 8,2 м). Квадратное в плане основание минарета (2,0 x 2,0 м) примыкало к северо-восточному углу строения (рис. 4). Название мечети установлено по экспликации

плана 1784 г.

Ж 16 (Муфти Джамии, рис. 2) – мечеть сохранилась до наших дней, в юго-западной части средневековой городской территории, северный ее фасад выходил на центральную площадь города. Строение купольное, квадратное в плане (16 x 16 м); вход, украшенный порталом, находился в северной стене, обрамлен окнами и внешними михрабными нишами. Второй вход вел с запада. Внутреннее пространство мечети на оси входа завершалось прямоугольным в плане помещением, в глубине которого в задней стене устроен михраб прямоугольной формы размером (7,2 x 2,8 м). С западной стороны у северного угла к мечети пристроен минарет, вход в который находился в северном углу здания. Подножие минарета прямоугольное в плане (2,6 x 2,8 м), ствол – восьмигранный. Объем здания кубовидный, строение завершалось многогранным барабаном, прорезанным окнами с куполом. Освещение основного объема двухъярусное. С внешней стороны купол имеет уплощенную форму (рис. 6).

Эвлия Челеби (Книга путешествия, 1999, с. 90) описывает здание так:

«Это тоже крытая свинцом мечеть с выстроенным из камня минаретом. На внутренней стороне красивых дверей этой мечети четким почерком написан такой тарих:

«Начал строительство своим старанием

С помощью Владыки Помогающего

Муфтий слуга Шариата,

У мевлеви руководитель в вопросах веры,

А он тот, имя которого – ничтожный Муса аш-Шериф.

Это богоугодное сооружение будет в благоденствии,

Ибо построил он его для верующих.

Бог милостиво принял службу его светлomu Шариату.

Он заложил фундамент и написал дату его основания:

– Воистину благоденствовать будет обитель благословенных!

Год ...».²

А на внешней стороне этой же мечети всем сразу виден тарих:

“О мусульманин, приди совершить намаз!

Боже, спаси от принуждения тебя к этому!

Подумай о времени создания этой молельни.

Дата его заключена в “желании молиться”.

Год...” (Книга путешествия, 1999, с. 90-91).³

Ж 17 (Данишменд, рис. 2) – мечеть располагалась в пределах внешнего оборонительного кольца, в юго-западной части средневековой городской территории, в одном квартале от центральной площади города, в 30 м западнее мечети Муфти Джамии. Здание представляло собой прямоугольную в плане постройку (10,0 x 11,0 м) (рис.

² Цифровые значения арабских букв, составляющие фразу, которая и является хронограммой, дают число 1032. По мусульманскому летоисчислению это 1032 г.х., который по нашему летоисчислению начинается 5 ноября 1622 г. и заканчивается 24 октября 1623 г. По мнению А.П. Григорьева и О.Б. Фроловой, «именно в этот промежуток времени началось строительство Мечети Муфтия» (Григорьев, Фролова, 1968, с. 152).

³ 1048 г.Х. = 1638–1639 гг.

4). Название мечети установлено по экспликации плана 1784 г.

Ж 18 (Кишла Джамии, рис. 2) – здание располагалось в пределах внешнего оборонительного кольца в 120 м восточнее мечети Муфти Джамии на центральной площади города, в ее юго-восточной части. Мечеть купольная квадратная в плане (8,5 x 8,5 м), завершалась восьмигранным барабаном с шатровым куполом под черепичной кровлей, углы перехода от основного объема к барабану выполнены под прямым углом. Минарет находился с западной стороны у северного угла здания. Подножие минарета прямоугольное (2,4 x 2,2 м) ствол и шерфэ граненые (рис. 7). Название мечети установлено по экспликации плана 1784 г. Эти данные подтверждены другим планом (Генеральный план Феодосии за подписью инженера-подпоручика Круга, л. 1), где эта мечеть отмечена как Кишла-Джамии – полковой цейхгауз.

Ж 19 (Сергасп Лоули, рис. 2) – мечеть располагалась в пределах внешнего оборонительного кольца в 75 м южнее мечети Муфти Джамии в юго-западной части средневековой городской территории. Здание представляло собой квадратную в плане постройку (7,2 x 7,2 м). Название мечети установлено по экспликации плана 1784 г.

Ж 20 (Кефе Лоули, рис. 2) – мечеть располагалась в пределах внешнего оборонительного кольца в 200 м юго-восточнее мечети Муфти-Джамии в юго-западной части средневековой городской территории. Здание представляло собой прямоугольную в плане постройку (16,3 x 8,2 м). Квадратное в плане основание минарета (2,4 x 2,4 м) примыкало к северо-восточ-

ному углу строения (рис. 4). Название мечети установлено по экспликации плана 1784 г.

Ж 21 (Аджи Гарж) (рис. 2) – мечеть располагалась в пределах внешнего оборонительного кольца, в 70 м юго-западнее башен цитадели в юго-западной части средневековой городской территории. Здание представляло собой прямоугольную в плане постройку (7,4 x 7,2 м). Квадратное в плане основание минарета (2,2 x 2,2 м) примыкало к северо-восточному углу строения (рис. 4). Название мечети установлено по экспликации плана 1784 г.

Ж 22 (Мердвели, рис. 2) – мечеть располагалась в пределах внешнего оборонительного кольца в юго-западной части средневековой городской территории. Здание представляло собой прямоугольную в плане постройку (1,0 x 8,0 м) (рис. 4). Название мечети установлено по экспликации плана 1784 г.

Ж 23 (Гуль Биш, рис. 2) – мечеть располагалась в пределах внешнего оборонительного кольца в юго-западной части средневековой городской территории. Здание представляло собой прямоугольную в плане постройку (16,8 x 11,5 м). Квадратное в плане основание минарета (2,4 x 2,4 м) примыкало к северо-западному углу строения (рис. 4). Название мечети установлено по экспликации плана 1784 г. Эвлия Челеби сообщает, что мечеть была крыта черепицей (Книга путешествия, 1999, с. 91).

Ж 24 (Селим, рис. 2) – мечеть располагалась в пределах внешнего оборонительного кольца, в 110 м южнее башен цитадели в юго-западной части средневековой городской территории. Здание представляло собой квадрат-

ное в плане постройку (4,8 x 4,8 м). Квадратное в плане основание минарета (1,2 x 1,2 м) примыкало к северо-западному углу строения (рис. 4). Название мечети установлено по экспликации плана 1784 г.

Ј 25 (Адже Геннан, рис. 2) – мечеть располагалась в пределах внешнего оборонительного кольца в 120 м северо-западнее греческой церкви Св. Апостолов, в юго-западной части средневековой городской территории. Здание представляло собой квадратную в плане постройку (10,0 x 10,0 м). Квадратное в плане основание минарета (2,0 x 2,0 м) примыкало к северо-западному углу строения (рис. 4). Название мечети установлено по экспликации плана 1784 г.

Ј 26 (название не установлено; рис. 2) – мечеть располагалась в пределах внешнего оборонительного кольца, на восточном склоне «Карантинного холма», в 70 м северо-западнее греческой церкви Св. Параскевы, в юго-восточной части средневековой городской территории. Здание представляло собой прямоугольную в плане постройку, приблизительные размеры: ширина – 9,0 м, длина – 8,0 м. Квадратное в плане основание минарета (1,7 x 1,7 м) примыкало к юго-восточному углу строения (рис. 4). Установить название мечети по картографическим источникам не удалось.

Ј 27 (Лонджа Джамии, рис. 2) – мечеть располагалась внутри замкнутого бастиона у башни св. Константина, построенного на северо-западной оконечности внешнего оборонительного кольца. Здание представляло собой прямоугольную в плане постройку незначительной величины (5,5 x 4,4 м). Квадратное в плане основание минарета (1,7 x 1,7 м) примыкало к се-

веро-восточному углу строения (рис. 4). Название мечети установлено по экспликации плана 1784 г. Возможно, что это тот объект, который назван у Эвлия Челеби молельней азабов (Книга путешествия, 1999, с. 92).

Ј 28 (название не установлено; рис. 3) – мечеть располагалась за пределами внешнего оборонительного кольца, в 900 м северо-западнее бастиона, в северной части городских предместий Сер-Базар. Местоположение строения установлено по генеральному плану города 1771 г., выполненному кондуктором Андреем Парфеновым (План города Кафы, 1771 г., л. 2). Общие контуры архитектурного комплекса установить не удалось.

Ј 29 (название не установлено; рис. 3) – мечеть располагалась за пределами внешнего оборонительного кольца в северной части городских предместий Сер-Базар. Местоположение строения установлено по генеральному плану города 1771 г., выполненному кондуктором Андреем Парфеновым (План города Кафы, 1771 г., л. 2). Общие контуры архитектурного комплекса установить не удалось.

Ј 30 (название не установлено; рис. 3) – мечеть располагалась за пределами внешнего оборонительного кольца, в северной части городских предместий. Местоположение строения установлено по генеральному плану города 1771 г., выполненному кондуктором Андреем Парфеновым (План города Кафы, 1771 г., л. 2). Общие контуры архитектурного комплекса установить не удалось.

Ј 31 (название не установлено; рис. 3) – мечеть располагалась за пределами внешнего оборонительного кольца в северной части городских предместий. Местоположение строения

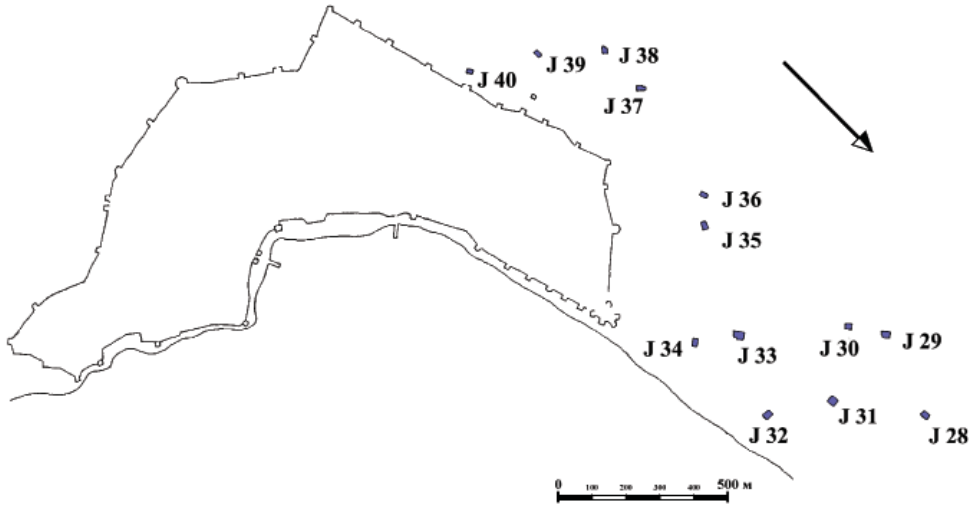

Рис. 3. Мечети Каффы-Кефе в неукрепленном предместье (Топраклы Варош).

Fig. 3. Mosques of Caffa-Kefe within the unfortified suburban area (Topracli Varos).

установлено по генеральному плану города 1771 г., выполненному кондуктором Андреем Парфеновым (План города Кафы, 1771 г., л. 2). Общие контуры архитектурного комплекса установить не удалось.

J 32 (название не установлено; рис. 3) – мечеть располагалась за пределами внешнего оборонительного кольца в северной части городских предместий. Местоположение строения установлено по генеральному плану города 1771 г., выполненному кондуктором Андреем Парфеновым (План города Кафы, 1771 г., л. 2). Общие контуры и название архитектурного комплекса установить не удалось.

J 33 (Хамзы, рис. 3) – мечеть располагалась за пределами внешнего оборонительного кольца в северной части городских предместий. Местоположение строения определено по генеральному плану города 1771 г., выполненному кондуктором Андреем Парфеновым (План города Кафы, 1771 г., л. 2). Общие контуры архитектурного комплекса установить не

удалось. В двух турецких переписях населения Кефе начала XVI в. отмечено, что кроме маленьких мечетей, предместье имеет джамии – крупную постройку имени Хамзы из Боснии (Balard, Veinstein, 1981, p. 106). Мечеть J 33 – самая большая в пригородах Каффы, возможно, именно она носила название Хамзы из Боснии.

J 34 (название не установлено, рис. 3) – мечеть располагалась за пределами внешнего оборонительного кольца в северной части городских предместий. Местоположение строения установлено по генеральному плану города 1771 г., выполненному кондуктором Андреем Парфеновым (План города Кафы, 1771 г., л. 2). Общие контуры архитектурного комплекса установить не удалось.

J 35 (название не установлено, рис. 3) – мечеть располагалась за пределами внешнего оборонительного кольца в северной части городских предместий Сер-Базар. Местоположение строения установлено по генеральному плану города 1771 г., выполненно-

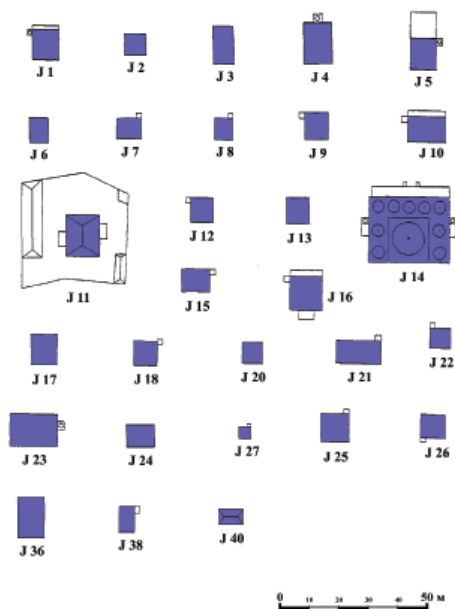

Рис. 4. Контурные планы мечетей Каффы-Кефе.

Fig. 4. Outlines of Caffé-Keffé mosques.

му кондуктором Андреем Парфеновым (План города Кафы, 1771 г., л. 2). Общие контуры архитектурного комплекса установить не удалось.

Ж 36 (Ченали, рис. 3) – мечеть располагалась за пределами внешнего оборонительного кольца в 220 м севернее армянской церкви Св. Минаса, в северной части городских предместий. Здание представляло собой прямоугольную в плане постройку небольших размеров (9,6 x 14,4 м) (рис. 4). Название и местоположение мечети установлены по экспликации плана 1784 г., подтвержденными данными генерального плана города 1771 г., выполненному кондуктором Андреем Парфеновым (План города Кафы, 1771 г., л. 2).

Ж 37 (Джума, рис. 3) мечеть располагалась за пределами внешнего оборонительного кольца в 200 м южнее армянской церкви Св. Минаса (Н 23), в западной части городских предместий Ченакчи Махаллеси. Название и местоположение мечети установлены по экспликации плана 1784 г. и под-

тверждаются данными генерального плана города 1771 г., выполненному кондуктором Андреем Парфеновым (План города Кафы, 1771 г., л. 2). Общие контуры архитектурного комплекса установить не удалось.

Ж 38 (название не установлено; рис. 3) – мечеть располагалась за пределами внешнего оборонительного кольца в западной части городских предместий Ченакчи Махаллеси. Здание представляло собой прямоугольную в плане постройку (5,4 x 9,0 м). Прямоугольное в плане основание минарета (1,6 x 2,6) примыкало к северо-западному углу строения (рис. 4). Местоположение строения установлено по генеральному плану города 1771 г., выполненному кондуктором Андреем Парфеновым (План города Кафы, 1771 г., л. 2). Общие контуры архитектурного комплекса установлены по плану Феодосии (План Феодосии, 1779 г. л. 4).

Ж 39 (название не установлено; рис. 3) – мечеть располагалась за пределами внешнего оборонительного кольца в 210 м севернее армянской церкви Св. Тороса, в южной части городских предместий Яву-Капыси Махаллеси. Местоположение храма установлено по генеральному плану города, выполненному кондуктором Андреем Парфеновым (План города Кафы, 1771 г., л. 2). Общие контуры архитектурного комплекса установить не удалось.

Ж 40 (Голь, рис. 3) – мечеть располагалась за пределами внешнего оборонительного кольца у фонтана на не-

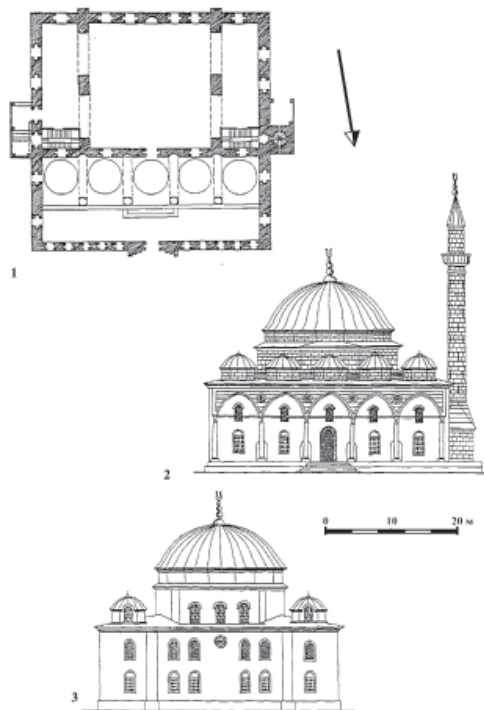
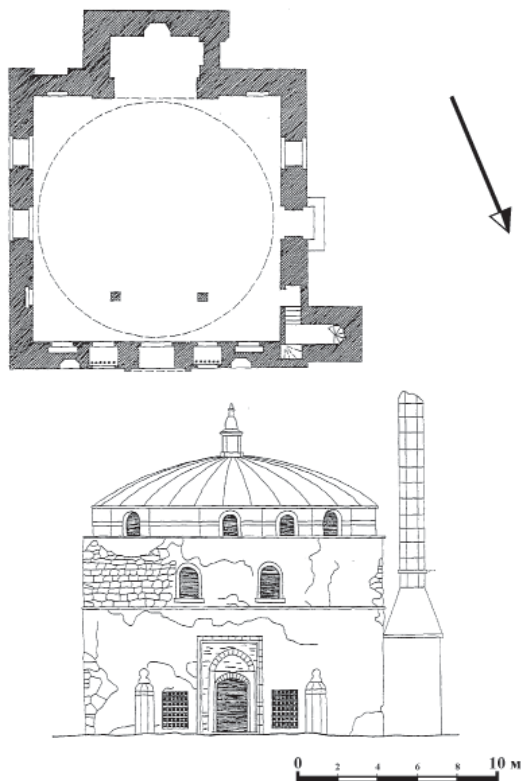

Рис. 5. План и фасады мечети Султан-Селим (J 14) (по Уильям Гесте).

Fig. 5. Plan and façades of Sultan-Selim Mosque (J 14) (after William Hastie).

Рис. 6. План и фасад мечети Муфти-Джами (J 16).

Fig. 6. Plan and façade of Mufti-Cami Mosque (J 16).

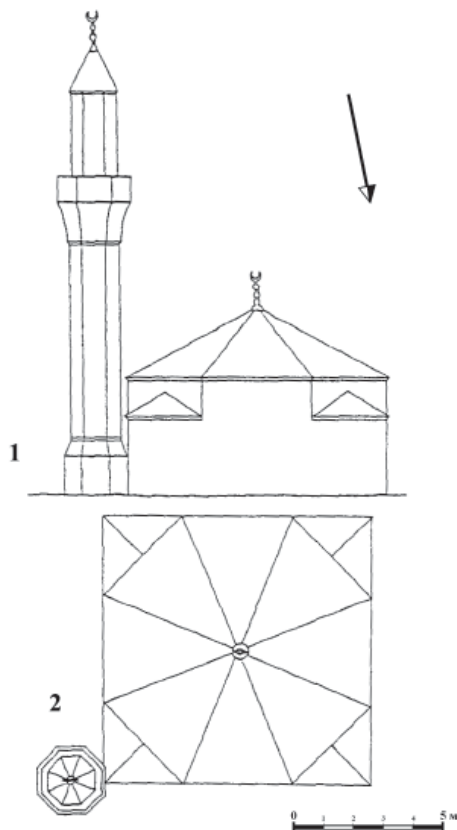

Рис. 7. Реконструкция плана и фасада мечети Кишла-Джами (J 18) (по рисунку Карла Кюгельгена).

Fig. 7. Reconstruction of the plan and façade of Kışla-Cami Mosque (J 18) (after Karl Kugelgen's drawing).

1981, p. 113). К сожалению, пока нет достаточно аргументированного объяснения факта изменения за полтора века названий для большинства мечетей.

Из краткого анализа двадцати девяти мечетей, для которых удалось установить общие контуры зданий, следует, что большая часть зданий была прямоугольной в плане формы (J 1, J 3 – J 18, J 20, J 22, J 23, J 36, J 38 и J 40), семь мечетей имели квадратную в плане форму, четыре мечети у северного фасада имели галереи (J 1, J 10, J 14 и J 16). Два объекта имели по два минарета (J 11 и J 14) и пятнадцать – один минарет (рис. 4).

большой площади перед городскими воротам, в 110 м севернее армянской церкви Св. Тороса, в южной части городских предместий Яву-Капыси Махаллеси. Здание представляло собой прямоугольную в плане постройку (8,4 x 5,3 м) (рис. 4). Название и местоположение мечети установлено по экспликации плана 1784 г., подтвержденными данными генерального плана города 1771 г., выполненному кондуктором Андреем Парфеновым (План города Кафы, 1771 г., л. 2).

Обращает на себя внимание несоответствие названий мечетей в переписях населения первой половины XVI в., данных Эвлия Челеби и экспликации плана 1784 г. На этот факт обратили внимание и Мишель Балар и Жиль Ванштейн (Balard, Veinstein,

Мечети сконцентрированы в четырех городских районах – цитадели (Френк Хисар), северо-западном районе, у центральной площади и внешней стороны западного участка цитадели (Кале Бурун), в предместьях Топраклы Варош, не окруженных внешним крепостным кольцом. Видимо, северо-западный район укрепленной городской территории и северная часть антибурга были первоначальными городскими территориями, где оседало мусульманское население в период геноцезского господства, а район внутренней застройки цитадели и центральные кварталы города, прилегающие к большой рыночной площади, были заняты приверженцами ислама уже после османского завоевания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Греческие православные церкви средневековой Каффы // Православные древности Таврики / Ред. В.Ю. Юрочкин. Киев: Стилос, 2002. С. 159–169.
2. Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Об атрибуции одной из средневековых церквей в Феодосии // Стратум Плюс. 2000. № 5. С. 425–436.
3. Бартольд В.В. Кафа // Собрание сочинений. Т. III. М.: Наука, 1965. 709 с.
4. Бочаров С.Г. Армянские церкви и проблемы исторической топографии Каффы (XIV–XVIII вв.) // Тезисы докладов IV Международной конференции студентов и молодых ученых. Киев: Киево-Могилянская академия, 1996. С. 220–221.
5. Бочаров С.Г. Историческая топография Каффы, конец XIII в. – 1774 г. (фортификация, культовые памятники, система водоснабжения). Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 2000. 21 с.
6. Бочаров С.Г. Кефе // Феодосия / Ред. Э. Б. Петрова. Симферополь: «Черномор-ПРЕСС», 2008а. С. 34–46.
7. Бочаров С.Г. Фортификационные сооружения Каффы (конец XIII – вторая половина XV вв.) // Причерноморье в средние века. Вып. 3 / Ред. С.П. Карпов. Спб.: Алетей, 1998. С. 82–117.
8. Генеральный план Феодосии за подписью инженера-подпоручика Круга. (Без даты) / РГВИА. Ф. 846. Оп.16. Д.22731. Л. 1–4.
9. Григорьев А.П. “Книга путешествия” Эвлии Челеби – источник по истории Крыма XIII–XVII вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 3. 1974. С. 19–28.
10. Григорьев А.П., Фролова О.Б. О достоверности культурно-исторических деталей в “Книге путешествий” Эвлии Челеби // Вестник ЛГУ. 1968. № 2. С. 150–160.
11. Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.) / Пер. и коммент. Е.В. Бахревского. Симферополь: Таврия, 1999. 142 с.
12. План города Кафы, 1771 год, выполненный кондуктором Андреем Парфеновым / РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 22006. Л.1–6.
13. План города Кафы. Апрель 1784 года / РГВИА. Ф. 846. Оп.16. Д. 22008. Л. 1–4.
14. План города Феодосии с показанием вокруг онаго каменной стены в плане и фасаде (без даты) / РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 22729. Л. 1–4.
15. План Феодосии. 1779 год / РГВИА. Ф. 349. оп. 40. Д 4619. Л. 1–4.
16. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб.: Изд-во Академии наук, 1884. 558 с.
17. Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / Перевод со старонемецкого Ф.К. Бруна. Баку: Элм, 1984. 129 с.
18. Balard M. “Infideles” ou Comans? A propos des “Sarraceni” de Caffa. In: Bulletin d’Etudes karaïtes. Paris: Peeters–France, 1989, pp. 83–90.
19. Balard M. Les Genoïses en Crimée aux XIIe – XIVe siècles. // Αρχαιον Ποντου. Αθηνα, 1979, vol. X, pp. 201–217.
20. Balard M., Veinstein G. Continuité ou changement d’un paysage urbain? Caffa Génoïse et Ottomane. In: Le Paysage urbain au Moyen Âge. Lyon: Persée, 1981, pp. 79–131.
21. Bocharov S. Ottoman mosques of the city of Caffa–Kefe (1475–1774). In: The art of Islamic world and artistic relationship between Islamic countries and Europe. Abstracts. Krakow: Mangana museum, 2009, p. 42.

Информация об авторе:

Бочаров Сергей Геннадиевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Россия); sgbotcharov@mail.ru

MOSQUES OF CAFFA (KEFE) CITY IN 1340–1779

S.G. Bocharov

The article addresses one of the most important aspects in studies of Caffa's historical topography, i.e. localization of the medieval mosques. The Genoese period of the urban history (1275–1475) of Caffa was marked by construction of just one mosque. This situation radically changed after the Ottoman occupation. The Ottomans (1475–1774) built 39 new mosques in Kefe. The author managed to map all 40 buildings, and identify historical names for 28 of them. Exact size of 29 buildings was established. It was possible also to reveal the logics behind settlement of the Muslim population on the urban territory. In the Genoese period, it occupied the north-western districts of the *burg* (the fortified urban area) and northern districts of the *antiburg* (the unfortified suburban area). In the Ottoman period, it reclaimed the central districts of Kefe and its citadel.

Keywords: archaeology, cultural heritage, archaeological monuments, Crimea, Caffa, Genoese Republic, Ottoman Empire, historical topography, mosques.

REFERENCES

1. Aibabina, E. A., Bocharov, S. G. 2002. In Yurochkin, V. Yu. (ed.). *Pravoslavnye drevnosti Tavriki (Sbornik materialov po tserkovnoi arkhologii) (Orthodox Antiquities of Taurica (Collected Papers on Church Archaeology))*. Kiev: "Stilos" Publ., 159–169 (in Russian).
2. Aibabina, E. A., Bocharov, S. G. 2000. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5). Saint Petersburg; Kishinev; Odessa, 425–436 (in Russian).
3. Bartol'd, V. V. 1965. *Kafa (Caffa)*. *Sobranie sochinenii (Works)* III. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
4. Bocharov, S. G. 1996. In *Tezisy dokladov IV Mezhdunarodnoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh (Abstracts of the 4th International Conference of Students and Young Scientists)*. Kiev: Kyivo-Mohylianskaia Academy, 220–221 (in Russian).
5. Bocharov, S. G. 2000. *Istoricheskaia topografiia Kaffy, konets XIII v. – 1774 g. (fortifikatsiia, kul'tovye pamiatniki, sistema vodosnabzheniia) (Historical Topography of Caffa in Late 13th Century – 1774 (Fortification, Cult Sites, Water-Supply System))*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
6. Bocharov, S. G. 2008. In Petrova, E. B. (ed.). *Feodosiia (Feodosia)*. Simferopol: "ChernomorPRESS" Publ., 34–46 (in Russian).
7. Bocharov, S. G. 1998. In Karpov, S. P. (ed.). *Prichernomor'e v srednie veka (Black Sea Region in the Middle Ages)* (3). Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ., 82–117 (in Russian).
8. *General'nyi plan Feodosii za podpis'iu inzhenera-podporuchika Kruga (Feodosia General Plan Signed by the Sub-Lieutenant Engineer Krug)*. (Undated). Russian State Archive of Military History. Fund 846. Inv.16, dossier 22731, sheet 1–4 (in Russian).
9. Grigor'ev, A. P. 1974. In *Istoriografiia i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki (Historiography and Historical Sources for Asia and Africa Countries)* 3, 19–28 (in Russian).
10. Grigor'ev, A. P., Frolova, O. B. 1968. In *Vestnik Leningradskogo Gosuderstvennogo Universiteta (Bulletin of the Leningrad State University)* (2), 150–160 (in Russian).
11. Evliya Çelebi. 1999. *Kniga puteshestviia. Turetskii avtor Evliia Çelebi o Kryme (1666–1667 gg.) (The Book of Travels. Turkish Writer Evliya Çelebi on Crimea (1666–1667))*. Simferopol: "Tavriia" Publ. (in Russian).
12. *Plan goroda Kafy, 1771 god, vypolnennyi konduktorom Andreem Parfenovym (Caffa Plan, 1771, Executed by Corporal Andrey Parfenov)*. Russian State Archive of Military History. Fund 846.

The paper was prepared under the project "Black Sea Area and the Mediterranean World in Relationships between Rus', East and West in the Middle Ages", supported by the Russian Scientific Fund (agreement nr. 14-28-00213 of 15 August 2014 between the Russian Scientific Fund and Lomonosov Moscow State University).

Inv. 16, dossier 22006, sheet 1–6 (in Russian).

13. *Plan goroda Kafy. Aprel' 1784 goda (Caffa Plan. April 1784)*. Russian State Archive of Military History. Fund 846. Inv. 16, dossier 22008, sheet 1–4 (in Russian).

14. *Plan goroda Feodosii s pokazaniem vokrug onago kamenoi steny v plane i fasade (Feodosia Plan, with a Stone Wall in the Plan and Façade around It)*. (Undated). Russian State Archive of Military History. Fund 846. Inv. 16, dossier 22729, sheet 1–4 (in Russian).

15. *Plan Feodosii. 1779 god (Feodosia Plan, 1779)*. Russian State Archive of Military History. Fund 349. Inv. 40, dossier 4619, sheet 1–4 (in Russian).

16. Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy*. T. 1. *Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Collected Works Related to the History of the Golden Horde. Vol. 1. Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

17. Schiltberger, J. 1984. *Puteshestvie po Evrope, Azii i Afrike s 1394 goda po 1427 god (Travel in Europe, Asia and Africa from 1394 to 1427)*. Baku: “Elm” Publ. (in Russian).

18. Balard, M. 1989. “Infideles” ou Comans? A propos des “Sarraceni” de Caffa. In: *Bulletin d'Etudes karaïtes*. Paris: Peeters–France, 83–90.

19. Balard, M. 1979. Les Génois en Crimée aux XIIe – XIVe siècles. In *Αρχαιον Ποντου*. Αθηνα. 201–217.

20. Balard, M., Veinstein, G. 1981. Continuité ou changement d'un paysage urbain? Caffa Génois et Ottomane. In: *Le Paysage urbain au Moyen Âge*. Lyon: Persée. 79–131.

21. Bocharov S. 2009. Ottoman mosques of the city of Caffa–Kefe (1475–1774). In: *The art of Islamic world and artistic relationship between Islamic countries and Europe*. Abstracts. Krakow: Mangana museum. 42.

About the Author:

Bocharov Sergei G. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of Crimea of Russian Academy of Sciences. Academician Vernadsky Ave., 2, Simferopol, 295007, Crimea, Russian Federation; sgbotcharov@mail.ru

УДК 726.2.053.8+904

МИХРАБ МЕЧЕТИ В ШЕЙХ-КОЙ¹

© 2016 г. В.П. Кирилко

Исследование михраба мечети в Шейх-Кой, относящейся ко времени Крымского ханства, позволяет считать, что он является спolieй. Первоначально михраб принадлежал иной, золотоордынской, постройке, местоположение которой пока не известно. Его архитектура и стилистические особенности характерны для сельджукской художественной традиции и хронологически соотносимы с датой надписи над входом – 1358 г. Установлено, что для четырехчастного перекрытия семигранной в плане ниши данного михраба вторично использованы детали сталактитового свода, который первоначально, до перемещения, был пятирусным с прямоугольным основанием. При сборке конхи на новом месте детали двух смежных горизонтов поменяли местами, а самый нижний уровень оригинальной конструкции, посредством которого в своё время осуществлялся переход к стенам ниши, подвергся упразднению. Приспособление спolieи сопровождалось уменьшением общей высоты всего сооружения, существенным изменением подлинных форм отдельных фрагментов посредством их подтепки и сочетанием явно несовместимых компонентов. Полностью утраченные западная капитель и соседняя часть рельефного орнамента наличника заменены примитивной имитацией. Известняковый блок с трехрусной сталактитовой конхой, который сейчас находится внутри кладки стены, также мог принадлежать первоначальному михрабу, но при вторичном использовании не нашел соответствующего применения в новом здании и был использован в качестве обычного строительного камня.

Ключевые слова: археология, археологические памятники, Крым, Шейх-Кой, мечеть, михраб, золотоордынская и османская архитектура, сельджукское искусство, культурное наследие.

Руины мечети находятся на левом берегу р. Бештерек у с. Давыдово (бывш. Шейх-Кой) Симферопольского района Республики Крым. Свою известность они приобрели во многом благодаря декорированному в сельджукском стиле михрабу (рис. 1) (Абдульвапов, 2006, с. 144; Абдульваап, 2014, с. 8, 12; Сейдалиев, 2014, с. 67) и сведениям строительной надписи, сообщавшей о том, что здание возведено для хафизов 15-го дня благословенного месяца Шаабана 760 г.х. (1358 г.),

во время правления великого эмира Кутлуг-Темур-бека, сына Тюлек-Тимур-Бека, сына Хаджи... (Акчочь-ракълы, 2006, с. 253–254).

Археологические раскопки памятника не проводились, но, судя по материалам археографических источников и результатам осмотра его руин, мечеть в Шейх-Кой представляет собой постройку времени Крымского ханства, при возведении которой вторично использовались архитектурные детали от более раннего,

¹ Исследование подготовлено в рамках выполнения плановой темы Отдела средневековой археологии ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН» – «Кросс-культурные связи населения Таврики и близлежащих территорий в эпоху средневековья» (Государственный регистрационный номер темы 1005-2015-0007).

Рис. 1. Михраб. Вид спереди, с севера. 2012 г. Фото автора.

Fig. 1. Mihrab. Frontal view, from the north. 2012. Photo by the author.

золотоордынского, строения, пока не поддающегося точной локализации. Ближайшие аналогии самому зданию датируются XVI–XVII вв. (Кирилко, Бочаров, 2015).

Важная информация о михрабе содержится в обмерных кроки (рис. 2), которые были выполнены в мае 1928 г. бригадой специалистов под руководством Б.Н. Засыпкина (ГНИМА, 1928, Арх 1233/3: Ф. 31. Оп. 32. Д. 1. Л. 3)². Сопоставление иконографических материалов и уцелевших строительных остатков, частично доступных для изучения, позволяет относитель-

но полно реконструировать архитектуру данного сооружения.

Михраб представляет собой скругленную на стыках плоскостей семигранную в плане нишу с трехчетвертными колонками на краях и конхой из четырех рядов сталактитов, которая обрамлена профилированным наличником, орнаментированным с боков и сверху рельефной плетенкой, т.н. сельджукской цепью (рис. 1; 2). Он сложен из чисто отесанных блоков известняка на известково-песчаном растворе. Дополнительно практически все элементы конструкции в горизонтальной плоскости поверху скреплены между собой и кладкой железными скобами, с последующей заливкой гнезд свинцом. Размеры михраба: высота – около 3,50 м, ширина – 2,53 м,

² Сердечно благодарю С.Г. Бочарова, нашедшего эти уникальные материалы и любезно предоставившего их мне для использования в данной работе.

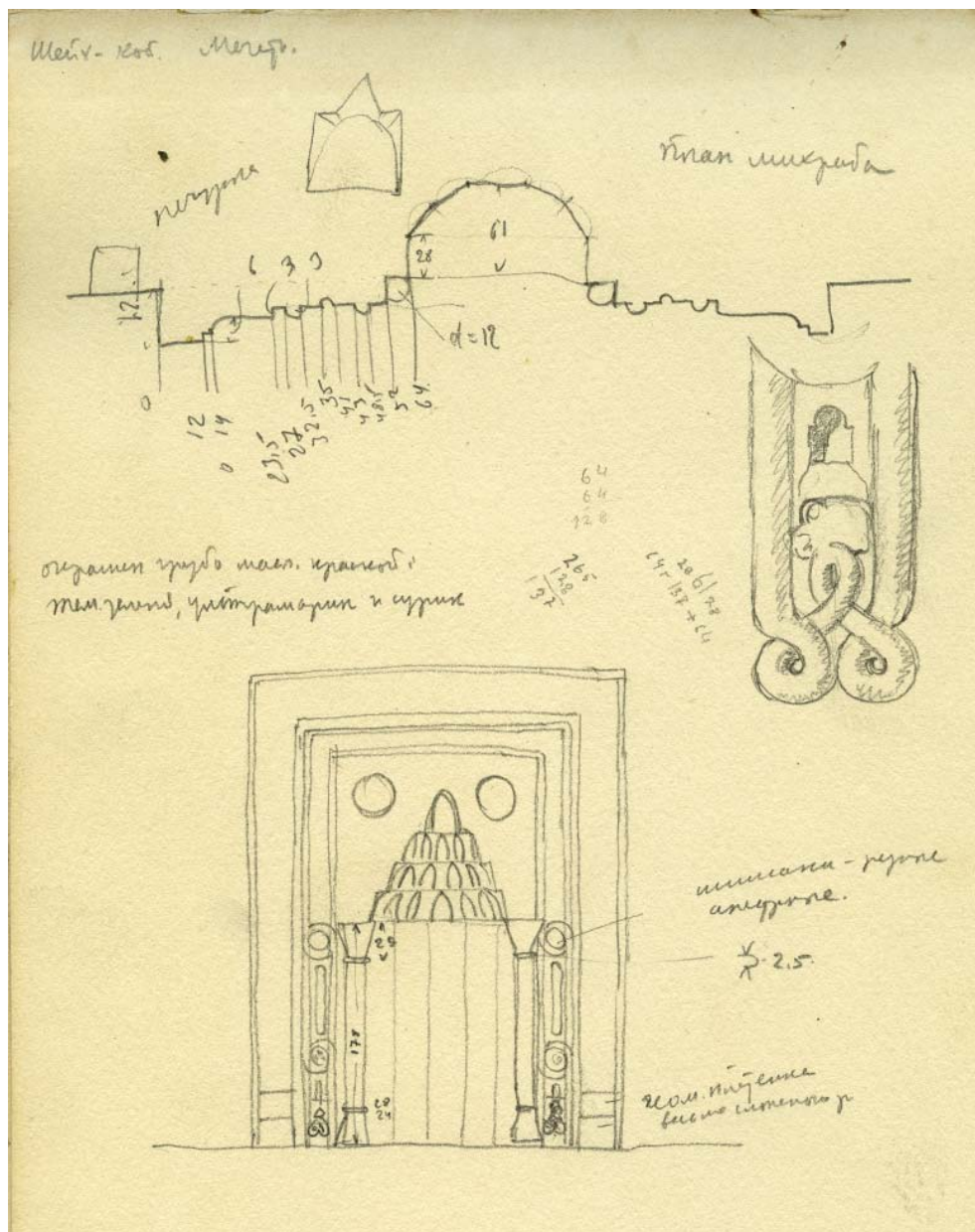

Рис. 2. План, фасад и вид фрагмента михраба. Кроки. 1928 г. Автор неизвестен (ГНИМА, 1928, Арх. 1233/3: Ф. 31. Оп. 32. Д. 1. Л. 3).

Fig. 2. Plan, façade and a fragment of mihrab. Croquis. 1928. Author unknown (Shchusev State Museum of Architecture, 1928, Arch. 1233/3: F. 31. Op. 32. C. 1. Sheet 3).

вынос – 0,24 м; глубина ниши – 0,72 м, ее ширина – 1,0 м; толщина швов – 0,1–2,0 см.

Верхние угловые участки поля передней поверхности сооружения на

уровне конхи были украшены рельефными розетками либо неорнаментированными дисками, изображенными на кроки, надо полагать, схематично в виде обычных окружностей. Судя по

Рис. 3. Восточная капитель михраба. Вид спереди, с севера. 2012 г. Фото автора.

Fig. 3. Eastern capital of mihrab. Frontal view, from the north. 2012. Photo by the author.

Рис. 4. Восточная капитель михраба. Вид с северо-запада. 1928 г. Автор неизвестен (ГНИМА, 1928, КПнвф 1143/3).

Fig. 4. Eastern capital of mihrab. North-western view. 1928. Author unknown (Shchusev State Museum of Architecture, 1928, KPnvf 1143/3).

Рис. 5. Восточная капитель михраба. Вид сбоку, с запада. 2012 г. Фото автора.

Fig. 5. Eastern capital of mihrab. Lateral view, from the west. 2012. Photo by the author.

полевому чертежу, декоративная порезка имела также в основании каждой из профилированных полос наличника, обозначенных пометой как «геом.[етрическая] плетенка весьма сложного р[исунка]».

Фланкировавшие михрабную нишу две колонки были цилиндрическими, с гладкой поверхностью, и имели конусовидные базы. Первоначально они завершались двухъярусными капителями, декорированными изысканной порезкой в виде объемной плетенки из растительных побегов и стилизованных листьев, но подлинный облик сохранила только восточная деталь (рис. 3–5). Парная ей, западная, капитель является предельно упрощенным новоделом (рис. 6). Сверху и снизу фусты оформлены одинаковыми валиками с зигзагообразным рифлением поверхности, расположенными между двумя слабовыраженными по-

лочками. Уцелевшая глава колонки имеет стилевые параллели в орнаментике архитектурного убранства солхатских мечети Узбека 1314 г. и медресе Инджи-бей Хатун 1333 г., но отличается большей компактностью и почти тождественна капители, использованной в портале церкви армянского монастыря Сурб Хач, также датируемой 1358 г. (Кирилко, 2014, с. 409, 410, 411).

Нижние части «сельджукской цепи» и узлы соединения отдельных звеньев той друг с другом выделяются изящной пластикой форм. На данном этапе исследований первые известны исключительно благодаря их изображению на кроки (рис. 2), хотя и относительно детально проработанному чертежником, но не бесспорному из-за отсутствия аналогий. Сомнение подкрепляется тем, что представленное там же завершение полукруглого в сечении желобка нарисовано неточно, ибо, судя по доступным для изучения иным местам наличника, оно должно быть килевидным (рис. 3). Согласно графическим материалам обмера 1928 г. выпуклая лента орнамента на краю образует плетенку из трех плавно сопряженных между собой отдельных петель, традиционно увенчанную внутри пальметтой классического облика.

Звенья «сельджукской цепи» на концах полукруглые, при соединении образуют стандартную циркульную ячейку, внутренняя полусферическая поверхность которой украшена ре-

Рис. 6. Ремонтная вставка с западной капителью и частью орнамента михраба. Вид с северо-востока, сверху. 2012 г. Фото автора.

Fig. 6. Repaired insertion, with the western capital and a fragment of ornamentation of the mihrab. North-eastern view, from above. 2012. Photo by the author.

льефной шестилепестковой розеткой, образованной посредством переплетения двух широких лент вокруг диска в центре (рис. 3). Такая же деталь в ремонтном дополнении сооружения, появившемся при вторичном использовании михраба, представляет собой обычную неорнаментированную выпуклость (рис. 6). Автором кроки данные декоративные элементы интерпретированы как «шишаки – резные ажурные» (рис. 2). В определенной мере им тождественны подобные орнаментальные мотивы фронтона кивория XIV–XV вв. из раскопок армянской церкви св. Иоанна Богослова в Каффе (Айбабина, 2009, рис. 35: 1; 36: 6), но те не имеют круглой сердцевины и отличаются более узкой лен-

той плетенки. Аналогичная декоративная деталь была применена также для украшения средней ячейки «сельджукской цепи» на наличнике донжона в цитадели Мангупа, датируемого рубежом 50–60-х годов XV в. (Кирилко, 2005, с. 229, рис. 173).

Достаточно большой представляется вероятность того, что в 1928 г. при осуществлении графической фиксации верх михраба исследователям остался недоступен, косвенным подтверждением чему является полное отсутствие на обмерном чертеже каких-либо подробностей, прежде всего узлов соединения звеньев «сельджукской цепи», и упрощенное изображение розеток, которые в подобных сооружениях обычно украшались по-

Рис. 7. Кладка михраба в верхней части. Вид сбоку, с востока. 2012 г. Фото автора.

Fig. 7. Masonry of the mihrab, upper part. Lateral view, from the east. 2012. Photo by the author.

резкой. В пользу этого предположения свидетельствует и то, что приводимые ими единичные вертикальные размеры, относятся исключительно к нижней половине сооружения и находятся в пределах человеческого роста.

Есть основание считать, что завершение михраба на кроки изображено не только схематично, но и не совсем точно, причиной чему наряду с затрудненным доступом к удаленным деталям могла стать также темнота внутри помещения, если, конечно, не имела место попытка реконструировать недостающие части сооружения непосредственно при выполнении обмера. В любом случае, подтверждения того, что наличник сверху был оформлен одинаково с боковыми участками обрамления, сейчас нет. Причем единственный уцелевший в настоящее время *in situ* крайний фрагмент михраба над конхой свидетельствует о противоположном, ибо принадлежит «сельджукской цепи» (рис. 7), но никак не профилированной рамке.

Примечательно то, что он перевязан с кладкой стены, а лицевая затирка скреплявшего их раствора на стыке скруглена и заступает на поверхность блока. Следовательно, выше в этом месте наличник не продолжался, что, в частности, подтверждается также целостностью примыкавшего к нему первоначального штукатурного слоя.

Возможно, не вполне благоприятными условиями работы было обусловлено появление математических расчетов непосредственно на самом чертеже (рис. 2). Они представляют собой три группы цифр в средней части кроки, посредством сложения которых исследователями памятника осуществлено вычисление (в качестве проверки) габаритных величин, видимо, недоступных для получения с помощью измерений обычным способом. Все метрические показатели почти полностью совпадают с данными современных обмеров.

Нынешняя конха михрабной ниши состоит из четырех ярусов сталактитов, которые местами между собой плохо согласованы и прежде, до вторичного использования, однозначно имели иное расположение (рис. 1; 8–10). Взаимное несоответствие смежных деталей начинает наблюдаться уже в пяточной части конструкции, а особенно сильно выражено на соединении второго и третьего горизонтов перекрытия, что получило воплощение в ощутимо деформирующих сооружение подтеках и пригон-

Рис. 8. Перекрытие михрабной ниши. Вид снизу, с юга. 2012 г. Фото автора.

Fig. 8. Ceiling of the mihrab's niche. View from below, from the south. 2012. Photo by the author.

ке явно несовместимых компонентов (рис. 8).

Вне всякого сомнения, одной и той же первоначальной конструкции принадлежали самый верхний и предварявший его (соответственно, четвертый и третий снизу) ярусы сталактитов. Каждый из них вытесан из цельного блока известняка, а между собой они четко согласованы и взаимно дополняемы на стыке. Обе детали являются характерными для классического завершения ячеистой конхи, конструкция которой образует пространственную геометрическую фигуру с симметрией вращения четвертого порядка. В самой верхней части перекрытия находится полость стрельчатого профиля с равномерно гофрированной, зубчатой в плане, поверхностью. На предшествующем ей

уровне она посредством чередования консольных выступов и пятидольных стилизованных листьев равномерно расширяется, приобретая многогранную конфигурацию в виде половины правильного октагона.

Расположенные сейчас под ними стандартные, практически одинаковой величины, сталактиты второго ряда логично и конструктивно, в определенной степени, соотносимы с архитектурой верхней части конхи. Однако при этом они имеют сравнительно маленькие размеры, в результате чего не совпадают своими очертаниями в плане с основанием той, следовательно, прежде в первоначальном сооружении не могли здесь находиться, а их повторное применение на данном уровне перекрытия неизбежно должно было обусловить существен-

Рис. 9. Ремонтная подтёска сталактитов нижнего яруса свода. Вид с востока. 2012 г.
Фото автора.

Fig. 9. Repair scabbing of the stalactites of the bottom tier of the vault. View from the east. 2012.
Photo by the author.

ную корректировку конфигурации свода в зоне контакта, что, в самом деле, и произошло (рис. 8). О том, что детали нынешнего второго яруса занимают чужое место, убедительно свидетельствует их количество. В пределах периметра перекрываемого пространства строителям удалось втиснуть всего шесть стандартных сталактитов, в частности, нарушив тем самым восьмиосевую композицию конструкции, причем оставшиеся лишними два элемента исходного комплекта после значительной подтески нашли свое применение в нижнем ярусе перекрытия (рис. 8).

Нынешний первый ярус конхи в плане не совпадает ни с абрисом самой ниши, ни с проекцией, располо-

женной выше части сооружения, но уверенно соотносим с конфигурацией основания третьего уровня перекрытия, которому, вероятнее всего, первоначально и предшествовал. В свою очередь, он органично дополняем снизу компонентами, находящимися сейчас над ним. При восстановлении михраба детали первого и второго ярусов, вне всякого сомнения, помещали местами. Более того, в подлинном своде, использовавшемся в качестве источника споллий, должен был быть еще один, самый нижний уровень конструкции, посредством которого осуществлялся переход к стенам ниши, имевшей прямоугольный план. Следовательно, первоначальная конха была пятиярусной и имела совершен-

Рис. 10. Архитектурная деталь с конхой внутри кладки михраба.
Вид с северо-востока. 2015 г. Фото автора.

ig. 10. Architectural fragment with a conch inside the mihrab's masonry.
View from the north-east. 2015. Photo by the author.

но другую архитектонику.

Пометы исследователей на поле-вом обмерном чертеже содержат также иную небезынтересную информацию о сооружении. Они сообщают о том, что михраб «окрашен грубо масл. краской: тем. зеленой, ультрамарин и сурик», многослойные остатки которой повсеместно сохранились до сих пор, однако уверенно установить характер раскраски без специальных исследований затруднительно (рис. 1; 8). Цветовая гамма является традиционной и имеет параллели в позднесредневековом художественном убранстве михраба т.н. мечети Узбека в г. Старый Крым, где в качестве основных использованы аналогичные колера (Кирилко, 2015, с. 538, 552–555).

Нечто подобное наблюдается также в сходной ситуации на еще одной близкой по времени культовой постройке региона – мечети в селении Колечь, вторично использованный михраб которой подвергся дополнительному декорированию и был «безвкусно раскрашен яркими красками» (Засыпкин, 1927, с. 145).

Весьма любопытна некая «печурка» (так она названа авторами обмера 1928 г.), представлявшая собой прямоугольную в плане нишу, находившуюся непосредственно у михраба с восточной стороны (рис. 2). Снаружи она была квадратной с треугольным выступом сверху посередине, внутри приобретала дуговидный абрис и, возможно, имела гофрированную по-

верхность перекрытия. Точные размеры детали на кроки не приведены.

Безусловно, самым неожиданным и достаточно загадочным элементом нынешнего михраба является высеченная в отдельном известняковом блоке трехъярусная сталактитовая конха, которая заглублена в кладку сооружения на 0,27–0,41 м, с восточной стороны от свода ниши (рис. 1; 10). Неизвестно, была ли она видна снаружи, но маловероятно, ибо находится напротив «сельджукской цепи», изображенной на обмерных кроки непрерывной. Более того, наличие комков известкового раствора, налипших на ее лицевую поверхность, и гнезд от двух металлических скреп у передней грани блока сверху дают основание считать, что данная, весьма изысканная, архитектурная деталь здесь использована в качестве обычного строительного камня, возможно, с вотивными целями. Несомненно, существует определенный соблазн соотносить этот артефакт с информацией кроки о печурке, однако оному

противоречит совершенно разное местоположение тех. Вероятнее всего, конха из забутовки кладки также принадлежала первоначальному михрабу и некогда могла перекрывать его внутреннюю нишу, но не нашла соответствующего применения при вторичном использовании в новом здании.

Предварительные итоги исследования дают основание однозначно утверждать, что михраб мечети в Шейх-Кой является спolieй и прежде находился в ином, не локализованном пока строении. Он действительно имеет характерные для сельджукской декоративной пластики формы и в своем первоначальном виде уверенно может быть датирован 1358 г., но наряду с этим в нынешнем состоянии демонстрирует признаки весьма неумелого восстановления конхи, обусловленного низким профессиональным уровнем мастера и утратой отдельных элементов, равно как изменением при сборке исходного плана сооружения – прямоугольного на семигранный.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдульвапов Н.* Суфизм и начальный этап активного распространения ислама в Крыму // Культура народов Причерноморья. № 79 / Отв. ред. А. Ю. Катунин. Симферополь: Межвузовский центр «Крым», 2006. С. 140–149.
2. *Абдульвапов Н.* К истории науки, образования и литературы в Крыму в период Золотой Орды // Qasevet. 2014. № 42. С. 2–23.
3. *Айбабина Е.А.* Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII вв. Симферополь: «СОНАТ», 2001. 280 с.
4. *Акъчокъракълы О.Н.* 1928 сенеси ичинде кырымда фений ве тарихий экспедициялар // Эсерлер топламы / Отв. ред. И. Керимов. Акъмесджит: Таврия, 2006. С. 252–256.
5. *Засыпкин Б.Н.* Памятники архитектуры крымских татар // Крым. № 2(4). М.-Л.: Госиздат, 1927. С. 113–168.
6. *Кирилко В.П.* Крепостной ансамбль Фуны (1423–1475 гг.). Киев: ИД «Стилос», 2005. 269 с.
7. *Кирилко В.П.* Строительная летопись Таврики второй половины XIII – третьей четверти XV веков // История и археология Крыма. Вып. I / Отв. ред. В.В. Майко. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. С. 406–434.
8. *Кирилко В.П.* Строительная периодизация т.н. мечети Узбека в Старом Крыму // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Кишинёв:

Stratum plus, 2015. С. 509–558.

9. Кирилко В.П., Бочаров С.Г. Малоизвестная средневековая мечеть в Центральном Крыму (Шейх-Кой) // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. № 4/2. Казань, 2015. С. 111–116.

10. Сейдалиев Э. Мусульманские культовые памятники Крыма периода Золотой Орды. Современное состояние проблемы // Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия в Крыму / Ред. А. Исмаилов, Э. Муратова, С. Эминова. Симферополь: СПД Музафаров Г.Н., 2014. С. 65–71.

Информация об авторе:

Кирилко Владимир Петрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Россия); kir.vlad33@gmail.com

MHRAB OF THE MOSQUE IN SHEIKH-COY

V.P. Kirilko

The mihrab of the mosque in Sheikh-Coy (dated by the Crimean Khanate time) is a spolia, as its study suggested. Originally it belonged to another, Golden Horde's building, the location of which is not yet known. Its architectonics and stylistic features are characteristic of the Seljuk art tradition and chronologically correlates with the date of the inscription over the entrance – 1358. It was found that the fourfold overlapping of the heptagonal in plan niche of this mihrab reused parts of the stalactite arch. Primarily, before the move, it had five levels and a rectangular base. During assemblage of the conch in the new place, the parts of the two adjacent horizons were reversed, and the lowest level of the original construction, which at the time served as the transition to the walls of the niche, was abolished. Adaptation of the spolia was accompanied by a decrease in the overall height of the whole structure and a significant change of the original forms of individual fragments by scabbing them and combining some apparently incompatible components. The lost western part of the capital and the adjacent part of the relief ornament on the platband were replaced by a primitive imitation. Limestone block with a four-tier stalactite conch, which is now inside masonry walls, could also belong to the original mihrab, but did not find its appropriate place when reused in the new building and thus was used as a usual building stone.

Keywords: archaeology, archaeological monuments, Crimea, Sheikh-Coy, mosque, mihrab, Golden Horde and Ottoman architecture, Seljuk art, cultural heritage.

REFERENCES

1. Abdul'vapov, N. 2006. In Katunin, A. Yu. (ed.). *Kul'tura narodov Prichernomor'ia (Culture of the People of the Pontic Region)* 79. Simferopol: Inter-University Center "Crimea", 140–149 (in Russian).
2. Abdul'vaap, N. 2014. In *Qasevet (Qasevet)* 42, 2–23 (in Russian).
3. Aibabina, E. A. 2001. *Dekorativnaia kamennaia rez'ba Kaffy (XIV–XVIII vv.) (Ornamental Stone Carving of Kaffa in the 14th–18th Centuries)*. Simferopol: "Sonat" Publ. (in Russian).
4. Aqçoqraqlı, O. N. 2006. In Kerimov, I. (ed.). *Osman Aqçoqraqlı. Eserler toplamu (Osman Aqçoqraqlı. Collected Works)*. Simferopol: "Tavriia" Publ., 252–256 (in Crimean-Tatar).

The study is prepared under a Planned Research Project "Cross-Cultural Relations of the Taurica Population with the Neighboring Territories in the Middle Ages" (State Registration no. 1005-2015-0007) implemented by the Crimean Archaeology Institute of the Russian Academy of Sciences.

5. Zasyupkin, B. N. 1927. In *Krym (Crimea)* 2(4). Moscow; Leningrad: "Gosizdat" Publ., 113–168 (in Russian).
6. Kirilko, V. P. 2005. *Krepostnoi ansambl' Funa 1423—1475 gg. (Fortress Ensemble of Funa in 1423—1475)*. Kiev: "Stilos" Publ. (in Russian).
7. Kirilko, V. P. 2014. In Maiko, V. V. (ed.). *Istoriia i arkhologiiia Kryma (History and Archaeology of Crimea)* I. Simferopol: "Biznes-Inform" Publ., 406–434 (in Russian).
8. Kirilko, V. P. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 509–558 (in Russian).
9. Kirilko, V. P., Bocharov, S. G. 2015. In *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv (Bulletin of the Kazan State University for Culture and Arts)* 4(2). Kazan, 111–116 (in Russian).
10. Seidaliev, E. 2014. In Ismailov, A., Muratova, E., Eminova, S. (eds.). *Aktual'nye problemy izucheniia i sokhraneniia islamskogo nasledii v Krymu (Current Issues of Study and Conservation of Islamic Heritage in Crimea)*. Simferopol: "SPD Muzafarov G. N." Publ., 65–71 (in Russian).

About the Author:

Kirilko Vladimir P. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of Crimea of Russian Academy of Sciences. Academician Vernadsky Ave., 2, Simferopol, 295007, Crimea, Russian Federation; kir.vlad33@gmail.com

УДК 902/904 + 719

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ МАЛОГО ГОРОДКА БОЛГАРА

© 2016 г. Л.А. Беляев, И.И. Елкина, А.В. Лазукин

Малый городок – монументальный архитектурный ансамбль, расположенный на крайней южной оконечности Болгарского городища и датированный второй половиной XIV в., был в значительной мере, но не полностью исследован раскопками 1981–1984 гг. В 2011–2015 гг. авторы данной статьи провели новые полевые исследования этого объекта. В результате было полностью расчищено южное здание. Открыты остатки ранее не изучавшегося каменного сооружения – мавзолея с пятью захоронениями. Осуществлено повторное стратиграфическое исследование оборонительных сооружений, подтвердившее, что внутренний ров не сопровождался валом, а у внешнего рва был зафиксирован вал. Новые данные в целом подтверждают выводы, сделанные в 1980-х гг., в том числе гипотезу о культовом предназначении всего ансамбля или его северо-восточной части.

Ключевые слова: археология, культурное наследие, археологические памятники, Болгарское городище, Малый городок, архитектура, Южное здание, мавзолей, погребальный обряд, оборонительные сооружения.

Малый городок – известный архитектурный ансамбль в составе Болгарского городища. Он расположен за пределами города XIV в, к юго-западу от южных въездных ворот, в 2 км от берега реки.

Малый городок в плане образует трапецию, меньшей стороной обращенную на юг. Он имеет два пояса укреплений, внешний и внутренний. Внешнюю линию образуют вал и ров общей длиной с восточной стороны 290 м, с западной – 330 м, с северной – 300 м; валы, кроме восточной линии, сильно распаханы; въезд внутрь осуществлялся, вероятно, через проем в восточной части вала, где тот примыкает к валу городища (рис. 1).

Меньший (внутренний) обвод укреплений вписан в наружный контур, с сильным сдвигом к северо-восточному углу, ко въезду. В плане это неправильный четырехугольник, стороны которого почти параллельны

внешним линиям укрепления и образованы рвом длиной с северной и восточной сторон 105 м, с южной – 90 м, с западной – 106 м. Внутри рва площадка хорошо задернована, она ровная, с небольшим наклоном к югу.

Въезд на эту центральную площадку, внутрь контура рва, возможен только через монументальные каменные ворота с северной стороны. При въезде, между внешним и внутренним углами укреплений, в северо-восточном углу городка, находится каменная постройка, определенная как киоск для омовений. На противоположащей воротам южной стороне рва, на его границе, находятся остатки еще одного каменного сооружения, получившего сначала условное название «бастион», но более известное как «южное здание».

Название Малый городок возникло, вероятно, по сравнению с городищем Великого Болгара, использован-

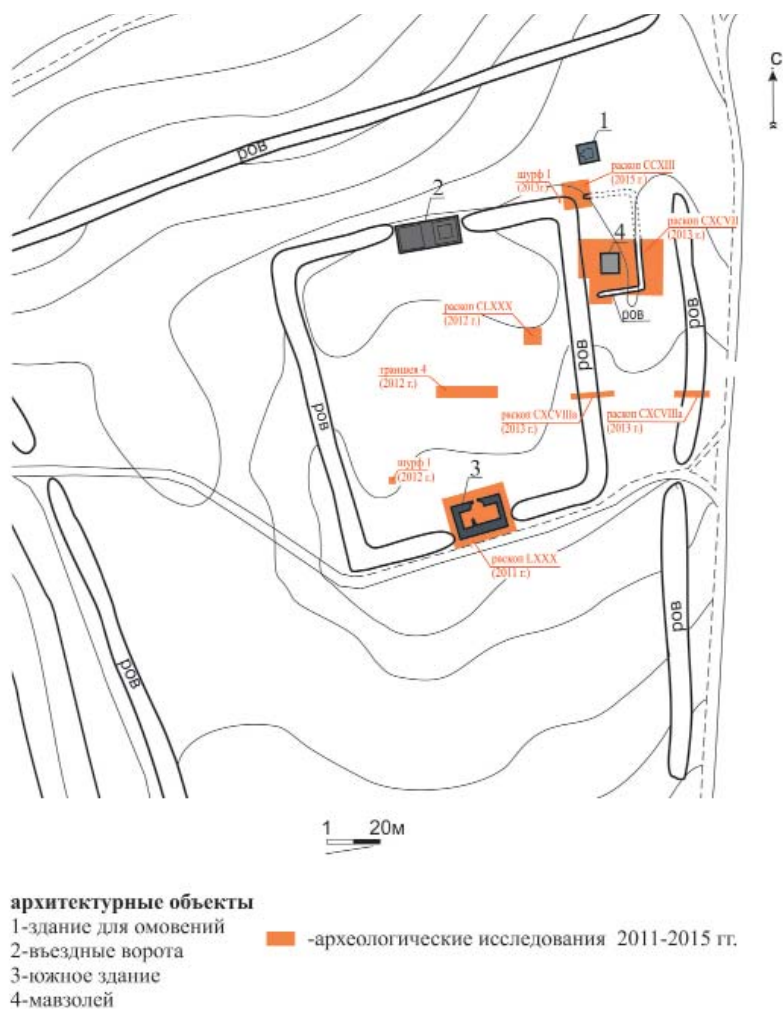

Рис. 1. Малый городок. Сводный план с указанием раскопов 2011–2015 годов.

Fig. 1. Malyi gorodok. Consolidated plan with digs of 2011–2015.

ное как имя нарицательное. Впервые Малый городок упоминается в 1712 г. в описи дьяка Михайлова под № 19–21: «Да у другова конца того ж поперечника, за валом же, три палаты, две стоят одна против другой, развалились до половины, а третья особо от них, в десяти сажнях, развалилась вся» (по: Невоструев, 1871, с. 539, 540). Ни один из общих трудов по истории Болгара не обошел вниманием Малый городок, но авторы в основном ограничивались его осмотром и съемками. Первые раскопки

здесь провели в 1893 г. И.Н. Смирнов и А.И. Александров, начав расчистку руин каменных зданий (Егерев, 1927, с. 34). Позже ограничивались мониторингом состояния, снятием его полупланирующего плана или схемы. Экспедиция А.П. Смирнова затронула Малый городок лишь разведкой, а в труде выдающегося ученого ему уделено несколько строк (Смирнов, 1954, с. 317–318).

Наиболее обстоятельные и информативные исследования Малого городка проведены в 1981–1984 гг.

Л.А. Беляевым (Институт «Спецпроектреставрация» в составе экспедиции под рук. Т.А. Хлебниковой). Были исследованы практически полностью (площадь вскрытия 844 кв. м), остатки трех каменных построек; затронуты линии обваловки и оба рва; изучена стратиграфия. Результаты работ были полностью представлены в серии статей: Беляев, 1986, с. 127–142 (здание для омовений); он же, 1990а, с. 49–79 (проблемы функциональной интерпретации); он же, 1990б (опыт художественной реконструкции); он же, 2001, с. 261–294 (базовая публикация материалов по Южному зданию и комплексу ворот).

Но, несмотря на проведенные исследования, многие вопросы остались открытыми. Недостаточная сохранность архитектурных сооружений, почти полное отсутствие материала и самого культурного слоя делают спорными представления о его назначении и композиционно-архитектурных особенностях. До сих пор в ходу ряд противоречащих или дополняющих друг друга гипотез о роли ансамбля Малого городка (феодальный замок, цитадель, караван-сарай). Возможно, дальнейшее изучение памятника позволит дать ответы на имеющиеся в настоящее время вопросы.

В 2011–2015 гг. археологические работы на территории Малого городка возобновились как охранные (проведены группой сотрудников Отдела археологии Московского периода ИА РАН). Они явились частью масштабного проекта по комплексному изучению территории Болгарского городища. Исследования затронули южную, северо-восточную и центральную части ансамбля: доследованы ранее не копавшиеся части Южного здания;

выявлены остатки ранее не известного каменного погребального сооружения (мавзолей с погребениями внутри); частично изучен северо-восточный угол внутреннего рва (предварительные публикации: Беляев, Елкина, 2015, с. 106–107; Беляев, Елкина, Лазукин, 2015, с. 452; Елкина, Лазукин, Беляев, 2014, с. 22–24).

Южное здание. Дополнительные исследования Южного здания проведены в 2011 г. Были полностью расчищены фундаменты сооружения и основания стен как с внутренней, так и с наружной стороны, причем заново открыты участки, на которых уже проводились исследования в 1981–1984 гг. Это позволило провести полную натурную графическую (архитектурно-археологические обмеры) и фотофиксацию; исследовать характер кладок; зафиксировать стратиграфию слоя в непосредственной близости от фундамента (рис. 2 и 3).

Южное здание представляет собой прямоугольную в плане постройку со сторонами 18,9 м (южная); 19,1 м (северная); 13,15 м (восточная); 13,05 м (западная). Изнутри длина основного объема 14,8 м, ширина – 6,5–6,6 м.

Длинная ось здания вытянута параллельно линии оборонительного рва. Оно было трехкамерным и делилось поперечными перегородками, отходившими от южной стены (вероятно, с проходом вдоль северной). Сохранилось основание западной перегородки (длина 2,8 м, ширина 1 м), восточная перегородка не уцелела, так как обе перегородки заложены значительно (на 60–70 см) выше, чем фундамент основного объема здания, и большой нагрузки нести не могли. Размер западной камеры 4 x 6,6 м. Вход в здание располагался с севера, с

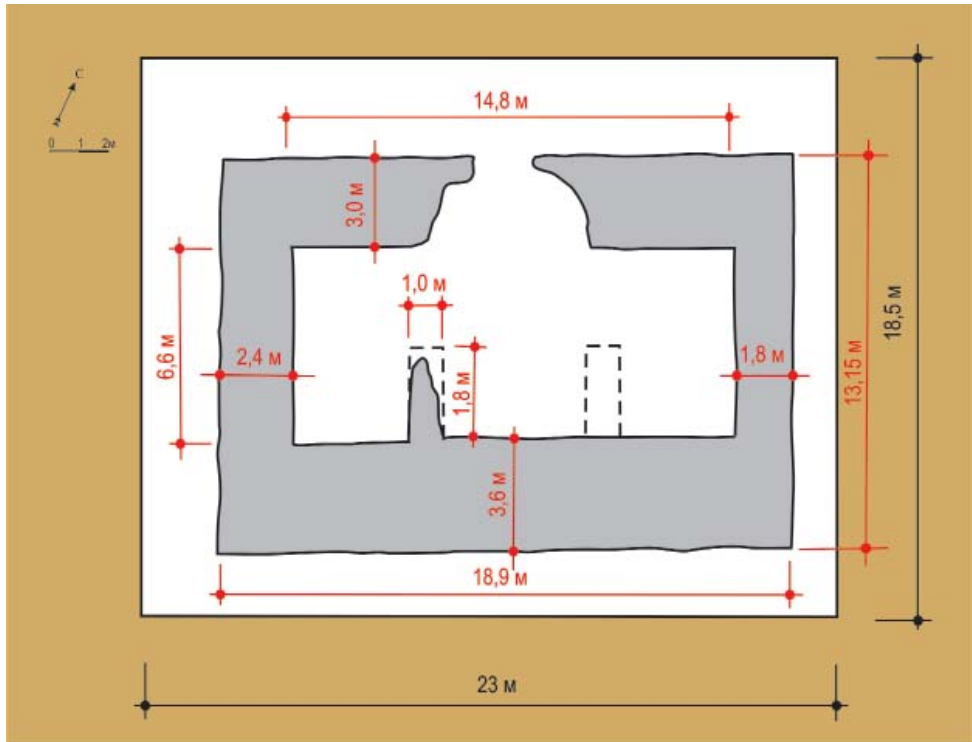

Рис. 2. Малый городок. Южное здание. План.

Fig. 2. Malyy gorodok. The southern structure. Plan.

Рис. 3. Малый городок. Южное здание. Общий вид с северо-запада.

Fig. 3. Malyy gorodok. The southern structure. General view from the north-west.

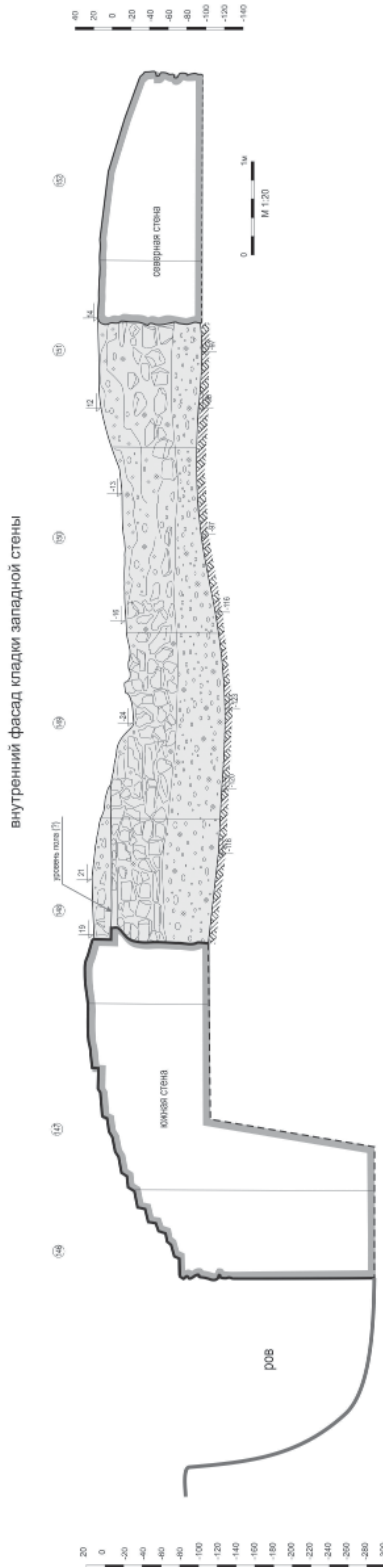

Рис. 4. Малый городок. Разрез Южного здания и внутренний фас западной стены.
Fig. 4. Malyyi gorodok. Section of the southern structure and the internal face of the western wall.

длинной стороны, и был немного смещен к западу от поперечной оси.

По всему периметру здания сохранились фундаменты и нижние части стен. Внешние фасады стен разрушены значительно сильнее внутренних, из которых фасад южной стены уцелел до высоты 130 см от подошвы фундаментов; наиболее разрушен фундамент северной стены (сохранность не более 40–50 см). Облицовка стен не сохранилась.

Фундаменты здания ленточные. Для их устройства по периметру был вырыт фундаментный ров со слабо наклонными вертикальными стенками. Ширина рва соответствовала ширине фундаментов. Подошвы фундаментов стен основного объема здания лежат на одном уровне (115–130 см от репера), за исключением фундамента южной стены. Фундамент здания имел два слоя – верхний и нижний. Нижний слой высотой 0,35–0,4 м состоит из сплошной заливки розоватым раствором бутовых камней. Верхний слой имеет высоту 0,7–0,75 м. Высота верхнего уровня фундамента определена благодаря сохранившемуся уровню пола, т.к. характер кладки нижних частей стен практически ничем не отличается от верхней кладки фундаментов (рис. 4 и 5).

Необычна конструкция двухуровневого фундамента южной стены: собственно стена заложена на том же уровне, что и остальные, но снаружи ее дополняет широкая и глубокая кладка, опущенная в глубокий ров так, что ее подошва на 130 см ниже подошвы стен здания, а ширина составляет 145 см. Это, конечно, подпорная стенка, род контрфорса. Ее наличие указывает на то, что ров был открыт ранее, чем появилось здание.

Более того, возможно, весь ров отрыли для фундамента под периметр стен городка, которые так и не построили.

Уровень пола зафиксирован на внутренних фасадах кладок южной и западной стен в виде выступающей полосы мощения из плоского колотого камня толщиной не более 5 см. Пол лежит на 110–115 см выше подошвы фундамента и имеет небольшой уклон вдоль южной стены в западном направлении.

При строительстве здания были использованы различные каменные породы: булыжник, туф, песчаник слоистый, известняк. Кладка верхней части фундамента и нижней части стен нерегулярная полубутовая, с подборкой на внешних сторонах неотесанных камней относительно правильной формы, обеспечивающих перевязку.

В кладках, особенно внешней части, употреблено много крупных камней (от 0,5 м и более – до 0,7–0,8 м) и подобраны они, особенно плоские плиты, довольно тщательно; встречаются и грубо обработанные блоки призматической формы размером 0,5–0,45 x 0,3–0,25 м. Кроме того, в кладке в большом количестве выявлены куски застывшего раствора с отпечатками камней и бревен на поверхности, а также несколько обломков красного кирпича – вторично использованные материалы из разобранных ранних сооружений Болгара.

Кладка верхней части фундамента выполнена на известковом растворе светло-бурого цвета с включениями песка, редких кварцитов крупного (до 3-х мм) размера, мелких комочков белой извести и единичными включениями кирпичной крошки. Толщина шва от 2-х до 4–5 см. В кладке нижней

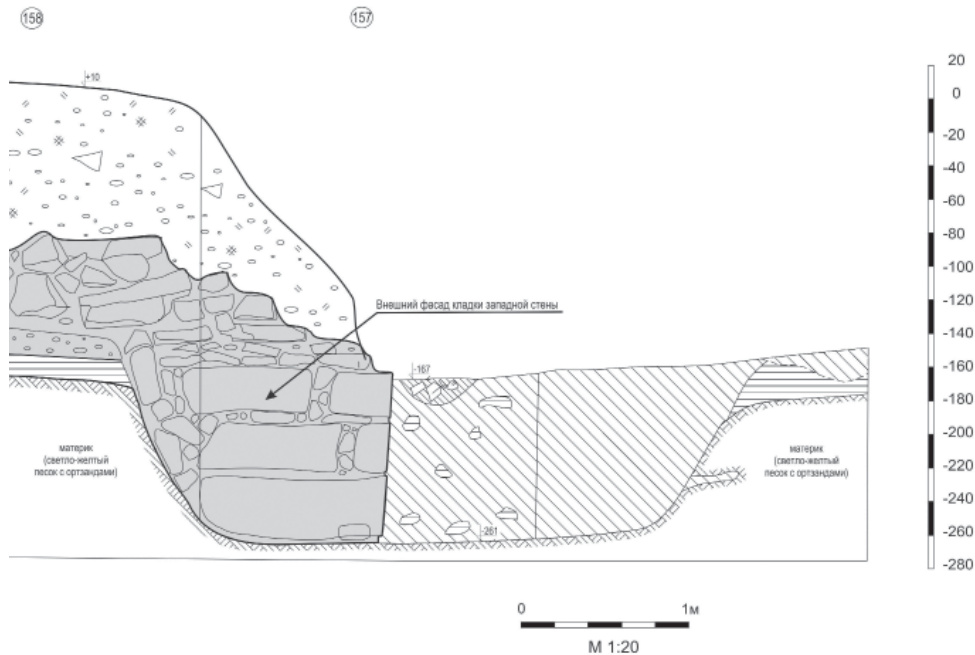

Рис. 5. Малый городок. Южное здание.
Внешний фас западного угла и разрез южного рва.

Fig. 5. Malyy gorodok. The southern structure.
The external face of the western corner and section of the southern ditch.

части стен использован алебастровый раствор светло-серого цвета.

В аналогичной технике и с использованием подобных же материалов возведен фундамент западной перегородки.

Мавзолей. В ходе охранных исследований 2013 г. в восточной части комплекса Малого городка на раскопе СХС (рук. работ В.Ю. Коваль) были зафиксированы остатки каменного сооружения. Дальнейшие исследования на участке (раскоп СХСVII) широкой площадью проводились под руководством И.И. Елкиной. В процессе этих исследований была вскрыта площадь 600 кв. м и зафиксированы остатки основания мавзолея (рис. 6 и 7).

Несмотря на крайне неудовлетворительную степень его сохранности, основные габариты выявить удалось.

Это прямоугольная в плане однокамерная постройка размерами 7,4 x 6,2 м, ориентированная длинной стороной по оси север–юг. Ширина стен основания не менее 90 см. Размеры внутренней камеры – 5,5 x 4,5 м (площадь составляет 24,5 кв. м).

Вход в сооружение не фиксируется (порог находился выше сохранившегося уровня кладок), но, учитывая наличие свободной площадки во внутреннем объеме мавзолея с южной стороны, можно предположить, что он находился там же.

Фрагменты кладок с остатками раствора прослежены в восточной стене, южной стене и частично в северной. Для кладки использовался грубо обработанный камень-известняк различных размеров и конфигурации, как связующее применялся

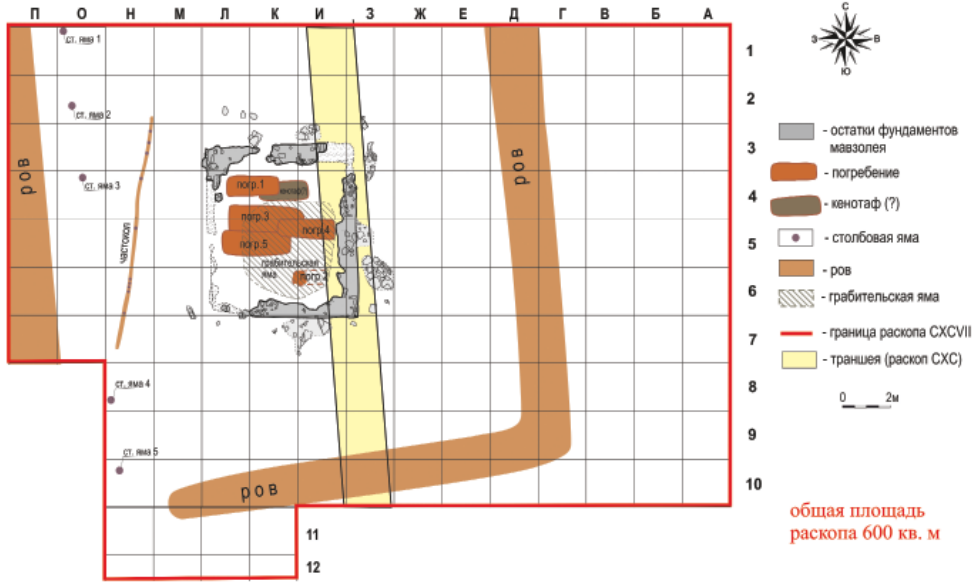

Рис. 6. Малый городок. Мавзолей. Общий план раскопок.

Fig. 6. Malyyi gorodok. Mausoleum. General view of the dig.

Рис. 7. Малый городок. Мавзолей. Общий вид раскопа.

Fig. 7. Malyyi gorodok. Mausoleum. General view of the dig.

известковый раствор. Как и в Южном здании, часть строительных материалов происходит от разборки более древнего сооружения: на многих камнях зафиксированы остатки старого раствора, встречены и крупные куски застывшего раствора.

Следов фундаментного рва обнаружить не удалось – видимо, при скромных габаритах мавзолея фундамент был совсем мелким или стены возводились из дерева на каменном основании. Но у стен с наружной стороны (возле северо-восточного и юго-восточного углов мавзолея, а также около южной и северной стен) зафиксированы участки мощения плоскими камнями без использования раствора.

Во внутреннем объеме мавзолея обнаружены пять грунтовых погребений в прямоугольных ямах. Они нарушены большой грабительской ямой размером 3,7 x 4,1 м, которая полностью разрушила погребение 2, задела верхнюю часть погребения 5 и частично повредила верхний уровень еще двух могильных ям. В заполнении грабительской ямы отмечен грязно-желтый песок с включением серой супеси и много строительного мусора (грубо отесанные камни, куски раствора, белокаменная и известковая крошка); встречены разрозненные кости человека и мелких животных (грызунов).

Захоронения совершены головой на запад, лицом к югу, в вытянутом положении на спине, с легким разворотом на правый бок. Правая рука вытянута вдоль тела, левая – согнута в локте и уложена на левый бок. Одно захоронение находилось в деревянном гробу ящичного типа, сколоченном из толстых плах. Погребальный инвентарь в могилах не обнаружен. Это, не-

сомненно, захоронения мусульман.

Во внутреннем объеме мавзолея зафиксирована еще одна могильная яма, но без следов захоронения, частично перекрытая погребением 1.

Погребальное сооружение было с трех сторон обведено довольно широким (2 м) и мелким (глубина около 1 м) рвом. В 2013 г. ров был прослежен с восточной и южной сторон, на расстоянии 6 м от мавзолея, а в 2015 г. в зону исследований попал северо-западный фрагмент, начало северной стороны рва, что позволило полностью реконструировать его первоначальную форму и размеры. Интересно, что ориентировка рва совсем не совпадает с ориентировкой мавзолея, но зато довольно точно соответствует линии внутреннего рва Малого городка, причем северная сторона рва мавзолея продолжает линию северной стороны городка. Длина рва по северной стороне составляет 18 м, по восточной – 38 м, по западной – 17 м. С западной стороны оба конца рва не доходят до границы с внутренним рвом городка на 2,5 м. Назначение рва неясно, видимо, он ограничивал сакральную территорию мавзолея и был отрыт либо вместе, либо после появления внутреннего рва Малого городка.

В придонном заполнении рва встречены отдельные крупные обломки белого камня, а также фрагменты древесины, скопления угольков и обугленная береста. Кроме того, в заполнении выявлен фрагмент берцовой кости человека и два фрагмента красноглиняной керамики.

Наконец, зафиксирован (в 2 м от западной стены здания) след раннего деревянного ограждения (мавзолея?) – фрагмент канавки частокола протя-

женностью более 10 м.

Мощность слоя вне ям в зоне погребального сооружения составляет 0,3–0,4 м. Все находки и массовый материал происходят из почвенного слоя и немногочисленны, но в сравнении с почти полным отсутствием предметов в слое самого городка – ценны. Среди них 5 монет улуса Джучи XIII–XIV вв., (4 медных пула и один фрагмент серебряного дирхема) и наконечник стрелы дротовый, линзовидного сечения, с упором (тип Б 20 по классификации К.А. Руденко, датируется в пределах X–XIII вв.: см.: Руденко, 2003, с. 221, табл. 43). Керамический материал мало информативен: обломки керамики из красножгущихся глин, с добавками мелкого песка без видимых включений. Поверхности без следов декора, гладкие. Подобные признаки характерны для Болгарской керамики XIII группы и других групп золотоордынского периода (Жокорина, 2002, с. 91).

Время сооружения мавзолея, вероятно, относится ко второй половине – концу XIV в. В начале XV в. (?) мавзоль был разрушен или разобран, а захоронения в его внутреннем объеме частично разграблены.

Оборонительные укрепления.

Изучение оборонительных укреплений на восточной стороне Малого городка проводилось в 2013 г. (раскопы СХСVIIIа и СХСVIIIб) траншеями. Были разрезаны внутренний и внешний рвы. В обоих случаях выбор места разреза диктовала необходимость проведения охранных раскопок для прокладки пешеходных дорожек.

Как и при работах 1980-х годов, выяснилось, что у внутреннего рва не планировалось сооружать вал: вынутую землю разравнивали по при-

легающей поверхности. При этом ров широкий (до 3,5–4,0 м), но глубина небольшая (1,5 м). Внешний ров еще шире (более 4-х м), но совсем мелкий (около 1,2–1,3 м), зато с его западной стороны насыпан вал, сильно оплывший к настоящему времени (основание шириной более 3 м).

В 2015 г. в зоне изучения оказался северо-восточный угол внутреннего рва Малого городка и примыкающее к нему пространство. Вновь подтвердилось, что неглубокий ров не имел вала, а прилегающая территория не была освоена. Материковый выброс из рва перекрыл здесь почвенный слой времени каменного строительства на Малом городке, лишенный каких-либо находок. Не фиксируется следов ни деревянных конструкций, ни остатков каменной стены, фундамент которой предполагалось обнаружить во рву (на внешнем склоне внутреннего рва отмечена одна столбовая яма диаметром 20 см). Слой строительного мусора толщиной до 40 см (известь, немногочисленные мелкие фрагменты белого камня), заметный по поверхности на склоне рва, а также скопление белого камня, выявленное в северо-западной части участка, вероятно, связаны с разборкой близко стоящего Здания для омовений.

В 2013 и 2015 г. прослежены столбы ограды XX века вдоль внешней стороны внутреннего рва (столбовые ямы диаметром 40–60 см и глубиной до 0,5–0,7 м, расставленные через каждые 2,8–2,9 м) – в 1980-х годах в них еще сохранялись нижние части столбов.

Центральная часть комплекса.

В 2012 г. на территории центральной площадки Малого городка проводились комплексные работы по не-

деструктивному методу выявления археологических объектов с последующим проверочным исследованием. Выбор места закладки раскопов и шурфов основан на данных геофизики, которая выявила ряд аномальных отклонений от фоновых показателей. Однако при проверке не удалось обнаружить архитектурные остатки или другие объекты антропогенного происхождения.

Установлено, что центральная площадка попала в зону сельскохозяйственного освоения и интенсивно распахивалась в позднем Средневековье и в Новое время. В основании гумусового слоя, мощность которого достигает 40 см, выявлены признаки пахотного горизонта. Находки из этого слоя единичны – измельченная крас-

ноглинная керамика XIV–XVI вв., обломки фаянсовой посуды XX в., разрозненные кости животных.

Данные, полученные в 2011–2015 годах, в основном подтверждают наблюдения, сделанные в 1980-х годах Л.А. Беляевым. Но они уточняют ряд деталей конструкции и строительной техники Южного здания. Подтверждают неосвоенность площадки Малого городка и отсутствие как валов, так и следов стен у внутреннего периметра. Дополняют ансамбль еще одним культовым сооружением – огражденным частоколом и рвом мавзолеем с родовым(?) некрополем. Это отчасти поддерживает гипотезу о ритуальном характере всего Малого городка или, по крайней мере, его северо-восточной части.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев Л.А. Архитектурно-археологический памятник XIV века в Болгарском государственном историко-архитектурном заповеднике // АНР. Вып. 2. / Под общей редакцией В.М. Дворяшина. М.: Объединение «Росреставрация», 1986. С. 127–142.
2. Беляев Л.А. Булгар: Малый городок – архитектурный ансамбль XIV века. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990б. 15 с.
3. Беляев Л.А. Малый городок как памятник архитектуры и строительного искусства Великого Болгара XIV века // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 2001. С. 261–294. (Переиздано: Беляев Л.А. Малый городок // Великий Болгар. / Науч. ред. А.Г. Ситдииков. М.; Казань: Феория, 2013. С. 262–269).
4. Беляев Л.А. Проблемы интерпретации и реконструкции археологических памятников Поволжья // АНР / Редсовет: Г.С. Андреев и др. Вып. 4. М.: Объединение «Росреставрация», 1990а. С. 49–79.
5. Беляев Л.А., Елкина И.И. Мавзолеи Болгарского городища // Институт археологии РАН. Новые экспедиции и проекты / Под ред. академика Н.А. Макарова. М.: ИА РАН, 2015. С. 106–107.
6. Беляев Л.А., Елкина И.И., Лазукин А.В. Археологические исследования на территории Болгарского городища Спасского района Республики Татарстан в 2012–2013 гг. // АО 2010–2013. / Отв. ред. В.Н. Лопатин. М.: Изд-во ИА РАН, 2015. С. 452–454.
7. Егерев В.В. Ближайшие работы по изучению и охране архитектурных памятников древних Болгар // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников СССР. Вып. 1. Казань, 1927. С. 34.
8. Елкина И.И., Лазукин А.В., Беляев Л.А. Раскопы СХСVII, СХСVIIIа и СХСVIIIб // Археологические исследования 2013 г.: Болгар и Свияжск. Казань, 2014. С. 22–24.
9. Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV веков (к проблеме преемственности булгарской и булгаро-татарской культур). Казань: Институт истории АН РТ, 2002. 383 с.

10. *Невоструев К.И.* О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской // Труды I Археологического Съезда в Москве. Т. 2. М., 1871. С. 539, 540.

11. *Руденко К.А.* Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. Казань: Заман, 2003. 512 с.

12. *Смирнов А.П.* Основные этапы истории города Болгара // МИА. № 4. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 317–318.

Информация об авторах:

Беляев Леонид Андреевич, доктор исторических наук, заведующий отделом, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); labeliaev@bk.ru

Елкина Ирина Игоревна, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); irg-elkina@yandex.ru

Лазукин Александр Викторович, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); lazukin63@mail.ru

NEW STUDIES ON THE TERRITORY OF MALYI GORODOK ON BOLGAR FORTIFIED SETTLEMENT

L.A. Belyaev, I.I. Elkina, A.V. Lazukin

Malyi gorodok is a monumental architectural ensemble, located at the southern extremity of the Bolgar fortified settlement and dated by the second half of 14th c.; it was substantially, but not fully studied during the digs of 1981–1984. In 2011–2015, the authors of this article undertook a new field research on the site, during which they completely cleared the southern structure. The debris discovered belonged to an earlier unstudied stone structure – a mausoleum with five burials. The authors carried out another stratigraphic study of fortifications to prove that the internal ditch was not accompanied by a wall, while the external ditch was. Generally, the new data prove the findings of 1980s, including the hypothesis that the ensemble, or at least its north-eastern part, was meant for cult.

Keywords: archaeology, cultural heritage, archaeological monuments, Bolgar fortified settlement, Malyi gorodok, architecture, southern structure, mausoleum, funerary rite, fortifications.

REFERENCES

1. Belyaev, L. A. 1986. In Dvoriashin, V. M. (ed.). *Arkhitekturnoe nasledie i restavratsiia (restavratsiia pamiatnikov istorii i kul'tury Rossii) (Architectural Heritage and Restoration: Restoration of Historical and Cultural Sites in Russia)* 2. Moscow: "Rosrestavratsiia" Publ., 127–142 (in Russian).

2. Belyaev, L. A. 1990. *Bulgar: Malyi gorodok – arkhitekturnyi ansambl' XIV veka (Bulgar: the "Malyi gorodok", an Architectural Complex of 14th Century)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

3. Belyaev, L. A. 2001. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Monumental'noe stroitel'stvo, arkhitektura, blagoustroistvo (Town of Bolgar. Monumental Building, Architecture, Improvement)*. Moscow: "Nauka" Publ., 261–294 (republished: Belyaev, L. A. 2013. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Velikii Bolgar (Great Bolgar)*. Moscow; Kazan: "Feoriia" Publ., 262–269) (in Russian).

4. Belyaev, L. A. 1990a. In Andreev, G. S., et al. (eds.). *Arkhitekturnoe nasledie i restavratsiia (restavratsiia pamiatnikov istorii i kul'tury Rossii) (Architectural Heritage and Restoration: Restoration of Historical and Cultural Sites in Russia)* 4. Moscow: "Rosrestavratsiia" Publ., 49–79 (in Russian).

5. Belyaev, L. A., Elkina, I. I. 2015. In Makarov, N. A. (ed.). *Institut arkheologii RAN. Novye ekspeditsii i proekty (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences: New Expeditions and*

Projects). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 106–107 (in Russian).

6. Belyaev, L. A., Elkina, I. I., Lazukin, A. V. 2015. In Lopatin, V. N. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2010–2013 (Archaeological Discoveries of 2010–2013)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 452–454 (in Russian).

7. Egerev, V. V. 1927. In *Materialy po okhrane, remontu i restavratsii pamiatnikov TSSR (Materials on the Protection, Repair, and Restoration of the Monuments in Tatarian Soviet Socialist Republic)* 1. Kazan, 34 (in Russian).

8. Elkina, I. I., Lazukin, A. V., Belyaev, L. A. 2014. In *Arkheologicheskie issledovaniia 2013 g.: Bolgar i Sviiazhsk (Archaeological Investigations in 2013: Bolgar and Sviyazhsk)*. Kazan, 22–24 (in Russian).

9. Kokorina, N. A. 2002. *Keramika Volzhskoi Bulgarii vtoroi poloviny XI – nachala XV vv.: K probleme preemstvennosti bulgarskoi i bulgaro-tatarskoi kul'tur (Ceramic Ware in Volga Bulgaria during the Second Half of the 11th – Beginning of the 15th Centuries (on the Issue on Succession of the Bulgar and Bulgar-Tatar Cultures))*. Kazan: History Institute named after Shigabuddin Mardjani, Tatarstan Academy of Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology (in Russian).

10. Nevostruev, K. I. 1871. In *Trudy I Arkheologicheskogo S'ezda v Moskve (Proceedings of 1st Archaeological Meeting in Moscow)* 2. Moscow, 539, 540 (in Russian).

11. Rudenko, K. A. 2003. *Zheleznye nakonechniki strel VIII—XV vv. iz Volzhskoi Bulgarii. Issledovanie i katalog (Iron Arrowheads of the 8th—15th Centuries from the Volga Bulgaria. Studies and Catalogue)*. Kazan: “Zaman” Publ. (in Russian).

12. Smirnov, A. P. 1954. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 4. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 317–318 (in Russian).

About the Authors:

Belyaev Leonid A. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; labeliaev@bk.ru

Elkina Irina I. Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; ira-elkina@yandex.ru

Lazukin Alexandr V. Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); lazukin63@mail.ru

УДК 930.2

КРАСНОЯРСКОЕ ГОРОДИЩЕ И ЕГО ОКРУГА

© 2016 г. Е.М. Пигарёв

В работе анализируются письменные источники, содержащие информацию по истории поселения Красный Яр (Астраханская область), и материалы археологических раскопок на Красноярском городище в 1989-1991 гг. На основании археологических и антропологических исследований Красноярского городища и окружающих его могильников выделяются два основных этапа его развития: 1) вторая половина XIII в. – 1320-е гг.; 2) 1320-е – 1390-е гг. Рассматриваются основные виды ремесленного производства в городе, определяется его место в общей среде нижневолжских золотоордынских городов. В отношении вопроса о двух золотоордынских столицах – Старом и Новом Сараях, опираясь на археологические и нумизматические данные, критически рассматривается гипотеза о локализации первой столицы Золотой Орды на месте Красноярского городища. Изучение письменных источников более позднего времени (XVI–XVII вв.) даёт возможность предположить иное название этого города – «Кизиль». В статье приводится также краткая характеристика сельских поселений и грунтовых могильников, обнаруженных в округе Красноярского городища. В связи с этим выделяется и предлагается к рассмотрению административно-территориальная единица «Красноярский улус», состоящая из городского центра и сельских поселений и некрополей, входящих в его округу.

Ключевые слова: археология, история, Нижнее Поволжье, Золотая Орда, Красноярское городище, Улус Джучи, Ключаревская летопись, поселения, грунтовые могильники, хан Узбек, Сарай, Кизиль.

Красноярское (Монгольское) городище расположено в с. Красный Яр на слиянии рек Бузан и Маячная (рис. 1).

В Трудах Астраханского губернского Статистического комитета в разделе «Описание населенных местностей Красноярского уезда за 1875 г.» сообщается о многочисленных «могильных холмах» в окрестностях Красного Яра (Труды, 1875). В то же время появляются сведения о случайных находках археологических предметов в Красном Яре (Астраханские, 1857). До середины XX в. памятник оставался вне поля зрения археологов. В 1957 г. городище было осмотрено экспедицией Государственного Эрмитажа (Белецкий, 1958, с. 34). Оно упоминается и в работе В.Л. Егорова

«Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв.» (Егоров, 1985, с. 118).

В 1579 г. приказчик английской торговой компании Христофор Бэрроу, сопровождавший торговые баржи с устья Северной Двины водным путем по Волге, описывая участок реки от Переволоки до Астрахани, упоминает о 5 караулах для охраны дорог. Один из караулов (пятый), находящийся в 30 верстах от Астрахани, назван им «Ичкебри» (Английские путешественники, 1937, с. 265). Если предположить, что река Ахтуба в XVI в., как и в XIV–XV, вв. являлась основным судоходным руслом, то «Ичкебри» приходится на место современного Красного Яра. Косвен-

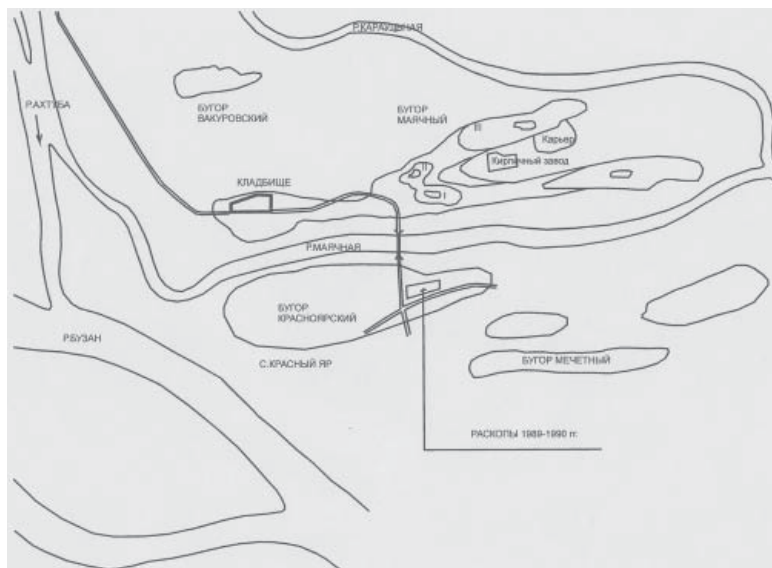

Рис. 1. Схема расположения Красноярского городища и окружающих его могильников с указанием раскопов 1989–1990 гг.

Fig. 1. Location of Krasny Yar hillfort and adjacent burial grounds, with the digs of 1989–1990.

но это может подтвердить и перевод названия караула с татарского языка: «иске» – старый, «каберлек» – кладбище, т.е. «старое кладбище» – крупный могильник, располагавшийся у золотоордынского (Красноярского) городища.

Еще одно упоминание о населенном пункте у современного Красного Яра дает нам Ключаревская летопись, составленная ключарем Астраханского Кафедрального собора Кириллом Васильевым. Описывая события, связанные с пребыванием в Астрахани атамана Ивана Заруцкого и Марины Мнишек (1614 г.), он сообщает следующее: «Во время зимы в январе месяце, под предводительством того же Мамбеева и прочих, татары тронулись к северу к Кизилю – Красному бугру (ныне город Красный Яр: кизиль – по-татарски красный), где приуготовлена была у них для защиты земляная крепость. Воевода Голицын, не теряя

времени, поспешил вслед за ними со своим войском и, нагнав их на самом красном бугре, приказал сделать нападение на означенную крепость» (Ключаревская летопись, 1887, с. 13).

Следующее упоминание о Красном Яре мы также находим в Ключаревской летописи при описании времени 4-го архиепископа Астраханского и Терского Рафаила и воеводы князя Семена Прозоровского (1620–1622 гг.): «При сем архиерее было нашествие на Астрахань киргизкайсаков. Город обложен был ими со всех сторон... Город находился в обложении три дня... неприятель... без страха приступил к городским и кремлевским стенам и начал ставить лестницы, деланные ими около красного бугра, что ныне Красный Яр. Сия орда была приготавлиема татарами около 5 лет и предводительствуема ими же» (Ключаревская летопись, 1887, с. 18–19). Отсюда мы можем сделать

вывод, что и в 20-х годах XVII столетия на месте золотоордынского города находился населенный пункт, неподконтрольный русской администрации Астрахани.

Ко времени служения 5-го архиепископа Астраханского и Терского Пахомия (ум. 1655 г.) относится следующая запись: «В бытность сего преосвященного, сей боярин (видимо, боярин и воевода князь Иван Петрович Пронский (сл. до 1655 г.) учинил отводный караул к Астрахани за Красным бугром от набегов карсацких, стоящий на северо-восток около 40 верст от Астрахани, на возвышенном бугре, кой ныне называется Маяшным. В третье лето царствования Царя и Великого Князя Алексея Михайловича (1648 г.) этот бугор населяться стал жителями и назван Красным Яром, что после городок. Жителей же населяли беглыми и наказанными плетью вместо ссылки...» (Ключаревская летопись, 1887, с. 20). В 1667 г. здесь была построена деревянная крепость, в которой поселили 500 человек (Голикова, 1982, с. 27). Видимо, с этого момента можно говорить о русском населенном пункте Красный Яр.

Иных сведений об истории Красного Яра крайне мало. В XVII в. произошел перенос основного торгового речного пути с ахтубинского русла в волжский, в связи с чем эта территория оказалась без внимания путешественников. Здесь осталась только старая караванная дорога, по которой двигались верблюжьи караваны на Хиву и Бухару.

Археологическое изучение Красного Яра началось в конце 1980-х – начале 1990-х годов. П.В. Казаковым (1989; 1990), Е.В. Шнайдштейн (1991), С.Б. Артемьевым (1992).

Исследования 1989–1990 гг. проводились к северо-востоку от пересечения улиц Ворошилова и Советская, к востоку от консервного завода (Казаков, Пигарев, 1998, с. 72–83). Исследуемая территория во многих местах нарушена хозяйственной деятельностью XVIII–XX вв. Общая площадь раскопов составила около 300 кв. м. В ходе работ было обнаружено и исследовано более 20 хозяйственных ям различного назначения, остатки 4 жилых домов, 8 погребений.

В 1989 г. был заложен разведочный раскоп 1 площадью 16 кв. м и проводились зачистки борта карьера. В площадь раскопа вошли пять хозяйственных ям, а в обрыве карьера были обнаружены остатки золотоордынского дома в виде фрагмента стены, сложенной из обломков сырцовых кирпичей. К стене примыкала суфа, непосредственно в суфу был встроены тандыр. Снаружи стенки тандыра были укреплены обломками золотоордынской круговой керамики. Пол дома глинобитный, натоптаный.

В 1990 г. исследования этого участка городища были продолжены, для чего был заложен раскоп 1 общей площадью 228 кв. м. Плотность сооружений на раскопе невелика. Были исследованы 17 различных хозяйственных ям, конструкция неясного назначения, остатки трех золотоордынских домов.

На участке 4 обнаружены остатки кладки из обломков сырцовых кирпичей. На участках 6, 7, 9, 10, 20 прослеживался слой извести толщиной до 5 см, под которым обнаружился глиняный натоп пола толщиной 3–5 см. Под полом в центре участка 7 была выявлена яма № 13, в заполнении которой встречены: 3 медные золотоордынские монеты, обломок бронзового

зеркала, подвеска из веточки розового коралла, две подвески из раковин каури, три стеклянные бусины, железный нож, два фрагмента ткани с вышитыми медной нитью цветами.

На участке 11 обнаружена кладка тошнау, сложенная из сырцовых кирпичей на глиняном растворе, в кладку вмонтированы обломки обожженных кирпичей. Из заполнения тошнау, кроме обломков керамики происходят: костяная орнаментированная рукоять, черешковый железный наконечник стрелы, бронзовые серьга в виде знака вопроса, крючок, цепочка, подвеска, а также горошина речного жемчуга.

На участке 13 расчищен тандыр № 1, в непосредственной близости от которого лежали железные нож, два серпа, штырь.

На участках 18, 20 выявлен тандыр № 2 с примыкающими к нему с запада дымоходными каналами (канами). Под глиняным полом и внутри тандыра лежали медные золотоордынские монеты.

На участках 34–36, 38–40 были обнаружены остатки еще одного дома, от которого сохранились западная и северная стены, сложенные из сырцовых кирпичей на глиняном растворе. Перпендикулярно к западной стене располагались остатки канов. В углу, образованном западной стеной и канами, обнаружен очаг. По периметру очаг ограничен сырцовыми и обожженными кирпичами, на которых была найдена медная монета. Внутри жилища зафиксирован глинобитный пол толщиной до 6 см.

На участках 55–57 была выявлена конструкция неясного назначения, состоящая из трех квадратных в плане ям. Борта ям были обложены сырцо-

выми кирпичами, стены и дно – обмазаны глиняным раствором. В заполнении ям найдены медные монеты. Возможно, ямы являлись погребями-хранилищами и относились к жилому дому.

Кроме основных раскопов, для уточнения границ распространения культурного слоя были заложены три шурфа, в которых были обнаружены шесть средневековых погребений, совершенных по мусульманским погребальным традициям.

В 1991 г. обследования проводились в северной части Красноярского бугра (Артемьев, 1992). Здесь были выявлены остатки обжигательного горна, глиняные трубы со следами глазури, печной припас (11 сепаев, 13 «крючков», 17 «штырей», 7 «лепешек») и обломки красноглиняной гончарной керамики. Наличие следов глазури и печного припаса позволяет сделать вывод, что на этом месте находилась мастерская по производству глазурованной керамики.

Вещевой материал, полученный во время раскопок, показывает различные виды деятельности населения: изделия из металлов, стекла и кости, керамика свидетельствуют о высоком уровне ремесла в Улусе Джучи, и в изучаемом средневековом городе (хотя свидетельств наличия ремесел, кроме гончарного, здесь пока еще не обнаружено).

В ходе изучения остеологических материалов грунтового могильника «Маячный бугор» Е.В. Перерва обратил внимание на наличие дефектов на зубах женщин, костные останки которых были обнаружены на могильнике. Исследователем высказано мнение, что зафиксированные дефекты на зубах могли возникнуть в процес-

се выделывания снастей для рыбной ловли, либо в результате перекусывания, перетирания или держания нитей при изготовлении тканей, ткацких изделий или шерстяных нитей при прядении (Перерва, 2012, с. 85).

Находки, связанные с сельским хозяйством (жернова, фрагменты дигирных сосудов, серпы, зерна проса, дынь, арбузов, винограда), говорят о развитом ирригационном земледелии. О важном месте рыболовства в хозяйстве жителей свидетельствуют многочисленные костные останки рыб осетровых и частичковых пород, находки железных рыболовных крючков и сетевых грузил.

Во время исследований 1989–1990 гг. было найдено 18 медных и 3 серебряные монеты. Все монеты золотоордынской чеканки. Из них самая ранняя монета с тамгой дома Джучи относится к концу XIII в. Основная масса монет приходится на 20–30-е годы XIV в., т.е. на время правления хана Узбека. Самая поздняя монета чеканена в 791 г.х. (1390–1391 гг.).

На этом археологическое исследование непосредственно Красноярского городища было приостановлено и внимание археологов было отвлечено на изучение грунтовых могильников, расположенных вокруг него.

В процессе археологических разведок, которые проводились П.В. Казаковым в 1988 г., на бэровских буграх в окрестностях Красноярского городища обнаружены многочисленные грунтовые могильники эпохи средневековья (Казаков, 1989). Им были введены в научный оборот могильники, расположенные на буграх Маячный, Мечетный-I, Мечетный-II, Вакуровский-I, Вакуровский-II, Соляной, Калмыцкий, Алча, Караульный.

Им же в 1989 г. были проведены первые раскопки могильника Маячный бугор-I (Казаков, 1990). В 1990–1996 г. раскопки могильника проводились под руководством В.А. Никонова (1991), С.А. Котенькова (1991; 1992; 1993; 1994; 1995; 1997), в 1991 г. – С.И. Четвериковым (1992); в 1996 г. – А.Д. Юрьевым (1997); в 2001 г. – В.И. Гордеевым (2007). В общей сложности было изучено около 600 средневековых погребений.

В это же время проводятся исследования и других могильников, входящих в Красноярский «округ» (Никонов, 1991а), особое внимание было направлено на могильник «Вакуровский-I» (Котеньков, 1991а; Васильев, 1993; 2004; Кутуков, 2005; Кутуков и др., 2011, с. 101), где было раскопано свыше 130 средневековых погребений.

По данным антропологов, население, которому принадлежали погребенные в могильниках «Маячный» и «Вакуровский», характеризуется как оседлое (Перерва, 2012, с. 11), с низким процентом травмированности, что говорит о не агрессивности, т.е. мирном образе жизни (Балабанова, Перерва, 2013, с. 76). Исследователями отмечается особенность этих могильников – краниологические серии мужчин и женщин отличны от нижневолжских групп (Перерва, 2012а, с. 6). Население было более смешанным, чем население других нижневолжских золотоордынских городов (Балабанова, <http://www.kunstkamera.ru/lib/gubrikator/04/978-5-88431-169-5>, с. 17) и наибольшее сходство имело со среднеазиатскими и северокавказскими группами (там же, с. 19, 21; Перерва, 2012а, с. 6) с присутствием центрально-азиатского и южно-си-

бирского монголоидного компонента (Балабанова, Перерва, 2013, с. 79).

Традиционно все могильники, находящиеся на этой территории, относят к Красноярскому городищу (Васильев, 2007, с. 89; 2009, с. 110). Вызывает вопрос время функционирования могильников и их взаимосвязи с поселением. Ситуация, сложившаяся здесь в средневековье, на наш взгляд, несколько отличается от системы развития других золотоордынских городов на Нижней Волге.

На основании анализа природных условий и результатов археологических исследований мы предлагаем выделить два основных этапа развития Красноярского городища с принципиальными изменениями планировки города и его связей с могильниками.

1 этап: вторая половина XIII в. – 1320-е годы. Образование города. Город функционирует на острове, образованном реками Ахтуба, Караульная и Маячная.

2 этап: 1320-е – 1390-е годы. Перенос (расширение) городской застройки на правый берег р. Маячная. Город функционирует на острове, образованном реками Бузан, Маячная и Прорва.

Городище располагается в стратегически важном месте – в точке разделения главных протоков Волги (рек Ахтуба и Бузан), там, где была возможность осуществлять контроль за водной магистралью, соединяющей Верхнюю и Среднюю Волгу с Каспийским морем.

Кроме того, именно здесь полупустыня и степь с востока подходят к вершине дельты, где была возможна переправа через Волго-Ахтубинскую пойму, что позволяло контролировать и сухопутную торговую магистраль,

представляющую собой северную ветку Великого шелкового пути.

Наличие островов, образованных реками Ахтуба, Бузан, Караульная, Маячная и Прорва, создавало комфортные условия для освоения этих территорий.

Красноярское городище относится к городищам мысового типа. Особенности топографии подобных городищ во многом определялись рельефом, естественной защищенностью. Их заселение происходило с мысовой части с освоением более удобных для проживания районов, расположенных у подножия близко к воде.

Характеристика 1 этапа (вт. пол. XIII в. – 1320-е гг.). В южной части острова, образованного реками Ахтуба, Караульная и Маячная, находится возвышенность, состоящая из четырех смыкающихся бэровских бугров, получивших название «Маячный» (рис. 2). На трех из них располагается грунтовый могильник с одноименным названием «Маячный-I, II, III». На одном, самом западном, зафиксирован культурный слой золотоордынского поселения. На наш взгляд, освоение этой территории в середине XIII в. и основание здесь населенного пункта началось именно с этого западного бугра (в настоящее время на нем находится христианское кладбище).

Скорее всего, основные сооружения этого периода были представлены сырцовыми постройками, в которых проживало традиционно оседлое население, пришедшее на Нижнюю Волгу с монголами (чиновники, торговцы, ремесленники). Вероятно, что в этом периоде монументальная архитектура отсутствовала.

Восточные бугры этой группы (Маячный-I, II, III) использовались

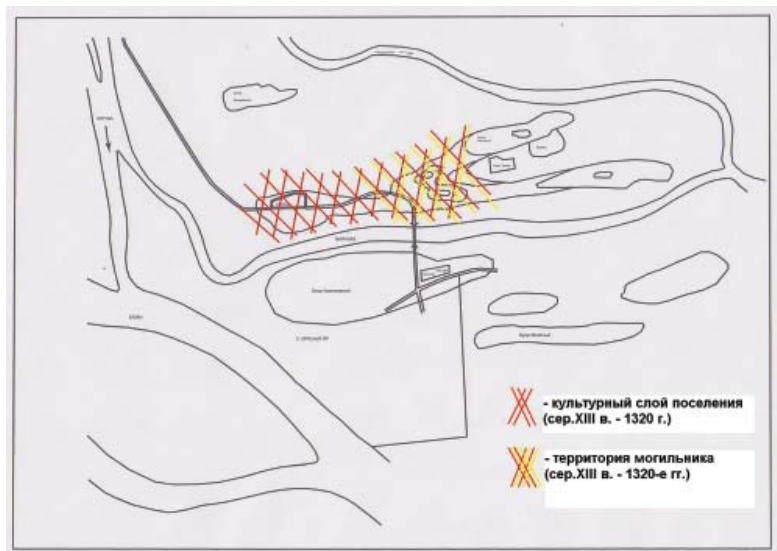

Рис.2. Красноярское городище и могильник «Маячный». 1 этап (Вт. пол. XIII – 1320-е гг.).

Fig. 2. Krasny Yar hillfort and “Mayaki” burial ground. 1 stage (second half of 13th – 1320s).

населением для организации некрополя. Необходимо отметить, что разделение единого массива произошло из-за организации здесь в советское время огромных карьеров по добычи глины для кирпичных заводов и строительства автодороги Красный Яр – Аксарайск. Карьерами была уничтожена центральная (ранняя) часть могильника. Именно в этой части концентрируются все известные к настоящему времени ранние (языческие, немусульманские) погребения. Такая ситуация, видимо, сохранялась до начала XIV в. – времени прихода к власти хана Узбека.

Характеристика 2 этапа (1320–1390-е гг.). В 1313 г. к власти в Улусе Джучи приходит хан Узбек, которого активно поддерживает хорезмийская мусульманская группировка. В годы его правления происходят кардинальные изменения в политической, экономической и культурной жизни

государства. В эти же годы активизируется процесс градостроительства, появляется множество новых населенных пунктов, идет активное освоение свободных территорий, Узбек начинает строить новую столицу, которая вскоре превращается в один из крупнейших евразийских городов. Для всех этих мероприятий требовались огромные людские ресурсы.

Поток нового (пришлого) населения из Средней Азии проходит по одному из традиционных транзитных маршрутов – через Красноярское городище, которое в это время являлось основными «воротами» из Азии на территорию ханского домена. С приходом на Нижнюю Волгу новых групп населения (в основном мусульманского) возникает дефицит территории на левом берегу р. Маячная, что побудило к переселению части населения на правый берег реки.

В северной части острова, обра-

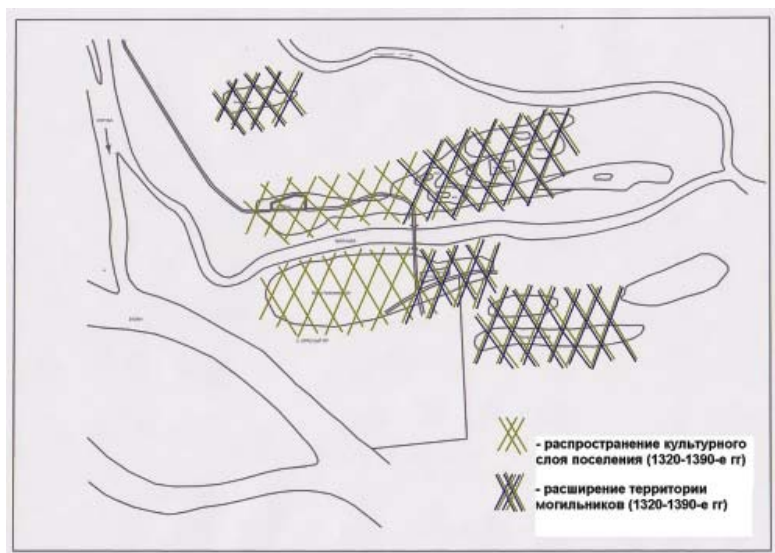

Рис.3. Красноярское городище и могильники «Маячный», «Вакуровский», «Мечетный». 2 этап (1320–1390-е гг.).

Fig. 3. Krasny Yar hillfort and “Mayaki”, “Vakurov” and “Mechetny” burial grounds. 2 stage (1320–1390s).

зованного реками Бузан, Маячная и Прорва, расположен Красноярский бугор, здесь возникает новая часть города, более современная и развитая. Именно здесь, к северо-востоку от пересечения улиц Ворошилова и Советская, к востоку от консервного завода проводились археологические исследования 1989–1990 гг. (рис. 3).

В этот период появляются новые грунтовые могильники «Мечетные», расположенные к востоку от городища (Васильев, 2009, с. 110). Кроме того, городской некрополь появляется и в восточной части Красноярского бугра (Казаков, Пигарев, 1998, с. 78–80). На этих могильниках не известно погребений, нарушающих каноны ислама.

В то же самое время левобережное население продолжает использовать в качестве некрополей бугры Маячные. Среди языческих погребений появляются захоронения, выполненные в

исламских традициях. Более того, мусульманская (поздняя) часть могильника расширяется по склону бугра на восток. Здесь, в восточной части могильника, захоронений, выполненных в доисламских традициях, не зафиксировано. В связи с увеличением населения и уже существующим некрополем, появляется и новое городское кладбище на территории бугра Вакуровский (Кутуков и др., 2011, с. 99–101).

Таким образом, мы видим, что изначально (вторая половина XIII в.) формирование населенного пункта и сопутствующего ему некрополя происходило на левобережье р. Маячная. Приход больших групп нового населения в первой четверти XIV в. вызвал дефицит свободной для расселения территории и необходимость освоения этими группами правого берега реки.

Некоторым образом эту идею под-

тверждают и данные антропологических исследований. Специалистами, изучавшими материалы могильников «Маячный» и «Вакуровский», находящихся на левом берегу р. Маячная, подчеркивается, во-первых, высокая степень генетической однородности (наследственность) погребенных, во-вторых, высокие показатели присутствия различных инфекций (Балабанова, Перерва, 2013, с. 75, 77). Причиной этому называется высокая плотность населения, проживающего на ограниченной территории (там же, с. 80).

Помимо этого, антропологи указывают, что, несмотря на археологические находки на Красноярском городище, свидетельствующие об относительно разнообразном рационе его населения, при изучении материалов могильников зафиксировано большое количество зубных патологий, что связывается, в первую очередь, с пищевым стрессом (Балабанова, Перерва, 2013, с. 74–76). Подобное явление возможно при нарушении привычного рациона питания, возникающего при переселении группы людей на новую территорию, и вынужденностью в течение длительного времени питаться однообразной, лишенной привычных витаминов, пищей. Все эти события характерны для первого этапа жизни Красноярского городища. Археологическое и антропологическое изучение могильников на буграх «Красноярский» и «Мечетные» в будущем может дать нам характеристику второго этапа жизнедеятельности городища.

В последние годы вновь активизировалась дискуссия по вопросу о двух золотоордынских столицах – Старом и Новом Сараях. А.В. Пачкаловым была высказана гипотеза о локализа-

ции первой столицы Золотой Орды – города Сарая – на месте Красноярского городища (Пачкалов, 2002, с. 177; 2010, с. 339). В своих работах исследователь опирается на нумизматический материал XIII в., не принимая во внимание то, что все ранние монетные находки были сделаны в погребениях могильника «Маячный», находящегося на левом берегу р. Маячная (Пигарев, 2000, с. 285). А городские остатки, исследовавшиеся в 1989–1991 гг., находятся на правом берегу этой реки под современным поселком Красный Яр, и в них ранние монетные комплексы не зафиксированы (Казаков, Пигарев, 1998, с. 82; Пигарев и др., 2005, с. 148–149). Если бы под современным селом находились городские слои XIII в., то в сборах населения и случайных находках ранние монеты должны были бы встречаться.

На наш взгляд, логичнее было бы предложить название города, которое указывается в Ключаревской летописи, – Кизиль (Ключаревская летопись, 1887, с. 13). В процессе освоения нижневолжских земель, после присоединения Астраханского ханства к Русскому государству, русские неоднократно использовали старые (традиционные) названия населенных пунктов, транскрибируя или переводя их: Хаджи Тархан (Астрахань), Сарай (Аксарайск) (Пигарев, 2013, с. 431). То же, видимо, произошло и с названием рассматриваемого нами населенного пункта: Кизиль – Кызыльяр – Красный Яр.

Не менее интересен и также малоизучен вопрос, связанный с округой золотоордынских городов в низовьях Волги. Решению этого вопроса был посвящен ряд работ Л.Ф. Недашков-

ского, им же Красноярское городище было определено как крупное поселение, входящее в округу городища Шаренный бугор/Хаджи Тархан (Недашковский, 2006, с. 77; 2010, с. 125). Некоторые выводы исследователя были подвергнуты критике (Блохин, 2008; Пигарев, 2010, с. 346).

На наш взгляд, Красноярское городище являлось одним из административно-политических и экономических городских центров ханского домена и имело собственную территориальную структуру. Оформление границ этой территории происходило с учетом различных условий. И, в первую очередь, это транспортная (или пешеходная) доступность и экономическая целесообразность. На местности границы таких территориальных образований проходят чаще всего по видимым природным ориентирам там, где возникало препятствие в виде географического объекта – лес, овраг, река.

Как уже говорилось выше, Красноярское городище расположено на вершине волжской дельты, которая состоит из нескольких крупных водотоков (рек), разветвляющихся при своем движении к Каспийскому морю на многочисленные протоки и ерики (около 800) (Атлас, 1997, с. 4). Два крупных волжских рукава, реки Бузан и Кигач, образуют восточную часть дельты. По нашему мнению, именно эти две реки и образуют границы «Красноярского улуса» (рис. 4).

В настоящее время нам известен ряд объектов золотоордынской эпохи, которые условно мы можем отнести к округе Красноярского городища:

- городище Красноярское (Монгольское) – центр улуса (описание дано выше);
- грунтовый могильник «Калмыц-

кий»; расположен в 3,5 км к северу от пос. Барановка, на правом берегу р. Альча. В процессе археологических исследований здесь было изучено 11 погребений, относящихся к позднему средневековью (Никонов, 1990, с. 40–41);

- грунтовый могильник «Мечетный-I»; расположен в 1,5 км к востоку от с. Красный Яр, на левом берегу ерика Огородный. В ходе раскопок были изучены погребения золотоордынского времени (Васильев, 1993, с. 5);

- грунтовый могильник «Мечетный-II»; расположен в 1,68 км к востоку от с. Красный Яр, на правом берегу ерика Огородный. В ходе раскопок были изучены погребения золотоордынского времени (Васильев, 1993, с. 6);

- могильник грунтовый «Маячный-I». Памятник расположен в 0,3 км к востоку от пос. Маячный, на левом берегу р. Маячная (описание дано выше);

- могильник грунтовый «Маячный-II»; расположен в 0,3 км к северо-востоку от пос. Маячный, на левом берегу р. Маячная (описание дано выше);

- грунтовый могильник «Вакуровский-I»; расположен в 1,15 км к северу от пос. Маячный, на левом берегу р. Маячная (описание дано выше);

- грунтовый могильник «Вакуровский-II»; расположен в 1,2 км к северу от пос. Маячный, на левом берегу р. Ахтуба (описание дано выше);

- грунтовый могильник «Лебединый»; расположен в 1 км на север от с. Кошелевка. Археологические исследования памятника не проводились (Попов, 2006, с. 23);

- поселение «Мыльников». Памятник расположен в 0,9 км к югу от с. Альча на правом берегу р. Ахтуба. Золотоордынское название населен-

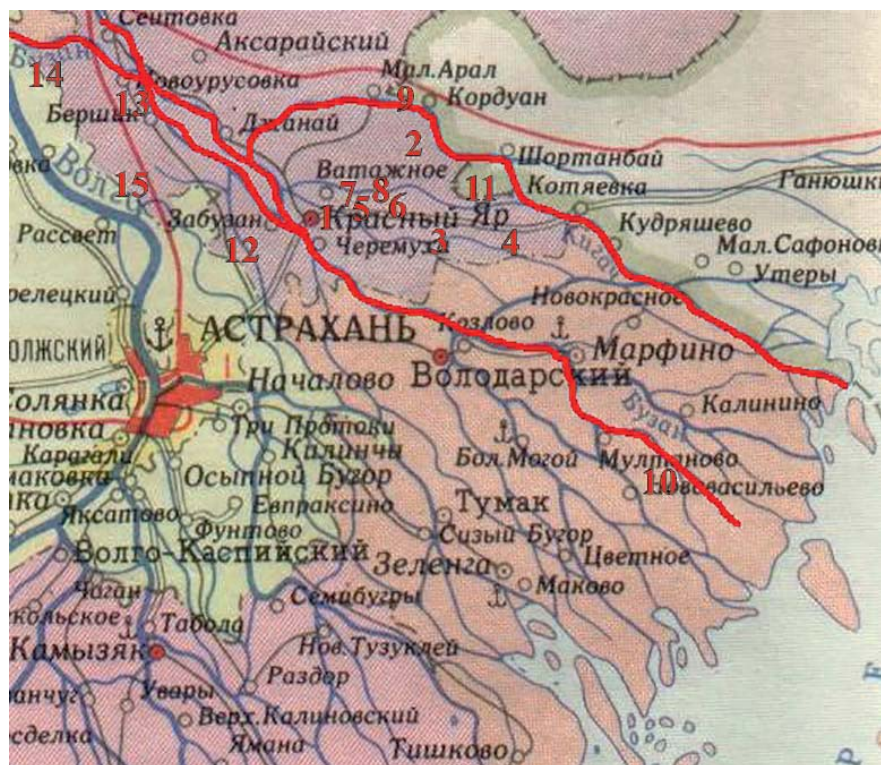

Рис. 4. Красноярский улус. Схема расположения поселений и могильников эпохи Золотой Орды. 1 – Красноярское городище; 2 – мог. Калмыцкий; 3 – мог. Мечетный I; 4 – мог. Мечетный II; 5 – мог. Маячный I; 6 – мог. Маячный II; 7 – мог. Вакуровский I; 8 – мог. Вакуровский II; 9 – пос. Мыльников; 10 – пос. Новорычанское; 11 – мог. Лебединый; 12 – пос. Орлиное гнездо; 13 – пос. Новоурусовка; 14 – пос. Бузан; 15 – пос. Алайский.

Fig. 4. Krasny Yar ulus. Location of Golden Horde settlements and burial grounds. 1 – Krasny Yar hillfort; 2 – Kalmytskii burial ground; 3 – Mechetnyi I burial ground; 4 – Mechetnyi II burial ground; 5 – Mayachnyi I burial ground; 6 – Mayachnyi II burial ground; 7 – Vakurovskii I burial ground; 8 – Vakurovskii II burial ground; 9 – Mylnikov settlement; 10 – Novorychanskoe settlement; 11 – Lebedinyi burial ground; 12 – Orlinoe Gnezdo burial ground; 13 – Novourusovka settlement; 14 – Buzan burial ground; 15 – Alayskii settlement.

ного пункта не известно. Археологических исследований не проводилось (Юрьев, 1997, с. 3);

– городище Новорычанское; находится у пос. Новый Рычан Володарского р-на. Археологические исследования памятника не проводились (Егоров, 1985, с. 118);

– поселение «Орлиное гнездо»; расположено на берегу ерика Бобёр, протяженность около 500 м. Представляет собой цепочку пятен пере-

отложенного культурного слоя, насыщенного обломками золотоордынской керамики. Диаметр пятен – от 10–15 до 30–40 м. На памятнике была произведена шурфовка. Два шурфа, размером 2 x 2 м, показали наличие культурного слоя мощностью до 50 см. В культурном слое были зафиксированы обломки керамики, сырцовых и обожженных кирпичей, кости животных, зола, уголь, а также большое количество металлических предметов

(5 свинцовых грузиков, бронзовый замок в виде коровы, три обломка бронзовых зеркал, бронзовый перстень с узором в виде 9-клеточного магического квадрата. Монетный комплекс с этого объекта (72 шт.) дал устойчивую хронологическую цепочку от 60-х годов XIII в. до конца XIV в. Кроме того, в обоих шурфах были обнаружены остатки конструкций из сырцового кирпича (Скисов, 2014, с. 69–70);

– поселение «Новоурусовка»; расположен в районе с. Новоурусовка на правом берегу р. Бузан. Находится на невысокой пологой возвышенности, выглядит как локальное скопление керамики, костей и мелких предметов, золотоордынских монет XIV – начала XV вв. (Скисов, 2014, с. 70);

– поселение «Бузан»; расположен в районе с. Бузан на правом берегу р. Бузан. Находится на невысокой пологой возвышенности, выглядит как локальное скопление керамики, костей и мелких предметов, золотоордынских монет XIV – начала XV вв. (Скисов, 2014, с. 70);

– поселение «Алайский»; расположен в районе с. Алайский на правом берегу р. Бузан. Находится на невысокой пологой возвышенности, выглядит как локальное скопление керамики, костей и мелких предметов. Среди находок имеется обломок бронзового зеркала с сюжетом «Святые в окружении лежащих драконов». В монетах этого поселения (56 шт.) только одна относится к XIII в., пик чеканки приходится на время правления хана Джанибека (Скисов, 2014, с. 71).

Таким образом, в настоящее время нам известно 15 археологических объектов золотоордынского времени (1 город, 6 поселений, 8 могильников), которые мы можем условно объединить в одну административно-территориальную единицу – «Красноярский улус» с центром на Красноярском городище. Несомненно, с продолжением исследований на этой территории количество археологических памятников Золотой Орды, тяготеющих к этому городищу, существенно возрастет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. Ю.В. Готье. М.: Соцэкгиз, 1938. 306 с.
2. *Артемьев С.Б.* Отчет об археологических исследованиях в Красноярском районе за 1991 г. Т. 1–2. Астрахань, 1992 / Архив ИА РАН. №. 16111, 16112.
3. Астраханские губернские ведомости. 1857. № 50.
4. Атлас Астраханской области. М.: Роскартография, 1997. 48 с.
5. *Балабанова М.А.* Половозрастная структура и краниология погребенных в могильнике золотоордынского времени Маячный бугор // Электронная библиотека МАЭ РАН. <http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/04/978-5-88431-169-5> (дата обращения: 24.10.2015)
6. *Балабанова М.А., Перерва Е.В.* Маячный бугор могильник Красноярского городища золотоордынского времени (антропология). Волгоград: ФГБОУ ВПО «Волгоградский филиал РАНХиГС», 2013. 213 с.
7. *Белецкий В.Д.* Отчет о работах Нижневолжской разведывательной археологической экспедиции Гос. Эрмитажа за 1957 г. Л. 1958 / Архив ИА РАН. № р-12536.
8. *Блохин В.Г.* О нижневолжских золотоордынских городах // Нижневолжский Археологический вестник. Вып. 9. Волгоград, 2008. С. 296–303.
9. *Васильев Д.В.* Отчет о разведках в Красноярском, Приволжском, Нариманов-

ском районах Астраханской области в 1992 году. Астрахань, 1993 / Архив ИА РАН. № 16988, 16989.

10. *Васильев Д.В.* Отчет об археологических раскопках на грунтовом могильнике «Вакуровский бугор-I» в Красноярском районе Астраханской области в 2003 году. Астрахань, 2004 / Архив ИА РАН.

11. *Васильев Д.В.* Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2007. 192 с.

12. *Васильев Д.В.* Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде (археолого-статистическое исследование). Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2009. 179 с.

13. *Голикова Н.Б.* Очерки по истории городов России конца XVII начала XVIII в. М.: Изд-во МГУ, 1982. 216 с.

14. *Гордеев В.И.* Отчет об археологических исследованиях могильника «Маячный бугор-I» в Красноярском районе Астраханской области в 2001 г. Йошкар-Ола, 2007 / Архив ИА РАН.

15. *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.

16. *Казаков П.В.* Отчет об археологических исследованиях в Красноярском районе за 1988 г. Астрахань, 1989 / Архив ИА РАН. № 13216.

17. *Казаков П.В.* Отчет об исследованиях в райцентре Красный Яр Астраханской области за 1989 г. Астрахань, 1990 / Архив ИА РАН. № 14994, 14995.

18. *Казаков П.В., Пигарев Е.М.* Материалы исследований Красноярского городища Астраханской области (1989–90 гг.) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 1 / Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 1998. С. 72–83.

19. *Котеньков С.А.* Отчет о научно-исследовательских археологических работах на грунтовом могильнике бугор «Маячный-I» Красноярского района в 1990 г. Астрахань, 1991 / Архив ИА РАН. № 17564, 17565.

20. *Котеньков С.А.* Отчет об археологических исследованиях на юге Астраханской области в 1990 г. Астрахань, 1991а / Архив ИА РАН. № 15862.

21. *Котеньков С.А.* Отчет об исследованиях грунтового могильника «Маячный бугор-I» Красноярского района в 1991 г. Астрахань, 1992 / Архив ИА РАН. № 16787, 16788, 16789.

22. *Котеньков С.А.* Отчет об археологических исследованиях на грунтовом могильнике «Маячный бугор-I» в Красноярском районе Астраханской области в 1992 г. Астрахань, 1993 / Архив ИА РАН. № 17655, 17656.

23. *Котеньков С.А.* Отчет об исследованиях на грунтовом могильнике «Маячный бугор-I» в Красноярском районе в 1993 г. Астрахань, 1994 / Архив ИА РАН. № 18395, 18396.

24. *Котеньков С.А.* Отчет о научно-исследовательских археологических работах на грунтовом могильнике «Маячный бугор-I» Красноярского района Астраханской области в 1994 г. Астрахань, 1995 / Архив ИА РАН. № 18983, 18984.

25. *Котеньков С.А.* Отчет об археологических исследованиях на бэровских буграх «Маячный-I» и «Маячный-II» Красноярского района Астраханской области в 1996 г. Астрахань, 1997 / Архив ИА РАН. № 20630, 20631.

26. Ключаревская летопись. История о начале и возобновлении Астрахани, случившихся в ней бунтах, о архиереях в оной бывших, а также о воеводах, градоначальниках и губернаторах. Астрахань, 1887. с. 89.

27. *Кутуков Д.В.* Отчет об археологических раскопках на грунтовом могильнике «Вакуровский бугор-I» в Красноярском районе Астраханской области в 2004 году. Астрахань, 2005 / Архив ИА РАН.

28. *Кутуков Д.В., Перерва Е.В., Резк М.Я.* Погребение с берестой золотоордынского времени на могильнике Вакуровский-I в Астраханской области // Научный вестник ВАГС. Секция: политология и социология. № 1 / 5. Волгоград, 2011. С. 99–104.

29. *Недашковский Л.Ф.* Нижневолжский золотоордынский город и его округа // РА. 2006. № 4. С. 74–86.
30. *Недашковский Л.Ф.* Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М.: Вост. лит.-ра, 2010. 352 с.
31. *Никонов В.А.* Раскопки средневекового могильника в дельте Волги // Древности Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград, 1990. С. 40–41.
32. *Никонов В.А.* Отчет об археологических исследованиях на грунтовом могильнике «Маячный бугор-1» в Красноярском районе Астраханской области в 1990 г. Астрахань, 1991 / Архив ИА РАН. № 16976, 16977.
33. *Никонов В.А.* Отчет об исследованиях на буграх «Мечетный-1» и «Вакуровский-1» в Красноярском районе Астраханской области и на бугре «Долгий» в Трусовском районе г. Астрахани в 1990 г. Астрахань, 1991а / Архив ИА РАН. № 16978, 16979.
34. *Пачкалов А.В.* О местоположении Сарая (первой столицы Золотой Орды) // Археология та етнологія східної Європи: матеріали I дослідження. Т. 3. Одесса: Друк, 2002. С. 176–179.
35. *Пачкалов А.В.* К вопросу об имени золотоордынского города, находившегося на месте Красноярского городища в дельте Волги // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия / Материалы III Междунар. Нижневолжской археол. конф. Астрахань, 2010: ИД "Астраханский университет". С. 332–340.
36. *Перерва Е.В.* Непреднамеренные искусственные изменения зубов у древнего населения дельты Волги (по материалам золотоордынского могильника Маячный бугор) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 2 (17). С. 79–86.
37. *Перерва Е.В.* Население Красноярского городища золотоордынского времени, по материалам могильника Вакуровский бугор (палеопатологический аспект) // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4: История. 2012а. № 1 (21). С. 6–12.
38. *Пигарев Е.М.* Монеты в погребениях Золотой Орды // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1 / Под ред. А.В. Евглевского. Донецк: ДонНУ, 2000. С. 283–301.
39. *Пигарев Е.М., Скисов С.Ю., Лосев Г.А., Минаев А.П.* Монетные находки с городищ «Красный Яр», «Лапас», «Чертово городище» // Тр. Международ. нумизмат. конф. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков (I МНК – Саратов 2001; II МНК – Муром 2003) / Под ред. П.Н. Петрова. М.: Нумизматическая литература, 2005. С. 148–152.
40. *Пигарев Е.М.* Золотоордынский город и его округа на Нижней Волге // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия / Материалы III Международ. Нижневолжской археол. конф. / Под ред. Д.В. Васильева. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2010. С. 346–351.
41. *Пигарев Е.М.* Красноярское городище (или снова о двух золотоордынских столицах) // Археология Восточно-Европейской степи: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 10 / Под ред. доц. В.А. Лопатина. Саратов: Научная книга, 2013. С. 428–433.
42. *Попов П.В.* Отчет об археологических разведках в Красноярском, Харабалинском и Наримановском районах Астраханской области в 2005 г. Астрахань, 2006 / Архив ИА РАН.
43. *Скисов С.Ю.* Золотоордынские памятники в северной части дельты Волги. Новые материалы // Астраханские краеведческие чтения. Вып. VI / Ред. А.А. Курапов. Астрахань: Изд-во Сорокин Роман Васильевич, 2014. С. 69–74.
44. Труды Астраханского статистического комитета. Вып. 5. Астрахань, 1875. с. 182.
45. *Четвериков С.И.* Отчет об охранных раскопках грунтового могильника «Маячный-II» Красноярского района в 1991 г. Саратов, 1992 / Архив ИА РАН. № 16750.
46. *Шнайдитейн Е.В.* Отчет об археологических разведках в Красном Яру Астраханской области в 1990 г. Астрахань, 1991 / Архив ИА РАН. № 18977, 18978.

47. Юрьев А.Д. Отчет об археологических раскопках на грунтовом могильнике «Маячный бугор-1» в 1996 г. Астрахань, 1997 / Архив ИА РАН. № 20115, 20116.

Информация об авторе:

Пигарёв Евгений Михайлович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Казань, Россия); pigarev1967@mail.ru

KRASNY YAR HILLFORT AND ITS ENVIRONS

E.M. Pigarev

The author examines written accounts that contain some information about Krasny Yar settlement (Astrakhan Oblast) and findings of archaeological digs on Krasny Yar hillfort in 1989-1991. Archaeological and anthropological investigations on Krasny Yar hillfort and adjacent burial grounds allow distinguishing two main stages in its development: 1) second half of 13th century – 1320s; and 2) 1320s – 1390s. Further, the author examines main crafts practiced in the town and defines its place among the Golden Horde towns in the Lower Volga region. Regarding the question of the two Golden Horde capitals – the Old and the New Saray – the author critically examines the hypothetical localization of the first Golden Horde capital at Krasny Yar hillfort, based on archeological and numismatic data. Having studied some later written accounts (16th – 17th centuries) he suggests another name for this town, i.e. ‘Kizil’. The article also offers a brief description of rural settlements and burial grounds found near Krasny Yar hillfort. In this connection, he distinguishes and offers for discussion a territorial-administrative unit of “Krasny Yar ulus”, comprising an urban center and a few rural settlements and necropolises in its environs.

Keywords: archaeology, history, the Lower Volga Region, the Golden Horde, Krasny Yar hillfort, Jochi Ulus, settlements, burial grounds, Khan Uzbek, Saray, Kizil.

REFERENCES

1. Gotie, Ju.V. (ed.). 1938. *Angliiskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke (English Travelers in Muscovy in 16th Century)*. Moscow: “Sotsekgiz” Publ. (in Russian).
2. Artem’ev, S. B. 1992. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Krasnoyarskom raione za 1991 g. (Report on the Archaeological Research in the Krasny Yar District in 1991)*. Vol. 1–2. Astrakhan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, no. 16111, 16112 (in Russian).
3. *Astrakhanskije gubernskie vedomosti (Astrakhan Provincial Bulletin)*. 1857. No.50 (in Russian).
4. *Atlas Astrakhanskoi oblasti (Atlas of the Astrakhan Region)*. 1997. Moscow: “Roskartografiya” Publ. (in Russian).
5. Balabanova, M. A. In *Electronic Library of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences*. Available at: <http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/04/978-5-88431-169-5> (accessed 24.10.2015) (in Russian).
6. Balabanova, M. A., Pererva, E. V. 2013. *Maiachnyi bugor — mogil’nik Krasnoyarskogo gorodishcha zolotoordynskogo vremeni (antropologiya) (Mayachni Bugor, the Burial Ground of the Krasny Yar Hillfort, Golden Horde Time: Anthropology)*. Volgograd: Volgograd branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (in Russian).
7. Beletskii, V. D. 1958. *Otchet o rabotakh Nizhnevolzhskoi razvedyvatel’noi arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha za 1957 g. (Report on the Fieldworks of the Lower Volga Archaeological Survey Expedition of the State Hermitage Museum in 1957)*. Leningrad. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, no. r-12536 (in Russian).
8. Blokhin, V. G. 2008. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 9. Volgograd: Volgograd State University, 296–303 (in Russian).

9. Vasil'ev, D. V. 1993. *Otchet o razvedkakh v Krasnoiarskom, Privolzhskom, Narimanovskom raionakh Astrakhanskoi oblasti v 1992 godu (Report on the Survey Works in the Krasny Yar, Privolzhsky, and Narimanov Districts, Astrakhan Region, in 1992)*. Astrakhan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, no. 16988, 16989 (in Russian).
10. Vasil'ev, D. V. 2004. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na gruntovom mogil'nike «Vakurovskii bugor-I» v Krasnoiarskom raione Astrakhanskoi oblasti v 2003 godu (Report on the Archaeological Excavations on the “Vakurovskii Bugor-I” Burial Ground in the Krasny Yar District, Astrakhan Region, in 2003)*. Astrakhan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
11. Vasil'ev, D. V. 2007. *Islam v Zolotoi Orde: Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Islam in the Golden Horde: Historical-Archaeological Research)*. Astrakhan: “Astrakhanskii universitet” Publishing House (in Russian).
12. Vasil'ev, D. V. 2009. *Islamizatsiia i pogrebal'nye obriady v Zolotoi Orde (arkheologo-statisticheskoe issledovanie) (Islamization and Funerary Rites in the Golden Horde: Archaeological and Statistical Research)*. Astrakhan: “Astrakhanskii universitet” Publishing House (in Russian).
13. Golikova, N. B. 1982. *Ocherki po istorii gorodov Rossii kontsa XVII – nachala XVIII v. (Essays on the History of Cities in Russia, Late 17th — Early 18th Centuries)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
14. Gordeev, V. I. 2007. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiax mogil'nika «Maiachnyi bugor-I» v Krasnoiarskom raione Astrakhanskoi oblasti v 2001 g. (Report on the Archaeological Study of the “Mayachni Bugor-I” Burial Ground in the Krasny Yar District, Astrakhan Region, in 2001)*. Yoshkar-Ola. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
15. Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
16. Kazakov, P. V. 1989. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiax v Krasnoiarskom raione za 1988 g. (Report on the Archaeological Research in the Krasny Yar District in 1988)*. Astrakhan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, no. 13216 (in Russian).
17. Kazakov, P. V. 1990. *Otchet ob issledovaniiax v raitsentre Krasnyi Iar Astrakhanskoi oblasti za 1989 g. (Report on the Archaeological Research in the Krasny Yar District Center, Astrakhan Region, in 1989)*. Astrakhan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, no. 14994, 14995 (in Russian).
18. Kazakov, P. V., Pigarev, E. M. 1998. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Povolzh'ia (Materials and Research on the Archaeology of the Volga Region)* (1). Yoshkar-Ola: Mari State University, 72–83 (in Russian).
19. Koten'kov, S. A. 1991. *Otchet o nauchno-issledovatel'skikh arkheologicheskikh rabotakh na gruntovom mogil'nike bugor «Maiachnyi-I» Krasnoiarskogo raiona v 1990 g. (Report on the Archaeological Study on the “Mayachni Bugor-I” Burial Ground in the Krasny Yar District in 1990)*. Astrakhan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, no. 17564, 17565 (in Russian).
20. Koten'kov, S. A. 1991. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiax na iuge Astrakhanskoi oblasti v 1990 g. (Report on the Archaeological Research in the Southern Part of the Astrakhan Region in 1990)*. Astrakhan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, no. 15862 (in Russian).
21. Koten'kov, S. A. 1992. *Otchet ob issledovaniiax gruntovogo mogil'nika «Maiachnyi bugor-I» Krasnoiarskogo raiona v 1991 g. (Report on the Study of the “Mayachni Bugor-I” Burial Ground in the Krasny Yar District in 1991)*. Astrakhan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, no. 16787, 16788, 16789 (in Russian).
22. Koten'kov, S. A. 1993. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiax na gruntovom mogil'nike «Maiachnyi bugor-I» v Krasnoiarskom raione Astrakhanskoi oblasti v 1992 g. (Report on the Archaeological Study of the “Mayachni Bugor-I” Burial Ground in the Krasny Yar District, Astrakhan Region, in 1992)*. Astrakhan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, no. 17655, 17656 (in Russian).

23. Koten'kov, S. A. 1994. *Otchet ob issledovaniiah na gruntovom mogil'nike «Maiachnyi bugor-I» v Krasnoiskom raione v 1993 g. (Report on the Archaeological Study of the "Mayachni Bugor-I" Burial Ground in the Krasny Yar District in 1993)*. Astrakhan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, no. 18395, 18396 (in Russian).
24. Koten'kov, S. A. 1995. *Otchet o nauchno-issledovatel'skikh arkhelogicheskikh rabotakh na gruntovom mogil'nike «Maiachnyi bugor-I» Krasnoiskogo raiona Astrakhanskoi oblasti v 1994 g. (Report on the Archaeological Study on the "Mayachni Bugor-I" Burial Ground in the Krasny Yar District, Astrakhan Region, in 1994)*. Astrakhan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, no. 18983, 18984 (in Russian).
25. Koten'kov, S. A. 1997. *Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniiah na berovskikh bugrakh «Maiachnyi-I» i «Maiachnyi-II» Krasnoiskogo raiona Astrakhanskoi oblasti v 1996 g. (Report on the Archaeological Research on the Baer's Hillocks "Mayachni-I" and "Mayachni-II" Krasny Yar District, Astrakhan Region, in 1996)*. Astrakhan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, no. 20630, 20631 (in Russian).
26. *Kliucharevskaia letopis'. Istoriia o nachale i vobnovlenii Astrakhani, sluchivshikhsia v nei buntakh, o arkhierieiah v onoi byvshikh, a takzhe o voevodakh, gradonachal'nikakh i gubernatorakh (Klyucharevskaya (Ecclesiarch) Chronicle. Story of the Beginning and Renewal of Astrakhan, Its Routs, Former Hierarchs, as well as Commanders, City Administrators and Governors)*. 1887. Astrakhan (in Russian).
27. Kutukov, D. V. 2005. *Otchet ob arkhelogicheskikh raskopkakh na gruntovom mogil'nike «Vakurovskii bugor-I» v Krasnoiskom raione Astrakhanskoi oblasti v 2004 godu (Report on the Archaeological Excavations of the "Vakurovskii Bugor-I" Burial Ground in the Krasny Yar District, Astrakhan Region, in 2004)*. Astrakhan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
28. Kutukov, D. V., Pererva, E. V., Rezk, M. Ya. 2011. In *Nauchnyi vestnik Volgogradskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby. Sektsiia: politologii i sotsiologii (Scientific Bulletin of the Volgograd Academy of Public Administration. Section: Political Studies and Sociology)* 1 (5). Volgograd, 99–104 (in Russian).
29. Nedashkovskii, L. F. 2006. In *Rossiiskaia Arkheologii (Russian Archaeology)* (4), 74–86 (in Russian).
30. Nedashkovskii, L. F. 2010. *Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzh'ia i ikh okruga (The Golden Horde Cities of the Lower Volga Region and their Suburbs)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
31. Nikonov, V. A. 1990. In *Drevnosti Volgo-Donskikh stepei (Antiquities of Volga-Don Steppes)* 1. Volgograd: Volgograd State University, 40–41 (in Russian).
32. Nikonov, V. A. 1991. *Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniiah na gruntovom mogil'nike «Maiachnyi bugor-I» v Krasnoiskom raione Astrakhanskoi oblasti v 1990 g. (Report on the Archaeological Study of the "Mayachni Bugor-I" Burial Ground in the Krasny Yar District, Astrakhan Region, in 1990)*. Astrakhan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, no. 16976, 16977 (in Russian).
33. Nikonov, V. A. 1991. *Otchet ob issledovaniiah na bugrakh «Mechetnyi-I» i «Vakurovskii-I» v Krasnoiskom raione Astrakhanskoi oblasti i na bugre «Dolgii» v Trusovskom raione g. Astrakhani v 1990 g. (Report on the Research of the "Mechetni-I" and "Vakurovskii-I" Hillocks in the Krasny Yar District, Astrakhan Region, and the "Dolgii" Hillock in the Trusovsky District, Astrakhan City, in 1990)*. Astrakhan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, no. 16978, 16979 (in Russian).
34. Pachkalov, A. V. 2002. In Stanko, V. N. (ed.). *Arkheolohiya ta etnolohiya Skhidnoi Yevropy: materialy i doslidzhennya (Archaeology and Ethnology of Eastern Europe: Materials and Research)* 3. Odessa: "Druk" Publ., 176–179 (in Russian).
35. Pachkalov, A. V. 2010. In Vasil'ev, D. V. (ed.). *Arkheologii Nizhnego Povolzh'ia: problemy, poiski, otkrytiia (Archaeology of Lower Volga Region: Issues, Research, Discoveries)*. Astrakhan: "Astrakhanskii universitet" Publishing House, 332–340 (in Russian).

36. Pererva, E. V. 2012. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 2 (17). Tyumen: Institute for problems development of the North, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences Publishing House, 79–86 (in Russian).
37. Pererva, E. V. 2012. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriia (Bulletin of the Volgograd State University. Series 4: History)* 1 (21). Volgograd: Volgograd State University, 6–12 (in Russian).
38. Pigarev, E. M. 2000. In Evglevskii, A. V. (ed.). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 1. Donetsk: Donetsk National University, 283–301 (in Russian).
39. Pigarev, E. M., Skisov, S. Yu., Losev, G. A., Minaev, A. P. 2005. In Petrov, P. N. (ed.). *Monety i denezhnoe obrashchenie v mongol'skikh gosudarstvakh XIII—XV vekov (Coins and Currency Circulation in the Mongol States of 13th—15th Centuries)*. Moscow: “Numizmaticheskaiia literatura” Publ., 148–152 (in Russian).
40. Pigarev, E. M. 2010. In Vasil'ev, D.V. (ed.). *Arkheologiia Nizhnego Povolzh'ia: problemy, poiski, otkrytiia (Archaeology of Lower Volga Region: Problems, Research, Discoveries)*. Astrakhan: “Astrakhanskii universitet” Publishing House, 346–351 (in Russian).
41. Pigarev, E. M. 2013. In Lopatin, V. A. (ed.). *Arkheologiia vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 10. Saratov: “Nauchnaia kniga” Publ., 428–433 (in Russian).
42. Popov, P. V. 2006. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Krasnoiarskom, Kharabalinskom i Narimanovskom raionakh Astrakhanskoi oblasti v 2005 g. (Report on the Archaeological Survey in the Krasny Yar, Kharabali and Narimanov Districts, Astrakhan Region, in 2005)*. Astrakhan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
43. Skisov, S. Yu. 2014. In Kurapov, A. A. (ed.). *Astrakhanskii kraevedcheskie chteniia (Astrakhan Readings of Local History)* VI. Astrakhan: “Sorokin R.V.” Publ., 69–74 (in Russian).
44. *Trudy Astrakhanskogo statisticheskogo komiteta (Proceedings of the Astrakhan Statistic Committee)* no. 5. Astrakhan, 1875 (in Russian).
45. Chetverikov, S. I. 1992. *Otchet ob okhrannykh raskopkakh gruntovogo mogil'nika «Maiachnyi-II» Krasnoiarskogo raiona v 1991 g. (Report on the Rescue Excavations on the “Mayachni-I” Burial Ground, Krasny Yar District, in 1991)*. Saratov. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, no. 16750 (in Russian).
46. Shnaidshtein, E. V. 1991. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Krasnom Iaru Astrakhanskoi oblasti v 1990 g. (Report on the Archaeological Survey in Krasny Yar, Astrakhan Region, in 1990)*. Astrakhan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, no. 18977, 18978 (in Russian).
47. Iur'ev, A. D. 1997. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na gruntovom mogil'nike «Maiachnyi bugor-I» v 1996 g. (Report on the Archaeological Excavations on the “Mayachny Bugor-I” Burial Ground in 1996)*. Astrakhan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, no. 20115, 20116 (in Russian).

About the Author:

Pigarev Evgeniy M. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; pigarev1967@mail.ru

УДК 913.1/913.8

ДВА ГОРОДА В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ НА КАРТЕ МИРА 1457 ГОДА

© 2016 г. И.В. Волков

В статье анализируется средневековый картографический источник – анонимная так называемая «Генуэзская карта мира» 1457 г. Эта карта многократно опубликована, ей посвящены монографические исследования. К сожалению, в этих изданиях большинство репродукций непригодны для чтения из-за низкого качества или используются изображение рисованной копии вместо фотографии; встречаются неправильные датировки, а также повторения ошибочного приписывания ее авторства Паоло дель Поццо Тосканелли. Картограф пытался объединить сведения всех доступных источников: античных (преимущественно Клавдий Птолемей), средневековых церковных карт мира, записок путешественников от Марко Поло до Николо Конти, морских карт-портोलанов. Источники для изображения на этой карте бассейна Волги и Каспия не устанавливаются однозначно, поскольку нет выраженного протографа, а само изображение представляется независимым источником. Время поступления информации об этом участке определено как период от расцвета Золотой Орды при Узбеке (1313–1341) и Джанибеке (1342–1357) до возвышения Тимура (около 1370). В нижнем течении Волги изображены два города: Сарай (Sala) и «Сарай другой» (Saraalis). Соотношение их с Селитренным и Царевским городищами не так явно, как на картах, восходящих к протографу Фра Мауро, но все же наиболее вероятно. Это еще один источник, показывающий, что возникшая в 1990-х гг. идея о существовании только одного Сарая – несостоятельна.

Ключевые слова: история, география, культурное наследие, Нижнее Поволжье, Сарай, Новый Сарай, «Генуэзская карта мира» 1457 г., Узбек, Джанибек, Тамерлан.

Генуэзская карта мира миндалевидной формы хранится в Центральной национальной библиотеке во Флоренции (Portolan 1). Противоречивость оценок этого источника за два века исследований и публикаций оказалась существенной. Тем не менее источник представляется вполне определенным и важным (рис. 1). Само отнесение карты к продукции Генуи – только предположение. Основанием для этого является наличие на полях «герба»: красного креста на коричневом фоне. Возможно, у креста был тонкий белый контур; цвет фона также не является однозначным. Но герб Генуи (Св. Георгия) – это красный крест на белом фоне. К тому же гербы на полях карт могли относиться

не только к рисовальщику, но и к заказчику или позднему пользователю изделия. Таким образом, эту часть атрибуции преждевременно считать установленной.

Еще более сомнительным является отнесение карты к итальянской школе, сделанное одним из крупнейших историков картографии. «По-видимому, к итальянской школе картографии относится и так называемая генуэзская карта мира 1457 г. Мы пишем «по-видимому», поскольку трудно определить, какой была типичная итальянская карта – до нас дошло слишком мало образцов этой школы. В любом случае, главное различие между каталонскими и итальянскими картами заключается в том, что у

Рис. 1. Общий вид Генуэзской карты 1457 г.

Fig. 1. The Genoese map of 1457, general view.

итальянских мастеров (представителем которых был Петр Веконте) русские реки текут с гор, расположенных на севере, а каталонские картографы изображали Волгу в форме буквы «Р» или «У», причем ее западный отрезок вытекал из озера, из которого брали начало реки Ну и Танаис» (Багров, 2005, с. 61–62). Остается только догадываться, что в данном случае Л.С. Багров ориентировался не на сходство карты мира с многочисленными морскими картами «итальянского» стиля, а на различия в изображении территории (в первую очередь России) с картами мира и портоланами «каталонского» стиля. Атрибуция по противопоставлению – не самая удачная, поскольку способ изображения моря и некоторые сюжеты на произведении 1457 г. – как раз характерны именно для карт «каталонского» стиля. Однако Каталония здесь изображена с большими погрешностями.

Едва ли не самыми разнородными являются определения даты, что от-

части обусловлено нечеткостью подписи. А. Каттанео привел примеры отнесения ее к 1417 г. (П. Дзурла и др.), 1447 г. (Т. Фишер), 1457 г. большинством историков картографии, начиная с Й. Лелевеля (Cattaneo, 2010, p.84). К этому можно добавить другие датировки: 1321 г. (Великий Болгар, 2013, с. 292); 1351 г. (Димитров, 1984, табл. 8); 1447 г. (Facsimile, 1881); 1457 г. (Багров, 2004, с. 75; 2005, с. 61; Mappemondes, 1964, № 13, p. 222–223; Harvey, 1987, p. 367), 1475 г. (Great Bolgar, 2015, p. 289), – наконец, обтекаемо, XV в. (Фоменко, 2007, с. 200). После выхода вольного перевода (Stevenson, 1912) исследования Т.Фишера господствующей является датировка 1457 г., что и соответствует действительности.

Подпись также расценивалась по-разному. Сама транскрипция установлена достаточно определенно: «Nec est vera cosmographorum cum marino accordata des(cri)cio quorundam frivolis naracionibus rejectis 1457» (Mappe-

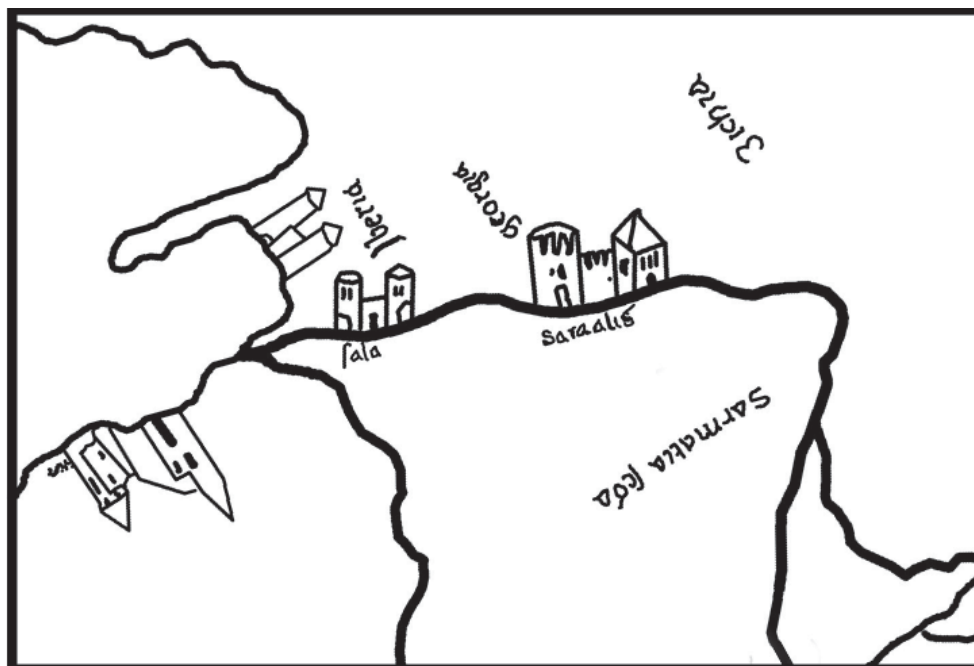

Рис. 2. Прорисовка участка Нижней Волги.

Fig. 2. A drawing of a terrain in the Lower Volga region.

mondes, 1964, № 13, p. 222). Особые сложности вызывало не латинское слово «magino», которое воспринимали, как «Марин [Тирский]» (Zurla, 1818, p. 397), «Марино [Санудо Старший]» (Crinó, 1943, p. 84), или просто оставляли без перевода. Наиболее подробные комментарии на эту тему сделал А. Каттанео (Cattaneo, 2010, p. 84–87). Латынь испорчена, поэтому перевод приблизительный: «Это истинное описание космографов, согласованное с морскими [картами], где отброшены недостоверные рассказы, 1457»¹. В любом случае смысловая нагрузка этой легенды (кроме даты), касающейся источников карты, невелика.

¹ Пословный перевод будет приблизительно следующим: «Это истина космографов с морем [или морьяками?], согласованная с описанием, где отброшены недостоверные рассказы, 1457 г.».

В 1940-х годах развернулась дискуссия о связи этой карты с картографом Паоло даль Поццо Тосканелли. С. Крино в серии работ высказывал эту мысль, пытаясь найти реальное произведение, которое было бы похоже на карту П. Тосканелли, упоминающуюся в его письме в Португалию (Crinó, 1941, p. 87–95; Crinó, 1942, p. 35–43; Crinó, 1943). Три историка картографии выступили с критикой предложенного сопоставления (Biasutti, 1941, p. 293–301; Biasutti, 1942, p. 44–54; Saraci, 1942, p. 238–259; Magnaghi, 1942, p. 141–154), и уже в обобщающей работе 1951 г. это неверное мнение было окончательно отброшено (Багров, 2004, с. 5, 75). Действительно, карта 1457 г. никак не иллюстрирует возможность плавания в Индию через Атлантику, да и сам океан показан очень бедно. Тем не менее иногда происходят рецидивы попыток

связать эту карту с Паоло Тосканелли (Фоменко, 2007, с. 200; Great Bolgar, 2015, р. 289; Хотко, 2015, с. 215), что вводит читателей в заблуждение.

Множество ее доступных изданий, к сожалению, непригодны для решения вопросов исторической географии из-за существенного уменьшения и низкого разрешения репродукций. Существенно, что за карту мира 1457 г. иногда выдают ее рисованную копию с неточной передачей цветов, на которой помехой является не разрешение, а неточное воспроизведение или даже отсутствие некоторых надписей (Фоменко, 2007, с. 200; Great Bolgar, 2015, р. 289; Хотко, 2015, с. 215). Вероятно, эти репродукции восходят к рисованной цветной копии, помещенной во фронтиспис наиболее распространенного издания Э.Л. Стивенсона (Stevenson, 1912), когда цветная фотография не была широко распространена. Определить, издана фотография оригинала или рисованная копия, можно по цветам и форме краев листа, как у следующих (Дмитров, 1984, табл. 8; Великий Болгар, 2013, с. 292–293; Mappemondes..., 1964, №13, pl. XXXIV; Catalogo, 2003, fig. 1; Cattaneo, 2010, р. 80–81; Cattaneo, 2011, ill. V; Rombai, 2014, tav. 5, р. 163–164; Brunnlechner G., 2013, р. 62, fig. 1 etc.). К сожалению, мне недоступно последнее издание этой карты с тщательной транскрипцией (Marra Mundi, 2008), для получения которой использовали специальное освещение (Cattaneo, 2010, р. 84). Тем не менее доступной фотографии (Facsimile, 1881) и изданного фрагмента (Brunnlechner G., 2013, р. 74, fig. 4), на мой взгляд, достаточно, чтобы прочесть два важных слова – названия городов на Нижней Волге (рис. 2). Но сначала

об источниках этого произведения.

Чаще ее рассматривали с точки зрения истории картографии, что имеет под собой множество оснований. Произведение действительно особенное по множеству признаков: редкая общая форма, использование изобразительных средств «каталонского» стиля, своеобразное изображение Африки, и что особенно важно, не имеющее точных аналогий представление Каспийского моря и Волги. Иногда рассуждения приобретали неожиданные и бессмысленные обороты, например, была ли эта карта «трамплином» для новой картографии (Brunnlechner G., 2013). На мой взгляд, она, как и карта Фра Мауро 1459 (1460) г., является попыткой объединить все доступные автору знания, естественно, попыткой тупиковой, поскольку данные разнородны, а по большей части – устаревшие. В отношении формирования языка карты она вообще не дает ничего нового.

Часть источников информации проявляется очень ярко. 1. Морские карты, преимущественно каталонского стиля, включая сюда и *mappa mundi* типа Атласа 1375 г. с изображениями правителей. 2. Средневековые карты мира с фантастическими животными и народами. 3. Словесная информация путешественников от Марко Поло до Николо Конти. 4. Словесная и графическая информация Клавдия Птолемея. 5. Вероятно, информация о плаваниях португальцев вдоль побережья Африки. Естественно, нельзя говорить, что известны все источники, какая-то часть изображения остается необъяснимой.

Бассейн Волги и Каспия здесь представлены особенно, трудно назвать протограф для этого участка

карты. Изображение Каспийского моря представлено промежуточно между портоланами каталонского стиля и овальным «птолемеевским»: оно близко к овалу, мыс, соответствующий Мангышлаку, не обозначен; с запада обозначен мыс, соответствующий Апшерону, но расположен он севернее Дербента. Вопреки утверждению А. Каттанео (Cattaneo, 2010, p. 94), это не вполне соответствует VII карте Азии в Атласе К.Птолема. У Птолема не бывает не только «Апшеронского» выступа, но и островов в Каспийском море.

Изображение Волги также не вполне соответствует «каталонскому» стилю, где русло Т-образно раздваивается у Костромы. Не соответствует она и картам мира первой четверти XIV в. Петра Весконтэ, сопровождающим трактат Марино Санудо Старшего (с треугольным Каспийским морем, без Волги). Ее русло совпадает по направлению с изображениями на II карте Азии К.Птолема, но там совершенно иначе расположены притоки и горы. Таким образом, для создания этого участка карты автор использовал какую-то оригинальную информацию, независимую от других источников.

Важно, что позитивная информация о Поволжье относится ко времени расцвета Золотой Орды до времени Тамерлана. О первом говорит наличие городов в Нижнем Поволжье при отсутствии Болгара и помещение на севере крупной фигуры «царя Орды» (Lordo rex). В европейской картографии подписанные правители на Волге – это Узбек и Джанибек. Верхнюю дату дает еще более крупная фигура на восточном берегу Каспийского моря, сопровождаемая подписью

«Тамерлан царь, сын великого хана» (Cambellanus rex | magni cani filius). Увы, знание точных имен, тонкостей титулов и генеалогии восточных правителей для средневекового картографа – не обязательно.

Две надписи «недалеко от Волги» заимствованы из Птолема или иного античного источника: «Сарматия Первая» (Sarmatia prima) между Днепром и Доном и «Сарматия Вторая» (Sarmatia s[e]c[on]da) на левом берегу Волги. Еще три названия приближены к Волге по случайности, из-за того, что Кавказский хребет ориентирован в направлении северо-запад – юго-восток, а расстояние между Черным и Каспийским морями относительно уменьшено. Это названия областей: Зихия (Zichia), Грузия (Georgia), Иберия (Iberia). Первое – явно взято с портоланов, остальные настолько распространены, что определение источника невозможно. Расположенные дальше надписи также интересны, но не имеют прямого отношения к рассматриваемым двум городам (всего на карте 56 легенд в картушах и 305 названий) (Cattaneo, 2010, p. 82).

На участке Волги от устья до места максимального сближения с Доном обозначены 2 города, отличающиеся размером (рис. 2). Нижний город меньшего размера подписан «Sala». Э.Л. Стивенсон вслед за Т. Фишером транскрибировал это слово как «Sara» (Stevenson, 1912, p. 15), явно подгоняя под орфографию других источников. Названия «Sara», «Sala» использовались параллельно и фактически были равнозначными, как и названия Каспийского моря «Mar de Sara» и «Mar de Sala». Соответствие этого города Сараю сомнений не вызывает. Каспийское море здесь подписано как

«Mar de Sara» (Stevenson, 1912, p. 31).

Город большего размера подписан «Saraalis»², что может означать «Сарай Другой». Транскрипция Э.Л. Стивенсона (и Т. Фишера) – «Saratellis» (Stevenson, 1912, p. 15). На мой взгляд, это менее вероятное транскрибирование, впрочем, Э.Л. Стивенсон сам в нем сомневался. Предложенная им интерпретация слишком противоречива. С одной стороны, он сопоставляет Saratellis с Saracanco из трактата Ф.Б. Пеголотти, что соответствует Сарайчику, с другой – со вторым «Большим Сараем» (Stevenson, 1912, p. 16). В любом случае, оба города расположены на Волге и Сарайчик из их числа исключается.

Не сомневаюсь, что для сторонников версии о существовании только одного Сарая, например, Е.Ю. Гончарова, «на этой карте Сарай остается один, как и на всех остальных письменных и картографических источниках». Безусловно, «внимательное прочтение и анализ свидетельств» этой карты «даже без данных археологии, позволил бы» В.Г. Рудакову «локализовать город Сарай на месте Селитренного городища». Но для людей, адекватно воспринимающих источники, «Сараев» все-таки два.

Связь их с конкретными городищами затруднительна. Нижний Сарай располагался не у вершины дельты, как на картах каталонского стиля. Волга здесь вообще показана без дельты, с длинным левым притоком, впадающим в нее у самого устья (что не соответствует современной реальности). Большой по размеру «Другой Сарай» расположен приблизительно на сере-

дине расстояния между первым и поворотом Волги на северо-восток. Расположение символов обоих городов на правом берегу Волги не должно смущать. Перенос символов городов на противоположный берег реки – явление вообще нормальное. На этом участке карты символы расположены приблизительно так, чтобы смотреть от края листа к центру, с севера на юг. Поэтому на левом берегу города пришлось бы изображать перевернутыми. Подписи же, как и положено, помещены на левом берегу Волги.

Если расценивать изображение как «точное», ориентируясь на отрезок Волги от устья до поворота на северо-восток, то можно приблизительно определить положение обозначенных городов. Нижний маленький Сарай в этом случае будет располагаться в районе Лапаса, а «Другой Сарай» – южнее Ахтубинска, в районе Новониколаевки. Первый – несколько смещен к югу относительно Селитренного городища, второй – относительно Царевского. Таким образом, на этой карте нет такого четкого соотнесения двух Сараев с Селитренным и Царевским городищами, как на картах, восходящих к протографу Фра Мауро, но оно является более вероятным, чем любое иное. Важно, что в представлении Поволжья «генуэзская» карта мира 1457 г. – источник почти независимый от других картографических произведений.

В любом случае, обозначены два Сарая, а не один, причем с противопоставлением. В «нумизматической» литературе еще не утих тот шум 1990-х гг., когда утверждалось, что существовал только один Сарай (он и Старый, и Новый) и связан он только с Селитренным городищем. До последнего

² Возможны другие варианты чтения, напр., «Saraalio[n]»,

времени встречаются утверждения, что «большинство ученых видят в нем остатки золотоордынского города Сарая ал-Джадида, основанного около 730/1329 г. и заменившего Сарай в качестве столицы в начале правления хана Джанибека» (Лаере, Тростьянский, 2012, с. 150).

К счастью, я знаком с другим большинством. Рассмотрим же другие положения О.В. Тростьянского, которые показательны характеризуют то «большинство», к которому он относится. Оказывается, из трактата Пеголотти «следует, что этот «торговый центр» (т.е. «Сарай ал-Джедид». – *И.В.*) был хорошо знаком европейским купцам (...; Evans A., 1936, p. 21 sqs)» (Лаере, Тростьянский, 2012, с. 150). Посмотрите в источник – там есть Сарай (Sara), но никакого «Сарая ал-Джедид» (Pegolotti, 1936, p. 21). Кстати, интересно, что значит в ссылке «sqs.»? Неужели авторы считают, что Сарай упоминается на следующих страницах? Увы, это случилось только один раз. И еще один раз упомянуто Каспийское море (Mare del Sara) (Pegolotti, 1936, p. 380). От себя замечу, что «Сарай ал-Джедид» и не мог быть упомянут у Пеголотти, поскольку информация в трактате сильно запаздывает, и даже для более близкого Трапезунда описано налогообложение до 1319 г. Следовательно, источник характеризует период, когда Сарай ал-Джедид еще не возник.

Интересная новость – это то, что Сарай ал-Джедид был основан около 730/1329 г. (Лаере, Тростьянский, 2012, с. 150). Эта дата просто «высосана из пальца», безо всякой ссылки, хотя событие – хрестоматийное. Время основания Сарая ал-Джедид ре-

конструируется умозрительно, по сообщению Ибн Арабшаха (в источнике упомянут просто Сарай) о том, что до разрушения тех мест Тамерланом в 1395 г., город просуществовал 63 года. Если считать солнечными годами, то основание приходится на 1332 г., если лунными – на 1334 г. Откуда взялся 1329 г.? Если это Сарай ал-Джедид, то он после этого разрушения не упоминается ни в нарративных источниках, ни на монетах. Из чего авторы делают вывод, что «позднее город был частично восстановлен» (Лаере, Тростьянский, 2012, с. 151)?

Ну и совсем показательны сообщения авторов о ведении на Селитренном городище «регулярных раскопок, которые продолжались здесь начиная с начала 1970-х гг.» (Лаере, Тростьянский, 2012, с. 151). Этот вопрос не может быть спорным, поскольку все происходило в наше время, и источников – с избытком. Ситуация позволяет определить – способны ли «исследователи» находить ответы на вопросы. Рекомендую читателям посмотреть на ссылку, где они это узнали. Не пожалейте. Вообще-то такое узнают или в отраслевом архиве ИА РАН (надежнее всего), или еще проще – из «Археологических открытий», которые есть в каждой библиотеке. Оказывается, что регулярные раскопки начались с 1966 г. (Федоров-Давыдов, 1967, с. 123; Федоров-Давыдов и др., 1968, с. 137–138; Федоров-Давыдов и др., 1969, с. 173–174; Федоров-Давыдов и др., 1970, с. 174–175). Надежность сведений упомянутого «большинства исследователей» бросается в глаза. А источники о столицах Золотой Орды еще будут находиться.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Багров Л.* История картографии / Пер. с англ. Н.И.Лисовой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 319 с.
2. *Багров Л.* История русской картографии / Пер. с англ. Е.В. Ламановой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. 523 с.
3. Великий Болгар / Науч. ред. А.Г. Ситдииков. М.; Казань: Феория, 2013. 404 с., ил.
4. *Димитров Б.* България в средновековната морска картография XIV–XVII век / Божидар Димитров. София: Наука и изкуство, 1984. 42 с., 64 л.ил. карт, факс.
5. *Лаере Р. Ван, Тростьянский О.В.* Западноевропейские товарные пломбы XIV–XV вв. с территории Золотой Орды // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 2 / Ред. И.М. Миргалеев. Казань: Изд-во «Яз»; Ин-т истории АН РТ, 2012. С. 144–162.
6. *Федоров-Давыдов Г.А.* Раскопки золотоордынских городов на Ахтубе // АО 1966 года. М.: Наука, 1967. С. 122–123.
7. *Федоров-Давыдов Г.А.* Раскопки золотоордынских городов на Ахтубе // АО 1967 года. М.: Наука, 1968. С. 137–138.
8. *Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., Вайнер И.С., Галкин Л.Л., Егоров В.Л., Мухамадиев А.Г.* Раскопки золотоордынских городов в Нижнем Поволжье // АО 1968 года. М.: Наука, 1969. С. 172–174.
9. *Федоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л., Мухамадиев А.Г.* Раскопки золотоордынских городов на Нижней Волге // АО 1969 года. М.: Наука, 1970. С. 174–175.
10. *Фоменко И.К.* Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII–XVII в. М.: Индрик, 2007. 408 с.; ил.
11. *Хотко С.Х.* Открытие Черкесии. Картографические источники XIV–XIX вв. Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2015. 292 с.
12. Bagrow L. A history of the cartography of Russia up to 1600. Ontario: The Walkes Press, 1985, 140 p.
13. Bagrow L. History of cartography. Revised by R. A. Skelton. 2nd. ed. Chicago, Illinois: Precedent Publishing, Inc., 1985, 218 p.
14. Biasutti, Renato. È stata ritrovata a Firenze la carta navigatoria di Paolo del Pozzo Toscanelli? // Rivista geografica italiana. Firenze, 1941, vol. XLVIII, pp. 293–301.
15. Biasutti, Renato. Il mappamondo del 1457 non è la carta navigatoria di Paolo del Pozzo Toscanelli // Rivista geografica italiana. Firenze, 1942, vol. XLIX, pp. 44–54.
16. Brunnlechner G. The so-called Genoese world map of 1457: a stepping stone towards *modern* cartography? // Peregrinations: Journal of medieval art & architecture, vol. IV, no. 1 (Spring 2013), pp. 56–80. Available at: http://peregrinations.kenyon.edu/vol4_1/BrunnlechnerPeregrinations41.pdf
17. Caraci, Giuseppe. Paolo del Pozzo Toscanelli ed il planisfero del 1457 // Giornale di politica et di letteratura. Roma, 1942, vol. XVIII, pp. 238–259.
18. Catalogo della mostra La Cartografia Europea Tra Rinascimento e Illuminismo. Biblioteca nazionale centrale di Firenze. 16 novembre – 15 dicembre 2001 // La cartografia europea tra primo Rinascimento e fine dell'illuminismo: Atti del convegno internazionale The Making of European Cartography (Firenze, 13–15 dec. 2001). Firenze: Leo S. Olschki, 2003, pp. 331–372, 16 f. ill.
19. Cattaneo A. Découvertes littéraires et géographiques au XVe siècle. Le «Portolano 1» de la e Bibliothèque nationale centrale de Florence // Médiévales, no. 58, Humanisme et découvertes géographiques. Vincennes: Presses Universitaires de Vincennes, (printemps 2010), pp. 79–98.
20. Cattaneo, A. Fra Mauro's Mappa Mundi and fifteenth century Venice. Turmhout (Belgium): Brepolis N.V., 2011, 470 p., ill.
21. Crinó, S. Come fu scoperta l'America. Milan: Hoepli, 1943.
22. Crinó, S. La scoperta della carta originale di Paolo dal Pozzo Toscanelli che servi

da guida a Cristoforo Colombo per il viaggio verso il Nuovo Mondo. L'Universo, 1941, pp. 87–95.

23. Crinò, Sebastiano. Documentazione della scoperta della carta originale di Paolo del Pozzo Toscanelli. Rivista geografica italiana. Firenze, 1942, vol. XLIX, pp. 35–43.

24. Fac-simile del planisfero terrestre di forma ellittica (in lingua latina) dell'anno 1447. Illustrato da Teobaldo Fischer. L'Originale si conserva nella R. Biblioteca Nazionale di Firenze. Venezia: Ferd. Ongania Ed., 1881. Pt. X. – 5f.

25. Great Bolgar / Scient. ed. A. Sitdikov. Kazan: Master-Graf Ltd., 2015, 404 p.

26. Mappa Mundi 1457 (Biblioteca nazionale centrale di Firenze, Port. 1). Analisi, trascrizione e commentario, A. Cattaneo (ed.). Roma, 2008.

27. Mappemondes A.D. 1200-1500: Catalogue préparé par la Commission des Cartes Anciennes de l'Union Géographique Internationale. Rédacteur-en-chef M. Destombes. Amsterdam: N. Israel, 1964, 322 p., 37 pl. (= Imago Mundi. – Supplement №4; Monumenta cartographica vetustioris aevi A.D. 1200–1500. Vol. I. Mappemundi).

28. Pegolotti F.B. La pratica della mercatura. Ed. by A. Evans. Cambridge (Mass.): The Mediaeval Academy of America, 1936. (The Mediaeval Academy of America. Publication № 24).

29. Rombai L. Le possibili basi geografiche e cartografiche di Amerigo Vespucci e degli altri navigatori Fiorentini // Vespucci, Firenze e le Americhe: Atti del convegno di studi Firenze, 22–24 novembre 2012. Firenze: Leo S. Olschki editore, 2014, pp. 157–182.

30. Stevenson E.L. Genoese world map, 1457. Facsimile and critical text incorporating in free translation the studies of Prof. Theobald Fischer revised with the addition of copious notes. New York: American Geographical Society and Hispanic Society of America, 1912., X, 66 p, cartes fac.-sim.

31. Woodward D. Medieval Mappaemundi // The history of cartography. Vol. I. Cartography in prehistoric, Ancient, and Medieval Europe and the Mediterranean. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1980, pp. 286–370.

32. Zurla, P. Di Marco Polo e degli altri vaggitori veneziani. Venezia, 1818.

Информация об авторе:

Волков Игорь Викторович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева (г. Москва, Россия); plany_2010@mail.ru

TWO TOWNS IN THE LOWER VOLGA REGION ON THE *MAPPA MUNDI*, 1457

I.V. Volkov

The author analyzes a medieval cartographic source – an anonymous so called Genoese World Map of 1457, which has been discussed many times, including in relevant monographs. Unfortunately, most publications contain low resolution and thus unreadable images of this map, or just drawings instead of photos. One can even find some wrong dating or erroneous attribution of this map to Paolo dal Pozzo Toscanelli. The cartographer strived to produce a combination of data from all available sources: ancient accounts (Claudius Ptolemy, mainly), medieval ecclesiastic *mappae mundi*, travel accounts from Marco Polo to Nicolo Conti, and navigational portolano-charts. Sources for presentation of the Volga and Caspian Sea basin on this map are not explicitly identified, because there is no explicit protograph known, and the presentation itself is seen as an independent source. The author dates information about this terrain from the rise of the Golden Horde under Uzbeg Khan (1313 – 1341) and Jani Beg (1342 – 1357) to the rise of Tamerlane (ca 1370). Two towns are shown in the Lower Volga region: Sarai (Sala) and “the other Sarai” (Saraalis). Their correlation with the Selitrennoye and Tsarevskoye hillforts is not so obvious as on the maps derived from Fra Mauro’s

protograph, but this correlation is most likely. This map is another source demonstrating that the idea of just one Sarai (this idea emerged in 1990s) is not plausible.

Keywords: history, geography, cultural heritage, Lower Volga, Sarai, New Sarai, Genoese world map of 1457, Uzbek, Jani Beg, Tamerlane.

REFERENCES

1. Bagrow, L. 2004. *Istoriia kartografii (History of Cartography)*. Moscow: "Tsentrpoligraf" Publ. (in Russian).
2. Bagrow, L. 2005. *Istoriia russkoi kartografii (A History of the Cartography of Russia)*. Moscow: "Tsentrpoligraf" Publ. (in Russian).
3. Sitdikov, A. G. (ed.). 2013. *Velikii Bolgar (Great Bolgar)*. Moscow; Kazan: "Feoriia" Publ. (in Russian).
4. Dimitrov, B. 1984. *Bălgariya v srednovekovnata morska kartografiya XIV–XVII vek (Bulgaria in the Medieval Marine Cartography of 14th — 17th Centuries)*. Sofia: "Nauka i izkustvo" Publ. (in Bulgarian).
5. Laere, R. van, Trost'ianskii, O. V. 2012. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Numizmatika Zolotoi Ordy (Golden Horde Numismatics) 2*. Kazan: "Yaz" Publ.; Shigabuddin Mardzhani History Institute, Tatarstan Academy of Sciences, 144–162 (in Russian).
6. Fyodorov-Davydov, G. A. 1967. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1966 goda (Archaeological Discoveries of 1966)*. Moscow: "Nauka" Publ., 122–123 (in Russian).
7. Fyodorov-Davydov, G. A. 1968. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1967 goda (Archaeological Discoveries of 1967)*. Moscow: "Nauka" Publ., 137–138 (in Russian).
8. Fyodorov-Davydov, G. A., Bulatov, N. M., Vainer, I. S., Galkin, L. L., Egorov, V. L., Mukhamadiev, A. G. 1969. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1968 goda (Archaeological Discoveries of 1968)*. Moscow: "Nauka" Publ., 172–174 (in Russian).
9. Fyodorov-Davydov, G. A., Egorov, V. L., Mukhamadiev, A. G. 1970. Raskopki zolotoordynskikh gorodov na Nizhnei Volge In *Arkheologicheskie otkrytiia 1969 goda (Archaeological Discoveries of 1969)*. Moscow: "Nauka" Publ., 174–175 (in Russian).
10. Fomenko, I. K. 2007. *Obraz mira na starinnykh portolanakh. Prichernomor'e. Konets XIII—XVII vv. (How the World Looked on the Ancient Portolanos. Pontic Area. Late 13th – 17th Centuries)*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).
11. Khotko, S. Kh. 2015. *Otkrytie Cherkessii. Kartograficheskie istochniki XIV–XIX vv. (Discovery of Tcherkassia: Cartographical Sources of 14th — 19th Centuries)*. Maykop: "Poligraf-IuG" Publ. (in Russian).
12. Bagrow, L. 1985. *A history of the cartography of Russia up to 1600*. Ontario: The Walkes Press.
13. Bagrow, L. 1985. *History of cartography*. Revised by R. A. Skelton. 2nd ed. Chicago, Illinois: Precedent Publishing, Inc.
14. Biasutti, Renato. 1941. È stata ritrovata a Firenze la carta navigatoria di Paolo del Pozzo Toscanelli? In *Rivista geografica italiana* XLVIII. Firenze, 293–301.
15. Biasutti, Renato. 1942. Il mappamondo del 1457 non è la carta navigatoria di Paolo del Pozzo Toscanelli In *Rivista geografica italiana* XLIX. Firenze, 44–54.
16. Brunnlechner, G. 2013. The so-called Genoese world map of 1457: a stepping stone towards modern cartography? In *Peregrinations: Journal of medieval art & architecture*. Vol. IV. № 1, 56–80.
17. Caraci, G. 1942. Paolo del Pozzo Toscanelli ed il planisfero del 1457. In *Giornale di politica et di letteratura* XVIII. Roma, 238–259.
18. Catalogo della mostra La Cartografia Europea Tra Rinascimento e Illuminismo. 2003. Biblioteca nazionale centrale di Firenze. 16 novembre – 15 dicembre 2001 In *La cartografia europea tra primo Rinascimento e fine dell'illuminismo: Atti del convegno internazionale The Making of European Cartography (Firenze, 13–15 dec. 2001)*. Firenze: Leo S. Olschki, 331–372, 16 f. ill.

19. Cattaneo, A. 2010. Découvertes littéraires et géographiques au XVe siècle. Le «Portolano 1» de la Bibliothèque nationale centrale de Florence In *Médiévales*, No. 58, *Humanisme et découvertes géographiques*. Vincennes: Presses Universitaires de Vincennes (printemps 2010), 79–98.
20. Cattaneo, A. 2011. *Fra Mauro's Mappa Mundi and fifteenth century Venice*. Turmhout (Belgium): Brepolis, N. V.
21. Crinó, S. 1943. *Come fu scoperta l'America*. Milan: Hoepli.
22. Crinó, S. 1941. La scoperta della carta originale di Paolo dal Pozzo Toscanelli che servì da guida a Cristoforo Colombo per il viaggio verso il Nuovo Mondo In *L'Universo*, 87–95.
23. Crinó, S. 1942. Documentazione della scoperta della carta originale di Paolo del Pozzo Toscanelli. In *Rivista geografica italiana* XLIX. Firenze, 35–43.
24. *Fac-simile del planisfero terrestre di forma ellittica (in lingua latina) dell'anno 1447*. 1881. Illustrato da Teobaldo Fischer. L'Originale si conserva nella R. Biblioteca Nazionale di Firenze. Venezia: Ferd. Ongania Ed., Pt. X. – 5f.
25. Sitdikov, A. (scient. ed.). 2015. *Great Bolgar*. Kazan: Master-Graf Ltd.
26. *Mappa Mundi 1457 (Biblioteca nazionale centrale di Firenze, Port. 1)*. 2008. Analisi, trascrizione e commentario, A. Cattaneo (ed.). Roma,
27. Destombes M. (rédacteur-en-chef). 1964. *Mappemondes A. D. 1200-1500: Catalogue préparé par la Commission des Cartes Anciennes de l'Union Géographique Internationale*. Amsterdam: N. Israel (= Imago Mundi. Supplement №4; Monumenta cartographica vetustioris aevi, A. D. 1200–1500. Vol.1. Mappemundi).
28. Pegolotti, F. B. 1936. *La pratica della mercatura*. Ed. by A. Evans. (The Mediaeval Academy of America. Publication № 24). Cambridge (Mass.): The Mediaeval Academy of America.
29. Rombai, L. 2014. Le possibili basi geografiche e cartografiche di Amerigo Vespucci e degli altri navigatori Fiorentini. In: Pinto, G., Rombai, L., Tripodi, C. (eds.). *Vespucci, Firenze e le Americhe: Atti del convegno di studi Firenze, 22–24 novembre 2012*. Series: Biblioteca storica toscana 71. Firenze: L. S. Olschki, 157–182.
30. Stevenson, E. L. 1912. *Genoese world map, 1457. Facsimile and critical text incorporating in free translation the studies of Prof. Theobald Fischer revised with the addition of copious notes*. New York: American Geographical Society and Hispanic Society of America.
31. Woodward, D. 1980. Medieval Mappaemundi. In *The history of cartography*. Vol. I. *Cartography in prehistoric, Ancient, and Medieval Europe and the Mediterranean*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 286–370.
32. Zurla, P. 1818. *Di Marco Polo e degli altri vaggitori veneziani*. Venezia.

About the Author:

Volkov Igor V. Candidate of Historical Sciences. Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after Dmitry Likhachev. Kosmonavtov Str., 2, Moscow, 129301, Russian Federation; plany_2010@mail.ru

УДК 902/904

О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ ИЗУЧЕНИЯ ДОМОНГОЛЬСКИХ НАПЛАСТОВАНИЙ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА НА РАСКОПАХ CLXXII И CLXXVI В 2012 ГОДУ¹

© 2016 г. В.С. Баранов, А.М. Губайдуллин

В статье представлены предварительные итоги исследований домонгольских слоев Болгарского городища в 2012 году на раскопах CLXXII и CLXXVI. К западу от центрального архитектурного комплекса на краю коренной волжской террасы (раскоп CLXXII) были выявлены остатки оборонительного рва, которые можно идентифицировать с т.н. «замошным валом», описанным в 1732 г. русскими военными, – остатками фортификационных сооружений предмонгольского времени. В центральной части городища (раскоп CLXXVI) исследованы остатки домонгольских жилых и хозяйственных объектов, часть которых связана с периодом раннего Болгара X–XI вв. Зафиксированы следы металлургического производства. Получена коллекция керамики, украшений и предметов быта, позволяющая характеризовать материальную культуру города X–XI вв. и XII – начала XIII вв.

Ключевые слова: археология, Болгарское городище, домонгольский период, стратиграфия, фортификация, жилища, металлургия, вещевой комплекс.

Материалы, вынесенные для рассмотрения в данной статье, являются попыткой осмысления процессов, которые происходили в период образования домонгольских горизонтов в центральной части Болгарского городища и к западу от нее и тесно связаны с формированием территории раннего Болгара.

1. Исследования к западу от центрального архитектурного комплекса на краю коренной волжской террасы. Изучение данного участка городища первоначально производилось в 1991–1993 гг. (р. СХII, СХVII, исследователи В.С. Баранов, М.М. Кавеев). В этот период на обеих сторонах спуска с верхней площадки городища от ул. Набережная (ныне ул. Мухам-

медьяра) в сторону р. Волги были исследованы культурные напластования, отразившие почти весь спектр жизни памятника (кроме III слоя, связанного с временем Казанского ханства), начиная с отложений домонгольского времени до периода жизни современного села. Домонгольские напластования на этом участке представлены, прежде всего, V слоем – серой плотной супесью с очень редкими вкраплениям угля мощностью от 5 до 10–15 см. На ряде участков (кв. А/4, Г/1, 4–5) этот слой отделен от вышележащих горизонтов золотоордынских напластований иссиня-черной сажистой прослойкой в 5 см, которую можно сопоставить с пожаром 1236 г. В секторе 2 раскопа СХII (кв. Е/12–

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ РФ № НШ-7170.2016.6. «Процессы урбанизации и градостроительства в Поволжье (X–XVI вв.)».

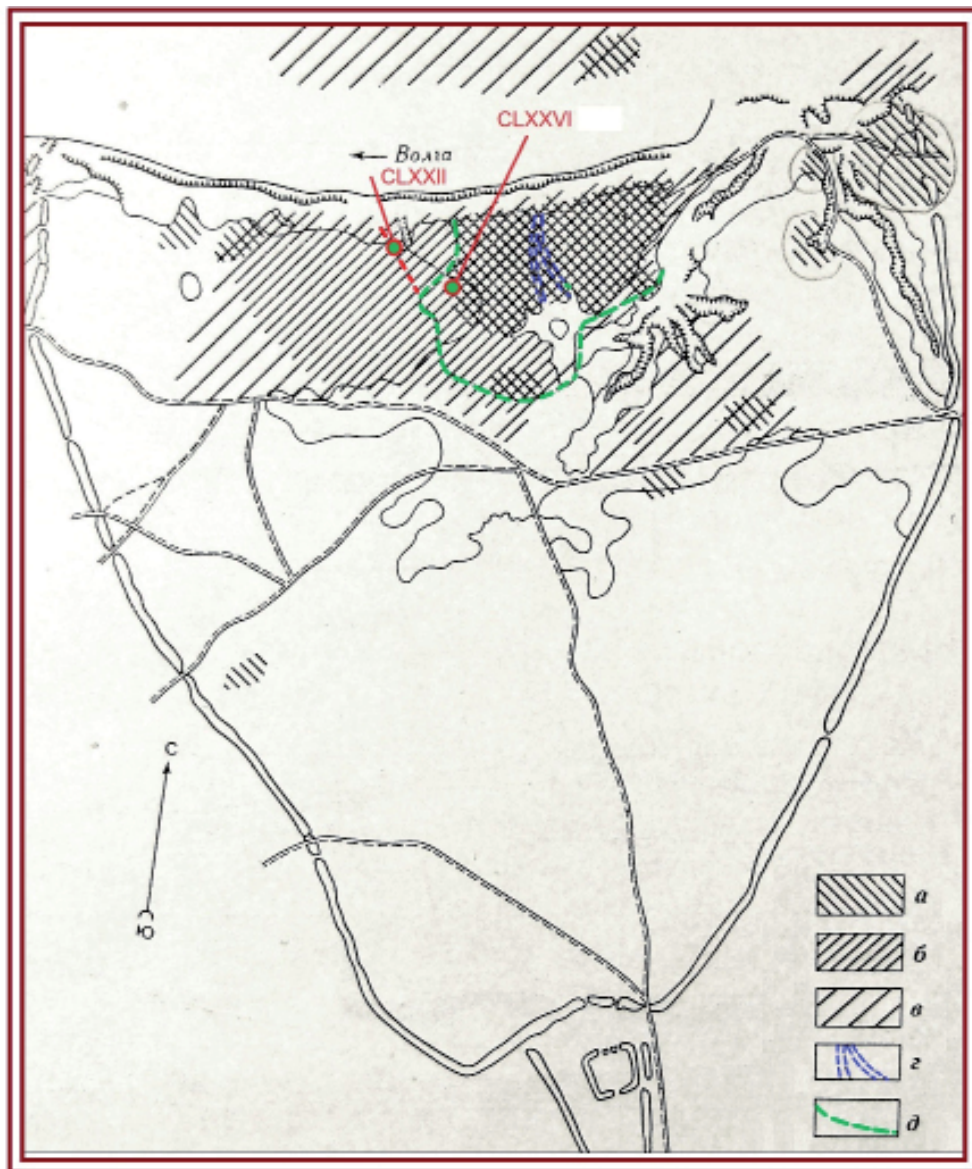

Рис. 1. План Болгарского городища в пределах укреплений XIV в. с указанием местонахождения раскопов CLXXII и CLXXVI, территории распространения слоев VI (а), V (б), IV раннего (в) и укреплений цитадели X в. (г) и «Замошного вала» XII – начала XIII в. (д) (По Хлебникова Т.А., 1987). Красным пунктиром показаны возможные изменения трассировки «Замошного вала» по результатам работ на раскопе CLXXII

Fig. 1. Plan of Bolgar fortified settlement within the 14th century fortifications, with indication of digs CLXXII and CLXXVI and spread of VI (a), V (б), IV early (в) strata and fortifications of 10th century citadel (г) and “Zamoshniy Wall” of 12th – early 13th centuries (д) (after T.A. Хлебникова). The red dotted line shows possible changes in the tracing of the Zamoshniy Wall according to the findings of dig CLXXII.

Рис. 2. Вид с севера на остатки рва предмонгольского времени (уч. Б/2–4).

Fig. 2. View from the north on debris of a pre-Mongolian moat (section Б/2–4).

15) в заполнении слоя наблюдался массив плотного рыжевато-красного суглинка мощностью 70–90 см с вкраплениями угля и включениями древесного тлена. Находки, которые можно отнести к V слою, единичны и происходят из отложений и объектов золотоордынского слоя и слоя русской деревни. Среди них бипирамидальная сердоликовая бусина с орнаментом белого цвета из кружков, волнистых и прямых линий (соор. 176, IVр). Две подобные бусины происходят из старых сборов с территории Болгарского городища, одна – найдена в кургане XI–XII вв. в Подмоскowie (Полубояринова, 1991, с. 31, 32). Из домонгольских слоев раскопа происходит стеклянная бусина-лимонка желтого цвета, переотложенная в заполнение объекта русского времени (соор. 1, II слой). О наличии возможных признаков VI слоя свидетельствуют находки фрагментов лепной посуды салтовского типа (II группа по Т.А. Хлебниковой), хотя в стратиграфическом

выражении деление домонгольских горизонтов отсутствует и они охарактеризованы в профилях раскопа как слой V–VI.

Исследования на этом участке были продолжены в 2012 г. В непосредственной близости от раскопа СХП (к западу от него), в северной части Болгарского городища на краю верхней коренной террасы на месте предстоящего строительства насосно-канализационной станции был заложен раскоп CLXXII (рис. 1).

Мощность культурного слоя на раскопе CLXXII составила около 2 м. Напластования болгарского времени оказались сильно разрушенными поздними ямами периода русского села и коммуникационными траншеями. Домонгольский горизонт, лежащий в основании стратиграфической колонки, также был сильно фрагментирован поздними перекопами, однако в ряде случаев его удалось зафиксировать в бортах раскопа, в профилях контрольных бровок и в за-

полнении некоторых ям. Он характеризуется серой плотной однородной супесью с единичными вкраплениями угля, мощность которой 5–10 см вне ям. В западном секторе раскопа, в составе слоя наблюдается массив рыжевато-желтой глины и суглинка с вкраплениями серой супеси, залегающий непосредственно на слое погребенной почвы. В профиле северо-западной бровки он имеет мощность до 20–25 см.

Среди выявленных сооружений домонгольского времени наибольший интерес представляет небольшой отрезок (около 4 м) оборонительного рва (соор. 40), сохранившийся между южным бортом раскопа и котлованом постройки более позднего времени, разрушившим объект с севера. Ров вытянут по линии север – юг. Начинаясь от края террасы, он продолжается в глубь городища. Сохранившаяся глубина рва достигает 2,5 м, ширина составляет 3 м (Археологические исследования 2012 г., 2013, с. 17) (рис. 2, 3).

Наблюдаемые в раскопе CLXXII (и ранее в раскопе CXII) скопления суглинка и глины расположены к востоку от выявленного рва (частью в непосредственной близости, частью – в некотором отдалении), что, в совокупности с уровнем залегания данных отложений в культурном слое, позволяет рассматривать их как остатки связанного со рвом домонгольского земляного вала, спланированного в раннезолотоордынское время.

Форма выявленного рва реконструируется как трапециевидная. Эскарп был более пологим, чем контрэскарп, что делает его аналогом т.н. «пунического рва»². Судя по заполнению

² Пунический ров – это ров, у которого внутренняя отлогость (эскарп) относи-

в нижней части, ров использовался в домонгольский период и минимум один раз подвергался расчистке. В раннезолотоордынское время он был частично засыпан и в качестве линии обороны уже не использовался.

По всей видимости, данные объекты можно идентифицировать как часть т.н. «замошного вала» – городской фортификации XII–XIII вв., которая под названием «малый окоп» впервые упомянута в описи дьяка Андрея Михайлова 1712 г. (Невоструев, 1871, с. 8–9). Подробная фиксация этих сооружений проведена в 1732 г. подполковником Никоном Савенковым и геодезистом Исаем Крапивиным: «Перваго замачного валу от горы до горы 545 сажень... Меж валов и горою 250 сажень» (Шпилевский, 1877, с. 571, 576) (рис. 4). С востока и юго-востока линия обороны проходила вдоль Большого Иерусалимского оврага, дополняя его защитные свойства, а с запада прикрывала город с напольной стороны (Хлебникова, 1975, с. 125).

Работы 1732 г. были, пожалуй, самой первой профессиональной съемкой остатков крепостных сооружений Болгара, в том числе не дошедших до нас укреплений домонгольского периода. Полученные при этом изображения стали основой для последующих археологических изысканий.

В XIX в. остатки «замошного вала» еще оставались заметны на поверхности, сохраняясь в составе рядовой застройки с. Болгары (рис. 5),

только пологая, а внешняя (контрэскарп) более крутая. Такая форма затрудняла нападающему противнику сход в ров и его быстрое форсирование, тогда как обороняющиеся имели открытым для обстрела его дно (Губайдуллин, 2006, с. 103).

Рис. 3. Северная стенка раскопа CLXXII (уч. Г/2–4).

Fig. 3. Northern wall of dig CLXXII (section Г/2–4).

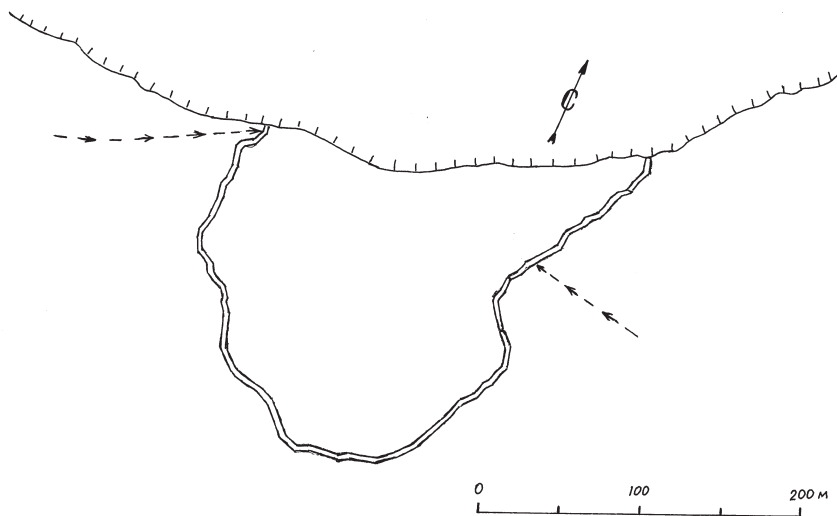

Рис. 4. Прорисовка плана «Замошного вала» (по Савенков Н., Крапивин И., 1732).

Fig. 4. Drawing of the plan of "Zamoshniy Wall" (after Н. Савенков and И. Крапивин).

однако уже в середине XX в. следы сооружения оказались практически полностью нивелированными хозяйственной деятельностью. Поэтому основным способом для выявления и изучения «замошного вала» во второй половине XX столетия стало применение археологических методик. Вычерченная по обмерам Савенкова и Крапивина конфигурация укреплений «замошного вала» была совмещена с планом городища и привязана к местности, что определило места археологических раскопок. В 1976 г. следы «замошного вала» были прослежены на раскопе ЛП к северо-востоку от Черной палаты, у сельского кладбища первой половины XX в. В последующие годы объект был выявлен на западном участке его трассировки, в районе пересечения ул. Назаровых и Школьного переулка (р. LV, LVIII, LXXIII), и в его юго-восточной части к северу от Большого Иерусалимского оврага (р. LXXVIII). Следы фортификационных сооружений выявлены в виде рва, засыпанного в раннезолотордынское время, и остатков вала, сохранившихся как суглинистые основания (Хлебникова, 1987, с. 56). Ю.А. Краснов, обобщая сведения полевых отчетов и анализируя особенности оборонительных сооружений Болгара XII–XIII вв., отмечает следующее: поперечное сечение рва характеризуется асимметричностью (внутренняя стенка была менее крутой, чем внешняя); на внешней стенке, в верхней части, намечен выступ высотой 0,2 м и шириной 0,45–0,55 м (р. ЛП, LXXIII); в раскопе ЛП на внешнем склоне рва обнаружены 12 столбовых ям диаметром 0,12–0,2 м, глубиной 0,1–0,25 м, идущих параллельно направлению рва, и две ямы диаметром 0,26–0,27 м.

Назначение большинства ям он интерпретирует «как поддерживающие слепи или плетни, предохраняющие от осыпания крутой склон рва» (Краснов, 1987, с. 107).

Остатки земляных сооружений и следы от столбовых конструкций «замошного вала» позволили А.Г. Губайдуллину представить предположительный облик данных фортификационных построек, созданный на анализе основных тенденций в строительстве оборонительных объектов XII–XIII вв. (Губайдуллин, 2015, с. 130–131). Учитывая особенности восточноевропейского фортификационного зодчества предмонгольской эпохи, он считал, что устройство крепостной стены могло иметь вид столбовых конструкций, дополненных земляным валом, на который они были установлены (рис. 6).

2. Исследования центральной части Болгарского городища к юго-востоку от Соборной мечети, на месте торгового двора, или «базара»³. Исследования центральной части Болгарского городища к юго-востоку от Соборной мечети, на месте торгового двора, выявили напластования домонгольского времени. Этот факт, конечно, не является открытием работ в 2011 г. или 2012 г., т.к. он неоднократно отмечался исследователями.

Если мы посмотрим на карту распространения горизонтов культурного слоя памятника, которая была составлена Т.А. Хлебниковой по результатам изучения городища до 1983 г., то увидим, что данная площадка находится в зоне распространения домонгольских напластований городища как V слоя,

³ Определение данного объекта как «базара» см.: Коваль, Бадеев, 2015, с. 189.

Рис. 5. «Замошный вал». Вид с северо-запада. Фото конца XIX века.
Fig. 5. "Zamoshniy Wall". View from the north-west. Photo of the late 19th century.

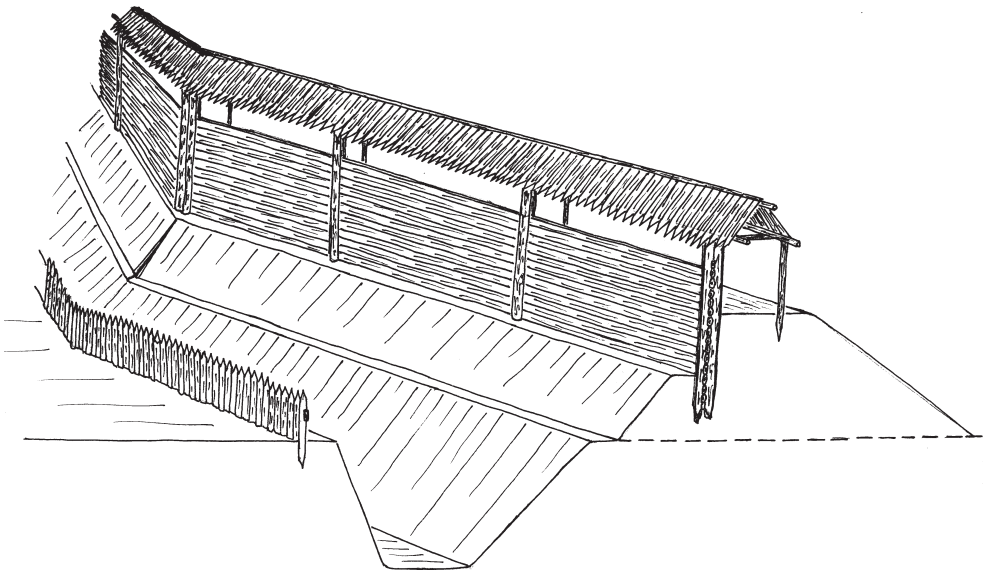

Рис. 6. Вариант реконструкции крепостных сооружений Болгарского городища
XII – начала XIII веков.
Fig. 6. A reconstruction of fortifications on Bolgar fortified settlement, 12th – early 13th centuries.

датируемого XI – первой третью XIII века, так и VI, время формирования которого отнесено А.П. Смирновым и Т.А. Хлебниковой к рубежу IX–X – части XI в. (Хлебникова, 1987, с. 45).

Ф.Ш. Хузин, анализируя нижнюю дату VI слоя Болгара, также солидаризируется с ними в определении начала образования этого слоя на рубеже IX–X вв., хотя и отмечает недостаточную археологическую разработанность этой даты (Хузин, 2001, с. 123–124). Вместе с тем в своих работах, посвященных вопросам возникновения оседлости у волжских булгар, исследователь отмечает, что «конец IX – первая четверть X столетия это, безусловно, завершающий этап оседания волжских булгар на землю, время массового появления стационарных поселений, в том числе и городов» (Хузин, 2010, с. 123).

Е.П. Казаков, основываясь на сравнительном анализе ранних материалов Болгарского городища и материалов поздних погребений Танкеевского могильника, придерживается более поздней даты возникновения отложенной VI слоя, отодвинув его нижнюю границу во вторую половину X в. (Казаков, 1999, с. 102). В своих выводах он опирается на материалы болгарских памятников низовий Камы (Измерское, Семеновское селища), появление которых связывает с падением Хазарского каганата и миграционной волной с его территории, принесшей традиции оседлости в среду кочевого раннебулгарского населения Среднего Поволжья (Казаков, 2012, с. 80). Хотя он и не исключает «спорадических случаев оседания раннебулгарского населения или сезонного проживания его на определенных местах», примером которого считает поселения в

Малом Иерусалимском овраге, исследованные П.Н. Старостиным (Старостин, 1993; 2007). Их он датирует второй – третьей четвертью X в. (Казаков, 2012, с. 80).

Не останавливаясь подробно на анализе данной полемики⁴, следует отметить, что решение проблемы нижней даты домонгольского Болгара требует, несомненно, дополнительных исследований, предполагающих как раскопки новых участков памятника с потенциально возможным местоположением VI слоя, так и изучение уже накопленного за многие годы работ археологического материала, сравнение и синхронизацию его с материалами хорошо датированных погребений раннебулгарских могильников, а также с материалами сельских поселений и других, близких по времени, памятников Поволжско-Уральского региона.

Вероятно, требует своего объяснения и исследования вопрос разрыва между поселенческими материалами и находками в раннебулгарских могильниках, который отмечается рядом исследователей (Казаков, 1992, с. 300; Хузин, 2010, с. 121; Руденко, 2014, с. 525). В отношении раннего Болгара это вопрос о том, в какой мере материалы Малоиерусалимских поселений, исследованных П.Н. Старостиным, могут быть распространены и на других участках городища и сопоставимы с материалами VI слоя памятника.

Проблема нижней даты раннего Болгара тесно связана с общими во-

⁴ Подробно о взглядах на дату возникновения городов Волжской Болгарии см.: Руденко, 2014, с. 524–525. О ранней дате городов Волжской Болгарии см. также: Казаков, 2008; Хузин, 2010.

просами генезиса городских поселений Волжской Булгарии, и в этой связи представляется продуктивной мысль К.А. Руденко о поливариантном характере возникновения болгарских городов (Руденко, 2014, с. 506), что предполагает разные истоки, цели и время формирования этих поселений. Думается, что сложная миграционная история региона с возможными разновекторными влияниями и культурными взаимодействиями, открытость его в условиях торгово-экономических отношений на Великом Волжском пути могут являться одними из факторов, определяющих непростой характер градообразования и урбанизации края.

Т.А. Хлебникова дает исчерпывающую характеристику домонгольских слоев городища: VI – «светло-серый слой, более или менее гуммированный, плотный, мелкой структуры в результате переработки подстилающего подзолистого грунта, представлен серой гуммированной супесью на песке и плотным буроватым суглинком на глинистом материке. В слое наблюдаются мелкие углистые включения, чаще – редкие, но на отдельных участках – более заметные, подзолистые и глинистые прослойки и включения. В верхней части слоя, на грани его со слоем V, часто на достаточно большом протяжении, хотя и не повсеместно, – прослеживается углистая прослойка толщиной 1–3 см. Мощность слоя колеблется от 10 до 35–40 см, а иногда достигает 60 и 70 см. В центральной части городища слой VI имеет сплошное распространение на площади не менее 120 тыс. кв. м» (Хлебникова, 1987, с. 46–47).

К находкам, датирующим слой VI, Т.А. Хлебникова относит двух-

трехчастные бусы желтого стекла – т.н. «лимонки», глазчатые рельефные и гладкие бусы глухого стекла, рельефную эллипсоидную бусину из стекла голубоватого тона, ромбовидный наконечник типа 53 по классификации А.Ф. Медведева, шестигранную сердоликовую бусину, шиферное пряслице с крупным (1 см) отверстием, сердоликовые бипирамидальные и призматические бусы. Эти материалы дополняются большим количеством предметов, переотложенных в вышележащие слои. В керамическом комплексе слоя до 20–30% лепной посуды (Хлебникова, 1987, с. 50–51). Среди этой керамики определяющее место отводится посуде салтовских (II, III, XI, XII группы), прикамских (IV–VII группы) и приуральских истоков (VIII группа) (Хлебникова, 1987, с. 53, рис. 5; 1988, с. 17–31). М.Д. Полубояринова выделила группу стеклянных бус, характеризующих Болгар первоначального периода. К ним она отнесла бусы I и II групп, имеющих хождение в X–XI вв. и ранее. Это группа бус, изготовленных из тянутых трубочек (I группа) и бусы из трубочек, сделанных способом навивки (II группа) (Полубояринова, 1988, с. 153–157). Г.Ф. Полякова выделила группу изделий из цветных и драгоценных металлов X–XI вв. и предметов, связанных с их производством, соотносимых с VI слоем (Полякова, 1996, с. 255–256)⁵

На раскопе 17 1949 г., расположенном к юго-востоку от места исследований торгового двора, были выявлены признаки VI слоя, без стратиграфического ограничения его от V слоя. На

⁵ Анализ вещевого материала домонгольского слоя Болгарского городища см. также: Хузин, 2001, с. 123–125

раскопах LV, LXV, LXXIII 1960–1970-х годов, расположенных на пересечении ул. Назаровых и Школьного пер., также зафиксированы признаки VI слоя в виде переотложенных вещей X–XI вв. (Хлебникова, 1987, с. 48).

Слой V представляет собой серую супесь более гуммированную, не столь плотную, с более заметным содержанием мелких углистых включений. Гумусированность и насыщенность включениями сильнее в центральной части. В слое V чувствуется еще подзолистая основа предматерикового грунта, переработка которого начата в предшествующий период. Но местами слой V имеет суглинистый характер. Мощность слоя в основном 30–40 см, на некоторых раскопах – до 70 см, на склоне террасы со смывными песчаными прослойками – 90 см, уменьшаясь на периферии до 10–25 см. Верхняя граница слоя отмечена с горизонтом пожара, состоящего из разложившегося угля с красноватыми и белесыми золисто-песчаными линзами (Хлебникова, 1987, с. 54). Эта прослойка завершает домонгольские напластования и связывается исследователями с пожаром 1236 г.

Границы V слоя определяются второй половиной XI – началом XIII в. Среди датирующего материала V слоя Т.А. Хлебниковой отмечены стеклянные бусы-лимонки, пастовые глазчатые рельефные и серебростеклянные бусы, черные и желтые гладкие и витые браслеты, наконечники стрел гнездовского типа (мелкие), наконечники с пирамидальным пером ромбического сечения XII в., бронебойные, с короткой массивной головкой квадратного сечения, с перехватом и длинным черенком второй половины XII – первой половины XIII в. и др.

Наиболее характерным материалом названы шиферные пряслица. Часть предметов, датирующих домонгольские горизонты переотложены в слой золотоордынского времени (Хлебникова, 1987, с. 59–61). Проводя анализ изделий из цветных и драгоценных металлов, Г.Ф. Полякова выделила хронологическую группу предметов, связанных с XII–началом XIII в. (Полякова, 1996, с. 256–257).

Непосредственно в районе торгового двора к юго-востоку от Соборной мечети домонгольские напластования были обнаружены во время работ 1989–1993 г., 2000 г., проведенных М.Д. Полубояриновой, Г.Ф. Поляковой и Н.А. Кокориной на раскопах CIV, CV, CVIII, CIX, CXIII, CXVIII на месте вымороченной усадьбы Бушевых. Суммируя сведения о домонгольских горизонтах, выявленных на этом участке городища, можно сказать, что все исследователи отмечают, что от золотоордынских горизонтов домонгольский слой отделен отложениями, которые описывается в составе заполнения 5–6 штыков, как слой песка, часто смешанного с углем, горелая прослойка, слой песка и подстилающий его слой пожарища, и связываются с пожаром 1236 г.

На раскопе CIV в 1989 г. был выделен только V слой, представляющий собой два горизонта: верхний – плотный светло-коричневый и нижний светло-серый грунт. В юго-западной части раскопа с V слоем связаны железные шлаки, которые местами лежали плотным слоем. Автор раскопок М.Д. Полубояринова видит в железных шлаках выкид из домонгольских железоплавильных горнов, исследованных А.М. Ефимовой (раскоп 17 1949 г.). В квадратах 6 и 7 ниже плот-

ного домонгольского слоя, на границе с предматериком отмечена прослойка глины, которую М.Д. Полубояринова интерпретирует как след работы горнов более раннего периода, но не конкретизирует ее принадлежность к VI слою (Полубояринова, 1990, с. 5). Среди объектов домонгольского слоя следует обратить внимание на соор. 10, в заполнении которого, на дне ямы, под слоем предматериковой глины и грунтом из нижнего горизонта V слоя наблюдалось скопление шлаков (1806 кусков). Яма связывается исследователем с самым ранним периодом железоплавильного ремесла (Полубояринова, 1990, с. 17).

На раскопе CVIII 1990 года домонгольские напластования V слоя описаны как темно-серый слой с включениями отдельных угольков и кусков материковой глины. Его толщина 40–60 см. Он разделяется на более темную верхнюю часть и более светлую нижнюю. VI слой на раскопе CVIII также выделяется как «совсем светлый грунт толщиной до 0,1 м» (Полубояринова, 1991, с. 13).

На раскопе СІХ в составе домонгольских отложений выделены слои V и VI. V слой описан как плотный серый суглинок мощностью 15–40 см с небольшим числом находок, среди которых в основном фрагменты общеполгарской гончарной посуды; VI – как плотный светлый буровато-серый очень слабо гумусированный суглинок мощностью до 25 см. Находок в слое не обнаружено (Полякова, 1991, с. 13).

Исследования 2011 года на раскопе CLXII, проведенные под руководством В.Ю. Коваля и В.С. Баранова, позволили выделить горизонты домонгольских напластований, не диф-

ференцированных отдельно на V и VI слои, которые объединяют отложения X – середины XIII в.

От напластований золотоордынского времени они отделены выразительным горизонтом серовато-желтой, местами золисто-серой супеси, мощностью до 20–25 см, подстилаемой сверху и снизу тонкими черновато-коричневыми прослойками 3–5 см. До настоящего времени данный горизонт связывался исследователями с засыпкой и планировкой пожара 1236 года.

Домонгольский слой на раскопе CLXII представлен серой однородной плотной супесью с мелкими вкраплениями угля и желтого суглинка. В южной части раскопа в составе слоя наблюдалась прослойка светло-серой рыхлой супеси мощностью 10–15 см, насыщенной большим количеством угля и золы, подстилаемая черным сажистым грунтом мощностью до 10 см, лежащим практически на слое погребенной почвы. В напластованиях домонгольского периода (вероятно, его раннего этапа) замечены признаки следов металлургического производства, выраженные находками скоплений сырья в виде мелких красновато-коричневых гранул, локальных отложений слоя, насыщенных углем и золистыми включениями.

Представляет интерес вещевой материал, полученный в 2011 г. Он происходит непосредственно из домонгольских горизонтов или переотложен в горизонты золотоордынского слоя.

Среди находок, связываемых с ранними отложениями городища, можно выделить две основные группы предметов, хронологически и стратиграфически укладываемые в период X–XIII вв.

В первую группу следует объединить предметы, которые происходят из нижнего горизонта домонгольских напластований и могут быть связаны с VI слоем стратиграфической шкалы городища и датированы X–XI вв.: бусы-лимонки и лимоновидные двухчастные пронизки (рис. 7: 6, 7) (Полубояринова, 1988, с. 153–154); две сьюльгамы с тонкими, свернутыми в трубочку усиками (кольцевые застежки) (рис. 7: 4, 5), известные по материалам Лядинского могильника древней мордвы X–XI вв. (Воронина, 2007, с. 19–20); два колчаных крючка (рис. 7: 5), имеющих аналогии в материале Варнинского могильника V–X вв. (Семенов, 1980, с. 46, табл. XIX, 17) и Танкеевского могильника (Казаков, 1992, с. 149, рис. 55, 25). Большой интерес представляют единичные находки фрагментов лепной посуды полоумско-ломоватовского типа и сосудов XI этнокультурной группы (по Т.А. Хлебниковой), позволяющие искать черты сходства данного материала с материалом поселений в Малом Иерусалимском овраге (рис. 7: 1, 2) (Старостин, 2007, с. 143, рис. 1, с. 144, рис. 60). К данной группе предметов следует, вероятно, отнести находку сердоликовой призматической бусы (рис. 7: 8), бытование таких на территории Восточной Европы ограничено в основном IX–XI вв. (Полубояринова, 1991, с. 25–26), свинцового грузика усечено-конической формы с орнаментированной поверхностью, подобные которым Г.Ф. Полякова датирует по среднеазиатским аналогиям X–XII вв. (Полякова, 1996, с. 256), пряжки с подпрямоугольной рамкой, имеющей выступы по углам (рис. 7: 9), аналогии которой имеются в материале Танкеевского и Тетюшского мо-

гильников (Казаков, 1992, с. 158–159, рис. 59, 50; 73, 41, 55).

Вторая группа предметов может быть связана с формированием V слоя. Сюда следует отнести фрагмент общеполугарской посуды с резным оформлением тулова у основания, в месте перехода к дну, слив «свиное рыльце» от кувшина, зооморфную ручку в виде фигурки медведя (рис. 7: 10), имеющие близкие параллели в материале Биляра (Кочкина, 1986, с. 115, рис. 2, 16; Кокорина, 2002, с. 295, рис. 41, 12); фрагмент железного ключа от замка типа АI₈ по типологии Л.Л. Савченковой (1996, с. 46–47); фрагменты поливного красноглиняного сосуда с глазурью т.н. «болотного» цвета, соотносимые с билярской поливной посудой кружкообразных или кринкообразных форм (Макарова, Халиков, 1986, с. 55).

Исследования данного участка городища были продолжены в 2012 г. на раскопе CLXXVI, который был заложен в северо-западной части бывшей усадьбы Курсиных (угол ул. Назаровых и пер. Школьный), к западу от площадки, исследованной в 2011 г., вплотную к раскопу CLXII, со смещением к югу. Раскоп ориентирован сторонами по линии север-запад – юго-восток с отклонением от оси север – юг на 30 градусов к западу, что совпадает с ориентировкой раскопов предыдущих лет. Он состоит из двух секторов, размещенных по линии западной стены монументального здания, намеченной в 2011 г. Сектор А: площадь 84 кв. м., размеры по линии север-запад – юго-восток – 14 м, по линии юго-запад – северо-восток – 6 м. Северо-восточный борт сектора А вплотную примыкает к юго-западному борту раскопа 2011 года со смеще-

Рис. 7. Предметы, связанные с V–VI слоем из раскопок 2011 г.: 1 – фрагмент керамики полемско-ломоватовского типа; 2 – фрагмент горшка XI ЭКГ; 3 – колчаный крючок; 4, 5 – кольцевые застежки; 6 – 8 – бусы; 9 – пряжка; 10 – зооморфная ручка. 1, 2, 10 – керамика; 3 – железо; 4, 5 – медный сплав; 6, 7 – стекло; 8 – сердолик; 9 – медный сплав, железо.

Fig. 7. Items from strata V–VI of 2011 dig: 1 – a ceramic sherd of Polom and Lomovotovo type; 2 – a XI Ethno-Cultural Group pot sherd; 3 – quiver hook; 4, 5 – circular clasps; 6 – 8 – beads; 9 – buckle; 10 – zoomorphic handle. 1, 2, 10 – ceramics; 3 – iron; 4, 5 – copper alloy; 6, 7 – glass; 8 – cornelian; 9 – copper alloy, iron.

нием к югу на 1 м. Сектор Б: площадь 72 кв. м, размеры по линии северо-запад – юго-восток – 12 м, по линии юго-запад – северо-восток – 6 м, с юго-запада примыкает к сектору А со смещением к югу – 4 м.

Слой домонгольских напластований (V–VI) на раскопе CLXXVI объединяет отложения X – середины XIII в. Он разделяется на три основных субгоризонта: 1 субгоризонт находится непосредственно под раннеордынским слоем и представляет собой горизонт коричневой супеси с мелкими вкраплениями угля мощностью 10–26 см; 2 субгоризонт – серая супесь с включениями коричневой супеси и мелкого угля мощностью 14–30 см; 3 субгоризонт – в основании домонгольских отложений, в южной части раскопа, лежит достигающий 10–16 см мощности горизонт железного шлака с

включением серого рыхлого сажистого грунта, под которым локально прослеживаются пятна мелкодробленого железорудного конгломерата.

Домонгольские напластования подстилаются в южной части сектора Б прослойкой серовато-черного сажисто-золистого грунта мощностью 2–4 см. Ниже находится слой погребенной почвы: серая плотная однородная супесь в верхнем горизонте без видимых культурных включений. В нижнем горизонте – с фрагментами лепной именьковской посуды, встречающейся в горизонте основания погребенной почвы, что было выявлено в результате нивелировки находок. Вероятна интерпретация данного горизонта как палеоурбанозема, сформировавшегося в результате преобразования VII слоя доболгарских поселений середины – второй поло-

вины I тыс. н.э. в почвенный горизонт (Гольева, 2012, с. 75–76).

Домонгольские горизонты, зафиксированные в секторе А, наиболее хорошо сохранились в его южной части, что, очевидно, могло быть связано с консервацией их монументальным сооружением позднеордынского времени, а прежде того, каким-то крупным раннеордынским объектом, к конструкции которого могли относиться остатки зеленовато-серого сырца. Не исключено, что причиной сохранения горизонтов и объектов домонгольского времени стало попадание на их территорию раннеордынской улицы или границы компактной застройки данного периода. В секторе А пласты домонгольского времени отмечены объектами, связанными с металлургическим производством. Это ямы, заполненные грунтом с металлическим шлаком (№№ 41, 56, 56 а), предгорновая яма, предназначенная для выпуска железного шлака (№ 60). В стенке ямы 23 фрагментарно сохранилась часть металлургического горна, предназначенного для изготовления железа (горн № 1). Конструкция горна отличается своеобразием для Болгарского городища, где до прежнего времени были известны горны только наземной конструкции, наиболее ранние из которых имели полусферическую форму (Семыкин, 1996, с. 94). Остатки сооружений, выявленные в 2012 г. на раскопе CLXXVI, а также на раскопе CLXXIX (руководитель В.Ю. Коваль) (Коваль, Бадеев, 2015, с. 197), относятся к горнам тигельного типа, известным на территории распространения лесостепного варианта салтовской культуры. Близкий по конструкции горн был исследован в 1979 г. близ с. Ютановка Волоконовского

р-на Белгородской обл. Его центральная часть представляла собой «глиняный тигель в виде колбы, покрытый изнутри шлаковой коростой» (Афанасьев, 1987, с. 77).

Объекты домонгольского времени в секторе Б составляют наиболее многочисленную группу сооружений. Среди них зерновые и хозяйственные ямы (№№ 9, 9а, 17а, 18, 29, 32, 40), котлован жилища (№ 17), столбовые ямы (№№ 51, 59 и др.).

Значительный интерес представляет яма 41, которая, по всей видимости, является ямой-кладовкой для хранения пищевых припасов. Объект в плане подквадратной формы 110 x 120 см, глубиной 50–52 см, ориентирован углами по сторонам света. На дне сооружения, в южном углу и вдоль восточной ступени зафиксированы два скопления керамики (8: 7). В общей сложности были выявлены развалы двух и фрагменты еще трех лепных сосудов салтовского типа, развал миниатюрного лепного сосуда, фрагмент чашевидного сосуда и фрагмент светильника.

Удалось восстановить форму двух кухонных горшков, несущих следы формовки от руки из теста с примесью шамота и мелкорубленной растительности (рис. 8: 1, 2). Поверхность снаружи заглажена вертикальными штрихами. Обжиг неровный. Черепок после обжига буровато-серого, серого, иногда красноватого, цвета. Один из сосудов: высотой 24,7 см, тулово с максимальным расширением в верхней части, раструбообразной горловиной, снаружи по краю оформленной орнаментацией в виде защипов. Дно плоское, несколько асимметричное, по краям в значительной степени закруглено. По большинству

Рис. 8. Вещевой комплекс ямы 41 сектора Б: 1–5 – посуда; 6 – фрагмент крицы; 7 – яма 41 сектора Б вид с востока, развалы сосудов in situ. 1–5 – керамика, 6 – железо.

Fig. 8. Goods from pit 41 from sector Б: 1–5 – vessels; 6 – fragment of a lump; 7 – pit 41 from sector Б, view from the east, fragmented vessels in situ. 1–5 – ceramics, 6 – iron.

признаков сосудов можно отнести к II этнокультурной группе керамики по типологии Т.А. Хлебниковой (1988, с. 17–18). Данная группа посуды определяется ею как имеющая истоки в тюркоязычной кочевнической среде салтово-маяцкой культуры и Хазарского каганата. По мнению С.А. Плетневой, подобная керамика на памятниках салтово-маяцкой культуры связана с различными кочевыми народами: болгарями, хазарами, печенегами, гузами (Плетнева, 1967, с.104). Топография ее находок на Болгарском городище – периферия домонгольского города и

близлежащие поселки. Т.А. Хлебникова связывала подобное размещение посуды II группы с особенностями хозяйственных занятий и быта населения, оставившего эту керамику.

Вызывает вопросы форма дна сосуда, близкая к яйцеобразной. Возможна формовка днища в специальной чашевидной подставке. Близкие формы днищ можно отметить у керамических сосудов с поселений Южного Урала рубежа I–II тыс. (Уфа II, Ново-Турбаслинское II, Романовка II) (Мажитов, 1977, с. 215–216, табл. XIV, 15, 19, 32).

Бытование керамики II группы на территории Болгарского городища хронологически связано с напластованиями VI–V слоев X–XIII вв. Основываясь на находке одного сосуда II группы из IV раннего слоя раскопа LXXIII, Т.А. Хлебникова предположила, что данная керамика продолжает бытовать и в раннеордынское время (Хлебникова, 1988, с. 17).

Второй восстановленный горшок, как и описанный выше, изготовлен из глиняного теста с примесью шамота и растительности. Обжиг неровный. Черепок после обжига буровато-серого, серого, темно-коричневого, местами красноватого, цвета. Тулово баночной формы с максимальным расширением в средней части, имеет следы вертикального заглаживания, горловина раструбообразная, оформленная по краю довольно глубокой диагональной насечкой (расстояние между штрихами около 1 см). Дно плоское, с легкой чашевидностью при переходе к тулову. Схожий по пропорциям сосуд был найден на раскопе 15 Болгарского городища в завершении слоя VI (Хлебникова, 1988, с. 16, рис. 2, 7). Оформление горловины диагональной насечкой является характерной чертой I группы лепной посуды, найденной во время исследования Мало-Пальцынского селища в Ульяновской области. Т.А. Хлебникова сопоставляет данную посуду с болгарской керамикой Среднего Поволжья, определяя значительную ее близость по фактуре, обжигу, формам и орнаменту с керамикой Билярского городища, нижних слоев Болгарского и Суварского городищ. Время бытования данной посуды она определяет началом II тыс. н.э. (Хлебникова, 1958, с. 209–212),

В группу керамики из ямы 41, най-

денную в южном углу сооружения, входят фрагменты еще трех сосудов. Первый из них – миниатюрный толстостенный сосудик высотой 7 см, с диаметром тулова 6,5 см, дна – 4,3 см, изготовленный от руки из глиняного теста с примесью мелкого песка и добавлением растительности и, вероятно, мелкого известняка (рис. 8: 4). Черепок после обжига темно-бурый, местами буровато-коричневый. Тулово сосуда баночной формы толщиной 0,7–1,0 см, по плечу оформлено тонкой диагональной нарезкой. Дно плоское толщиной 2,0–2,2 см, горловина низкая цилиндрическая, слегка выгнутая наружу. Интересным представляется способ формовки сосуда, который можно интерпретировать на основании профильного излома стенки тулова и днища. Можно предположить, что сосуд был изготовлен из предварительно раскатанного в пластину куска глины, а затем свернутого в кулек с напуском внутрь. Таким образом, в районе дна толщина черепка, практически в два раза больше, чем на стенках. Близкие аналогии сосуду пока не найдены. Предположительно, его можно сопоставить с керамикой южноуральского происхождения, в частности, с миниатюрными сосудами поселения Уфа II, которые близки данному сосуду по форме, но отличаются по составу формовочной массы, в которой отмечается наличие крупнодробленой дресвы (Мажитов, 1977, с. 53 – 54, табл. XIII, 12, 14, 18)

Второй представляет собой часть стенки с венчиком полусферического чашевидного сосуда диаметром 15 см (рис. 8: 5). Сосуд изготовлен от руки из глиняного теста с примесью растительности и мелкодробленого шамота. Поверхность снаружи загла-

жена по вертикали, подобно горшкам II группы. Черепок после обжига на поверхности темно-бурый, изнутри коричневый, на изломе – черный, рыхлый. Край устья изнутри срезан по диагонали. Близкие аналогии изделия отсутствуют.

Третий является частью светильника-плошки I группы, объединяющей ремесленную посуду общebolгарского типа (рис. 8: 3). Сосуд изготовлен из хорошо отмученного теста с примесью песка. Край стенки светильника дугообразно загнут внутрь. На внешней стороне сплошное горизонтальное лощение. Черепок после обжига коричневый. Сосуды подобного типа довольно многочисленны и широко известны как в материалах домонгольского, так и золотоордынского Болгара. Найденному фрагменту близок светильник, происходящий из VI–V слоя раскопа 10 (Хлебникова, 1988, рис. 63, 1).

Кроме керамики из ямы 41 происходят находки фрагмента железной крицы (?) и шлака (рис. 8: 6), костей зайца (определение Г.Ш. Асылгараевой).

Совокупность материала позволяет представить яму 41 как один из наиболее ранних объектов на площади раскопа CLXXVI. Объект соотносим с VI слоем и вероятно, судя по попаданию при его засыпке железного шлака и фрагмента крицы, время его бытования может быть синхронно периоду функционирования металлургических горнов в этом районе городища.

Яма 40, расположенная в западной части сектора Б, представляет собой хозяйственную яму округлой формы диаметром 130–132 см, глубиной 185 см (рис. 9: 5). Уровень ее

выявления и характер заполнения позволяет отнести объект к домонгольским напластованиям раскопа. В нижней части заполнения ямы – развал сосуда с округлым туловом, характерной цилиндрической горловиной, оформленной горизонтальными каннелюрами, гребенчатым штампом по краю венчика и на плечике сосуда (рис. 9: 2). Формовочная масса с примесью песка и растительности. Черепок после обжига буровато-серого цвета. Данная посуда сопоставима с VIII этнокультурной группой, представляющей керамику приуральского происхождения (Хлебникова, 1988, с. 25–27). Подобные сосуды имеются также в материалах Билярского городища (пятая группа лепной керамики) (Хузин, 1986, с. 17–20, 110, рис. 6, 17). Среди находок объекта – днище сосуда с клеймом в виде литеры «А» (рис. 9: 3,4). Судя по тому, что клеймо расположено на периферии плоскости дна, оно является частью составного знака, часть которого, к сожалению, не сохранилась. Использование подобных знаков зафиксировано на значительном хронологическом промежутке от раннеболгарского до золотоордынского времени (VIII–XV вв.). В домонгольский период этот знак широко распространен в Биляре, мог восприниматься булгарами как знак правящего рода (Кокорина, 2002, с. 157–161). Интерес представляет находка в яме 40 пряслица, изготовленного из стенки сосуда XI группы (рис. 9:1).

Среди предметов, относящихся к раннему периоду домонгольских напластований, следует отнести также нашивную бляху из тонкой тисненой пластины квадратной формы с симметричным растительным декором (рис.

Рис. 9. Вещевой комплекс ямы 40 сектора Б: 1 – пряслице из стенки сосуда XI ЭКГ; 2 – развал округлодонного горшка; 3 – днище с клеймом; 4 – клеймо в виде перевернутой литеры «А»; 5 – яма 40 сектора Б, вид с юго-запада. 1–4 – керамика.

Fig. 9. Goods from pit 40 from sector Б: 1 – spindle whorl from the wall of vessel XI Ethno-Cultural Group; 2 – fragmented round-bottomed pot; 3 – bottom with a stamp; 4 – stamp in form of reversed letter 'A'; 5 – pit 40 from sector Б, view from the south-west. 1–4 – ceramics.

10: 1), аналогии которым мы встречаем в билярском материале (Культура Биляра, 1985, с. 99, табл. XXXVII, 14). Г.Ф. Полякова относит данные изделия в Болгаре к хронологической группе, объединяющей изделия, относящиеся к начальному периоду существования города X–XI вв. (тип В-II-1) (Полякова, 1996, с. 195–197). Предмет найден в I субгоризонте домонгольского слоя в секторе Б. Из стеклянных бус наиболее интересна находка фрагмента навитой подшарообразной бусы синего стекла с белыми петлями, внутри которых расположены слегка выпуклые глазки с чередующимися красными и белыми полосками (рис. 10: 9). Вероятно, она сопоставима с т.н. бусами «в овалах», имеющих широкую географию распространения от Бирки до Северного Кавказа и датиру-

емых IX – началом XI в. (Полубояринова, 1988, 157–158).

Среди находок, связанных с поздним горизонтом домонгольского слоя: продольнопрорезной, с двойной (?) опояской, бубенчик (рис. 10: 4), бытование которых в Новгороде отмечено в XII–XIII вв. (Поветкин, 2009, с. 81); два железных светца, близкие конструктивно к новгородским светцам XIII в. (Колчин, 1959, с. 98, рис. 83, 3); два шиферных пряслица битрапиевидной формы из камня розового и серовато-бирюзового цвета (рис. 10: 2, 3). Пряслица происходят из ямы 65 сектора А, стратиграфически восходящей к домонгольским напластованиям.

С заполнением ямы 67 а, восходящей к V слою, связаны находки горловины кувшина общebolгарского

Рис. 10. Находки 2012 г.: 1 – нашивная бляха; 2, 3 – пряслица шиферные; 4 – бубенчик; 5 – светец; 6 – топор; 7 – горловина с ручкой кувшина общеболгарского типа со сливом «свиное рыльце»; 8 – развал округлодонного горшка; 9 – буса. 1, 4 – медный сплав; 2, 3 – камень; 5, 6 – железо; 7, 8 – керамика, 9 – стекло.

Fig. 10. Finds of 2012: 1 – sewn badge; 2, 3 – slate spindle whorls; 4 – jingle; 5 – spill holder; 6 – axe; 7 – neck with a handle from a common Bulgarian jar, with a drainer shaped as a “snout”; 8 – fragmented round-bottomed pot; 9 – bead. 1, 4 – copper alloy; 2, 3 – stone; 5, 6 – iron; 7, 8 – ceramics, 9 – glass.

типа, оформленной сливом «свиное рыльце» (рис. 10: 7) и развал округлодонного горшка с цилиндрической горловиной (рис. 10: 8), имеющие соответствия в керамическом материале Билярского городища (Кочкина, 1986, рис. 2, 16; 3, 12; Хузин, 1986, рис. 7, 1, 4). Из нижнего горизонта заполнения ямы 17 сектора Б, представляющего собой котлован подполья наземной постройки 280 x 340 см, глубиной 65–70 см, происходит находка топора (рис. 10: 6), аналогичного изделиям переходного типа с бородком, датированного по материалам Новгорода Великого второй половиной XII – нача-

лом XIII в. (Колчин, 1959, с. 25 – 26).

Таким образом, отложения домонгольского периода на раскопе 2012 г. показали насыщенность сооружениями, особенно в южной части сектора Б. Среди них зерновые ямы, хозяйственные ямы-хранилища, котлован наземной постройки. Материал, полученный при изучении этих объектов, свидетельствует о бытовании наиболее ранних из них в период не позднее второй половины X – начала XI в. Этой дате не противоречит находка в материалах расположенного рядом раскопа СХСII серебряной монеты X в., являющейся местным подража-

нием дирхему Наср бен Ахмеда Самани (определение Д.Г. Мухаметшина). Монета была найдена в слое VI, залегавшем на материке (Коваль, Бадеев, 2015, с. 196).

Следы металлургического производства, которые были выявлены во время исследований 2011 г., на раскопе CLXXVI 2012 г. проявились как скопления железного шлака и остатки производственных объектов (предгорновая яма, горн для выплавки кричного железа) в составе третьего субгоризонта. Данные сооружения, имеющие аналогии в салтовских древностях⁶, в совокупности с другими объектами свидетельствуют о возможном бытовании к юго-западу от центра раннего Болгара поселка металлургов. Его время может быть определено по находкам в слое с металлическим шлаком, стратиграфически соотносимым с основанием домонгольских отложений, фрагментов посуды поломского типа, образцы которой датированы в Болгаре по материалам поселений в Малом Иерусалимском овраге концом первой – началом второй трети X в. (Казаков, 2008, с. 35).

Материал, происходящий из домонгольских ям верхних субгоризонтов (1 и 2), несет отпечаток развитой городской культуры, что свидетельствует о включении данной части в городскую территорию в XII–начале XIII в.

Домонгольские напластования Болгарского городища, отражающие время основания города, несомненно, требуют дальнейшего изучения, так как в настоящее время, несмотря на весьма значительные успехи в исследовании Болгара, остаются неясными и дискуссионными многие вопросы его ранней истории. Выяснение характера и облика этого поселения, его топографических особенностей, детализация хронологии и вещевого материала во многом остаются *a priori*. Комплексное изучение домонгольских отложений памятника, включающее исследования фортификационных сооружений «замошного вала», центра цитадели на Коптеловом бугре, выяснение особенностей и локализации прилегающих к центру поселков позволит создать более полную картину Болгара X–XI, XII–XIII вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологические исследования 2012 г.: Болгар и Свияжск / Авторы–составители: Валиев Р.Р., Ситдииков А.Г., Старков А.С. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. 34 с.
2. *Афанасьев Г.Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. // Археологические открытия на новостройках. Выпуск 2 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987. 200 с.
3. *Воронина Р.Ф.* Лядинские древности: из истории мордвы–мокши: конец IX–XI века: по материалам Цнинской археологической экспедиции 1983–1985 годов / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Наука, 2007. 164 с.
4. *Гольева А.А.* Скорости преобразования культурных слоев почвенными процессами // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: Институт археологии РАН, 2012. С. 70–77.
5. *Губайдуллин А.М.* Фортификационный словарь. Казань: Институт истории АН РТ, 2006. 144 с.

⁶ Авторы приносят благодарность за консультацию Ю.А. Семькину.

6. Губайдуллин А.М. Методика реконструкции оборонительных сооружений городищ X–XVI веков Среднего Поволжья // Поволжская археология. 2015. № 3. С. 125–143.

7. Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М.: Наука, 1992. 335 с.

8. Казаков Е.П. О ранней дате столичных городов домонгольской Волжской Болгарии // Finno-Ugrica. 2008. № 11. С. 34–39.

9. Казаков Е.П. Падение Хазарии и его отражение в археологических материалах Волжской Болгарии // Вестник Удмуртского университета. 2012. Вып. 1. С. 79–83.

10. Казаков Е.П. Торгово-ремесленные поселения булгар X–XI вв. и Северо-Восточная Европа // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Материалы Международного симпозиума. Казань, 8–10 сентября 1998 г. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 1999. С. 101–106.

11. Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю. Исследования центрального базара Болгара в 2012–2013 гг. // КСИА. 2015. Вып. 237. С. 188–199.

12. Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV в. Казань: Институт истории АНТ, 2002. 383 с.

13. Кокорина Н.А. Отчет об археологических раскопках в 1993 году на Болгарском городище в Куйбышевском районе Республики Татарстан (Раскоп СХVIII). М., 1994 / Док. фонд БГИАМЗ. Инв. № 672–5/105.

14. Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Производство, технология) // МИА. 1959. № 65. С. 7–120.

15. Кочкина А.Ф. Гончарная посуда // Посуда Биляра / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1986. С. 24–53, 114–124.

16. Краснов Ю.А. Оборонительные сооружения города Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 99–123.

17. Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X – XIII вв. / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1985. 216 с.

18. Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука. 1977. 240 с.

19. Макарова В.Н., Халиков А.Х. Поливная или глазурованная керамика билярского производства // Посуда Биляра / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1986. С. 53–60, 125–129.

20. Невоструев К.И. О городищах древнего Волжско-болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской. М.: Синодальная типография, 1871. 112 с.

21. Плетнева С.А. От кочевий к городам / МИА. № 142. М.: Наука, 1967. 198 с.

22. Поветкин В.И. Бубенчики-звонцы в древнем Новгороде (применение, способы производства, типология и хронология) // РА. 2009. №2. С. 79–92.

23. Полубояринова М.Д. Отчет по раскопу CVIII за 1990 год. Болгары; Казань; Москва, 1991 / Док. фонд БГИАМЗ. Инв. № 672–2/105.

24. Полубояринова М.Д. Раскоп CIV // Отчет о работах на Болгарском городище в 1989 году. Болгары; Казань; Москва, 1990 / Док. фонд БГИАМЗ. Инв. № 55–1/93.

25. Полубояринова М.Д. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука, 1988. С. 219–123.

26. Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.: Институт археологии АН СССР, 1991. 112 с.

27. Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. С. 154–268.

28. Полякова Г.Ф. Отчет о работе в Болгарах в 1991 году (раскоп СХIII) / Док. фонд БГИАМЗ. Инв. № 628–1/102.

29. Полякова Г.Ф. Отчет о работе в Болгарах в 1992 году (раскоп СХV) / Док. фонд БГИАМЗ. Инв. № 551–2/93.
30. Полякова Г.Ф. Раскоп СІХ // Отчет о работах на Болгарском городище в 1990 году. Болгары; Казань; Москва, 1991 / Док. фонд БГИАМЗ. Инв. № 556–1/94.
31. Полякова Г.Ф. Раскоп СV // Отчет о работах на Болгарском городище в 1989 году. Болгары; Казань; Москва, 1990 / Док. фонд БГИАМЗ. Инв. № 551–2/93.
32. Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – XIII вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2014. 768 с.
33. Савенков Н., Крапивин И. План Болгара. 1732 г. // РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 4–1.
34. Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. С. 5–88.
35. Семенов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник полемской культуры / Науч. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1980. С. 5–135.
36. Семькин Ю.А. Черная металлургия и металлообработка на Болгарском городище // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1996. С. 89–153.
37. Старостин П.Н. Остатки древнего Болгара у малого Иерусалимского оврага // Средневековая археология евразийских степей. Материалы учредительного съезда Международного конгресса. Казань, 14–16 февраля 2007 г. Т. II / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдилов / Археология евразийских степей. Вып. 2. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. С. 140–144.
38. Старостин П.Н. Раннее поселение на правом берегу Малого Иерусалимского оврага в Болгарах // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань, 1993. С. 53–63.
39. Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия, топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 32–88.
40. Хлебникова Т.А. Неполивленная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 7–102.
41. Хлебникова Т.А. Пальцинские селища X–начала XIII вв. // МИА. 1958. № 61. С. 203–220.
42. Хлебникова Т.А. Ранний Булгар // СА. 1975. № 2. С. 120–132.
43. Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X–начале XIII вв. Казань: «Мастер-Лайн», 2001. 480 с.
44. Хузин Ф.Ш. К вопросу о времени возникновения оседлости у волжских булгар // Научный Татарстан. 2010. №4. С. 114–126.
45. Хузин Ф.Ш. Лепная керамика // Посуда Биляра / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1986. С. 4–23, 103–113.
46. Шпилевский С.М. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Типография Казанского ун-та, 1877. 586 с.

Информация об авторах:

Баранов Вячеслав Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sl.baranov@mail.ru

Губайдуллин Айрат Маратович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); airg_g@mail.ru

SOME FINDINGS OF THE STUDY OF PRE-MONGOLIAN STRATA OF BOLGAR FORTIFIED SETTLEMENT ON DIGS CLXXII AND CLXXVI IN 2012

V.S. Baranov, A.M. Gubaidullin

This article summarizes some preliminary findings of studies in pre-Mongolian layers of Bolgar fortified settlement in 2012, conducted on digs CLXXII and CLXXVI. Situated to the west of the central architectural complex, the edge of the native Volga terrace (dig CLXXII) yielded debris of a defensive moat, which can be identified as the so-called "Zamoshniy wall" described by some Russian military men in 1732 as remnants of pre-Mongolian fortifications. The works in the central part (dig CLXXVI) investigated debris of pre-Mongolian dwellings and household facilities, some of which are related to the period of early Bolgar, i.e. the 10th – 11th centuries. The archaeologists documented some traces of metallurgical production here and obtained a collection of ceramics, adornments and household items, which allows dating the material culture of this city to the 10th – 11th centuries and 12th – early 13th centuries.

Keywords: archaeology, Bolgar fortified settlement, pre-Mongolian period, stratigraphy, fortification, dwellings, metallurgy, complex of goods.

REFERENCES

1. Valiev, R. R., Sitdikov, A. G., Starkov, A. S. (comp.). 2013. *Arkheologicheskie issledovaniia 2012 g.: Bolgar i Sviiazhska (Archaeological Studies in 2012: Bolgar and Sviiazhska)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
2. Afanas'ev, G. E. 1987. *Naselenie lesostepnoi zony basseina Srednego Dona v VIII-X vv. (alanskii variant saltovo-maiatskoi kul'tury) (Population of the Forest-Steppe Area of the Middle Don Basin in 8th – 10th Centuries (the Alan Variant of the Saltovo-Mayaki Culture))*. Series: *Arkheologicheskie otkrytiia na novostroikakh (Rescue Archaeological Investigations) 2*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
3. Voronina, R. F. 2007. In Lopatin, N. V. (ed.). *Liadinskie drevnosti. Iz istorii mordvy-mokshi. Konets IX — nachalo XI veka: Po materialam Tsninskoi arkheologicheskoi ekspeditsii 1983–1985 godov (Lyada Antiquities. From the History of the Mordva-Moksha. The End of the 9th — the Beginning of the 11th Centuries: on the Materials of the Tsna River Archaeological Expedition, 1983–1985)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
4. Gol'eva, A. A. 2012. *Skorosti preobrazovaniia kul'turnykh sloev pochvennymi protsessami In Engovatova, A. V. (ed.). Arkheologiia Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Materials of the Seminar)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 70–77 (in Russian).
5. Gubaidullin, A. M. 2006. *Fortifikatsionnyi slovar' (Dictionary of Fortification)*. Kazan: Mardjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).
6. Gubaidullin, A. M. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiia (Volga River Region Archaeology) 3 (13)*, 125–143 (in Russian).
7. Kazakov, E. P. 1992. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii (etapy etnokul'turnoi istorii) (Culture of the Early Volga Bulgaria: Stages of the Ethnic-Cultural History)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
8. Kazakov, E. P. 2008. In *Finno-Ugrica (11)*, 34–39 (in Russian).
9. Kazakov, E. P. 2012. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta (Bulletin of the Udmurt University) (1)*, 79–83 (in Russian).
10. Kazakov, E. P. 1999. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Mezhdunarodnye sviazi, torgovyie puti i goroda Srednego Povolzh'ia IX–XII vekov (International Relations, Trade Routes and Cities from Middle*

The study was implemented under Russian President's grant to ensure government support to scientific schools of the Russian Federation, no. IIII-7170.2016.6. "Urbanization and Urban Development Processes in the Volga Region (in 10th – 16th centuries)".

Volga Region in the 9th–12th Centuries). Kazan: Academy of Sciences of Republic of Tatarstan; “Master-Line” Publ., 101–106 (in Russian).

11. Koval', V. Yu., Badeev, D. Yu. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 237, 188–199 (in Russian).

12. Kokorina, N. A. 2002. *Keramika Volzhskoi Bulgarii vtoroi poloviny XI – nachala XV vv.: K probleme preemstvennosti bulgarskoi i bulgaro-tatarskoi kul'tur (Ceramic Ware in Volga Bulgaria during the Second Half of the 11th – Beginning of the 15th Centuries (on the Issue on Succession of the Bulgar and Bulgar-Tatar Cultures))*. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardjani, Tatarstan Academy of Sciences; Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology (in Russian).

13. Kokorina, N. A. 1994. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v 1993 godu na Bolgarskom gorodishche v Kuibyshevskom raione Respubliki Tatarstan (Raskop CXVIII) (Report on the Archaeological Excavations in 1993 on the Bolgar Fortified Site, Kuybyshev District, Republic of Tatarstan (Excavation Area CXVIII))*. Moscow. Documentary Fund of the Bolgar Historical and Architectural Museum and Preservation Area. Inv. no. 672–5/105 (in Russian).

14. Kolchin, B. A. 1959. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 65, 7–120 (in Russian).

15. Kochkina, A. F. 1986. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Posuda Biliara (Bilyar Pottery)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 24–53, 114–124 (in Russian).

16. Krasnov, Yu. A. 1987. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: “Nauka” Publ., 99–123 (in Russian).

17. Khalikov, A. Kh. (ed.). 1985. *Kul'tura Biliara. Bulgarskie orudiia truda i oruzhie X–XIII vv. (Bilyar Culture. Bulgar Tools and Weapons in 10th – 13th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

18. Mazhitov, N. A. 1977. *Iuzhnyi Ural v VII–XIV vv. (Southern Ural in 7th–14th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

19. Makarova, V. N., Khalikov, A. Kh. 1986. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Posuda Biliara (Bilyar Pottery)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 53–60, 125–129 (in Russian).

20. Nevostruev, K. I. 1871. *O gorodishchakh drevnego Volzhsko-bulgarskogo i Kazanskogo tsarstv v nyneshnikh guberniakh Kazanskoi, Simbirskoi, Samarskoi i Viatskoi (About the Fortified Sites of the Volga-Bulgarian and Kazan Kingdoms in the Present-Day Kazan, Simbirsk, Samara and Vyatka Provinces)*. Moscow: Synodal Typography (in Russian).

21. Pletneva, S. A. 1967. *Ot kochevii k gorodam. Saltovo-maiatskaia kul'tura (From Camps to Towns. Saltovo-Mayaki Culture)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Research in Archaeology of the USSR) 142. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

22. Povetkin, V. I. 2009. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 79–92 (in Russian).

23. Poluboiarinova, M. D. 1991. *Otchet po raskopu CVIII za 1990 god (Report on the Excavation Area CVIII for 1990)*. Bolgary; Kazan; Moscow. Documentary Fund of the Bolgar Historical and Architectural Museum and Preservation Area. Inv. no. 672–2/105 (in Russian).

24. Poluboiarinova, M. D. 1990. In *Otchet o rabotakh na Bolgarskom gorodishche v 1989 godu*. Bolgary; Kazan; Moscow. Documentary Fund of the Bolgar Historical and Architectural Museum and Preservation Area. Inv. no. № 55–1/93 (in Russian).

25. Poluboiarinova, M. D. 1988. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: “Nauka” Publ., 219–123 (in Russian).

26. Poluboiarinova, M. D. 1991. *Ukrasheniia iz tsvetnykh kamnei Bolgara i Zolotoi Ordy (Jewelry of Gemstones found in Bolgar and the Golden Horde)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology (in Russian).

27. Poliakova, G. F. 1996. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Insti-

tute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan, 154–268 (in Russian).

28. Poliakova, G. F. *Otchet o rabote v Bolgarakh v 1991 godu (raskop CXIII) (Report on the Fieldworks in Bolgar in 1991 (Excavation Area CXIII))*. Documentary Fund of the Bolgar Historical and Architectural Museum and Preservation Area. Inv. no. 628–1/102 (in Russian).

29. Poliakova, G. F. *Otchet o rabote v Bolgarakh v 1992 godu (raskop CXV) (Report on the Fieldworks in Bolgar in 1992 (Excavation Area CXV))*. Documentary Fund of the Bolgar Historical and Architectural Museum and Preservation Area. Inv. no. 551–2/93 (in Russian).

30. Poliakova, G. F. 1991. *Raskop CIX In Otchet o rabotakh na Bolgarskom gorodishche v 1990 godu (Report on the Fieldworks in the Bolgar Fortified Site in 1990)*. Bolgary; Kazan; Moscow. Documentary Fund of the Bolgar Historical and Architectural Museum and Preservation Area. Inv. no. 556–1/94 (in Russian).

31. Poliakova, G. F. 1990. *Raskop CV In Otchet o rabotakh na Bolgarskom gorodishche v 1989 godu (Report on the Fieldworks in the Bolgar Fortified Site in 1989)*. Bolgary; Kazan; Moscow. Documentary Fund of the Bolgar Historical and Architectural Museum and Preservation Area. Inv. no. 551–2/93 (in Russian).

32. Rudenko, K. A. 2014. *Istoriia arkheologicheskogo izucheniia Volzhskoi Bulgarii (X – nachalo XIII v.) (History of Archaeological Studying of Volga Bulgaria (10th — the Beginning of the 13th Century))*. Kazan: “Shkola” Publ. (in Russian).

33. Savenkov, N., Krapivin, I. *Plan Bolgara. 1732 g. (Plan of the Town of Bolgar, 1732)*. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (The Russian State Archive of the Ancient Documents). Fund 192. Inv. 1, dossier 4–1 (in Russian).

34. Savchenkova, L. L. 1996. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan, 5–88 (in Russian).

35. Semenov, V. A. 1980. In Gening, V. F. (ed.). *Novyi pamiatnik polomskoi kul'tury (New Site of the Polom Culture)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 5–135 (in Russian).

36. Semykin, Yu. A. 1996. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Academy of Sciences of Tatarstan, 89–153 (in Russian).

37. Starostin, P. N. 2007. In Khuzin, F. Sh., Sitdikov, A. G. (eds.). *Srednevekovaia arkheologiya evraziiskikh stepei (Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes) II. Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 2*. Kazan: G. Ibragimov Institute for History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 140–144 (in Russian).

38. Starostin, P. N. 1993. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Arkheologiya Volzhskoi Bulgarii: problemy, poiski, resheniia (Archaeology of the Volga Bulgaria: Problems, Research, Answers)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History Institute. 53–63 (in Russian).

39. Khlebnikova, T. A. 1987. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: “Nauka” Publ., 32–88 (in Russian).

40. Khlebnikova, T. A. 1988. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: “Nauka” Publ., 7–102 (in Russian).

41. Khlebnikova, T. A. 1958. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 61, 203–220 (in Russian).

42. Khlebnikova, T. A. 1975. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 120–132 (in Russian).

43. Khuzin, F. Sh. 2001. *Bulgarskii gorod v X — nachale XIII vv. (Bulgar City in 10th — Early 13th Centuries)*. Kazan: “Master-Line” Publ. (in Russian).

44. Khuzin, F. Sh. 2010. In *Nauchnyi Tatarstan (Scientific Tatarstan)* (4), 114–126 (in Russian).

45. Khuzin, F. Sh. 1986. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Posuda Biliara (Bilyar Pottery)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 4–23, 103–113 (in Russian).

46. Shpilevskii, S. M. 1877. *Drevnie goroda i drugie bolgarsko-tatarskie pamiatniki v Kazanskoj gubernii (Ancient Towns and Other Bulgar-Tatar Sites in the Kazan Province)*. Kazan: Typography of the Kazan University (in Russian).

About the Authors:

Baranov Vyacheslav S. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Halikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sl.baranov@mail.ru

Gubaidullin Airat M. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

УДК 902/904

МЕЛЛЯТАМАКСКОЕ VI СЕЛИЩЕ ЧИЯЛИКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2016 г. Е.П. Казаков, А.А. Чижевский, А.В. Лыганов

Публикуются результаты раскопок Меллятамакского VI селища чияликской археологической культуры, одного из наиболее полно исследованных поселений этого круга памятников. Кроме собственно чияликских материалов, здесь выявлены артефакты эпохи мезолита-неолита, раннего железного века (пьяноборская культура) и раннего средневековья (кушнаренковская культура). Чияликский этап представлен остатками поселения-летника, к которому относятся наземные сооружения, очаги, камни обкладки стен и хозяйственные ямы. Время существования чияликского поселения на Мелля-Тамакской дюне по находкам стеклянных бус с орнаментом в виде накладных линейно-волнистых пастовых нитей и керамическому комплексу определено авторами в рамках XIII–XIV вв. По результатам многолетних исследований можно заключить, что памятники чияликской культуры оставлены уральскими уграми, входящими в состав населения Золотой Орды и находящимися в этот период в процессе исламизации и тюркизации.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, неолит, ранний железный век, средние века, пьяноборская, кушнаренковская, чияликская культуры, селище, летник, уральские угры.

Меллятамакское VI селище открыто Е.П. Казаковым в 1981 г., в 1982 г. на памятнике был заложен раскоп I (Казаков, 1984, с. 150, 151), а в 1983 г. раскоп II (Казаков, 1985, с. 150, 151). В 2012 г. исследование продолжила экспедиция под руководством А.А. Чижевского и А.В. Лыганова, которая исследовала памятник четырьмя раскопами.

В результате проведенных работ здесь были выявлены остатки материальной культуры, относящиеся к эпохе неолита, пьяноборской, кушнаренковской и чияликской культурам. Общая площадь раскопов, вскрытая на памятнике, составляет 677,5 кв. м.

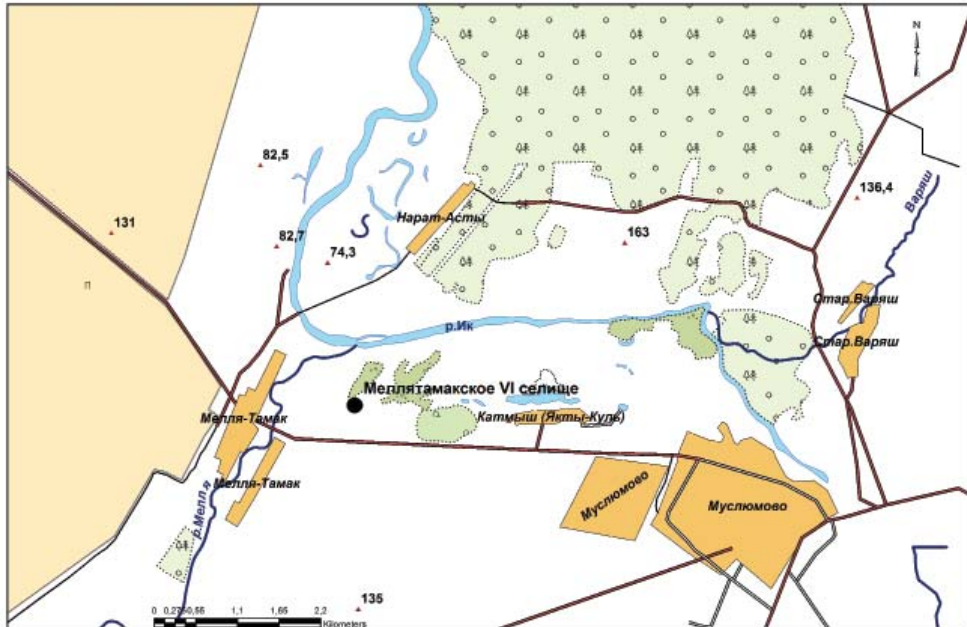
Меллятамакское VI селище расположено на двух высоких дюнах в 1,2 км к северо-востоку от с. Мелля-Тамак (рис. 1: 1) Муслимовского района Республики Татарстан в левобережной пойменной части р. Ик (Свод памятников, 2007, с. 266). Здесь, на

обширной территории 200 x 100 м, вытянутой по линии север–юг, отмечается скопление дюн, на которых зафиксированы памятники разных эпох, во многом разрушенные при проведении здесь траншей для продуктопроводов (рис. 1: 2).

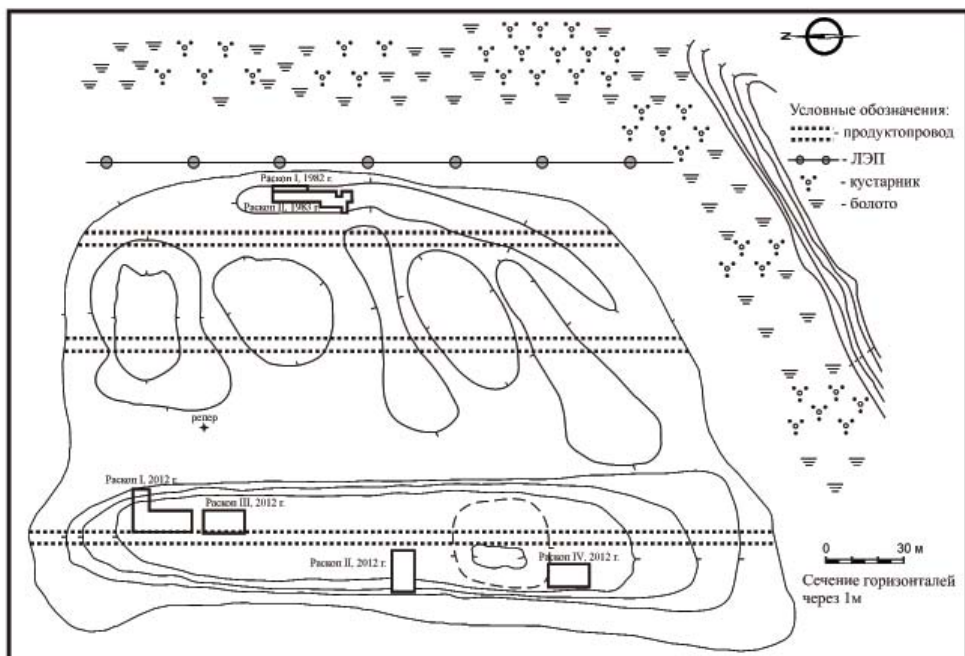
В 1981 г. на восточной дюне, в целях проверки наличия культурного слоя, был заложен шурф размером 100 x 150 см. Стратиграфия шурфа: дерн – 10 см, под ним чернозем и сильно гумусированный песок мощностью до 50 см, ниже идет желтый материковый песок с прослойками глины. Находки в виде двух обломков посуды (рис. 3: 2, 8), развала сосуда (рис. 3: 7) и фрагментов песчаника отмечены на глубинах 1–40 см.

В 1982 г. работы на памятнике были продолжены.

Раскоп I (площадью 24 кв. м.), вытянутый по линии север–юг (рис. 1: 2;

1

2

Рис. 1. Меллятамакское VI селище. 1 – карта расположения, 2 – ситуационный план.

Fig. 1. Mellya-Tamak VI settlement. 1 – map, 2 – situational plan.

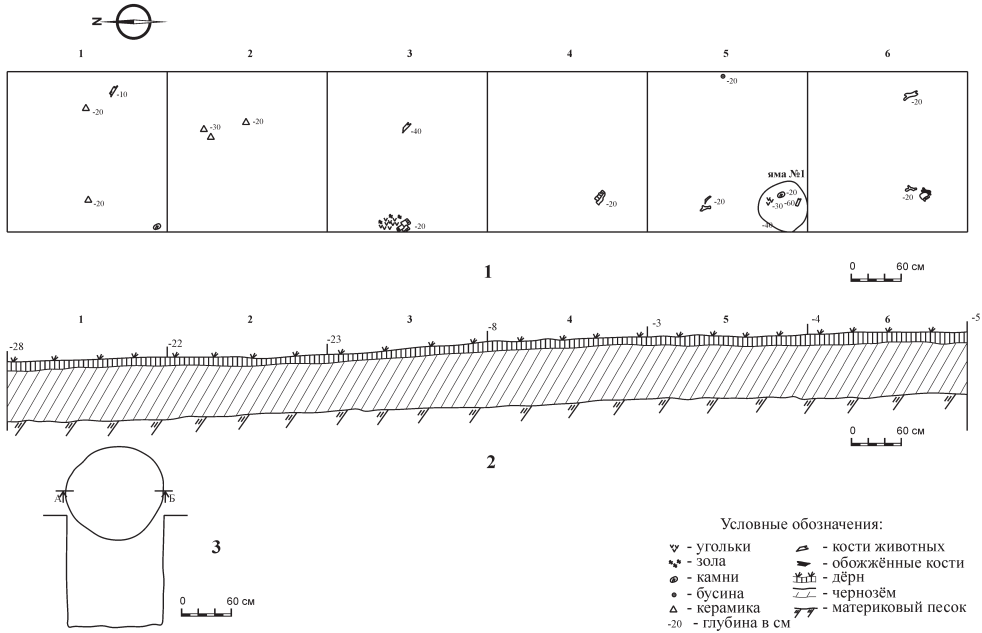

Рис. 2. Меллятамакское VI селище. 1 – план раскопа I, 1982 г., 2 – профиль восточного борта раскопа I, 1982 г., 3 – яма № 1.

Fig. 2. Mellya-Tamak VI settlement. 1 – dig I plan, 1982, 2 – profile of the eastern edge of dig I, 1982, 3 – pit 1.

2: 1), был заложен у берега высохшего озера на восточной дюне в 8 м к северу от шурфа 1981 г. Длина раскопа – 12 м и ширина – 2 м.

Стратиграфия на раскопе несколько отличается от стратиграфии шурфа: дерн – 10 см, под ним гумусированный песок до глубины 40 см, ниже залегает материковая желтая глина (рис. 2: 2).

В результате раскопок 1982 г. была открыта одна яма.

Яма № 1 располагалась в юго-западной части уч. 5 (рис. 2: 3). Она имела округлые в плане, нечеткие очертания, диаметр ее составлял около 40 см. Яма была зафиксирована на глубине 20 см от современной поверхности. Стенки ее были отвесные, плоское дно выявлено на глубине 110 см.

Заполнение ямы состоит из гумусированного песка, на глубине 60–80 см встречены обломки костей и зола.

Кроме того, в раскопе были найдены отдельные артефакты вне ямы № 1. На глубине 10–20 см встречены следующие находки: на уч. 1 кость животного, фрагменты лепной керамики (2 экз.) (рис. 3: 3, 6) и камни песчаника; на уч. 2 отмечены фрагмент лепной (рис. 3: 4) и круговой (рис. 3: 5) керамики; на уч. 3 у середины западной стенки отмечено скопление золы и камней; в юго-западном углу уч. 4 выявлена челюсть лошади; на уч. 5 встречены стеклянная бусина с мозаичным узором (рис. 3: 1) и обломки костей животных; на уч. 6 также отмечены обломки костей животных.

Раскоп II, площадью 140 кв. м.

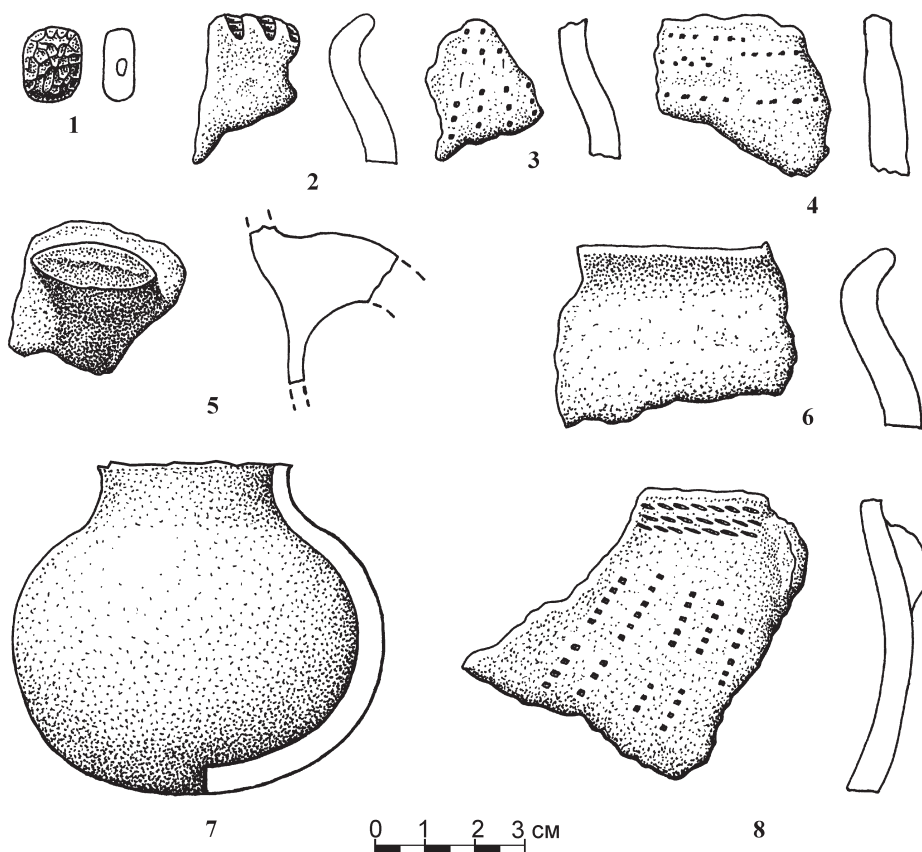

Рис. 3. Меллятамакское VI селище. Керамика из шурфа 1981 г. (2, 5, 6) и раскопа I 1982 г. (1, 3, 4).

Fig. 3. Mellya-Tamak VI settlement. Ceramics from prospecting pit of 1981 (2, 5, 6) and dig I of 1982 (1, 3, 4).

(рис. 4), был заложен в 1983 г. на восточной дюне к западу и югу от раскопа I (рис. 1: 2). По длинной оси он был ориентирован с севера на юг, длина раскопа 30 м, ширина 4–8 м.

Площадка раскопа несколько наклонена к северо-востоку. Поверхность ее ровная, задернованная, однако местами дерн был снят строителями при проведении здесь газопровода.

Стратиграфия раскопа несложна: дерн – 10 см, под ним зафиксирован

гумусированный песок, на южных участках его мощность достигала 40–55 см, на северных – 15–20 см. Ниже идет материковая глина.

В результате работ 1983 г. был исследован один объект, четыре кострища и одна яма.

Объект № 1 (уч. БВ11 – 14), глубина на 20–30 см (рис. 4).

Под слоем дерна в гумусированном песке на глубине 20 см на площади 400 x 350 см расчищено скопление плит из красновато-серого песчаника,

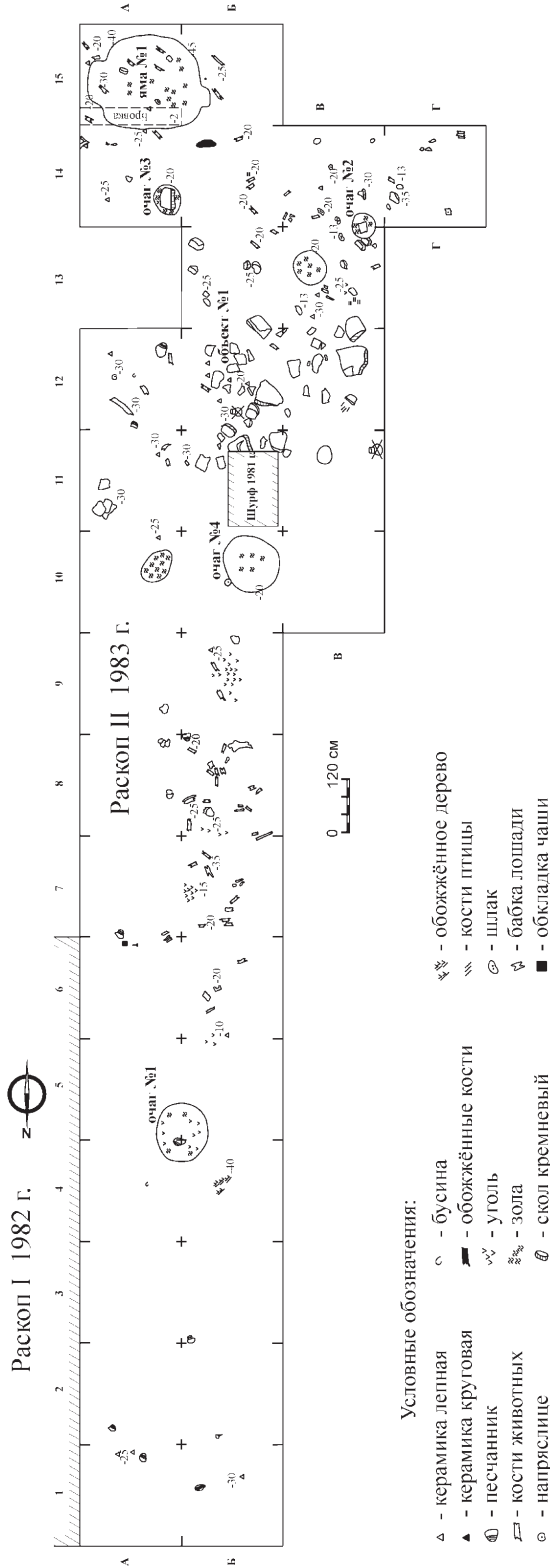
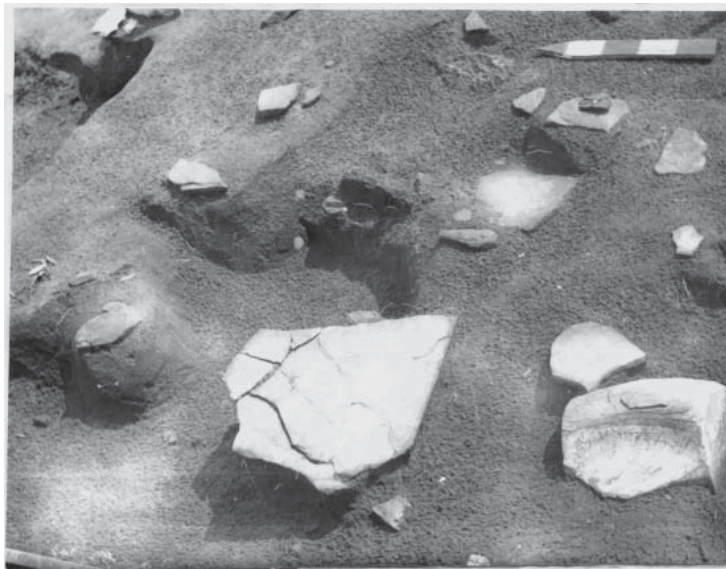

Рис. 4. Меллятамакское VI селище. План раскопа II, 1983 г.

Fig. 4. Mellyata-Tamak VI settlement. Plan of dig II, 1983.

1

2

Рис. 5. Меллятамакское VI селище, фотографии.

1 – скопление плит песчаника, 2 – скопление плит песчаника, крупный план.

Fig. 5. Mellya-Tamak VI settlement, photo. 1 – concentration of sandstone slabs,
2 – concentration of sandstone slabs, close-up view.

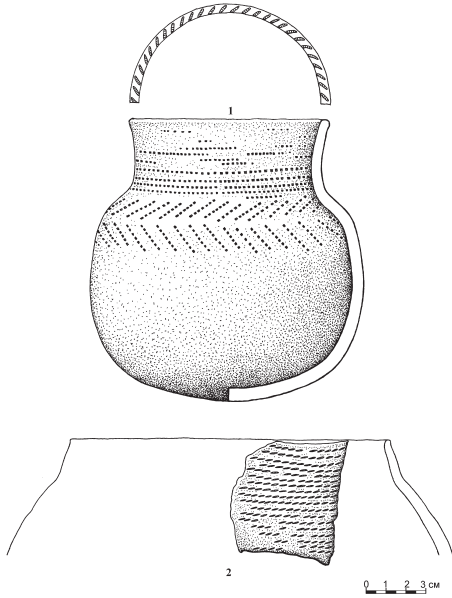

Рис. 6. Меллятамакское VI селище.
Керамика из раскопа II, 1983 г.
1 – подъемный материал, 2 – уч. В11.

Fig. 6. Mellya-Tamak VI settlement.
Ceramics from dig II, 1983.
1 – stray finds, 2 – sector B11.

вытянутое по линии северо-восток – юго-запад (рис. 5: 1, 2). Все плиты лежали горизонтально, иногда в два слоя. Значительная часть плит была разбита на мелкие куски, однако выявлены плиты и больших размеров (50 x 40 см, 33 x 25 см, 40 x 25 см, при толщине от 2–3 до 10 см).

Наибольшее скопление плит из песчаника зафиксировано в северо-восточной части объекта. Здесь среди обломков песчаника на глубине 20–30 см найден развал лепного круглодонного сосуда со шнуровым орнаментом и примесью песка в тесте (рис. 6: 2), а также отдельные кости животных.

В центральной части объекта рядом с тремя крупными обломками песчаника расчищено несколько обожженных и сырых костей, а также нижняя челюсть животного, лежащая на левом боку резцовой частью на юго-запад.

В западной части объекта найдено еще несколько мелких обломков обожженных костей животных, а в 150 см к северу от них скопление птичьих

костей. В юго-западной части объекта отмечено округлое в плане зольное пятно диаметром 60 см, мощностью 2–3 см.

Кострище № 1 (уч. АБ4–5) (рис. 4). Очертания округлого в плане кострища размером 55 x 60 см появились на глубине 20 см от современной поверхности. В разрезе прослежена костровая яма с отвесными стенками и плоским дном, зафиксированным на глубине 40 см. Костровая яма была заполнена гумусированным песком с включениями угольков и золы. В центре ямы на глубине 35 см расчищен обломок песчаника.

Кострище № 2 (уч. В13–14) (рис. 4). Очертания округлого в плане кострища диаметром 40 см появились на глубине 20–25 см от современной поверхности. На этой же глубине, в центре кострища, расчищены лежащие в два слоя обломки плит из песчаника и два фрагмента лепной с примесью песка в тесте керамики без орнамента. В разрезе прослежена костровая яма глубиной 40 см. Стенки ямы отвесные, дно плоское. Заполнена она гумусированным песком с включением угольков и золы.

Кострище № 3 (уч. А14) (рис. 4). Очертания овального в плане кострища размером 50 x 55 см появились на глубине 20 см. Прокал кострища содержит гумусированный песок с включением золы и угольков мощно-

стью 2–3 см. В центре кострища расчищена плита из песчаника размером 40 x 25 x 4 см.

Кострище № 4 (уч. Б10) (рис. 4). Очертания округлого в плане кострища диаметром 110 см выявлены на глубине 30 см. Прокал кострища содержит гумусированный песок с включением золы и угольков мощностью 2–3 см.

Вероятно, в результате чистки одного из кострищ от золы образовалось овальное в плане пятно размером 60 x 40 см, вытянутое по линии северо-восток – юго-запад, оно выявлено в юго-западном углу уч. А10 на глубине 25 см, его мощность составляет 2–3 см.

Яма № 1 (уч. АБ15) (рис. 4). Очертания ямы неправильной в плане формы отчетливо проявились на уровне второго пласта в слое глины. Вытянутая по линии запад – восток яма имела размеры 180 x 233 см. Основная часть ямы была подпрямоугольной формы размером 180 x 190 см. С запада и востока к ней примыкали полукруглые прирезки размером 20 x 40 и 68 x 33 см. В разрезе ямы установлено, что она имела отвесные стенки и плоское дно, которое было выявлено на глубине 70 см. В юго-западной половине ямы на глубине 50 см, расчищено семь расколотых костей животных и три обломка песчаника. Заполнение ямы состояло из желтовато-серого сухого песка с двумя золистыми с включением угольков прослойками овальной в плане формы. Обе золистые прослойки выявлены в центральной части ямы на глубине 40 и 70 см, причем в нижней прослойке, размещенной на дне, отмечен фрагмент сосуда с палочковидной ручкой, с примесью песка в глиняном тесте и три фрагмента лепной керамики.

Вещевой комплекс раскопа. Всего на раскопе выявлено более 100 обломков камней из песчаника, причем большинство из них (свыше 70 экз.) происходят из объекта № 1. На уч. В13–14, найдено шесть кусков кричного железа. Кости животных (40 экз.) в большинстве расколоты, однако удалось установить, что они принадлежат, в основном, лошади (две челюсти и одна фаланга) и корове (одна челюсть).

По пластам находки раскладываются следующим образом.

1 пласт. На уч. В6 (гл. 10 см) обнаружен фрагмент круговой керамики (рис. 7: 21); на уч. В14 отмечен фрагмент лепной керамики; на уч. Б10 найдены обломок темно-синей с белыми волнистыми полосами стеклянной бусины (рис. 7: 2) и лепное пряслице с примесью песка в тесте (рис. 7: 10); на уч. А16 и Б4 зафиксированы несколько обломков лепной с примесью песка в тесте неорнаментированной керамики; на уч. В14 зафиксированы куски железного шлака.

2 пласт. Большинство находок зафиксировано на глубине 25–30 см. Обломки плит песчаника расчищены на уч. А1, А2, А11, А12, Б1, Б9, Б14, Г14. Фрагменты лепной керамики с примесью песка в тесте, иногда украшенной шнуровыми и гребенчатыми оттисками, встречены на уч. А1, А10, А11, А14, Б1, Б9 (рис. 7: 11–18). В юго-западном углу уч. В11 на глубине 25 см расчищен развал сосуда чияликского типа (рис. 7: 20).

На глубине 30 см, у середины уч. А6 расчищена серебряная обкладка (рис. 7: 7) и петля (рис. 7: 3), а в центре уч. А12 еще одно пряслице (рис. 7: 8) и стеклянная бусина (рис. 7: 1).

Все фрагменты керамики с раскопа

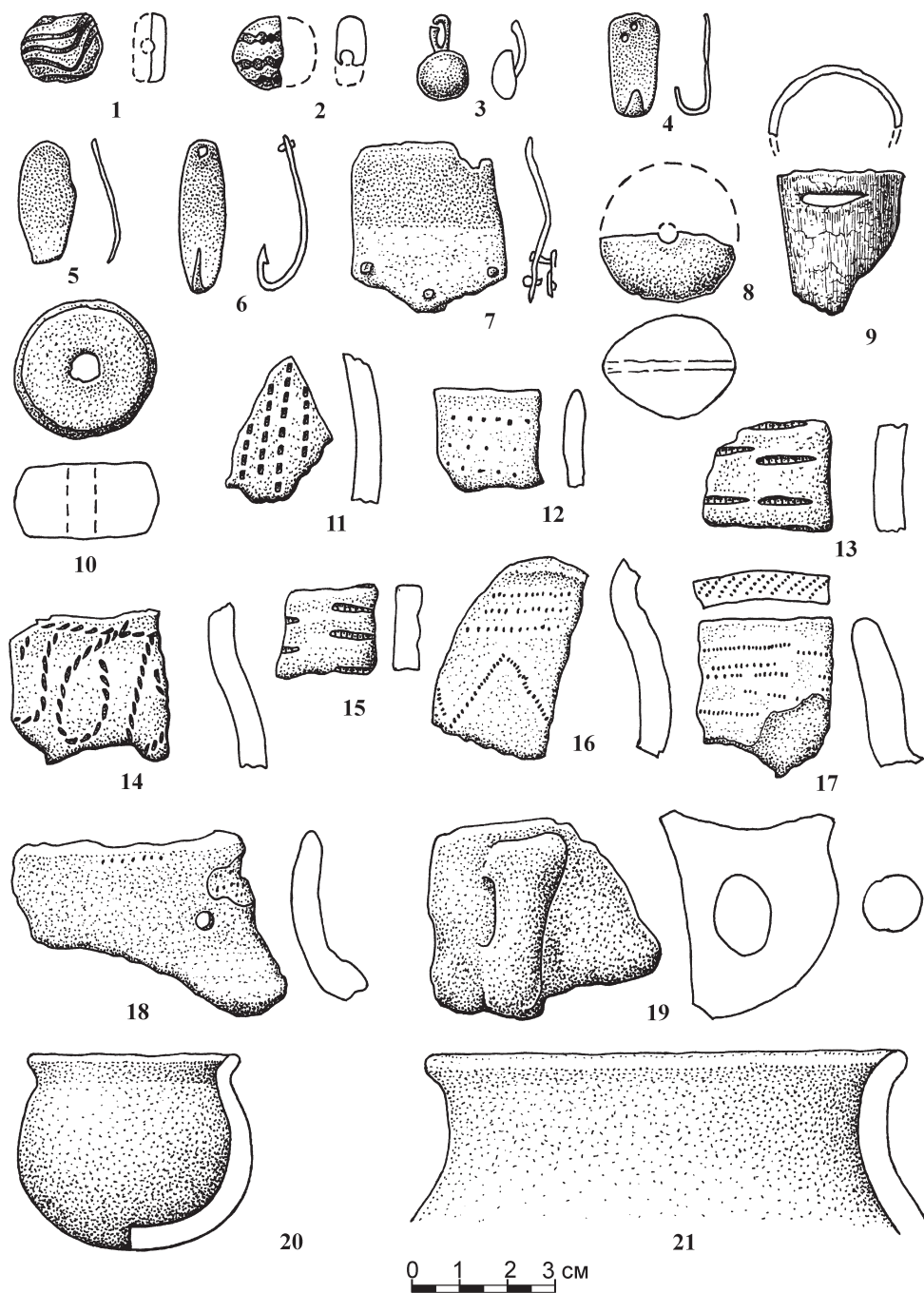

Рис. 7. Меллятамакское VI селище. Находки из раскопа II, 1983 г.

Fig. 7. Mellya-Tamak VI settlement. Finds from dig II, 1983.

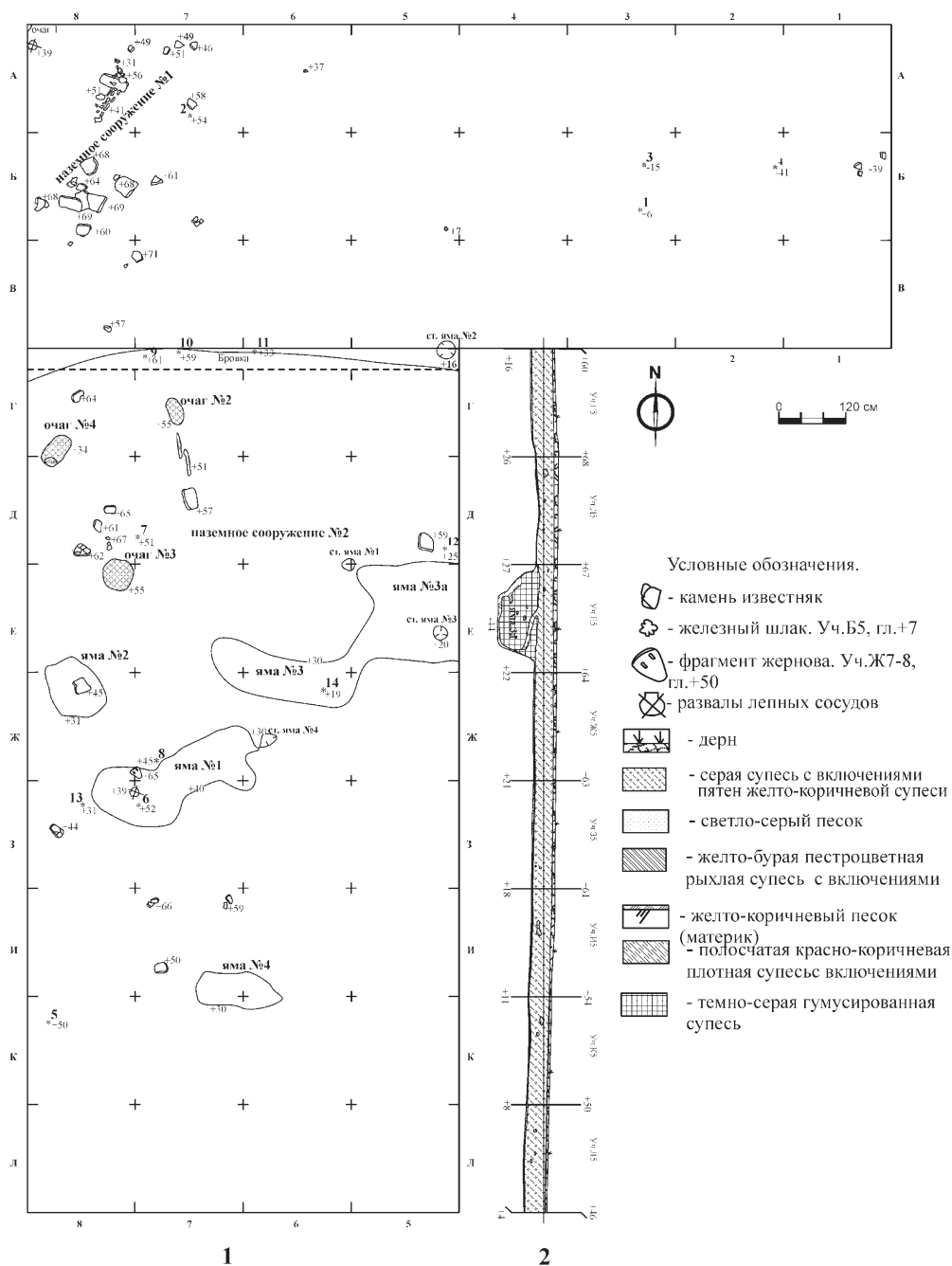

Рис. 8. Меллятамакское VI селище. 1 – план раскопа I, 2012 г., 2 – профиль восточного борта раскопа I, 2012 г. (уч. Г5–Л5).

Fig. 8. Mellya-Tamak VI settlement. 1 – plan of dig I, 2012, 2 – profile of the eastern edge of dig I, 2012 (sector Г5–Л5).

(68 экз.), кроме одного обломка круговой посуды, относятся к лепным круглодонным серо-черным или коричневатым по цвету горшкам, имеющим примесь песка в тесте. Кроме того, подобный сосуд был найден рядом с раскопом в разрушенной части дюны (рис. 6: 1). Судя по фрагментам, имеющим орнаментацию, а также по сосудам с восстановленной формой, все они имеют аналогии на памятниках чияликской культуры. Этому не противоречат и другие индивидуальные находки на раскопе: пряслица (рис. 7: 8, 10), бусы (рис. 7: 1, 2), серебряная обкладка (рис. 7: 7) и др., а также найденные на территории селища бронзовые рыболовные крючки (рис. 7: 4–6).

В 2012 году на территории Меллятамакского VI селища, в его западной части (рис. 1: 2), были заложены ещё четыре раскопа.

Раскоп I площадью 224 кв. м. разбит на северо-восточной оконечности западной дюны в 120 м к северо-западу от раскопа II 1983 г. (рис. 1: 2). Эта часть дюны менее всего пострадала в результате предшествующих земляных работ (рис. 8: 1). Площадка раскопа была выбрана таким образом, чтобы не попасть в траншею газопровода, которая пересекает всю дюну с севера на юг.

Поверхность дюны, размеченная под раскоп I, относительно ровная, имеющая уклон с запада на восток в результате естественного склона дюны. Вдоль западного края раскопа проходит неглубокая ложбина, образовавшаяся в результате провала грунта на месте закопанной траншеи газопровода.

Стратиграфия раскопа (рис. 8: 2) включала следующие напластования:

1. дерн мощностью 5–7 см. 2. Под ним на уч. А5–8 – Л5–8 располагался слой светло-серого песка, мощность его вдоль западной стенки раскопа достигала 10–15 см (на уч. И8–20 см). Слой этот стерилен, без находок. Сформировался он, вероятно, в результате высоких половодий р. Ик и является наносным материалом. 3. Еще ниже располагался слой серой супеси с включениями пятен желто-коричневой супеси, мощностью в разных частях раскопа от 30 до 62 см. Включения желто-коричневой супеси образовались здесь от заполнения нор грызунов, в большом количестве обитающих на дюне. Наименьшую мощность этот слой имеет в верхней части дюны у западной стенки раскопа на уч. А8–Л8, наибольшая мощность наблюдается у подошвы дюны на уч. А1–В1. В этом слое сосредоточены все археологические находки из раскопа, что позволяет определить его как поселенческий слой Меллятамакского VI селища. Более детально дифференцировать культурный слой не представляется возможным. Еще ниже располагался материк – желто-коричневый песок. В верхней части материк нарушен норами грызунов, поэтому граница на некоторых участках между материком и культурным слоем очень нечеткая.

В результате работ 2012 г. на раскопе I были выявлены два сооружения и четыре ямы (рис. 8: 1).

Расположение известняковых плит и столбовых ям на раскопе свидетельствует о наличии здесь остатков двух наземных сооружений.

Сооружение 1 (уч. АБ7–8) (рис. 8: 1) фиксируется по выкладке из расслоившихся известняковых камней разного размера, которые начали

встречаться на глубине от 20 до 58 см от современной поверхности. Камни образуют собой линию, протянувшуюся с юга – юго-запада на север – северо-восток через уч. А7–8, Б8 и, вероятно, являются нижней частью наземного сооружения. Сооружение уходит в северную и западную стенки раскопа. Площадь сооружения № 1 в исследованной раскопом части составляет около 7–8 кв. м.

Заполнение сооружения в плане никак не выделяется на фоне серой супеси с включениями пятен желто-коричневой супеси, однако в профиле восточной стенки удалось зафиксировать прослойку темно-серой плотной супеси, которая маркирует собой разрушенную наземную часть сооружения. Дно сооружения плоское, располагается, по всей видимости, на глубине 40–58 см от современной поверхности.

В пределах сооружения на уч. А8 выявлены очаг и развал сосуда чияликской культуры (рис. 9: 17), уходящие в северную и западную стенки, а также концентрация значительного количества костей животных. Здесь же отмечены железный нож (гл. 35 см) (рис. 9: 12), выявленный с восточной стороны от развала известняковых камней, а на уч. Б1 – костяной наконечник стрелы (гл. 21 см) (рис. 9: 8). Судя по находкам керамики, данное сооружение относится к чияликской культуре.

Очаг № 1 (уч. А8) (рис. 8: 1) вошел в раскоп не полностью, размеры исследованной части составляют 16 x 20 см. Очертания прокала от очага выявились на глубине 30 см от современной поверхности, его заполнение содержит гумусированный песок с

включением золы и угольков мощностью 2–3 см.

Сооружение № 2 (уч. Г35–8) (рис. 7: 1) зафиксировано на глубине 25–40 см от современной поверхности по скоплению на этой территории трех очагов, четырех столбовых и трех хозяйственных ям, а также обилию индивидуальных находок. Площадь и форму сооружения невозможно определить ввиду отсутствия у него четких границ. Следует отметить, что ряд столбовых ям, проходящих через уч. Ж6–Г5, имеет ту же ориентировку, что и линия камней сооружения № 1, а именно: с юга – юго-запада на север – северо-восток. В этом же направлении расположены и ямы № 1, 3. Возможно, это сооружение является частью сооружения № 1.

Яма № 1 (уч. Ж37–8) (рис. 8: 1) была выявлена на глубине 40 см от современной поверхности в виде пятна неправильной формы, вытянутого с запада на восток. Размеры ямы на уровне фиксации составляли 310 x 90 см. Заполнение ямы состоит из темно-серой гумусированной супеси, на глубине 50 см на уч. Ж7–8 в ней выявлен обломок жернова.

При выборке ямы, после снятия первого пласта от уровня её фиксации, она оказалась разделена на две части.

На уч. Ж37–8 проявилась овальная в плане яма размерами 164 x 110 см с покатыми стенками и плоским дном. Глубина ямы от уровня выявления достигала 63–68 см. В заполнении ямы выявлены развал сосуда чияликской культуры (рис. 9: 14, 16), а также фрагмент стенки от лепного сосуда и фрагмент венчика от сосуда пьяноборской культуры (рис. 9: 13). Кроме

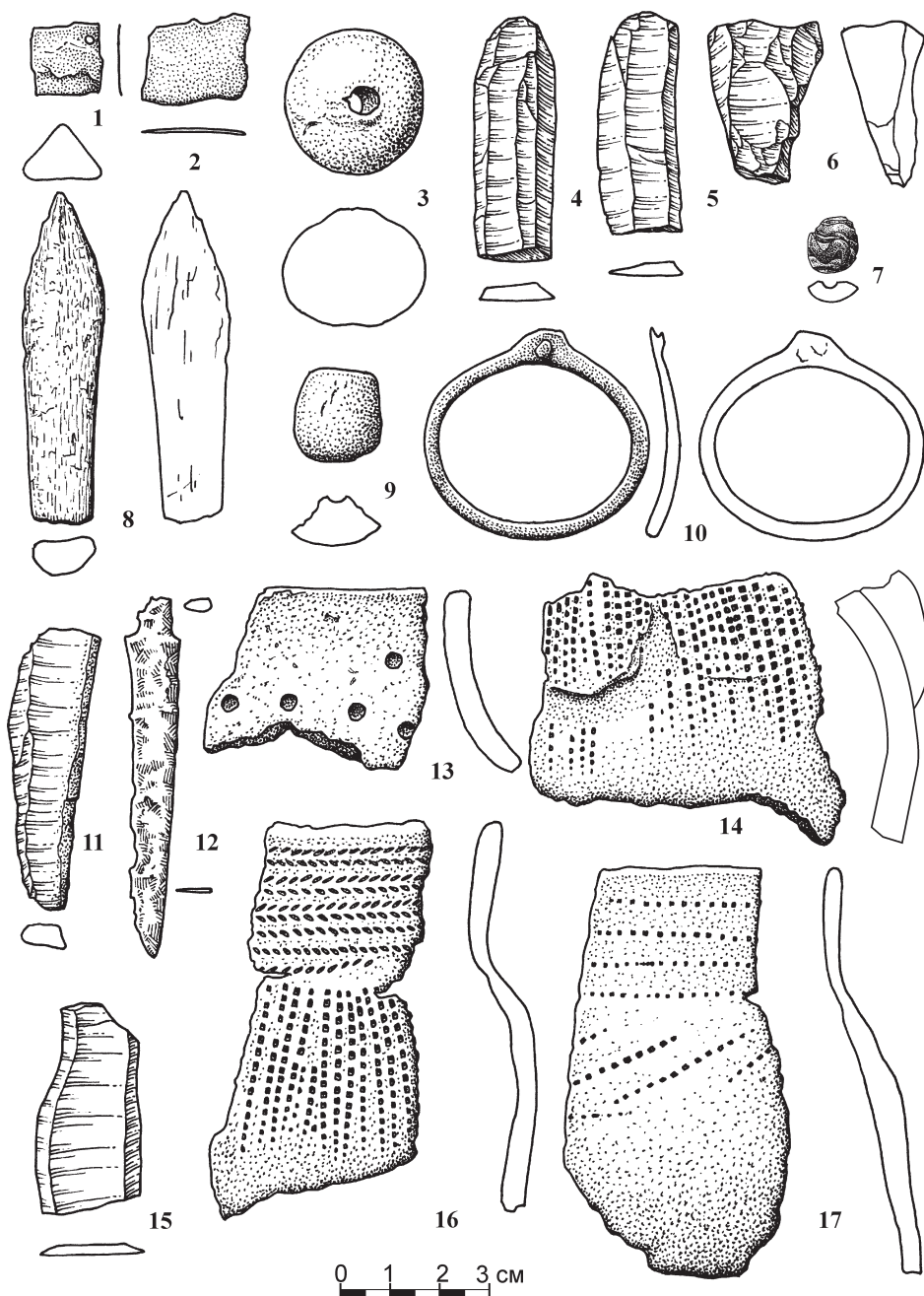

Рис. 9. Меллятамакское VI селище. Находки из раскопа I, 2012 г. 1, 2, 10 – медь, 3, 9, 13, 14, 16, 17 – керамика, 4–6, 11, 15 – кремль, 7 – стекло, 8 – кость, 12 – железо.

Fig. 9. Mellya-Tamak VI settlement. Finds from dig I, 2012. 1, 2, 10 – copper, 3, 9, 13, 14, 16, 17 – ceramics, 4–6, 11, 15 – flint, 7 – glass, 8 – bone, 12 – iron.

того, здесь выявлено несколько кремневых отщепов.

Вторая часть ямы, располагавшаяся на уч. ЖЗ6–7, имеет небольшую глубину в 20 см, покатые стенки и неровное дно. Очевидно, эта часть ямы образовалась в результате перекопа земли грызунами. Находок здесь не выявлено.

Яму № 1 по находке развала сосуда следует отнести к чияликской культуре.

Яма № 2 (уч. ЖЕ8) (рис. 8: 1) была зафиксирована на глубине 34 см от современной поверхности в виде пятна неправильной формы. Размеры ямы на уровне выявления составляют 100 x 110 см. Заполнение ямы состояло из темно-серой гумусированной супеси, в заполнении на глубине 40 см на уч. Ж8 зафиксирован обломок крупного плитчатого известняка. Стенки ямы неровные, образующие в ее южной части уступ. Дно неровное, выявлено на глубине 49 см от уровня фиксации. Находок нет. Судя по планиграфии, яму № 2 также следует отнести ко времени существования чияликской культуры.

Яма № 3 (уч. ЖЕ5–7) (рис. 8: 1) выявлена на глубине 40–50 см от нулевой отметки в виде пятна неправильной, очень размытой формы. Размеры пятна в наибольшем расширении составляют 200 x 310 см.

Заполнение ямы состоит из темно-серой гумусированной супеси, в верхних слоях которой была найдена заготовка призматического нуклеуса (уч. Ж6, яма 3, гл.57) (рис. 9: 6). При выборке заполнения, на глубине 2 см от уровня фиксации очертаний, яма разделилась на две части (3а и 3б).

Яма № 3а имеет вытянутую с востока на запад форму, близкую к оваль-

ной, размерами 280 x 80 см. Стенки покатые, дно ровное. Глубина ямы составила 20–23 см. В восточной части яма 3а соединяется с более глубокой ямой 3б.

Яма № 3б подпрямоугольной формы имеет размеры 210 x 190 см. Глубина ее возле западной стенки раскопа достигает 71 см от уровня выявления ямы. Стенки пологие, переходящие в неровное дно с углублениями. Находки представлены фрагментом лепной керамики с примесью органики в тесте.

Судя по планиграфии и ввиду того, что столбовая яма 3 перекрывает ее, яма № 3б была создана раньше, чем была возведена столбовая конструкция, состоящая из столбов 1–4, таким образом, данная яма относится к более раннему периоду, чем время существования чияликской культуры.

Столбовая яма № 1 (уч. ДЕ5–6) (рис. 8: 1) была выявлена на глубине 35 см от современной поверхности в виде пятна темно-серой гумусированной супеси диаметром 22 см. Границы столбовой ямы очень нечеткие из-за того, что пересекают яму № 3б, которая имеет схожее заполнение. Глубина ямы около 30 см от уровня выявления. Находок не обнаружено.

Столбовая яма № 2 (уч. ВГ5) (рис. 8: 1) была выявлена на глубине 42 см от нулевой отметки в виде пятна угольков и обожженного дерева диаметром 22 см. Глубина ямы – 24 см от уровня выявления. Стенки прямые, покато переходящие в плоское дно. Находок не обнаружено.

Столбовая яма № 3 (уч. Е5) (рис. 8: 1) была выявлена на глубине 42 см от нулевой отметки в виде пятна угольков и обожженного дерева диаметром 26 см. Она зафиксирована в

слое темно-серой гумусированной супеси, которая является заполнением ямы 3а. Стенки прямые, покато переходящие в плоское дно, зафиксированное на глубине 41 см от уровня выявления. Находок не обнаружено.

Столбовая яма № 4 (уч. Ж6) (рис. 8: 1) была выявлена на глубине 46 см от современной поверхности в виде пятна темно-серой гумусированной супеси диаметром 25–28 см. Глубина ямы – 10 см от уровня выявления. Находок не обнаружено.

Очаг № 2 (уч. Г7) (рис. 8: 1). Очертания овального в плане кострища размером 24 x 46 см, вытянутого по оси северо-запад – юго-восток, появились на глубине 20 см от современной поверхности. Заполнение очага содержит золу, угольки и прокаленную супесь мощностью 2–3 см.

Очаг № 3 (уч. ДЕ8) (рис. 8: 1). Округлое в плане кострище диаметром 56 см было выявлено на глубине 20 см от современной поверхности. Заполнение очага содержит золу и прокаленную супесь мощностью 2–3 см.

Очаг № 4 (уч. ГД8) (рис. 8: 1). Очертания овального в плане кострища диаметром 30 x 64 см, вытянутого по оси северо-восток – юго-запад, были выявлены на глубине 20 см от современной поверхности. Заполнение очага содержит крупные куски угля и прокаленную супесь мощностью 2–3 см.

В пределах сооружения № 2 найден ряд индивидуальных находок: напрядлища – фрагмент (уч. Д7, гл. 39 см) (рис. 9: 9) и целая форма (уч. Г7, гл. 32 см) (рис. 9: 3), кольцевидная подвеска из склепанного медного прутка (уч. Г7, гл. 34 см) (рис. 9: 10) и медная накладка (уч. Ж7, гл. 40 см) (рис. 9: 1).

Подобная накладка найдена и в подъемном материале (рис. 9: 2).

Вещевой комплекс раскопа представлен, в основном, находками керамики и кремневых изделий.

Из раскопа I происходят 18 фрагментов керамики (13 фрагментов от двух развалов сосудов). Все они выявлены на глубине второго пласта, причем 17 из них происходят из заполнений сооружений и ям. Керамика относится к чияликской (13 фр.) и пьяноборской (2 фр.) культурам, еще три фрагмента керамики не удалось идентифицировать. Столь небольшое количество керамики, найденной на раскопе, можно объяснить, по всей видимости, тем, что верхняя часть культурного слоя в значительной степени была повреждена при проведении здесь строительных работ во время строительства газопровода.

Изделия из кремня, найденные в раскопе I, фиксировались в нижней части второго пласта (всего 14 экз.). Они представлены следующими предметами: сколом подправки нуклеуса; длинным ребристым сколом с фронта нуклеуса; отщепами, фрагментом аморфной пластины (рис. 9: 15), миниатюрным сработанным нуклеусом (уч. Ж5, гл. 38 см), угловым резцом на пластине (уч. Ж5, гл. 39 см), ножевидной пластиной с зубчатым краем и отсеченным кончиком (уч. Г6, гл. 50 см) (рис. 9: 4), сломанной пластиной со скошенным краем (уч. Д5, гл. 48 см) (рис. 9: 11), пластиной с ретушью – вкладышем в режущее пазовое орудие (уч. 38, гл. 55 см) (рис. 9: 5).

Кремневый инвентарь по морфологии имеет близкие аналогии в материалах неолитических Меллятамакского V могильника и Меллятамакской IV стоянки, расположенных на остатках

центральной дюны (Свод памятников, 2007, с. 265–267, № 2209, 2227; Казаков, 2011, с. 20–40).

Единично в раскопе выявлены изделия из стекла, такие как фрагмент бусины (уч. К8, гл.+50) (рис. 9: 7).

Раскоп II площадью 96 кв. м. расположен в средней части западной дюны, на ее восточном склоне, в 77 метрах к югу – юго-востоку от раскопа I (рис. 1: 2). Он разбит на одной из непо потревоженных частей дюны, в месте находок подъемного материала, происходящего из сурчиных нор, кроме того, площадка раскопа выбрана таким образом, чтобы она не затронула траншею газопровода.

В результате проведенных работ на раскопе было выявлено лишь два фрагмента стенок лепной керамики без орнамента, которые были отмечены на глубине первого пласта. Подобная малочисленность материала объясняется, по всей видимости, размещением раскопа на периферии поселения.

Раскоп III расположен в северной части западной дюны в 4 м к югу от раскопа I (рис. 1: 2). Поверхность дюны в этой части ровная, с небольшим уклоном в восточном направлении. Раскоп прямоугольной формы, площадью 96 кв. м. ориентирован по сторонам света.

Стратиграфия включала в себя следующие напластования: 1. дерн – 5–8 см; 2. ниже следует слой светло-серого песка. Этот слой, в отличие от раскопов I и II, прослежен во всех стенках раскопа III. На уч. А8 он перемешан с нижележащим слоем, что свидетельствует о нарушении правильного залегания слоев в результате прокладки нефтепровода. Сформировался светло-серый песок, вероятно, в

результате высоких половодий р. Ик в период после окончания существования селища и является наносным материалом. 3. Еще ниже залегает слой серой супеси с включениями пятен желто-коричневой супеси мощностью 30–40 см. Пятна желто-коричневой супеси образовались здесь в результате перекопов, образованных норами грызунов. В этом слое сосредоточены все археологические находки с раскопа. 4. Материк состоит из желто-коричневого песка. В верхней части материковый слой сильно перемешан норами грызунов, поэтому граница на некоторых участках между материком и культурным слоем нечеткая.

Каких либо сооружений в раскопе III выявлено не было.

Вещевой комплекс раскопа III представлен, в основном, керамикой и кремневыми изделиями.

Из раскопа происходит 47 фрагментов глиняной посуды. В культурном отношении она относится к пьяноборской, кушнарниковской и чияликской культурам. Вся керамика пьяноборской культуры, выявленная на раскопе, представлена неорнаментированными стенками сосудов, кушнарниковская керамика представлена одним фрагментом (уч. Б7) (рис. 10: 8), наиболее выразительные фрагменты керамики чияликской культуры выявлены на уч. А7 (рис. 10: 7, 9), Б7 (рис. 10: 5, 6), В6 (рис. 10: 4). Распределение керамики по пластам в зависимости от их культурной принадлежности показано в таблице 1.

Изделия из кремня выявлены в нижней части второго пласта (всего 4 экз.). Они представлены следующими находками: отщепом (уч. В1, гл. 35 см), сколотой галькой, видимо, это была заготовка нуклеуса (уч. В7, гл.

Таблица 1.

Распределение керамики по пластам в раскопе III

пласт	Пьяноборская культура	Кушнаренковская культура	Чияликская культура	Не определено	Итого
первый	5	1	14	2	22
второй	19		5	1	25
Итого	24	1	19	3	47

32), фрагментом кремневого орудия (уч. А1, гл. 45) (рис. 10: 2), ножевидной пластиной с ретушью с обеих сторон (уч. В1, гл. 32) (рис. 10: 1).

Кремневый инвентарь по морфологии близок к комплексу кремневых изделий Меллятамакского V могильника и Меллятамакской IV стоянки.

Кроме того, на раскопе III (уч. Б5, глубина +50 см) найдена железная проколка длиной 4,7 см, изготовленная из подчетырёхугольного прутка (рис. 10: 3). Она имеет широкое время бытования и не может быть устойчиво соотнесена с какой-либо из культур, выявленных на раскопе.

Раскоп IV расположен на южной оконечности западной дюны, на ее юго-восточной стороне, в 106 м от раскопа II (рис. 1: 2). Дюна здесь поднимается на максимальную высоту относительно поймы р.Ик.

На месте раскопа был собран подъемный материал, состоящий из фрагментов керамики кушнаренковской культуры (рис. 10: 14) и бронзовой ромбовидной накладки (рис. 10: 12). Поверхность дюны в месте раскопа ровная, имеющая незначительный уклон с севера на юг.

Стратиграфия несложна: 1. дерн толщиной 3–6 см. В отличие от других раскопов, на раскопе IV под дерном нигде не выявлен слой светло-серого или темно-серого наносного гумусированного песка, по всей вероятности, это объясняется высоким расположе-

нием места раскопа, не затрагиваемым разливами реки. 2. Под дерном залегает слой серой супеси с включениями пятен желто-коричневой супеси мощностью 40–45 см. В этом слое, как и на других раскопах, сосредоточено основное количество предметов материальной культуры Меллятамакского VI селища. 3. Еще ниже отмечен материк – желто-коричневый песок.

Вещевой комплекс раскопа IV представлен керамикой и кремневыми изделиями.

Из раскопа IV происходят 27 фрагментов керамики. 10 фрагментов неорнаментированных стенок отнесены к пьяноборской культуре; 11 фрагментов к кушнаренковской, наиболее полно сохранились венчик, выявленный на уч. А1 (рис. 10: 11) на глубине 40 см, и две стенки с орнаментом с этого же участка (рис. 10: 15, 16), зафиксированные на глубине 20 см от современной поверхности. Один фрагмент неорнаментированной стенки сосуда по фактуре поверхности и примесям определен как чияликский.

Кроме того, один неорнаментированный фрагмент керамики, выявленный на уч. В5 на глубине 40 см от современной поверхности, по всей видимости, относится к эпохе неолита (рис. 10: 10), еще четыре фрагмента не удалось идентифицировать. В таблице 2 показано распределение керамики по пластам в зависимости от их культурной принадлежности.

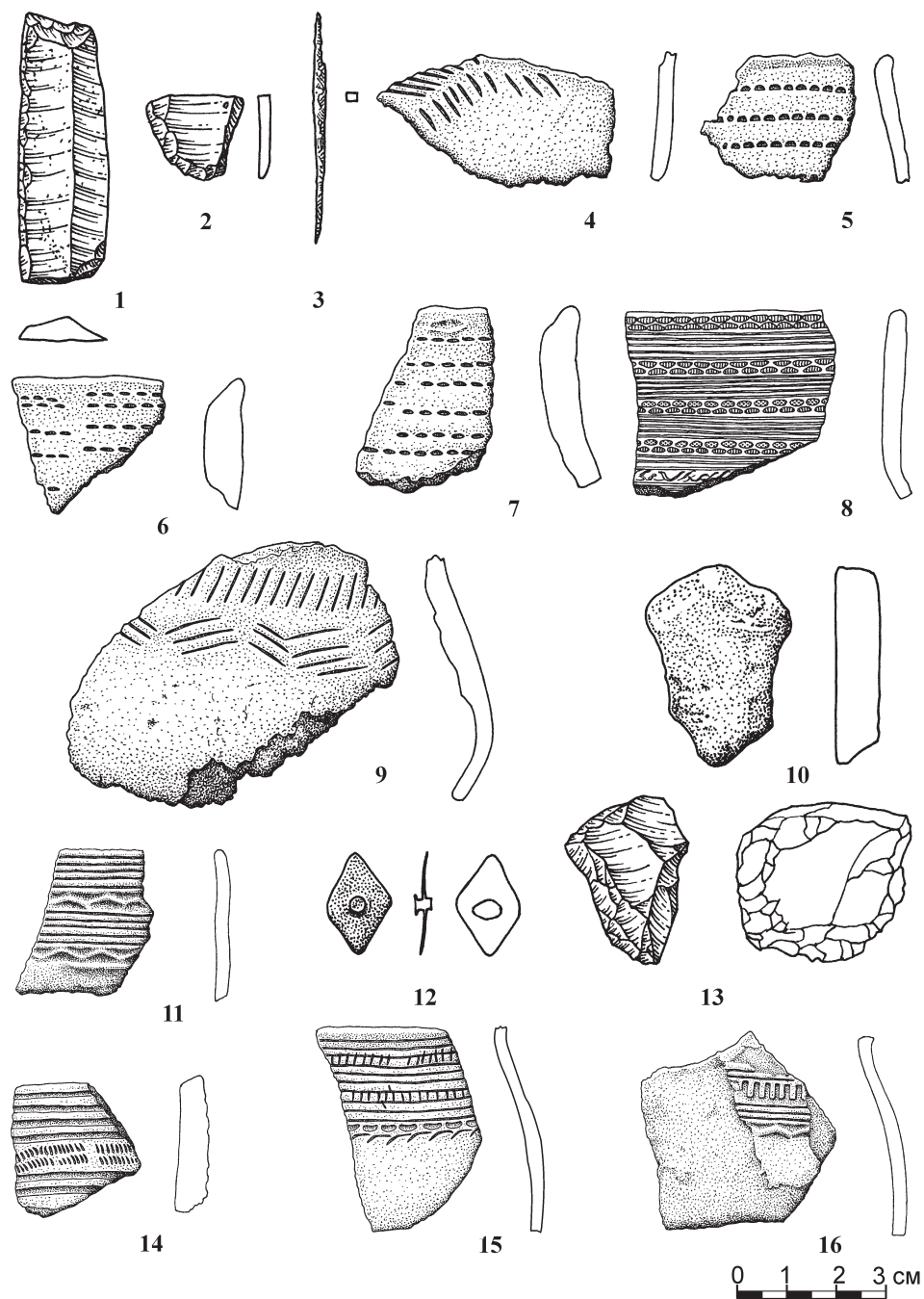

Рис. 10. Меллятамакское VI селище. Находки из раскопа III (1–9) и IV (10–16) 2012 г.
1, 2, 13 – кремль, 3 – железо, 4–11, 14–16 – керамика, 12 – медь.

Fig. 10. Mellya-Tamak VI settlement. Finds from dig III (1–9) and IV (10–16) 2012.
1, 2, 13 – flint, 3 – iron, 4–11, 14–16 – ceramics, 12 – copper.

Таблица 2.

Распределение керамики по пластам в раскопе IV

пласт	неолит	Пьяноборская культура	Кушнаренковская	Чиялыкская культура	Не определено	Итого
первый		6	10		1	17
второй	1	4	1	1	3	10
Итого	1	10	11	1	4	27

Кремневые изделия, всего три экземпляра, выявлены в нижней части второго пласта, они представлены следующими предметами: нуклеус торцовый в начальной стадии обработки (уч. Б5, гл. 28 см) (рис. 10: 13), ножевидная пластина-резец (уч. Б8, гл. 36 см) и фрагмент скола (уч. Б4, гл. 50 см). Кремневые изделия находят свои аналогии в материалах Меллятамакского V могильника и Меллятамакской IV стоянки.

К сожалению, найденные на памятнике в 2012 г. многочисленные кости животных (380 экз.) не удалось привязать к тем или иным этапам существования Меллятамакского VI селища из-за перемешанности культурного слоя, поэтому они рассматривались совокупно и могут относиться к разным хронологическим периодам. Всего было диагностировано 97 костей крупного рогатого скота, 18 – мелкого рогатого скота, по 9 костей лошади и свиньи, по одной кости лося и рыбы (определение к.в.н. Асылгараевой Г.Ш.).

Исследования 1982, 1983 и 2012 годов позволили выделить несколько этапов заселения Меллятамакского VI селища.

Самый древний этап связан с находками, зафиксированными в предматериковом слое. Эти находки представлены фрагментом керамики (рис. 10: 10) и кремневыми изделиями хорошего качества (темно-серого и светло-полосчатого цвета) (рис. 9: 4–6, 11,

15; 10: 1, 2, 13), аналогии им прослежены в Меллятамакском V могильнике, исследованном в 1983–1984 гг. (Казаков, 2011, с. 35–38) и на Меллятамакской IV стоянке, разведочно обследовавшейся в 1982–1985 гг. (Свод памятников, 2007, с. 265, № 2209). Время функционирования могильника – мезолит-ранний неолит (Казаков, 2011, с. 39) – вероятно, применимо и к древнейшему этапу существования Меллятамакского VI селища.

Ко второму этапу существования памятника относится керамика пьяноборской культуры. Она лепная, с примесью раковины в тесте, отдельные фрагменты орнаментированы ямками (рис. 9: 13). К сожалению, датирующих вещей, связанных с данной эпохой, найдено не было, поэтому время существования селища пьяноборского культуры на Меллятамакской дюне определено в рамках всего существования пьяноборской культуры – конец II в. до н.э. – III в. н.э. (Агеев, 1992, с. 57).

Третий этап связан с находками, относящимися к кушнаренковской культуре. К ним относится, прежде всего, керамика (лепная круглодонная, с примесью песка в тесте), которая отличается изящным орнаментом и тонкими стенками (рис. 10: 8, 11, 14–16). К этому же времени относится ромбовидная медная накладка (рис. 10: 12) и, вероятно, фрагменты медных накладок подчетыреугольной формы (рис. 9: 1, 2). Необходимо

отметить, что в пределах Меллятамакского комплекса памятников на остатках центральной дюны также известна керамика кушнаренковской культуры, выделенная в особое Меллятамакское VII селище (Свод памятников, 2007, с. 266, № 2219).

Существуют две точки зрения на хронологические границы кушнаренковской культуры: первая датирует её в широких пределах (середина VI–X вв.), включающих несколько этапов существования (Мажитов, 1981, с. 27, 28; Казаков, 2001, с. 119; 2007, с. 35), вторая исключает из состава кушнаренковской культуры поздние этапы, как принадлежащие отдельной, кара-якуповской культуре, и датирует кушнаренковские памятники в узких пределах конца VI–VII вв. (Иванов, 1999, с. 47, 53–55).

Заключительный, четвертый этап существования Меллятамакского VI селища относится к чияликской культуре. В раскопах были выявлены наземные сооружения, связанные с этой культурой, а также очаги, камни обкладки стен и хозяйственные ямы. Основные материалы, характеризующие данную культуру, представлены лепной круглодонной керамикой с большой примесью песка в тесте, с шаровидным туловом и блоковидной или раструбовидной шейкой, железными крицами, бусами (рис. 3: 1; 7: 1, 2; 9: 7), железным ножом (рис. 9: 12), проколкой (рис. 10: 3), кольцевидной подвеской из склепанного медного прутка (рис. 9: 10) и др. О наличии ткачества на селище в чияликское время свидетельствуют находки пряслиц (рис. 7: 8, 10; 9: 3, 9). К данному хронологическому горизонту относится и костяной наконечник стрелы (рис. 9: 8).

Хронологические границы чияликского этапа существования Меллятамакского VI селища определяются находками стеклянных бус из раскопа II 1982 г. и раскопа I 2012 г., все они относятся к V группе стеклянных бус по Н.Н. Бусятской. Это полосчатые бусы, изготовленные навивкой стеклянной массы на твердую основу, с орнаментом в виде накладных линейно-волнистых пастовых нитей (Бусятская, 1976, с. 42, табл. II, 27). В раскопе II 1982 г. они представлены исключительно плоскими бусами типа 1, орнаментированными тремя–четырьмя выпуклыми волнистыми линиями. Подобные бусы были распространены в Поволжье в золотоордынское время, особенно широко они представлены в материалах Болгарского и Селитренного городищ (Бусятская, 1976, с. 42), а также в коллекции поселка у с. Берёзовка, датированного XIII–XIV вв. (Алихова, 1960, с. 199, рис. 2: 10).

Фрагмент бусины из раскопа I 2012 г. утратил свою форму, поэтому она может относиться как к круглым (тип 1), так и к зонным (тип 2) бусам, также изготовленным навивкой на твердую основу (Бусятская, 1976, табл. II: 23, 24), орнамент в нашем случае состоит из голубых и красных выпуклых линий. Датируются бусы и первого и второго типа по аналогиям в русских и позднекочевнических курганах, мордовских могильниках, материалах золотоордынских памятников Хорезма, Селитренного городища и культурным слоям Новгорода – XII–XIV вв. (Бусятская, 1976, с. 42; Галкин, 1984, с. 217, рис. 3: 9, 11, 13, 14; Валлиулина, 2005, с. 96).

В подобной технике (навивка стеклянной массы на твердую основу,

Рис. 11. Такталачукский могильник. 1а – погр. 286, фотография; 1б – погр. 286, рисунок; 2а – погр. 44, фотография, 2б – погр. 44, рисунок; 3а – погр. 192, фотография, 3б – погр. 192, рисунок; 4а – погр. 50, фотография, 4б – погр. 50, рисунок; 5а – погр. 66, фотография; 5б – погр. 66, рисунок.

Fig. 11. Taktalachuk cemetery . 1а – grave 286, photo; 1б – grave 286, drawing; 2а – grave 44, photo, 2б – grave 44, drawing; 3а – grave 192, photo, 3б – grave 192, drawing; 4а – grave 50, photo, 4б – grave 50, drawing; 5а – grave 66, photo; 5б – grave 66, drawing.

с орнаментом в виде накладных линейно-волнистых линий) изготовлена цилиндрическая бусина из погр. 10 Такталачукского могильника, датированная по аналогиям с материалами могильника у с. Гагино XIV в. (Казаков, 1978, с. 68, рис.33: 3).

Другим хорошим источником для датирования чияликского хронологического горизонта Меллятамакского VI селища является керамика. Наиболее яркие параллели с меллятамакской керамикой прослежены в материалах Такталачукского могильника чияликской культуры (рис. 11: 1–5). Керамика с выступами, имитирующими ушки, выявленная на Меллятамакском VI селище (рис. 3: 8; 9: 14), известна в погр. 44, 66, 192 Такталачукского могильника (рис. 11: 2, 3, 5) (Казаков, 1978, с. 62, рис. 32: 1, 4). Схож и орнамент на керамике, происходящей с этих памятников, в нем присутствует как шнуровой, так и гребенчатый штампы, а также отмечено сочетание этих элементов на одном сосуде. Схожи и орнаментальные мотивы: шнуровой орнамент в виде многорядных горизонтальных линий (рис. 3: 8; 7: 2; 10: 1, 4) и волны (рис. 7: 14; 11: 4), зигзага, выполненного гребенчатыми и резными линиями (рис. 5: 1; 7: 16; 10: 9; 11: 2, 3) и т.д.

Датировка могильника Такталачук определена по вещевому комплексу и монетам хана Узбека (1312–1342 гг.) и Джанибека (1342–1356 гг.), найденным в погр. 84, 308, и укладывается в рамки XIV в. (Казаков, 1978, с. 61, 70). Близки по времени существования и поздние погребения Азметьевского I могильника чияликской культуры, керамика которого также близка к керамическому комплексу Меллята-

макского VI селища (Казаков, 1984, рис. 44: 17). Датировка поздних погребений Азметьевского I могильника определена по монете хана Узбека из погр. 88 (Казаков, 1978, с. 80).

По всей вероятности, в пределах XIII–XIV вв. можно датировать и поселение чияликской культуры на Меллятамакской дюне.

Подводя итоги, можно констатировать, что Меллятамакское VI селище является типичным памятником чияликской культуры. К настоящему времени на территории Башкортостана и восточных районов Татарстана известно около трех десятков таких поселений. Основой хозяйства носителей данной культуры было скотоводство, в котором преобладала лошадь и крупный рогатый скот. Также были развиты присваивающие отрасли хозяйства: охота, рыбная ловля и собирательство.

Чияликские поселения, как правило, располагались в долинах рек и при этом могли менять свою локализацию в зависимости от сезона и наличия кормовой базы. Как это характерно для полукочевников, у них выделяются летники и зимники. На них отмечаются стационарные и переносные постройки (шалаша, чумы, юрты), хозяйственные сооружения (ямы, погребя). Этот факт подтверждается и материалами Меллятамакского VI селища. Здесь отмечаются зольники и кострища, иногда обложенные камнями, характерные для летнего периода.

Чияликская культура получила свое название от поселения у д. Чиялик (Чиялек) Актанышского района РТ, исследованного Раннеболгарской экспедицией в 1969 г. (Казаков, 1978, с. 42–44). Вслед за этим в восточных

районах был изучен еще ряд подобных памятников (Казаков, 1978, с. 45–49).

Наиболее выразительные материалы по культуре чияликского населения представляют некрополи. Среди них Кушулевский могильник, изученный еще в 1958 г. И. Эрдели, а в 1962 и 1969 гг. Н. А. Мажитовым и Б.Б. Агеевым в Дюртюлинском районе Башкортостана (Мажитов, 1977, с. 34, 35 табл. I: 343, 346–349, 351–353; XXVIII: 23).

С 1969 по 1976 гг. Е.П. Казаковым исследовано более 350 захоронений этой культуры на Такталачукском и Азметьевском могильниках в Актанышском районе Республики Татарстан (Казаков, 1978, с. 49–82). Как предполагает один из авторов этой статьи, вышеупомянутые некрополи были оставлены уграми, находящимися в процессе тюркизации и мусульманизации. Данную точку зрения поддерживает Г.Н. Гарустович,

который отмечает участие носителей чияликской культуры в этногенезе башкир (Гарустович, 1992, с. 123). Учитывая, что основная концентрация чияликских некрополей локализуется в низовьях рр. Белая и Сюнь, они, вероятнее всего, оставлены подразделениями племени эней, которые, по историческим данным, обитали именно в этих местах (Казаков, 1978, с. 91; 2007, с. 65; Гарустович, Иванов, 1992, с. 27). Судя по большим размерам данных могильников, они оставлены крупными подразделениями вышеупомянутого племени, долгое время проживающего здесь до ассимиляции башкирами и татарами.

Ассимиляция населения «типа Чияликского селища» произошла, как считает Р.Г. Кузеев, под влиянием тюркских групп населения, которые мигрировали в низовья р. Белой после походов Тимура и Тохтамыша (Кузеев, 1992, с. 78, 79).

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УРО РАН, 1992. 140 с.
2. Алихова А.Е. Русский поселок XIII–XIV вв. у с. Березовки // МИА. № 80. М.: Наука, 1960. С. 195–209.
3. Бусятская Н.Н. Стекланные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.) // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1976. С. 73–107.
4. Валулина С.И. Стекло Волжской Булгарии. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. 280 с.
5. Галкин Л.Л. Стеклодельная мастерская на городище Селитренном // СА. 1984. № 2. С. 213–221.
6. Гарустович Г.Н. Ареал расселения угорских племен Приуралья в VIII–IX вв. // Востоковедение в Башкортостане: история и культура. Тезисы. Ч. II. / Отв. ред. Н.А. Мажитов. Уфа: Башкирский государственный университет, 1992. С. 121–123.
7. Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Ареал расселения угров на Южном Урале и в Приуралье во второй половине I начале II тыс. н.э. // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Удмуртский университет, 1992. С. 17–31.
8. Иванов В.А. Древние угро-мадьяры в Восточной Европе. Уфа: Гилем, 1999. 123 с.
9. Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарстана. М.: Наука, 1978. 131 с.
10. Казаков Е.П. Исследования Раннеболгарской экспедиции // АО - 1982 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1984. С. 150–151.

11. Казаков Е.П. Исследования Раннеболгарской экспедиции // АО - 1983. М.: Наука, 1985. С.150–151.
12. Казаков Е.П. Кушнаренковская культура // Очерки по археологии Татарстана / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: Школа, 2001. С. 119–122.
13. Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: ИИ АН РТ 2007. 208 с.
14. Казаков Е.П. Памятники эпохи камня в Закамье. Казань: Фолиант, 2011. 180 с.
15. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. 347 с.
16. Мажитов Н.А. Южный Урал в VI–VIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1981. С. 23–28.
17. Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с.
18. Свод памятников археологии Республики Татарстан: в 3 т. / Отв. ред. А.Г. Ситдииков, Ф.Ш. Хузин. Т. 3. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 529 с.

Информация об авторах:

Казаков Евгений Петрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ncai@mail.ru

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); chijevski@mail.ru

Лыганов Антон Васильевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ligaant@rambler.ru

MELLYA-TAMAK VI SETTLEMENT OF CHIYALIK CULTURE

E.P. Kazakov, A.A. Chizhevsky, A.V. Lyganov

The authors publish the findings of the digs on Mellya-Tamak VI temporary settlement belonging to the Chiyalik archaeological culture – one of the most comprehensively studied settlements in this complex of sites. Besides proper Chiyalik materials, some artefacts of Mesolithic-Neolithic, Early Iron Age (Pyany Bor culture) and Early Middle Ages (Kushnarenkovo culture) have been identified here. The Chiyalik stage is represented by debris of a summer camp, with its surface structures, hearths, stones from wall cladding and household pits. The life time of the Chiyalik settlement on the Mellya-Tamak dune can be dated within the thirteenth-fourteenth centuries, as suggested by the authors based on some finds of glass beads with overlaid linear-undulate paste threads and the ceramic complex. As a result of years of research, the authors conclude that the Chiyalik sites were left by the Uralic Ugrians, who were part of the Golden Horde population and were undergoing the process of Islamization and Turkization.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, Neolithic, Early Iron Age, Middle Ages, Pyany Bor culture, Kushnarenkovo culture, Chiyalik culture, temporary settlement, summer camp, Uralic Ugrians.

REFERENCES

1. Ageev, B. B. 1992. *P'ianoborskaia kul'tura (Pyany Bor Culture)*. Ufa: Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Bashkirian Scientific Center (in Russian).
2. Alikhova, A. E. 1960. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 80. Moscow: "Nauka" Publ., 195–209 (in Russian).
3. Busiatskaia, N. N. 1976. In Smirnov, A. P. (ed.). *Srednevekovye pamiatniki Povolzh'ia (Medieval Sites from the Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ., 73–107 (in Russian).

4. Valiulina, S. I. 2005. *Steklo Volzhskoi Bulgarii (Glass of Volga Bulgaria)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).
5. Galkin, L. L. 1984. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 213–221 (in Russian).
6. Garustovich, G. N. 1992. In Mazhitov, N. A. (ed.). *Vostokovedenie v Bashkortostane: istoriia i kul'tura. Tezisy (Oriental Studies in Bashkortostan: History and Culture. Abstracts)* II. Ufa: Bashkir State University, 121–123 (in Russian).
7. Garustovich, G. N., Ivanov, V. A. 1992. In Goldina, R. D. (ed.). *Problemy etnogeneza finno-ugorskikh narodov Priural'ia (Issues of Ethnic Genesis of the Cis-Urals Finno-Ugric Peoples)*. Izhevsk: Udmurt University, 17–31 (in Russian).
8. Ivanov, V. A. 1999. *Drevnie ugro-mad'iary v Vostochnoi Evrope (Ancient Ugric Magyars in Eastern Europe)*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).
9. Kazakov, E. P. 1978. *Pamiatniki bolgarskogo vremeni v vostochnykh raionakh Tatarii (Sites of Bulgarian Time in the Eastern Parts of Tataria)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
10. Kazakov, E. P. 1984. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1982 g. (Archaeological Discoveries in 1982)*. Moscow: "Nauka" Publ., 150–151 (in Russian).
11. Kazakov, E. P. 1985. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1983 g. (Archaeological Discoveries in 1983)*. Moscow: "Nauka" Publ., 150–151 (in Russian).
12. Kazakov, E. P. 2001. In Starostin, P. N. (ed.). *Ocherki po arkheologii Tatarstana: Uchebnoe posobie dlia studentov vuzov i uchitelei istorii (Essays on the Archaeology of Tatarstan: Textbook for University Students and Teachers of History)*. Kazan: "Shkola" Publ., 119–122 (in Russian).
13. Kazakov, E. P. 2007. *Volzhskie bolgary, ugry i finny v IX—XIV vv.: problemy vzaimodeistviia (The Volga Bulgarians, the Ugrians and the Finns in 9th – 14th Centuries: Problems of Interaction)*. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).
14. Kazakov, E. P. 2011. *Pamiatniki epokhi kamnia v Zakam'e (Sites of the Stone Age in the Trans-Kama Area)*. Kazan: "Foliant" Publ. (in Russian).
15. Kuzeev, R. G. 1992. *Narody Srednego Povolzh'ia i Iuzhnogo Urala. Etnogeneticheskii vzglad na istoriiu (Peoples of the Middle Volga and Southern Ural Areas: Ethnic-Genetic Slight on History)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
16. Mazhitov, N. A. 1981. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ., 23–28 (in Russian).
17. Mazhitov, N. A. 1977. *Iuzhnyi Ural v VII—XIV vv. (Southern Ural in 7th — 14th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
18. Sitdikov, A. G., Khuzin F. Sh. (eds.). 2007. *Svod pamiatnikov arkheologii Respubliki Tatarstan (Corpus of Archaeological Sites in the Republic of Tatarstan)* 3. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

About the Authors:

Kazakov Evgenii P. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ncai@mail.ru

Chizhevsky Anrdei A., Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; chijevski@mail.ru

Lyganov Anton V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ligaant@rambler.ru

УДК 572

МОРФОЛОГИЯ ПОСТКРАНИАЛЬНОГО СКЕЛЕТА НАСЕЛЕНИЯ БОЛГАРА (ПО МАТЕРИАЛАМ СХСИ РАСКОПА)¹

© 2016 г. Е.М. Макарова, А.Г. Ситдигов, С.Г. Бочаров

В статье представлена характеристика серии посткраниальных скелетов группы населения Болгарского городища золотоордынского периода. Антропологический материал получен в результате археологических работ 2013 г. в северо-западной части городища (раскоп СХСИ). По остеометрической программе были проанализированы останки 23 индивидуумов: 8 мужчин и 15 женщин.

И в мужской, и в женской сериях мы наблюдаем мезоморфное строение скелета. В мужской части выборки обращает на себя внимание развитие мышечного рельефа плечевой и бедренной костей, что позволяет предположить, что основная физическая нагрузка при жизни приходилась на плечо и бедро. Отличительной чертой женской серии является относительная массивность костей нижних конечностей. Сравнение мужской и женской частей выборки позволяет говорить о большом сходстве тех и других, что свидетельствует о слабо выраженном половом диморфизме. Значения реконструированной длины тела позволяют говорить о достаточно высоком росте у мужчин, в то время как женщины по этому показателю относятся к низкорослому населению. Сравнение новых материалов с ранее изученными остеологическими сериями Болгарского городища (некрополи: раскоп СХСИ, Ханская усыпальница, Малый минарет, «Четырехугольник») выявило сходство между группами по указанной системе признаков.

Ключевые слова: археология, антропология, Среднее Поволжье, Болгарское городище, золотоордынский период, остеометрия, физический тип населения.

Северо-западная территория Болгарского городища, где располагался раскоп СХСИ 2013 г., исследуется с самого начала археологического изучения памятника (рис. 1). В ранний период исследований работы были сосредоточены преимущественно в районе Бабьего бугра – наиболее заметного объекта в этой части памятника (Хлебникова, 1988). В 1880 г. Н.М. Малиевым и Н.Ф. Высоцким здесь были проведены первые раскопки. В 1913 г. члены Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете П.И. Кротов

и М.М. Хомяков провели серию исследований в разных частях городища и вскрыли ряд коллективных захоронений на могильнике Бабий бугор. Небольшие работы были проведены в 1920 г. группой студентов под руководством А.Ф. Адлера (Хлебникова, 1988).

Большой некрополь на Бабьем бугре был выявлен в ходе раскопок А.М. Ефимовой в 1947–1948 гг. Захоронения принадлежали как домонгольскому, так и золотоордынскому населению Болгара (Смирнов, 1947; Смирнов, 1948). За два года работ

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № 14-06-00463 А «Особенности жизнедеятельности населения средневекового Болгара по антропологическим и генетическим данным».

Раскоп СХСІ

Рис. 1. Топографический план Болгарского городища с месторасположением раскопа СХСІ.

Fig. 1. Topographic plan of Bolgar settlement, with the location of dig CXCI.

было исследовано 218 захоронений. В контексте изучения истории раннего домонгольского Булгара X–XII вв. это исследование было крайне важно и интересно. Домонгольские культурные напластования должны были залежать где-то рядом, вблизи некрополя. По мнению А.М. Ефимовой, некрополю предшествовали слои небольшого болгарского поселка X–XI вв., а также поселения, относящегося к городищной культуре середины I тысячелетия до н.э. Площадь раскопа 1948 года составила около 90 кв. м. Отдельные участки в северной и восточной

частях оказались подвержены делювиальным процессам и проследить все культурные отложения на них не удалось. На раскопе были исследованы слои русской деревни (II слой), где были открыты остатки русской деревянной бани. Слой XV–XVI вв. – периода запустения городища (III слой) выражен чрезвычайно слабо. Ниже него залегал смешанный слой – в нем было встречено очень мало находок, их общее количество даже не указано, построек нет совсем. Однако автор отчета предполагала здесь поселок небогатого городского населения домон-

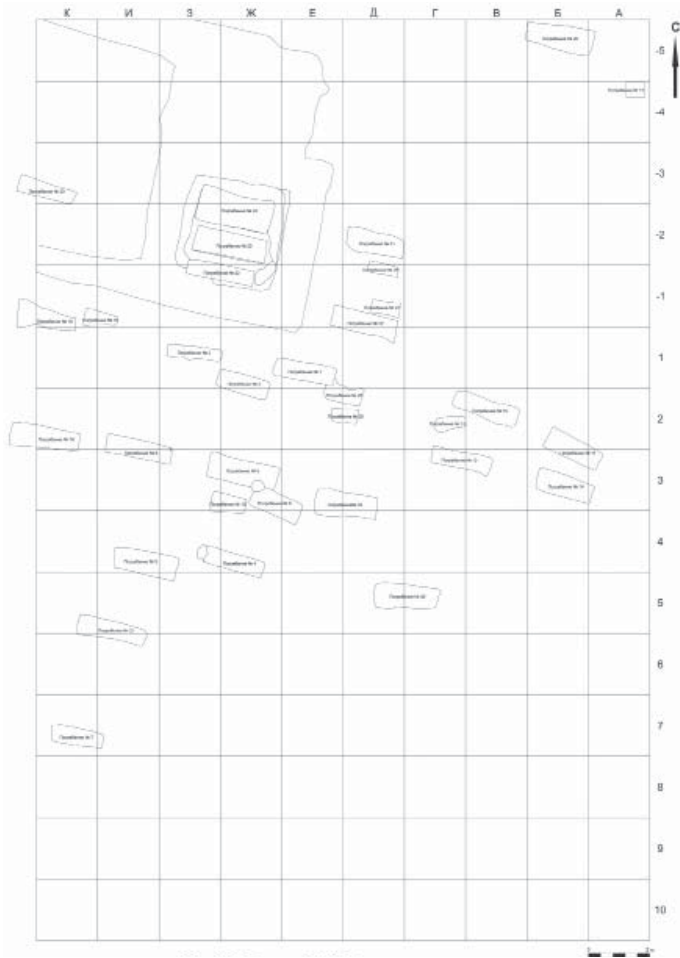

Рис. 2. Раскоп СХСІ. План-схема некрополя.

Fig. 2. Dig СХСІ. Schematic plan of the necropolis.

гольского периода. Следующим слоем на этом участке являлся слой VII по стратиграфической шкале городища – в нем обнаружены явные остатки поселения именьковской культуры середины I тысячелетия.

О работах 1957 г. на раскопе № 47 под руководством Л.П. Матвеевой четкая информация отсутствует (Смирнов, 1958). В публикациях отмечается, что в ходе раскопок были обнаружены домонгольские культурные напластования.

ХСVIII раскоп 1986 г. Н.Д. Аксеновой выявил слои русской деревни

и золотоордынского периода, которые тогда не удалось разделить на ранний и поздний горизонты (Аксенова, 1986). Как видно, в данной части городища проведено крайне небольшое количество исследований. Остается нерешенным вопрос и о существовании здесь домонгольского города, поскольку объектов, датирующихся этим временем, к настоящему моменту обнаружено не было.

Остальные раскопы в этой части городища сосредоточены довольно далеко от раскопа СХСІ – вокруг Британкина озера, где обнаружены слои и

сооружения как домонгольского Болгара, так и золотоордынского, а также слои русской деревни (Хлебникова, 1988; Шарифуллин, 2013).

Раскопом СХСІ в 2013 г. под руководством А.Г. Ситдиикова и С.Г. Бочарова было продолжено изучение одного из участков в северо-западной части Болгарского средневекового городища X–XV вв. (Ситдииков, 2014). Площадь раскопа составила 600 кв. м. В ходе работ были выявлены остатки жилых, хозяйственных объектов и погребальных памятников, связанных с жизнедеятельностью русского села и города Болгара золотоордынского периода. Мощность культурных отложений составила 1,75 м.

В ходе раскопок было установлено, что культурные напластования, относящиеся к золотоордынскому периоду, имеют два стратиграфических горизонта – позднеордынский (середина XIV – начало XV в.) и раннеордынский (середина XIII – первая треть XIV в.). Причем в позднеордынский период происходит полная перепланировка изучаемого участка средневековой городской территории.

В раннеордынский период исследуемый участок был занят жилой застройкой, о чем свидетельствуют остатки 36 хозяйственных ям и 4 городских усадеб. К концу раннеордынского периода население оставляет эту часть средневековой городской территории. В следующий, позднеордынский, период здесь возникает городская некрополь.

С могильником связан и найденный в раскопе ранее не известный архитектурно-археологический объект – мавзолей. Он датируется серединой XIV – началом XV в. В нем исследованы два погребения, одно из которых

было сделано в каменном саркофаге из известковых плит. Оба захоронения мужские и, возможно, связаны с представителями городских элит. Находка этого строения значительно расширяет наши представления об исторической топографии Болгарского городища и фиксирует в топографии города еще один район – северо-западный – с каменной монументальной постройкой.

Всего в ходе археологических работ 2013 г. было вскрыто 33 погребения, из которых 8 принадлежало мужчинам, 15 – женщинам, 7 – детям. Останки из трех погребений идентифицировать не удалось (рис. 2).

В 2015 г. И.Р. Газимзяновым были опубликованы результаты изучения краниологической выборки данного могильника (Газимзянов, 2015). Краниометрическая серия состояла из 7 мужских и 15 женских черепов. И мужские, и женские черепа были отнесены к брахикранным европеоидным формам, но, как отмечает И.Р. Газимзянов, с учетом полового диморфизма в женских черепах прослежена незначительная монголоидная примесь, проявляющаяся в более уплощенном лице, менее выступающих носовых костях и более низкой высоте свода. Сопоставляя мужские черепа из СХСІ раскопа с краниологическими сериями из раскопок Болгарского городища разных лет И.Р. Газимзянов еще раз подтвердил тезис о неоднородном антропологическом составе населения средневекового Болгара.

Материалом для данного исследования послужили посткраниальные скелеты 23 человек (8 мужчин и 15 женщин).

Исследование проведено по стандартной остеометрической методике,

принятой в отечественной палеоантропологии (Алексеев, 1966). Измерительная программа включала в себя 47 признаков и 21 указатель (стандартный бланк Института этнографии АН СССР 1965 г.). Середины диафизов длинных костей определялись морфологически. Метрическая середина диафиза использована только при измерении окружности середины диафиза ключиц. При оценке абсолютных значений признаков были использованы рубрики В.В. Бунака (Мамонова, 1986), А.Г. Тихонова (1997) и Д.В. Пежемского (2011). Используются традиционные рубрики указателей сечений (Martin, 1928; Алексеев, 1966), указатели ключицы и лопатки оценены по А. Малиновскому (Malinowski, Bożilow, 1997). Для женских костяков был рассчитан коэффициент асимметрии путем вычитания величины размера левой стороны из соответствующего размера правой стороны. Отрицательное значение коэффициента маркирует левостороннюю асимметрию. Для мужской части выборки коэффициент асимметрии не высчитывался в силу малочисленности серии.

Внутригрупповой анализ. Мужские скелеты (табл. 1). По абсолютным размерам плечевая кость характеризуется средними значениями всех признаков с достаточно развитой областью середины диафиза, где хорошо выражена дельтовидная бугристость, что, в свою очередь, свидетельствует о развитой мускулатуре плеча. Значения указателей массивности и поперечного сечения попадают в категории средних значений. Локтевая и лучевая кости также по всем размерам характеризуются средними величинами. Строение верхней части

диафиза локтевой кости без выраженных морфологических особенностей. Ключицы средних размеров, по указателю, тяготеют к массивным формам. Представить характеристику лопатки не представляется возможным в силу плохой сохранности.

Бедренные кости средней длины и ширины с сильно развитой *linea aspera*, что отразилось на больших значениях сагиттального диаметра середины диафиза. Массивность бедренных костей средняя с тенденцией к ее усилению. Верхнее сечение бедренных костей расширено в сагиттальном направлении (зуримерия).

Берцовые кости также характеризуются средними значениями продольных и поперечных размеров. Индекс массивности большой берцовой кости попадает в категорию средних значений. По указателю платикнемии левые большие берцовые кости несколько более уплощены чем правые, по рубрикации указателя и для правой и для левой стороны свойственна зурикнемия. Кости таза высокие, вход в малый таз широкий (платипеллия).

Тип телосложения по интермембральному указателю мезоморфный. Определение соотношения сегментов верхних конечностей иллюстрирует удлинение предплечья относительно плеча. Нижние конечности по феморотибиальному указателю характеризуются укороченной голенью относительно бедра.

Женская выборка (табл. 2). Размеры плечевой кости как продольные, так и поперечные относятся к категории средних величин. Значения указателей массивности и поперечного сечения составляют категорию средних значений. Лучевая кость по своим параметрам грацильная, абсолютные

Таблица 1

Остеометрические характеристики мужской серии

Признак по Маргину	Правая			Левая		
	n	X	S	n	X	S
<i>Плечевая кость</i>						
1. Наибольшая длина	7	332,3	26,9	6	323,2	25,0
2. Общая длина	7	328,4	27,2	5	326,6	20,2
3. Верх. эпифиз. ширина	8	52,6	3,6	5	50,8	2,6
4. Ниж. эпифиз. ширина	7	65,4	4,1	5	66,8	4,3
5. Наиб. Ø сер. диафиза	7	24,1	2,9	6	23,8	2,3
6. Наим. Ø сер. диафиза	7	19,1	1,9	6	19,0	2,1
7. Наим. окруж. диафиза	7	67,4	5,7	7	66,9	5,6
7а. Окружн. сер. диафиза	7	70,3	6,7	6	68,8	7,1
6:5. Указ. попер. сечения	7	79,5	4,3	6	79,7	4,7
7:1. Указатель массивности	7	20,3	1,1	6	20,4	1,1
<i>Лучевая кость</i>						
1. Наибольшая длина	5	255,4	16,9	5	250,8	15,4
2. Суставная длина	5	238,0	15,0	6	234,3	12,7
4. Попер. Ø диафиза	6	18,4	2,1	7	18,0	2,3
5. Сагитт. Ø диафиза	6	13,2	1,5	7	12,7	1,5
3. Наим. окружн. диафиза	6	44,0	4,0	7	43,0	4,0
3:2. Указатель массивности	5	18,7	1,1	6	18,5	1,2
5:4. Указ. попер. сечения	6	71,7	6,9	7	71,2	9,0
<i>Локтевая кость</i>						
1. Наибольшая длина	6	275,8	16,4	4	274,5	19,6
2. Суставная длина	7	238,3	14,3	5	244,0	21,2
11. Сагитт. Ø диафиза	7	15,4	1,9	7	16,1	1,9
12. Попер. Ø диафиза	7	16,9	2,2	7	16,6	2,6
13. Верх. попер. Ø	7	22,6	2,1	5	22,4	1,7
14. Верх. сагитт. Ø	7	25,6	3,2	5	26,4	4,2
3. Наим. окружн. диафиза	7	38,0	2,6	6	38,0	2,3
3:2. Указатель массивности	7	16,0	1,1	5	15,5	1,2
11:12. Указ. попер. сечения	7	93,5	20,4	7	100,3	23,3
13:14. Указ. платолении	7	88,8	6,7	5	85,9	8,9
<i>Ключица</i>						
1. Наибольшая длина	4	159,8	14,2	5	156,4	14,3
6. Окружн. сер. диафиза	4	41,3	1,9	4	39,8	2,2
6:1. Указатель массивности	4	25,9	1,3	4	25,3	1,4
<i>Лопатка</i>						
1. Морфологическая ширина	0	-	-	0	-	-
2. Морфологическая длина	4	108,5	5,1	1	116,0	-
2:1. Указатель формы	0	-	-	0	-	-

<i>Бедренная кость</i>						
1. Наибольшая длина	8	444,3	30,5	8	450,3	33,3
2. Длина в ест. положении	8	441,8	29,9	8	446,6	32,4
21. Мышелковская ширина	7	82,1	4,4	7	82,4	4,8
6. Сагитт. Ø сер. диафиза	8	30,1	2,9	8	30,8	3,2
7. Попер. Ø сер. диафиза	8	28,6	3,0	8	28,5	2,6
9. Верх. попер. Ø диафиза	7	30,1	3,5	8	30,9	2,9
10. Верх. сагитт. Ø диафиза	7	29,3	3,5	8	30,4	4,5
8. Окружн. сер. диафиза	8	91,8	7,7	8	92,4	8,7
8:2. Указатель массивности	8	20,8	0,9	8	20,7	0,9
6:7. Указатель пиялстрии	8	106,0	13,0	8	108,1	8,8
10:9. Указ. платимерии	7	98,0	13,6	8	98,9	14,9
<i>Большая берцовая кость</i>						
1. Общая длина	8	369,4	27,3	8	367,6	28,0
1а. Наибольшая длина	8	376,6	30,0	8	374,1	29,8
3. Наиб. шир. верх. эпиф.	6	76,8	3,4	8	76,8	4,6
6. Наиб. шир. ниж. эпиф.	8	53,0	2,5	7	53,7	3,9
8. Сагитт. Ø сер. диафиза	8	30,8	3,3	8	30,6	2,9
8а. Верх. сагитт. Ø	8	34,6	5,8	8	33,9	5,5
9. Попер. Ø сер. диафиза	8	23,4	2,4	8	22,9	2,7
9а. Верх. попер. Ø	8	26,5	2,1	8	26,7	3,2
10. Окружн. сер. диафиза	8	84,1	6,9	8	84,3	7,1
9а:8а. Указ. платикнемии	8	78,9	19,0	8	81,8	25,2
<i>Малая берцовая кость</i>						
1. Наибольшая длина	6	360,0	28,2	5	365,4	30,6
<i>Крестец</i>						
2. Передняя прямая длина	0	-	-	0	-	-
5. Передняя прямая ширина	4	111,8	9,9	4	111,8	9,9
1. Дуговая длина	0	-	-	0	-	-
<i>Таз</i>						
1. Высота таза	5	219,2	13,9	4	222,3	11,1
23. Сагитт. Ø входа в малый таз	3	107,0	7,8	3	107,0	7,8
24. Попереч. Ø входа в малый таз	5	134,4	10,3	5	134,4	10,3
2. Наибольшая ширина таза	4	278,3	20,2	4	278,3	20,2
1:2. Высотнo-широтный указатель	2	79,1	4,7	4	80,0	2,0
23:24. Указатель входа в малый таз	3	81,2	2,7	3	81,2	2,7
<i>Индексы пропорций</i>						
Интермембральный указатель	5	72,0	1,5	5	70,6	1,8
Лучеплечевой указатель	5	75,1	2,4	5	75,9	1,9
Берцовобедренный указатель	8	83,6	1,9	8	82,3	1,3
Плечебедренный указатель	7	74,8	2,9	6	72,8	2,0
Лучеберцовый указатель	5	67,3	2,1	5	67,2	2,2

значения ее продольных и поперечных размеров попадают в категорию малых величин. Размеры локтевой кости средние, исключение составляет наименьшая окружность диафиза, имеющая малую величину. Также на локтевой кости отмечаем асимметрию в строении диафиза. По указателю поперечного сечения правая кость более плоская, чем левая. Указатели массивности и платолении средних значений. Ключицы и лопатки мезоморфные. По указателям наблюдаем правостороннюю асимметрию (левые лопатки и ключицы грацильнее правых).

Бедренные и большие берцовые кости средних размеров имеют некоторую тенденцию к массивности. На костях ног мы отмечаем левостороннюю асимметрию как по продольным, так и по поперечным признакам. Значения указателей массивности костей ног в категории средних значений. По указателям сечений и бедренные, и большие берцовые кости расширены в поперечном направлении (бедренные – эуримерия, большие берцовые – эурикнемия). Кости таза средних размеров, вход в малый таз широкий – платипеллия.

Значение интермембрального указателя говорит о гармоничном соотношении рук и ног. Пропорции костей рук без ярко выраженных особенностей, лучеплечевой указатель средний, костей ног – голень укорочена относительно бедра (долихокеркия).

Различий в строении мужских и женских скелетов практически не наблюдается, что прослеживается как в абсолютных размерах, так и в значениях указателей массивности и сечения. Незначительные различия, наблюдаемые в строении диафизов длинных костей, вероятнее всего, свя-

заны с особенностями физической нагрузки, свойственной для хозяйственной деятельности мужчин и женщин. Таким образом, мы можем говорить о слабо выраженном половом диморфизме в исследуемой серии.

Реконструкция длины тела. Восстановленная длина тела высчитывалась по бедренной кости с учетом рекомендаций, изложенных в диссертационной работе Д.В. Пежемского (2011). Расчеты производились по формулам М. Черный–С. Коменда, К. Пирсона–А. Ли, М. Троттер–Г. Глезер, С. Дюпертюи–Д. Хэдден (Пежемский, 2011). По результатам вычислений реконструированная длина тела мужской части выборки варьирует в диапазоне 166–168 см. Полученные значения реконструируемой длины тела достаточно высокие как для населения того времени, так и для населения Среднего Поволжья, т.к. эта территория вплоть до настоящего времени входит в зону расселения низкорослых групп. Подтверждение этому мы находим в женской части выборки, где восстановленная длина тела расположена в диапазоне 150–152 см. Здесь следует вспомнить о различиях между мужской и женской выборками, которые выявил И.Р. Газимзянов при исследовании серии по краниологической программе (Газимзянов, 2015). Мужские черепа относятся к брахикранным европеоидным формам с резко профилированным лицевым скелетом и высоким переносьем. Женские черепа с учетом полового диморфизма «имели более низкий свод мозгового отдела, меньший угол выступления носа и более уплощенное лицо, т.е. в женской группе серии выявляется небольшая монголоидная примесь по этим признакам» (Газим-

Таблица 2

Остеометрические характеристики женской серии

Признак по Мартину	Правая			Левая			Коэффициент асимметрии
	n	X	S	n	X	S	
<i>Плечевая кость</i>							
1. Наибольшая длина	9	293,8	14,4	10	291,0	11,2	-1,58*
2. Общая длина	9	289,4	13,7	11	286,5	10,3	-2,00
3. Верх. эпифиз. ширина	8	46,3	3,5	10	45,3	3,3	-0,55
4. Ниж. эпифиз. ширина	9	53,0	4,0	7	53,1	2,5	-0,25
5. Наиб. Ø сер. диафиза	9	19,6	1,9	9	19,7	1,1	0,08
6. Наим. Ø сер. диафиза	9	15,2	1,5	9	15,3	1,1	0,00
7. Наим. окруж. диафиза	14	53,7	4,5	15	53,3	3,4	-0,50
7а. Окружн. сер. диафиза	9	56,2	4,7	9	56,1	2,3	0,00
6:5. Указ. попер. сечения	9	78,0	5,5	9	78,2	7,0	-0,32
7:1. Указатель массивности	9	18,3	1,2	10	18,4	0,8	0,02
<i>Лучевая кость</i>							
1. Наибольшая длина	8	218,1	14,4	11	217,3	10,8	0,50
2. Суставная длина	10	202,9	12,6	12	203,4	9,6	-0,56
4. Попер. Ø диафиза	13	15,2	1,5	15	15,0	1,4	-0,14
5. Сагитт. Ø диафиза	13	9,7	1,1	15	9,6	0,9	0,75
3. Наим. окружн. диафиза	14	33,6	3,7	15	33,4	3,4	-0,04
3:2. Указатель массивности	9	16,3	1,6	12	16,0	1,2	-0,10
5:4. Указ. попер. сечения	13	64,1	6,4	15	64,4	6,1	0,83
<i>Локтевая кость</i>							
1. Наибольшая длина	6	245,8	4,4	8	237,8	12,9	-0,63
2. Суставная длина	9	209,4	10,9	10	207,9	9,5	-0,45
11. Сагитт. Ø диафиза	10	11,1	1,3	14	11,2	1,6	-0,15
12. Попер. Ø диафиза	10	15,1	1,9	14	14,5	1,9	-0,25
13. Верх. попер. Ø	11	17,8	2,3	14	17,6	1,6	0,18
14. Верх. сагитт. Ø	10	22,2	2,4	14	22,1	2,1	-0,40
3. Наим. окружн. диафиза	12	30,7	2,7	14	30,5	2,7	0,78
3:2. Указатель массивности	9	14,3	1,1	10	14,7	1,2	0,48
11:12. Указ. попер. сечения	10	73,7	5,7	14	78,7	20,6	-2,09
13:14. Указ. платолени	10	80,6	11,4	14	80,4	8,6	-0,29
<i>Ключица</i>							
1. Наибольшая длина	6	136,8	7,0	6	138,8	5,6	1,00
6. Окружн. сер. диафиза	6	33,0	2,4	6	32,0	2,0	-0,11
6:1. Указатель массивности	6	24,2	2,0	6	23,1	1,4	-0,26
<i>Лопатка</i>							
1. Морфологическая ширина	1	144,0	-	3	144,3	1,5	0,00
2. Морфологическая длина	4	91,5	7,1	5	91,0	5,4	0,20
2:1. Указатель формы	1	65,3	-	3	62,6	5,6	0,00

* Выделены значимые коэффициенты асимметрии.

<i>Бедренная кость</i>							
1. Наибольшая длина	13	395,8	17,8	12	400,3	21,9	1,78
2. Длина в ест. положении	13	392,5	18,1	11	396,1	22,4	1,67
21. Мышелковская ширина	8	71,3	3,5	10	71,2	4,6	-0,11
6. Сагитт. Ø сер. диафиза	13	23,7	1,8	12	24,1	2,0	0,11
7. Попер. Ø сер. диафиза	13	23,5	3,3	12	24,2	2,6	0,61
9. Верх. попер. Ø диафиза	11	25,1	3,8	14	25,6	3,2	0,70
10. Верх. сагитт. Ø диафиза	11	23,3	1,7	15	23,7	1,9	0,30
8. Окружн. сер. диафиза	13	74,1	7,4	12	75,4	6,3	0,67
8:2. Указатель массивности	13	18,9	1,5	11	18,9	1,0	0,10
6:7. Указатель пиялястрии	13	101,9	9,4	12	100,1	7,4	-0,29
10:9. Указ. платимерии	11	94,4	13,6	14	94,2	15,1	-1,24
<i>Большая берцовая кость</i>							
1. Общая длина	12	319,1**	20,1	11	326,1**	16,3	2,44
1а. Наибольшая длина	13	326,7	18,7	11	330,5	16,1	1,60
3. Наиб. шир. верх. эпиф.	7	67,3	4,5	8	65,4	4,9	-1,56
6. Наиб. шир. ниж. эпиф.	9	43,7	5,2	9	45,8	4,4	1,33
8. Сагитт. Ø сер. диафиза	12	24,7	3,2	11	25,0	2,9	0,00
8а. Верх. сагитт. Ø	15	27,0	3,6	13	27,8	3,0	0,90
9. Попер. Ø сер. диафиза	12	18,0	1,7	11	18,0	1,3	-0,44
9а. Верх. попер. Ø	15	20,3	2,1	15	20,3	1,8	-0,13
10. Окружн. сер. диафиза	12	67,5	7,3	11	68,1	5,9	-0,44
9а:8а. Указ. платикнемии	15	75,7	7,3	12	74,6	6,7	0,60
<i>Малая берцовая кость</i>							
1. Наибольшая длина	7	319,1**	23,2	5	328,8**	17,0	0,10
<i>Крестец</i>							
2. Передняя прямая длина	5	107,4	11,1	5	107,4	11,1	0,00
5. Передняя прямая ширина	9	108,3	4,0	8	107,3	2,5	0,00
1. Дуговая длина	5	98,4	22,1	5	98,4	22,1	0,00
<i>Таз</i>							
1. Высота таза	10	190,7	11,8	6	190,8	8,4	-1,57
23. Сагитт. Ø входа в малый таз	8	105,8	7,4				0,00
24. Попереч. Ø входа в малый таз	10	133,9	5,7				0,00
2. Наибольшая ширина таза	8	248,5	14,7				0,00
1:2. Высотно-широтный указатель	7	76,6	2,7	6	77,1	2,6	0,04
23:24. Указатель входа в малый таз	8	79,5	3,5	8	79,5	3,5	0,00

** Такая существенная асимметрия большой и малой берцовых костей обусловлена малочисленностью выборки и плохой сохранностью костей. Не во всех случаях удавалось измерить продольные размеры левых и правых костей.

<i>Указатели пропорций</i>							
Интермембральный указатель	7	71,3	2,1	10	69,1	5,3	-0,36
Лучеплечевой указатель	7	75,3	3,1	9	75,7	2,0	0,32
Берцовобедренный указатель	12	81,3	2,2	9	82,4	2,6	0,27
Печебедренный указатель	8	73,9	0,7	9	72,9	1,8	-0,51
Лучеберцовый указатель	8	67,8	4,0	8	67,3	3,5	-0,29

зянов, 2015, с. 117). Эти различия могут быть объяснены сложными этногенетическими процессами в регионе, о чем неоднократно писали многие исследователи, начиная с Г.Ф. Дебеца и Т.А. Трофимовой.

Межгрупповой сравнительный анализ. К настоящему моменту исследовано достаточно большое количество могильников Болгарского городища. В разное время антропологические коллекции из этих некрополей изучали Т.А. Трофимова, Н.М. Рудь (Постникова), И.Г. Газимзянов и др. Как правило, в работах антропологов представлена краниологическая характеристика Болгарского населения. Остеологические данные опубликованы лишь по четырем некрополям: «Четырехугольник» X–XIII вв. (Постникова, 1970), Малый минарет X–XV вв. (Постникова, 1973), Ханская усыпальница X–XV вв. (Герасимова, Рудь, Яблонский, 1987), Усть-Иерусалимский могильник XIV в. (Боруцкая, 2004; Васильев, Боруцкая, 2006). При этом только в работах Н.М. Рудь (Постниковой) приведены необходимые нам для сравнения значения абсолютных размеров костей скелета и их указателей (табл. 3).

В ходе работы мы столкнулись с проблемой, связанной с отсутствием сигм в публикациях коллег, что сделало невозможным проведение сравнительного анализа посредством парного t-критерия Стьюдента. При

эмпирическом сравнении метрических характеристик мужских серий из могильников Болгарского городища обращает на себя внимание их значительная близость. В то же время нельзя не отметить и некоторые локальные различия в пропорциях скелета. По соотношению сегментов рук серии из ранее изученных некрополей отличаются более гармоничными пропорциями костей плеча и предплечья. По строению костей нижних конечностей на общем фоне достаточно резко выделяется серия из некрополя «Четырехугольник», которая характеризуется относительной грацильностью и меньшими размерами признаков костей ног. В целом для всех серий характерны сравнительно высокая реконструируемая длина тела и умеренная массивность.

Завершая исследования остеологической серии из некрополя СХСІ раскопа Болгарского городища, резюмируем:

1. Мужское население, оставившее некрополь, было высокорослым при мезоморфном строении скелета. Женское население при схожих пропорциях в строении посткраниального скелета было низкорослым.

2. В мужской части выборки обращает на себя внимание развитие мышечного рельефа плечевой и бедренной костей, что позволяет предположить, что основная физическая нагрузка приходилась на плечо и бе-

Таблица 3

Сравнительные остеологические данные (мужские серии, правая сторона)

Признак по Мартину	Раскоп СХСІ	Четырех-угольник X-XIII вв.	Малый минарет X-XV вв.	Ханская усыпальница X-XV вв.
1. Наибольшая длина плечевой кости	332 (7)	324 (8)	318 (8)	332 (16)
5. Наиб. Ø сер. диафиза плечевой кости	24 (7)	23 (8)	23 (8)	23 (17)
7. Наим. окруж. диафиза плечевой кости	67 (7)	61 (8)	64 (8)	64 (16)
6:5. Указ. попер. сечения плечевой кости	79 (7)	78 (8)	80 (8)	81 (17)
7:1. Указатель массивности плечевой кости	20 (7)	19 (8)	20 (8)	20 (16)
1. Наибольшая длина лучевой кости	255 (5)	246 (8)	341 (6)	247 (17)
3. Наим. окружн. диафиза лучевой кости	44 (6)	39 (8)	45 (7)	42 (17)
5:4. Указ. попер. сечения лучевой кости	72 (6)	65 (8)	75 (8)	73 (16)
3:2. Указатель массивности лучевой кости	19 (5)	17 (8)	21 (6)	19 (14)
1. Наибольшая длина локтевой кости	276 (6)	266 (8)	258 (6)	264 (18)
3. Наим. окружн. диафиза локтевой кости	38 (7)	34 (8)	39 (7)	37 (17)
3:2. Указатель массивности локтевой кости	16 (7)	14 (8)	17 (6)	16 (16)
1. Наибольшая длина бедренной кости	444 (8)	444 (8)	441 (7)	449 (17)
8. Окружн. сер. диафиза бедренной кости	92 (8)	86 (8)	86 (7)	97 (17)
8:2. Указатель массивности бедренной кости	21 (8)	20 (8)	19 (7)	20 (17)
1. Общая длина большой берцовой кости	369 (8)	341 (6)	348 (6)	355 (15)
10b. Наим. окружн. диафиза большой берцовой кости	95 (8)	72 (6)	77 (6)	74 (15)
9a:8a. Указ. платикнемии большой берцовой кости	79 (8)	69 (6)	73 (6)	72 (15)

Примечание: в таблице приведены значения признаков без десятичных чисел, т.к. в работах Н.М. Рудь (Постниковой) опубликованы целые числа.

дро. Отличительной чертой женской серии является относительная массивность костей нижних конечностей.

3. Сопоставление по остеологическим данным исследуемой серии с ранее изученными материалами (Ханская усыпальница, Малый минарет, «Четырехугольник») не выявило резких направленных различий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аксенова Н.Д.* Отчет по раскопу № 98 на Болгарском городище в 1986 г. / БГИ-АМЗ. Документальный фонд. 90-3/КП-548.
2. *Алексеев В.П.* Остеометрия: методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 249 с.
3. *Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1965. 127 с.
4. *Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г.* Раскоп СХСИ // Археологические исследования 2013 г.: Болгар и Свияжск / Авт.-сост. А.Г. Ситдииков, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань, 2014. С. 18–19.
5. *Боруцкая С.Б.* Палеоантропологическое исследование погребений Усть-Иерусалимского могильника г. Болгар (Татарстан) // Вестник антропологии. 2004. Вып. 11. С. 102–107.
6. *Боруцкая С.Б., Васильев С.В.* Анализ пропорций скелетов Усть-Иерусалимского могильника // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала (материалы III Халиковских чтений, г. Болгар, 27–30 мая 2004 г.). Казань: РИЦ «Школа», 2006. С. 409–418.
7. *Газимзянов И.Р.* Население средневекового Болгара по данным краниологии. Предварительные результаты по материалам раскопок 2010–2013 гг. // Поволжская археология. 2015. № 3. С. 112–124.
8. *Герасимов М.М.* Восстановление лица по черепу: (современный и ископаемый человек). М.: Наука, 1955. 585 с.
9. *Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т.* Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.: Наука, 1987. 254 с.
10. *Хлебникова Т.А.* История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. М.: Наука, 1987. С. 32–88.
11. *Добряк В.И.* Судебно-медицинская экспертиза скелетированного трупа. Киев: Гос. мед. изд-во УССР, 1960. 192 с.
12. *Мамонова Н.Н.* Опыт применения таблиц В.В. Бунака при разработке остеометрических материалов // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1986. С. 21–33.
13. *Пашкова В.И., Резников Б.Д.* Судебно-медицинское отождествление личности по костным останкам. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978. 320 с.
14. *Пежемский Д.В.* Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения. Автореф. дисс... канд. биол. наук. М., 2011. 24 с.
15. *Постникова Н.М.* К антропологии средневекового могильника Четырехугольник // Материалы и исследования по археологии СССР, 1970, № 164. С. 24–38.
16. *Постникова Н.М.* К антропологии населения Волжской Болгарии: Антропологические материалы из могильника Минарет XIV–XV вв. // СА, 1973, № 3. С. 203–211.
17. *Смирнов А.П.* Отчет о раскопках городища «Великие Болгары» в 1947 г. / АИА РАН. Ф-1. Р-1. № 123.
18. *Смирнов А.П.* Отчет о раскопках городища «Великие Болгары» в 1948 г. / АИА РАН. Ф-1. Р-1. № 219.
19. *Смирнов А.П., Акчурина З.А., Матвеева Л.П.* Отчет Куйбышевской археологи-

ческой экспедиции за 1957 г. / АИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1538.

20. Тихонов А.Г. Физический тип средневекового населения Евразии по данным остеологии. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1997. С.36.

21. Шарифуллин Р.Ф., Ситдигов А.Г. Археологическое наследие города Болгара и его изучение // Средневековая Евразия: симбиоз городов и степи. Материалы II Международного Болгарского форума / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Отечество, 2013. С. 221–230.

22. Malinowski A., Bożiłow W. Podstawy antropometrii. Metody, techniki, normy, PWN, Warszawa - Łódź, 1997, 510 p.

23. Martin R. Lehrbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung. Jena, 1928. Bd. II, pp. 579–991.

Информация об авторах:

Макарова Екатерина Михайловна, научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет; лаборант-исследователь, Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ekaterina.m.makarova@gmail.com

Ситдигов Айрат Габитович, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; заведующий кафедрой, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

Бочаров Сергей Геннадиевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Россия); sgbotcharov@mail.ru

POSTCRANIAL SKELETON MORPHOLOGY OF THE POPULATION OF BOLGAR (BY MATERIALS FROM DIG CXCI)

E.M. Makarova, A.G. Sitdikov, S.G. Bocharov

The article characterizes a series of postcranial skeletons of a population group from Bolgar settlement dated by the Golden Horde time. The anthropological material was obtained during archaeological excavations in the north-western part of the site in 2013 (dig CXCI). Remains of 23 individuals were analyzed with the help of an osteometric program: 8 men and 15 women, all having a mesomorphic skeleton structure.

The male remains demonstrate a better development of muscles on the humerus and femur, suggesting that shoulder and thigh were the most physically loaded parts in the lifetime of these individuals. Comparatively heavy bones of the lower limbs are the most remarkable feature of the analyzed female skeletons. A comparison of male and female skeletons showed strong resemblances, indicating a weakly developed sexual dimorphism. Values of the reconstructed body height allow supposing that men were quite tall, while women were rather short. The new materials compared to the earlier studied osteological series from Bolgar settlement (necropolises: dig CXCI, Khan's Shrine, Small Minaret, the 'Quadrangle') confirmed resemblances between the groups according to the above features.

Keywords: archaeology, anthropology, the Middle Volga region, Bolgar hillfort, Golden Horde time, osteometry, physical type of the population.

REFERENCES

1. Aksenova, N. D. 1986. *Otchet po raskopu № 98 na Bolgarskom gorodishche v 1986 g. (Report on the Excavation Area no.98 in the Bolgar Fortified Site in 1986)*. Documentary Fund of the

---

The article was fulfilled under the grant from the Russian Fund for Fundamental Research, no. 14-06-00463 A "Specific Activities Practiced by the Population of the Medieval Bolgar, by Anthropological and Genetic Evidence".

Bolgar Historical and Architectural Museum and Preservation Area. Inv. no. 90-3/KP-548 (in Russian).

2. Alekseev, V. P. 1966. *Osteometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniia (Osteometry. Methodology of Anthropological Research)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

3. Alekseev, V. P., Debets, G. F. 1965. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniia (Cranio-metry. Methodology of Anthropological Research)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

4. Sitdikov, A. G., Bocharov, S. G. 2014. Raskop CXCI. In Sitdikov, A. G., Valiev, R. R., Starikov, A. S. (comp.). *Arkheologicheskie issledovaniia 2013 g.: Bolgar i Sviiazhskaia (Archaeological Studies in 2013: Bolgar and Sviiazhskaia)*. Kazan, 18–19 (in Russian).

5. Borutskaiia, S. B. 2004. In *Vestnik antropologii (Bulletin of Anthropology)* 11, 102–107 (in Russian).

6. Borutskaiia, S. B., Vasil'ev, S. V. 2006. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia Povolzh'ia i Urala: materialy III Khalikovskikh chtenii (Historical and Archaeological Studies in the Volga Region and Urals: Proceedings of 3rd Khalikov Readings)*. Kazan: "Shkola" Publ., 409–418 (in Russian).

7. Gazimzianov, I. R. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 112–124 (in Russian).

8. Gerasimov, M. M. 1955. *Vosstanovlenie litsa po cherepu: (sovremennyi i iskopaemyi chelovek) (Forensic Facial Reconstruction: Modern and Fossil Human)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

9. Gerasimova, M. M., Rud', N. M., Yablonskiy, L. T. 1987. *Antropologiya antichnogo i srednevekovogo naseleniia Vostochnoi Evropy (Anthropology of the Ancient and Medieval Population of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

10. Khlebnikova, T. A. 1987. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar: Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar: Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 32–88 (in Russian).

11. Dobriak, V. I. 1960. *Sudebno-meditsinskaia ekspertiza skeletirovannogo trupa (Forensic Medical Examination of Skeletonized Cadaver)*. Kiev: State Medical Publisher House of the Ukrainian SSR (in Russian).

12. Mamonova, N. N. 1986. In Alekseev, V. P., Zubov A. A. (eds.). *Problemy evoliutsionnoi morfologii cheloveka i ego ras (Issues of the Evolutionary Morphology of Humans and Their Races)*. Moscow: "Nauka" Publ., 21–33 (in Russian).

13. Pashkova, V. I., Reznikov, B. D. 1978. *Sudebno-meditsinskoe otozhdestvlenie lichnosti po kostnym ostankam (Forensic Identification by Bones)*. Saratov: Saratov State University (in Russian).

14. Pezhemskii, D. V. 2011. *Izmenchivost' prodol'nykh razmerov trubchatykh kostei cheloveka i vozmozhnosti rekonstruktsii teloslozheniia (Variability of Longitudinal Dimensions of Human Tubular Bones and Possibilities for Reconstruction of the Constitution)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).

15. Postnikova, N. M. 1970. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 164. Moscow: "Nauka" Publ., 24–38 (in Russian).

16. Postnikova, N. M. 1973. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 203–211 (in Russian).

17. Smirnov, A. P. 1947. *Otchet o raskopkakh gorodishcha «Velikie Bolgary» v 1947 g. (Report on the Excavations of the "Velikie Bolgary" Fortified Site in 1947)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 123 (in Russian).

18. Smirnov, A. P. 1948. *Otchet o raskopkakh gorodishcha «Velikie Bolgary» v 1948 g. (Report on the Excavations of the "Velikie Bolgary" Fortified Site in 1948)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 219 (in Russian).

19. Smirnov, A. P., Akchurina, Z. A., Matveeva, L. P. 1957. *Otchet Kuibyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii za 1957 g. (Report of the Kuibyshev Archaeological Expedition for 1957)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 1538 (in Russian).

20. Tikhonov, A. G. 1997. *Fizicheskii tip srednevekovogo naseleniia Evrazii po dannym osteologii (Physical Type of the Eurasian Medieval Population According to the Osteological Data)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).

21. Sharifullin, R. F., Sitdikov, A. G. 2013. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Srednevekovaia Evraziia: simbioz gorodov i stepi (Medieval Eurasia: Symbiosis of Towns and Steppe)*. Kazan: "Otechestvo" Publ., 221–230.

22. Malinowski, A., Bożiłow, W. 1997. *Podstawy antropometrii. Metody, techniki, normy*, Warszawa; Łódź: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
23. Martin, R. 1928. *Lehrbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung*. Bd. II. Jena.

About the Authors:

Makarova Ekaterina M. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ekaterina.m.makarova@gmail.com

Sitdikov Airat G. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Bocharov Sergei G. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of Crimea of Russian Academy of Sciences. Academician Vernadsky Ave., 2, Simferopol, 295007, Crimea, Russian Federation; sgbotcharov@mail.ru

УДК 902/904

ЗОЛОТЫЕ ВИСОЧНЫЕ КОЛЬЦА С УТОЧКОЙ ИЗ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

© 2016 г. А.М. Белавин

Исследуется своеобразный тип болгарских драгоценных украшений – золотые филигранные височные кольца с фигуркой утки. Рассматривается территория их распространения, технология изготовления, вопросы их происхождения, датировки и семантики. Подвески этого типа считаются этносоциальным маркером знати Волжской Булгарии. Находки таких колец за пределами Булгарии известны только в Пермском Предуралье, где, помимо импорта, предполагается существование также местного центра их изготовления. Это является свидетельством проживания здесь представителей болгарской знати и возможных браков между болгарской знатью и феодализирующей верхушкой предуральских финно-угров.

Ключевые слова: археология, общество, искусство, Волжская Булгария, Пермское Предуралье, украшения, височные кольца, утка, феодальная знать, этнические и социальные связи.

На протяжении почти двухсотлетней истории археологических исследований на территории Пермского Предуралья собрано достаточно много различных средневековых украшений как местного, так и привозного (болгарского и древнерусского) происхождения из бронзы и серебра. Золотые изделия весьма редки и, как правило, являются привозными. Среди различных украшений ярко выделяются бусинные височные кольца, изготовленные с применением техники зерни и скани. В Пермском Предуралье в настоящее время известно 25 экз. однобусинных, 5 экз. двухбусинных, 21 экз. трехбусинных и 4 экз. многобусинных височных колец. Часть этих колец имеет, бесспорно, болгарское происхождение, но многие, вероятно, изготовлены мастерами некоего Предуральского ювелирного центра, существование которого в настоящий момент предполагается многими исследователями, в

том числе и автором статьи (Белавин, 2013, с. 58; Подосенова, 2014).

Судя по расположению колец в погребении № 20 могильника Телячий Брод (р. Усьва), височные кольца носились местным населением на головной повязке по 2–4 штуки у висков. На городище Анюшкар трехбусинные серебряные кольца были найдены в берестяной коробочке вместе с другими серебряными украшениями, что указывает на их особую социальную значимость (престижный предмет).

Среди прочих височных колец выделяются золотые кольца с уточкой, украшенные сканью и зернью, и с яйцевидными привесками из золота.

Два трехбусинных кольца с уточкой (рис. 1) были найдены на Майкарском городище X–XIII вв., расположенном в центре села Майкар в устье р. Иньва в современном Юсьвенском районе Коми-Пермяцкого автономного округа. Эти кольца великолепной ювелирной работы в 1894 г. были

Рис. 1. Майкарские находки, особая кладовая ГЭ, № 544.

Fig. 1. Maykar finds, special deposit of the State Hermitage, no. 544.

переделаны в украшения для дочерей графа Всеволожского (брошь и две серьги). В 1895 г. они были переданы Всеволожским в археологическую комиссию (Отчеты ИАК, 1897, с. 71) и в результате осели в особой кладовой Эрмитажа (колл. № 544). Общая длина 11,8 см, ширина 6,2 см.

Именно эти предметы – одно кольцо, переделанное в брошь, и две серьги из бусин – вошли в литературу из-за ошибки А.А. Спицына как находка у с. Никитского (или Верхнее Никитское) Верхотурского уезда Пермской губ. (Спицын, 1906, табл. IV, 5–7). На самом деле они были найдены в Никитинском заводе, центре Никитинского частновладельческого горного округа (после его ликвидации в начале XX в. – центр Никитинской волости Соликамского уезда) с 51 селением и 6 тыс. жителей. Именно так с 1811 г. и по 1919 г. именовалось

с. Майкар. Название дано было по имени Никитинского завода, построенного в 1811–1813 гг. Всеволодом Андреевичем Всеволожским, который наименовал его Никитинским (или Никитским) в честь своего младшего сына, который с 1849 г. после раздела вотчин отца стал владельцем этого завода. В 1873 г. Никитинский округ с заводом и с. Майкар был сдан в аренду К.Э. Белосельскому-Белозерскому и П.П. Демидову, а в 1883 продан С.Т. Морозову (Материалы по Пермской обл., 1994, с. 99–100).

В 2013 г. в Пермском крае у пос. Верхнечусовские городки на р. Чусовой случайно было обнаружено разрушенное погребение, в котором была сделана находка еще двух височных золотых колец с уточкой. Находчик не сообщил точного места находки и полных обстоятельств ее обнаружения, а сами кольца были представ-

лены только для внешнего осмотра. Одно из колец диаметром 6,1 см было в относительно неплохом состоянии (разломана дужка, оборваны цепочки с привесками), второй экземпляр был в рассыпавшемся состоянии. Первое кольцо удалось сфотографировать на фотокамеру телефона, поэтому представленная здесь фотография (рис. 2) низкого качества. К сожалению, кольца вскоре были проданы неизвестному коллекционеру и для дальнейшего исследования не доступны. Однако факт их находки зафиксирован и может использоваться для статистики и описания предметов.

Височные кольца с уточкой, аналогичные рассматриваемым, найдены в кладе близ с. Спасское (1 экз.), в Биляре (5 экз.), в с. Мокрые Курналы Алексеевского района (2 экз.), на Болгарском и Суварском городищах в Татарстане, 1 экз. неизвестного происхождения хранится в ГИМ и 1 экз. – в Русском музее (рис. 3) (Голубева, 1979, с. 25; Хлебникова, 1963; Халиков, 1981 с. 5). Таким образом, большинство предметов происходит с территории Казанского Поволжья и Нижнего Прикамья, т.е. с территории Волжской Булгарии, преимущественно из ее центральных районов. Майкарские и верхнечусовские филигранные золотые кольца с уточкой являются редчайшими находками таких предметов за пределами Булгарии.

Технология изготовления этих колец подробно разобрана В.П. Новиковым, В.С. Павловым и К.А. Руденко (Новиков, Павлов, 1991, с. 183–185; Руденко, 2002). Сканые узоры были выполнены из «веревочки» – скрученного из двух проволок жгута и «шнурка» – скрученного из трех или четырех проволок или из двух «ве-

Рис. 2. Височное кольцо из Верхнечусовских Городков.

Fig. 2. Temporal ring from Verkhnechusovskie Gorodki village

речочек» жгутика. В качестве основы узора выступала «гладь» – круглая проволока сечением 0,2–1,3 мм. Иногда проволока-основа сплющивалась с боков – «плоская гладь». В качестве элемента филигрны использовались колечки из круглой или плоской «гладь» или «веревочки». Составной частью декора были орнаменты, выполненные из зерни с напайкой каждого зерна отдельно. Дрот между бусинами на кольцах, как правило, обмотан тонкой золотой плетеной проволокой. Бусины могут быть как гладкие, так и с пояском или «треугольным» орнаментом из зерни. К средней бусине, как правило, прикреплены две или три такие же овальные бусины на цепочках. Технологическая схема изготовления колец, разработанная К.А. Руденко, позволяет проследить этапы изготовления и подтверждает, что каждая

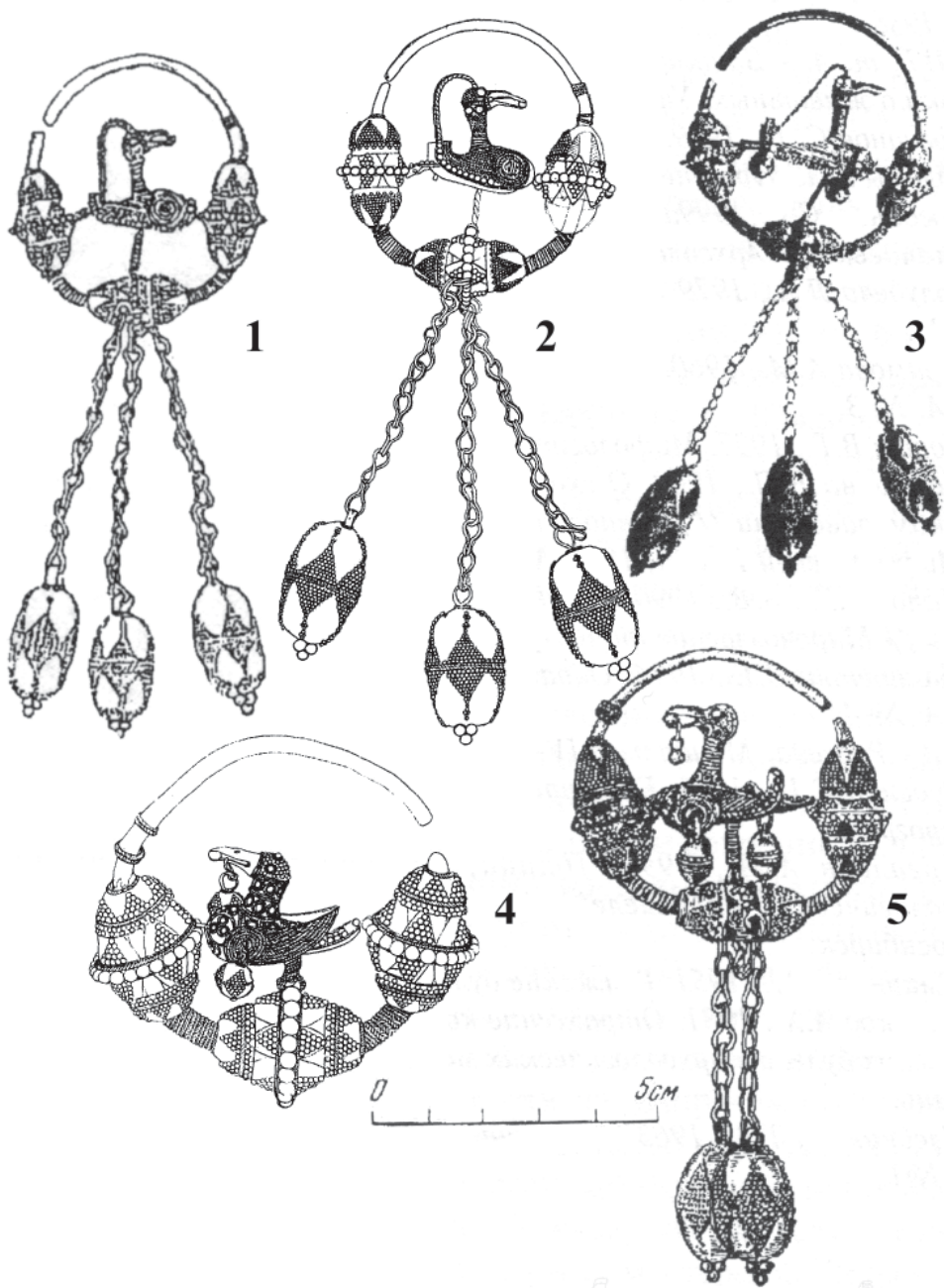

Рис. 3. Височные кольца волжских булгар с уткой.
1 – с. Мокрые Курнали Алексеевский р-н РТ; 2–4 Биляр; 5 – Спасский клад.
Fig. 3. Volga Bulgarians' temporal rings with duck. 1 – Mokrye Kurnali village (Alexeevskoe, Republic of Tatarstan); 2–4 Bilyar; 5 – Hoard from Spassk.

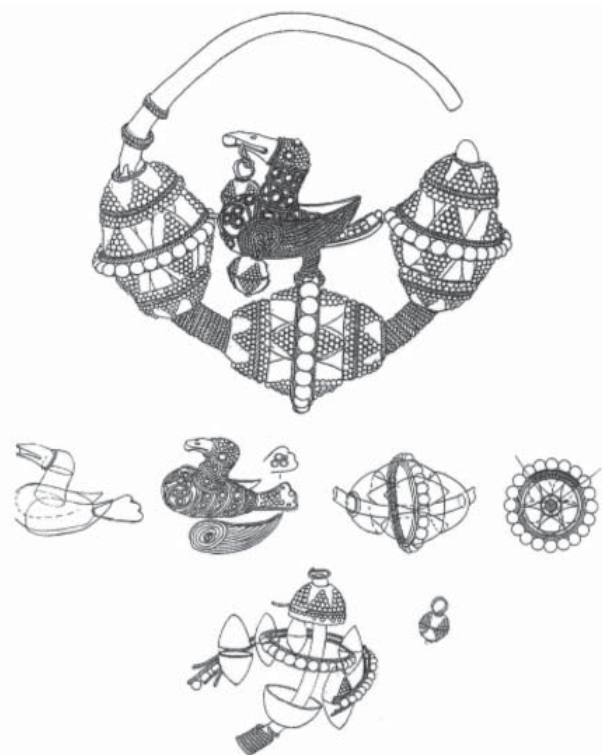

Рис. 4. Технологическая схема сборки подвески с уткой (по Руденко, 2002, с. 41).

Fig. 4. Technological assembly scheme for the pendant with a small duck (after Руденко, 2002, с. 41).

подвеска с «уточкой» изготавливалась индивидуально (рис. 4).

Исследователи выделяют два типа колец «с уткой» по основному признаку: 1) наличие или отсутствие «косички»; 2) припаянный к темени уточки жгут из проволоки, который плавно загибаясь, соединяется с хвостом (Руденко, 2002, с. 36; 2013, с. 35, рис. 1: 3). У колец первого типа уточка небольшого размера, с высокой шейкой, небольшой головкой и фигурным крылом с загнутым вверх краем. Утки на кольцах второго типа (без «косички») более массивные, низких пропорций, с приостренным крылом. К телу некоторых уток крепятся две или три овальные бусины: под клювом, на животе и под хвостом. Встречаются птички с шариком во рту. Майкорская и Чусовская находки относятся к первому типу колец (тип В-3а по К.А. Руденко – см. Руденко,

2011, с. 63; рис. 34). На теле птички имеются два крупных шарика, символизирующих «мировые яйца», косичка соединяет темя с основанием хвоста. В приоткрытом длинном клюве утка держит небольшой шарик. В целом облик предуральских находок имеет почти полную аналогию с одним из биллярских колец и, возможно, происходят из мастерских этого болгарского города.

По мнению исследователей болгарского ювелирного дела, такие кольца не просто являлись украшением и социально престижной вещью, а служили очень важными амулетами (отражающими космогонические и генеалогические, еще языческие представления). На важность этих предметов указывают их относительная редкость, а также такой дорогой материал, как золото, и нахождение их в составе драгоценных кладов.

Трехбусинные кольца без уточки могли играть такую же роль амулета.

Трехбусинные височные кольца в Восточной Европе датируются XI – началом XIII в. Кольца с уточкой среди других украшений выделяются сложностью и изяществом. По мнению Т.А. Хлебниковой, они являются завершающим этапом эволюции болгарских трехбусинных филигранных височных колец (Хлебникова, 1963, с. 308). Она же указывает, что эти подвески встречаются вместе с другими типами вкладах XI–XII вв., поэтому сложение этого типа должно было завершиться к XII в. Сходного мнения придерживается В.П. Левашова, которая считает, что кольца с птичками датируются XI – первой половиной XII в. (Левашова, 1969, с. 125). К.А. Руденко, посвятивший скано-зерневым золотым болгарским изделиям объемную монографию (Руденко, 2011), считает, что такие подвески не выходят за рамки XI–XIII вв. (Руденко, 2001, с. 322–348).

О происхождении интересующих нас височных украшений существует две различные версии. А.П. Смирнов обосновывал происхождение болгарских трехбусинных височных колец от славянских височных колец X в. с тремя бочонкообразными бусинами, украшенными зернью (Смирнов, 1951, с. 157). Болгары лишь добавили к кольцам привески на цепочках и изображения уточки. Более обоснованной представляется точка зрения В.П. Левашовой, полагающей, что истоки происхождения трехбусинных колец с привесками и объемными зооморфными изображениями следует искать в материалах степной полосы Восточной Европы второй половины I тыс. н.э., основываясь на находках

типологически сходного украшения в княжеском погребении X в. на территории Моравии (Левашова, 1969, с. 126). На формирование иконографии должно было повлиять и такое широко распространенное среди финно-угорских народов украшение, как подвески-птички с шумящими привесками (Голубева, 1979, с. 25–28).

Глубокий анализ семантики данных височных колец был проведен А.Х. Халиковым (1981, с. 5–8). По его мнению, водоплавающую птицу в середине кольца следует увязывать с космогоническим прауральским мифом о ныряющей птице и одновременно с индо-иранской мифологической традицией, в которой утка символизирует три сферы: небо, землю и воду. На этом основании им был выдвинут тезис о том, что болгары соединили космогонию северных народов с мифологией индоиранских племен и соответственно формирование духовной культуры ранних болгар происходило в зоне их контакта. Вероятно, такие же космогонические представления были известны и протоболгарам, вышедшим в Подунавье. Об этом свидетельствуют находки трехбусинных височных подвесок с привесками в могильнике у с. Хвойна (Халиков, 1981, с. 6–7).

Оригинальную версию семантики колец с уточкой выдвинул уфимский автор В.Г. Котов, который указывает, что божественно-мифологическая природа образа водоплавающей птицы (золотой утки) проявляется в том, что она помещена в центр круга, т.е. она явно обладала солярной символикой, распределение яйцеобразных привесок на теле утки подчеркивает семантическую зональность тела птицы и, очевидно, тела вообще как ми-

крокосма. Весь комплекс выявленных признаков, по его мнению, обнаруживает полную аналогию сюжету колец с уточкой в башкирском фольклоре. Это птица Хумай – золотая птица, золотая утка, белая лебедь – она же лучезарная дева, являющаяся в башкирской мифологии символом небесного божества, солнца, матери-прародительницы и повелительницы птиц и зверей (Котов, 2001, с. 191–194).

По мнению К.А. Руденко, символика колец с уточкой связана с представлениями о птице-душе и ее превращениях в «путешествиях» по разным мирам. Кроме того: «В повседневности – это магический символ-оберег» (Руденко, 2011, с. 80).

Важной была и символика золота. Во многих культурах Востока золото указывало на высочайший статус его носителя в обществе и использовалось для защитной магии как носитель бессмертия. У тюрков исследователи выделяют специфическую сакральную функцию золота – увеличение силы проклятья в клятвах на верность. Недаром эта традиция была воспринята монголами и нашла широкое распространение в государственных ритуалах (Юрченко, 2009).

Драгоценные подвески с уточкой в силу своего высокого семантического значения обосновано считаются этномаркирующими украшениями болгар. А из-за цены материала и тонкости работы, выдающей в них изделия городских, может быть, даже царских ремесленных ювелирных мастерских, они могли быть исключительно принадлежностью болгарской знати. В пользу такого предположения говорит и очень ограниченная территория их распространения – в основном Биляр – домонгольская столица Булгарии и

его окрестности. Подвески, встреченные за пределами Булгарии, могут указывать на непосредственное нахождение знатных болгарок на этих территориях.

Наличие в Предуралье постоянных болгарских поселений доказано (Белавин, Крыласова, 2008), наряду с ремесленниками и купцами на этих поселениях-факториях допустимо и проживание болгарской знати. Находки с Майкарского городища указывают на наличие каких-либо связей его населения с Волжской Булгарией – это красноглиняная общеполугарская посуда, ключи от болгарских замков, фрагменты масляно-жировых светильников. По местному преданию, городище принадлежало князю по имени Май, отсюда Майкар – '*город Мая*'. Известный лингвист А.С. Кривошекова-Гантман предполагала, что название связано с коми словом '*Мой – бобр*'. Однако, по мнению А.К. Матвеева, переход '*Мой*' в '*Май*' маловероятен (Матвеев, 1980, с. 165). Ряд специалистов считает, что в основе названия городища лежит тюркский антропоним '*Май*'.

Вероятно, находки золотых филигранных колец в Предуралье можно рассматривать как иллюстрацию к династическим бракам болгарской знати (царского рода) с высшими представителями родоплеменной знати северных финно-угорских территорий. Сведения о подобных браках сохранили и письменные источники. Например, когда хазарский каган потребовал от царя болгар его вторую дочь, взамен умершей в Хазарии первой, то царь болгар «выдал ее замуж за князя племени эскел, который находился у него под властью» (Ковалевский, 1956, с. 139). Эсегелы, или эскелы, –

имена, под которыми в восточных источниках, скорее всего, упомянуты племена прикамско-приуральских угров, которые были федератами булгар в IX–XI вв., а позже вошли в состав населения Булгарии. В археологическом отношении эсегелы, по нашему мнению, представлены памятниками неволинской VI–IX вв. и ломоватовской культуры VII–XII вв. из Верхнего Прикамья (Белавин, 1999, с. 73–85).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адамов А.А.* Серебряные перстни с чернением болгарского типа из Предуралья // Тр. КАЭЭ ПГГПУ. Вып. 9 / Отв. ред. А.М. Белавин Пермь: ПГГПУ. 2014. С. 44–49.
2. *Белавин А.М.* Об этнической принадлежности так называемых «булгарских эсегел» // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИИ АН РТ. 1999. С. 73–85.
3. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т., 2008. 603 с.
4. *Белавин А.М.* «Серебро закамское» в истории и археологии Пермского Предуралья // Вестник Перм. науч. центра УрО РАН. 2013. № 2. С. 50–61.
5. *Голубева Л.А.* Зооморфные украшения финно-угров // САИ. Вып. Е1-59. М.: Изд-во Наука, 1979. 98 с.
6. *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 г. Харьков: Изд-во Харьков. гос. ун-та, 1956. 347 с.
7. *Котов В.Г.* К семантике трехбусинных височных колец Волжской Булгарии // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Том. 2 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский историко-краеведческий музей, 2001. С. 189–195.
8. *Левашова В.П.* О сходстве височных украшений волжских болгар с великоморавскими // Древности Восточной Европы / Отв. ред. Л.А. Евтюхова. М.: Наука. 1969, с. 125–126.
9. *Матвеев А.К.* Географические названия Урала. Краткий топонимический словарь. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1980. 320 с.
10. Материалы по Пермской области к Уральской исторической энциклопедии. Вып. 1 / Отв. ред. С.Ф. Николаев. Пермь: ПГТУ, 1994. 161 с.
11. *Новиков В.П., Павлов В.С.* Ручное изготовление ювелирных украшений. СПб.: Политехника, 1991. 208 с.
12. Отчеты ИАК за 1895 г. СПб, 1897.
13. *Подосенова Ю.А.* Зернь и скань в ювелирных изделиях Пермского Предуралья эпохи средневековья // Вестник Перм. ун-та. 2014. Вып. 1(24). С. 38–43
14. *Руденко К.А.* Булгарские клады (к вопросу о болгарской металлообработке XI–XIV вв.) // Древние ремесленники Приуралья: материалы Всерос. науч. конф. / Отв. ред. В.И. Завьялов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. С. 322–348.
15. *Руденко К.А.* Золотая «уточка»: болгарские височные кольца с изображением птицы // Золото и серебро казанских татар / Ред. Г.С. Муханов. Казань: Заман, 2002. С. 32–41.
16. *Руденко К.А.* Булгарское золото. Филигранные височные подвески. Казань: «Заман», 2011. 255 с.
17. *Руденко К.А.* Торевтика Волжской Булгарии и Болгарского улуса Золотой Орды: проблемы преемственности // Поволжская археология. 2013. № 4. С. 34–46.
18. *Смирнов А.П.* Волжские булгары / Труды ГИМ. Вып. XIX. М.: ГИМ, 1951. 275 с.
19. *Спицын А.А.* Из коллекций Государственного Эрмитажа // ЗОРСА. Т. VIII. Вып. 1. СПб, 1906. С. 249–74.

20. Халиков А.Х. Отражение космогонических и генеалогических легенд волжских булгар в археологических материалах // Из истории ранних булгар / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: Изд-во КФАН СССР, 1981. С. 5–20.

21. Хлебникова Т.А. Еще одна находка болгарских ювелирных изделий // СА. 1963. № 1. С. 305–309.

22. Юрченко А. Клятва на золоте: тюркский вклад в монгольскую дипломатию // Тюркологический сборник 2007–2008: История и культура тюркоязычных народов России и сопредельных стран / Отв. ред. С.Г. Кляшторный. М.: Вост. лит-ра. 2009. С. 410–423.

Информация об авторе:

Белавин Андрей Михайлович, доктор исторических наук, профессор, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); belavin@pspu.ru

GOLD TEMPORAL RINGS WITH A SMALL DUCK FROM THE PERM CIS-URALS

A.M. Belavin

The author examines a typical Bulgarian precious adornment – gold temple rings with a filigree duck figurine. He considers their area, manufacturing technology, issues of origin, dating and semantics. Such pendants are thought to be an ethno-social marker of the Volga Bulgaria nobility. Findings of such rings outside Bulgaria, including imported items, are known only in the Perm Cis-Urals, which is thought to be their local manufacturing center. This suggests that representatives of the Bulgarian nobility lived there and possibly married the elite of the Cis-Uralic Finno-Ugrians, who were in the process of their feudalization.

Keywords: archaeology, society, art, Volga Bulgaria, Perm Cis-Urals, adornments, temporal rings, small duck figurine, feudal nobility, ethnic and social connections.

REFERENCES

1. Adamov, A. A. 2014. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Humanitarian Pedagogical University)* 9. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 44–49 (in Russian).
2. Belavin, A. M. 1999. In Starostin, P. N. (ed.). *Problemy drevnei i srednevekovoi arkheologii Volgo-Kam'ia (Issues of the Antique and Medieval Archaeology of the Volga – Kama Area)*. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 73–85 (in Russian).
3. Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2008. *Drevniia Afkula: arkheologicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk (Ancient Afkula: the Archaeological Complex near the Rozhdestvensk Village)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).
4. Belavin, A. M. 2013. In *Vestnik Permskogo nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniia Rossiiskoi Akademii nauk (Bulletin of the Perm Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Ural Branch)* 2, 50–61 (in Russian).
5. Golubeva, L. A. 1979. *Zoomorfnye ukrasheniia finno-ugrov (Zoomorphic Decorations of Finno-Ugrians)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) El-59. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
6. Kovalevskii, A. P. 1956. *Kniga Akhmeda Ibn-Fadlana o ego putesthestvii na Volgu v 921–922 gg. (Ibn-Fadlan's Book on His Journey to the Volga in 921–922)*. Kharkov: Kharkov State University (in Russian).

7. Kotov, V. G. 2001. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletiiia n.e. (iz istorii kostiuma) (The Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (from the History of Costume))* 2. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 189–195 (in Russian).
8. Levashova, V. P. 1969. In Evtyukhova, L. A. (ed.). *Drevnosti Vostochnoi Evropy (K 70-letiu A. P. Smirnova) (Antiquities of Eastern Europe (to the Anniversary of 70 Years from the Birth of A.P. Smirnov))*. Moscow: "Nauka" Publ., 125–126 (in Russian).
9. Matveev, A. K. 1980. *Geograficheskie nazvaniia Urala. Kratkii toponimicheskii slovar' (Geographical Names of Ural: Brief Encyclopedic Dictionary)*. Sverdlovsk: "Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
10. Nikolaev, S. F. (ed.). 1994. *Materialy po Permskoi oblasti k Ural'skoi istoricheskoi entsiklopedii (Materials of the Perm Region to the Ural Historical Encyclopedia)* 1. Perm: Perm State Technical University (in Russian).
11. Novikov, V. P., Pavlov, V. S. 1991. *Ruchnoe izgotovlenie iuvelirnykh ukrashenii (Manual Production of Jewelry)*. Saint Petersburg (in Russian).
12. *Otchety Imperatorskoi arkhelogicheskoi komissii za 1895 g. (Reports of the Imperial Archaeological Commission for 1895)*. 1897. Saint Petersburg (in Russian).
13. Podosenova, Yu. A. 2014. In *Vestnik Permskogo universiteta (Bulletin of the Perm University)* 24(1), 38–43 (in Russian).
14. Rudenko, K. A. 2001. In Zav'ialov, V. I. (ed.). *Drevnie remeslenniki Priural'ia (Ancient Craftsmen of the Cis-Ural Region)*. Izhevsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurtian Language, Literature and History Institute, 322–348 (in Russian).
15. Rudenko, K. A. 2002. In Mukhanov, G. S. (ed.). *Zoloto i serebro kazanskikh tatar (Gold and Silver of Kazan Tatars)*. Kazan: "Zaman" Publ., 32–41 (in Russian).
16. Rudenko, K. A. 2011. *Bulgarskoe zoloto: filigrannye visochnye podveski (Bulgarian Gold: Filigreed Temple Pendants)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
17. Rudenko, K. A. 2013. In *Povolzhskaya arkhelogiya (Volga River Region Archaeology)* (4), 34–46 (in Russian).
18. Smirnov, A. P. 1951. *Volzhskie bulgary (Volga Bulgars)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) XIX. Moscow: State Historical Museum (in Russian).
19. Spitsyn, A. A. 1906. In *Zapiski otdeleniia russkoi i slavianskoi arkhelologii Imperatorskogo Russkogo arkhelogicheskogo obshchestva (Reports of the Department of Russian and Slavic Archaeology of the Imperial Russian Archaeological Society)* VIII (1). Saint Petersburg, 249–274 (in Russian).
20. Khalikov, A. Kh. 1981. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz istorii rannikh bulgar (From the History of Early Bulgars)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 5–20 (in Russian).
21. Khlebnikova, T. A. 1963. In *Sovetskaiia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 305–309 (in Russian).
22. Yurchenko, A. 2009. In Kliashorny, S. G. (ed.). *Tiurkologicheskii sbornik 2007–2008: Istoriia i kul'tura tiurkoiazychnykh narodov Rossii i sopredel'nykh stran (Collected Papers on Turkic Studies 2007–2008: History and Culture of the Turkic-Speaking Peoples of Russia and Adjacent Countries)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ., 410–423 (in Russian).

About the Author:

Belavin Andrey M. Doctor of Historical Sciences. Perm State Humanitarian Pedagogical University (PSHPU). Sibirskaia Str., 24, Perm, 614990, Russian Federation; belavin@pspu.ru

Критика и библиография

УДК 72

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЗИЛИВИНСКАЯ Э.Д. АРХИТЕКТУРА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ. ЧАСТЬ 1. КУЛЬТОВОЕ ЗОДЧЕСТВО.

М.; КАЗАНЬ: ОТЕЧЕСТВО, 2014. 228 С.,+220 С., ИЛЛ.

© 2016 г. Ф.Ш. Хузин

Рецензируемая монография Э.Д. Зиливинской – первое в отечественной историографии фундаментальное исследование, посвященное культовой архитектуре Золотой Орды. В ней обобщен огромный материал, накопленный при археологических раскопках городских поселений, активно проводившихся начиная с 60-х годов XX в. Предметом исследования являются культовые здания – мечети, медресе, ханака, христианские храмы, и мемориальные постройки – мавзолеи, склепы, подкурганые сырцовые оградки, которые в основном реконструируются по их руинированным остаткам, выявленным археологами. Помимо их описания, данного по регионам, классификации и типологии, изучения генезиса культовых сооружений, много внимания уделено проблемам взаимодействия культурных традиций в архитектуре золотоордынских городов. В рецензии дается в целом положительная оценка монографии Э.Д. Зиливинской.

Ключевые слова: культурное наследие, искусство, археология, мусульманские памятники культуры, Золотая Орда, культовое зодчество, генезис, взаимодействие традиций в архитектуре.

Вот уже на протяжении более двух столетий история Улуса Джучи привлекает внимание российских и зарубежных исследователей. Однако и по сей день некоторые аспекты ее истории остаются изученными крайне неравномерно, а иногда и вовсе неисследованными.

К интересующей нас проблеме, в силу ее значимости для понимания внутренних и внешних факторов развития золотоордынской цивилизации, ученые обращались и раньше, особенно в 60-х годах прошлого века, когда начались масштабные и плодотворные работы Поволжской археологической экспедиции под руководством Г.А. Федорова-Давыдова на ряде памятников Нижнего Поволжья. Однако в распоряжение исследователей по-

ступают все новые источники, открываются возможности нового прочтения и интерпретации, с позиций более совершенных методологических и методических подходов, давно уже известных письменных документов и других источников. Бурно развивающиеся в последние годы археология и нумизматика дают первоклассные материалы для научного переосмысления истории Улуса Джучи.

Рецензируемая монография Э.Д. Зиливинской – фундаментальное исследование, включающее в себя 228 страниц текста и 247 иллюстраций (с. 229–446). Это первая в нашей историографии обобщающая и во многом новаторская работа по культовому зодчеству Золотой Орды, в которой на первый план выдвигаются малоизученные и достаточно сложные проблемы взаимодействия культурных традиций в архитектуре золотоордынских городов. Актуальность темы не вызывает сомнений – немногочисленные памятники архитектуры, сохранившиеся до наших дней, а по большей части руинированные остатки, наряду с полихромной поливной керамикой и майоликой, высокохудожественными изделиями ювелирного производства, представляют собой «ярчайшее и характернейшее проявление золотоордынской цивилизации» (Федоров-Давыдов, 1994, с. 78), роль и значение которой в истории средневековых народов и государств оцениваются неоднозначно.

Структура работы представляется мне вполне логичной, направленной на полное раскрытие темы и достижение поставленных цели и задач.

Во введении, как это принято, обозначается актуальность проблемы, обозначаются хронологические и

территориальные рамки исследования, даются краткий обзор источников и историография, описывается методика исследования и т.д. На мой взгляд, несколько схематичными, поверхностными выглядят характеристика источников, привлекаемых для исследования, и состояния изученности памятников по регионам: нет анализа взглядов, концепции отдельных авторов, особенно той части «библиографического массива», которая посвящена изучению архитектуры не отдельных объектов, а целого региона. Однако вряд ли это является серьезным недостатком работы, ибо в основном тексте книги Эмма Давидовна эти концепции анализирует, соглашается с их авторами, уточняет некоторые положения или же аргументированно опровергает их.

Первая часть монографии – «Культовые здания» – включает четыре главы.

Первая глава посвящена мечетям (происхождение и основные линии развития; обзор по регионам Золотой Орды; принципы планировки и их генезис – с. 13–45), анализ которых вполне закономерно начинается с наиболее ранних из них, находящихся на Средней Волге – Булгарском улусе Золотой Орды. Основное внимание уделяется, естественно, т.н. «Четырехугольнику» – наиболее полно изученной как археологами, так и архитекторами Соборной мечети, расположенной в историческом центре города Болгара. Начало строительства этого культового сооружения традиционно относят ко времени сразу после монгольского нашествия или же, более конкретно, ко второй половине – концу XIII в. Мне кажется, что это не совсем согласуется со

стратиграфическими наблюдениями археологов: у восточной стены мечети, практически примыкая к ней, располагалось мусульманское кладбище, большинство погребений которого (всего их 24), вскрытых на раскопе VIII 1965 г. А.С. Воскресенским, относятся к раннезолотоордынскому времени (см.: Полякова, 2001, с. 162, рис. 78). И, что еще важно отметить, несколько жилых и хозяйственных построек этого же времени оказались прорезанными не только котлованом минарета, воздвигнутого, как установлено, несколько позже, чем стены, но и самой стеной мечети (раскоп IX Т.А. Хлебниковой; см.: там же, с. 163, рис. 79). Если учесть данную стратиграфическую ситуацию, то, как мне кажется, имеются основания для некоторого «омоложения» начальной даты сооружения мечети. Это, скорее всего, первая половина XIV в. – время правления хана Узбека (1312–1342).

Рассматривая конструктивные детали данного культового здания, Э.Д. Зиливинская выделяет два основных строительных периода, вместо четырех, предложенных С.С. Айдаровым, с чем я полностью согласен. Кроме того, я поддерживаю ее предположение, наиболее аргументированное из всех имеющихся, о декоративном и конструктивном назначении угловых башен Соборной мечети. В то же время при поиске аналогий среди мечетей Крыма, Малой Азии и Закавказья интересно было бы обратиться в первую очередь к билярской мечети домонгольского времени, планировочная основа которой весьма близка к болгарской Соборной мечети (Айдаров, 1990, с.?).

Отметим заодно, что Малый городок в южной оконечности Болгара до

сих пор остается весьма загадочным объектом и, несмотря на интересные рассуждения Эммы Давидовны (в поддержку гипотезы Л.А. Беляева; см. также статью Л.А. Беляева, И.И. Елкиной и А.В. Лазукина в настоящем номере нашего журнала) о культовом назначении его объектов, вопрос еще требует дальнейшего изучения.

Мечети всех основных регионов Золотой Орды описаны профессионально, с собственной интерпретацией опубликованных материалов. Наибольший интерес представляет часть главы, посвященная принципам планировки мечетей и их генезису (с. 41–45). Путем привлечения большого количества аналогий из разных регионов Средней и Малой Азии, Ближнего и Среднего Востока, их глубокого анализа Эмма Давидовна последовательно и аргументированно отстаивает свою точку зрения о сложении основного типа мечетей в Золотой Орде под преимущественным влиянием культовой архитектуры Малой Азии, совершенно правомерно не исключая при этом, особенно для Северного Кавказа и Булгарского улуса, более ранних, местных, корней их планировочной структуры (с. 44–45).

Вторую главу – «Минареты (происхождение, основные линии развития) (с. 46–56) – можно было объединить, конечно, с первой, ибо минареты составляют единое целое с мечетями, но в таком построении нет ничего странного, т.к. это достаточно самостоятельный конструктивный элемент, развивающийся по своим законам. Глава построена по той же схеме, что и предыдущая, – вводная часть, обзор по регионам, анализ форм и их генезис. Вывод автора о значительном влиянии Малой Азии и Закавказья на

сложение форм золотоордынских минаретов, в том числе болгарских мечетей и в целом культовой архитектуры, хорошо аргументирован и вроде бы возражений не вызывает (с. 54–55). Смущает лишь одно обстоятельство – волжские болгары принимали ислам из Средней Азии и в более поздние времена, в том числе и в золотоордынский период своей истории, поддерживали с этим регионом тесные экономические и культурные связи, следовательно, они и в строительстве мечетей должны были подражать среднеазиатским образцам – мечетям с цилиндрическими (круглыми в сечении) минаретами, истоки которых прослеживаются в доисламских сооружениях данного региона. Поэтому предположение Э.Д. Зиливинской о строительстве мечетей Болгара мастерами из Малой Азии (с. 55) по меньшей мере не должно исключать среднеазиатского влияния в культовой архитектуре болгар.

Третья глава монографии посвящена заведениям благочестия – медресе и ханака (с. 57–69). Говоря о видах таких учреждений и их происхождении, Э.Д. Зиливинская правильно отмечает, что появление специальных зданий для медресе относится в Восточном Иране и Бухаре к концу IX – началу X в. (с. 57). В связи с этим представляют интерес сведения автора начала X в. Ибн Русте. Он писал: «Большая часть их (волжских болгар – Ф.Х.) исповедует ислам, и есть в селениях их мечети и *начальные школы с муэдзинами и имамами*» (Хвольсон, 1869, с. 23; курсив мой. – Ф.Х.). Шакирды этих сельских медресе дальше продолжали образование в городских центрах, а «высшее» образование получали в знаменитых медресе Бу-

хары, Нишапура, других восточных городов, о чем свидетельствуют неоднократные упоминания болгарских ученых в восточных источниках или же сохранившиеся их произведения (см. напр., трактат по медицине Таджуддина ал-Булгари, XII в., обнаруженный в библиотеке Меджлиса Иранской Республики в Тегеране и изданный в 1997 г. в Казани). Этим я хочу сказать, что специальные здания медресе в Волжской Булгарии могли строиться еще в домонгольское время. И эта традиция развивалась уже в эпоху Джучидов.

К сожалению, археологические остатки такого рода сооружений изучены пока явно недостаточно, что подчеркивает и сама исследовательница, подробно их анализируя по регионам и находя аналогии опять же в малоазиатском зодчестве. Вполне можно согласиться с интерпретацией сооружения в культовом комплексе, раскопанном В.В. Плаховым у пос. Комсомольское Астраханской обл., как ауля – временное пристанище паломников, широко распространенные на востоке (с. 66).

В *четвертой главе* (с. 70–96) исследуются христианские храмы, обнаруженные при раскопках золотоордынских городов. Рассматривая христианскую архитектуру отдельных регионов Золотой Орды, Э.Д. Зиливинская отмечает небольшие размеры храмов, особенности планировки которых отражают полиэтничный состав населения и влияние различных архитектурных школ (Византии, Грузии, Армении и др.). Интересен вывод автора об отсутствии единообразия храмовой архитектуры, характерного для золотоордынских джума-мечетей, «строительство которых, вероятно,

велось в русле государственной политики» (с. 96).

Часть II рецензируемой работы посвящена мемориальному зодчеству Золотой Орды и включает в себя три главы, в которых объектом исследования являются мавзолеи (глава 5, с. 97–168), склепы-мавзолеи (глава 6, с. 169–179) и подкурганные сырцовые оградки (глава 7, с. 180–188). Все эти группы мемориальных памятников строго классифицированы.

Для нас, болгароведов, естественно, огромный интерес представляет определение функционального назначения знаменитой «Черной палаты» в г. Болгаре, которую Эмма Давидовна безоговорочно атрибутирует как мавзолеем центрального типа, происхождение которого увязывается со Средним Востоком, сельджукскими традициями мемориального зодчества, опровергая тем самым прежние представления об этом сооружении как о мечети, ханнака, судилище, ханской библиотеке или государственном архиве и т.д. (с. 100–103, 158–159). Убедительные доводы приводит исследовательница и в пользу определения более поздних пристроенных помещений первого яруса как усыпальниц, уточняет традиционные представления о внешнем облике здания.

Э.Д. Зиливинская представила добротный свод мавзолеев Болгара, разделив их по особенностям конструкций на четыре типа, уточнив многие важные детали, этапы перестроек и предложив в ряде случаев свои варианты реконструкций их внешнего облика, функционального назначения, определения истоков формирования и генезиса выделенных типов (с. 158–159).

Далее идет описательная и совер-

шенно необходимая для дальнейших выводов характеристика данной группы памятников по регионам Золотой Орды, причем опять же со многими уточнениями и новыми интерпретациями архитектурных форм и планировочных решений. Раздел главы, где предложена классификация мавзолеев как архитектурных объектов и рассмотрен их генезис, вносит много существенно нового в прежние варианты типологий, разработанные М.Г. Крамаровским, Г.А. Федоровым-Давыдовым, Д.В. Васильевым и другими исследователями (с. 146–168). Новая классификация Эммы Давидовны Зиливинской, учитывающая весь объем известных к настоящему времени источников, причем не только планиграфию, но и объемные характеристики памятников, представляется мне наиболее полной, облегчающей их сопоставительный анализ, поиски истоков происхождения выделяемых типов, направления взаимовлияний и заимствований в каждом из рассматриваемых регионов Золотой Орды. Достаточно пестрая и сложная картина их генезиса, отражающая реальные многосторонние связи Улуса Джучи, более ранних государств и народов на его территории, впервые так основательно и методически правильно представлена автором на обширном материале рецензируемого труда.

В *шестой главе* о склепах-мавзолеех после их обзорной характеристики Э.Д. Зиливинская обращает внимание на их датировку и истоки происхождения такого рода сооружений. Вполне резонно возражая против построений Е.М. Пигарёва и С.Ю. Скисова, которые относят появление склепов в золотоордынских городах только к XV столетию и считают привнесен-

ной такую традицию из ногайских степей, автор диссертации указывает на ряд более ранних сооружений, в том числе и в среднеазиатском регионе. К сожалению, автор не упоминает кирпичное сооружение на IV могильнике у Соборной мечети домонгольского Биляра, интерпретированное Р.Ф. Шарифуллиным как склеп или склеп-мавзолей. Это сооружение плохо сохранилось: на глубине 70–75 см от современной поверхности был расчищен кирпичный пол в виде прямоугольника с внутренними размерами 205 x 130 см и небольшие участки стен, прорезанные более поздними ямами. На полу расчищены два погребения, каждое в отдельном деревянном гробу (Шарифуллин, 1984, с. 70, 72–73). Эти сведения могут оказаться полезными для поиска истоков данной группы мемориальных сооружений.

В заключительной части книги подчеркивается высокий уровень развития золотоордынской городской цивилизации, отражением которого являются памятники культового зодчества, указывающие на доминирование ислама среди городского населения. Значительную часть книги занимают качественно выполненные иллюстрации, в том числе и цветные фотографии, которые помогают наглядно представить важные детали и

общий облик исследуемых объектов. Завершается книга обширным резюме на английском языке (с. 213–228).

Э.Д. Зиливинской проделана огромная работа, которая создает достаточно целостную картину формирования монументальной архитектуры Золотой Орды – одной из важнейших составляющих ее высокоразвитой культуры и цивилизации. Задачи, поставленные автором в введении, решены: представлен полный обзор всех известных к настоящему времени памятников культового зодчества; разработаны их классификация и типология; выявлены генезис, истоки и пути проникновения строительных традиций, формировавших золотоордынскую архитектуру и т.д. Это первая работа такого масштаба в нашей историографии. Научно-практическая значимость исследования, выполненного на высоком профессиональном уровне, не вызывает сомнений. Я имею в виду не только возможность использования его результатов и научных выводов при написании обобщающих трудов по истории и археологии Золотой Орды, учебных и учебно-методических пособий, оформлении музейных экспозиций, но и при реставрации архитектурных памятников с целью подготовки их для туристического показа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айдаров С.С.* Монументальные каменные сооружения и комплексы Волжской Булгарии и Казанского ханства (опыт реконструкции и генетико-стилистические особенности). Автореф. дис. ... док. архитектуры. М., 1990. 42 с.
2. *Полякова Г.Ф.* Археологическое исследование Соборной мечети // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 2001. С. 150–175.
3. *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ, 1994. 232 с.
4. *Хвольсон Д.А.* Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя

начала X века, по рукописи Британского музея. СПб.: Тип. Импер. акад. наук, 1869. XIII + 199 с.

5. Шарифуллин Р.Ф. Исследования IV Билярского могильника в 1979 году // Археологические памятники Нижнего Прикамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1984. С. 65–82.

Информация об авторе:

Хузин Фаяз Шарипович, член-корр. АН РТ, доктор исторических наук, заместитель директора, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); khuzinfayaz@mail.ru

BOOK REVIEW: E.D. ZILIVINSKAYA. ARCHITECTURE OF THE GOLDEN HORDE. PART 1. CULT MONUMENTS.

MOSCOW; KAZAN: "OTECHESTVO" PUBL., 2014. 228 P.,+ 220 P., ILL.

F.Sh. Khuzin

The reviewed monograph by E.D. Zilivinskaya is the first fundamental research in the national historiography to address cult architecture of the Golden Horde. It summarizes massive material collected during archaeological digs on urban settlements, which were actively conducted since 1960s. The subject of this research are cult buildings: mosques, madrasa, khanqah, Christian temples and memorial buildings (mausoleums, vaults, fences of bedrock made under barrows, mainly reconstructed by their debris discovered by the archaeologists). Along with their description, by regions, as well as their classification and typology, examination of genesis of such cult buildings, the author addresses the issues of interaction of cultural traditions in architecture of the Golden Horde cities. The review gives a rather positive evaluation of E.D. Zilivinskaya's monograph.

Keywords: cultural heritage, art, archeology, Muslim cultural monuments, Golden Horde, cult architecture, genesis, interaction of traditions in architecture.

REFERENCES

1. Aidarov, S. S. 1990. *Monumental'nye kamennye sooruzheniia i komplekсы Volzhskoi Bulgarii i Kazanskogo khanstva (opyt rekonstruktsii i genetiko-stilisticheskie osobennosti) (Monumental Stone Constructions and Complexes of the Volga Bulgaria and the Kazan Khanate (an experience of reconstruction and genetic-stylistic features))*. Doct. Diss. Thesis. Moscow (in Russian).
2. Poliakova, G. F. 2001. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Monumental'noe stroitel'stvo, arkhitektura, blagoustroistvo (Town of Bolgar. Monumental Building, Architecture, Improvement)*. Moscow: "Nauka" Publ., 150–175 (in Russian).
3. Fyodorov-Davydov, G. A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia (Golden Horde Towns in the Volga Area)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
4. Khvol'son, D. A. 1869. *Izvestiia o Khazarakh, Burtasakh, Bolgarakh, Mad'iarakh, Slavianakh i Russakh Abu Ali Akhmeda Ben Omar Ibn-Dasta, neizvestnogo dosele arabskogo pisatel'ia nachala X veka, po rukopisi Britanskogo muzeia (News of the Khazar, Burtas, Bulgar, Magyar, Slavs and Russ by Abu Ali Ahmed ben Omar ibn Dasta, Hitherto Unknown Arabic Writer of the Beginning of the 10th Century, the Manuscript of the British Museum for the First Time Published)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).
5. Sharifullin, R. F. 1984. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Nizhnego Prikam'ia (Archaeological Sites of Lower Kama Region)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 65–82 (in Russian).

About the Author:

Khuzin Fayaz Sh. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; khuzinfayaz@mail.ru

Хроника

УДК 069.4

V НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: БОЛГАР И СВИЯЖСК»

© 2016 г. А.В. Беляев, Р.Р. Валиев, А.Г. Ситдиков

В публикации представлены краткое содержание и итоги V научного семинара, посвященного междисциплинарным археологическим и естественнонаучным исследованиям, проводимым на территории Болгарского городища и острова-града Свияжск. Изыскания на данных памятниках ведутся в рамках реализации комплексного проекта «Культурное наследие: остров-град Свияжск и древний Болгар». К исследованиям, осуществляемым Институтом археологии им. А.Х. Халикова АН РТ привлечены и другие научные учреждения России. В рамках проекта проводятся археологические раскопки, сопровождаемые отбором образцов на палинологические, палеоэкологические, радиоуглеродные, дендрохронологические и другие лабораторные исследования. В целях реконструкции технологий производства тех или иных ремесел, проводятся лабораторные исследования находок, получаемых в процессе раскопок. Осуществляются антропологические исследования некрополей. Неотъемлемой частью полевых исследований стало использование геофизических и аэрокосмических методов, позволяющих без разрушений локализовать монументальные каменные строения и иные геомагнитные аномалии. Как при раскопках Болгара и Свияжска, так и в обследовании ближайшей их округи – других памятников культурного наследия, активно применяются современные высокоточные системы и методы фиксации с применением систем позиционирования. Результаты комплексных исследований обсуждаются на ежегодных научных семинарах, проводимых с 2011 года.

Ключевые слова: история, археология, реставрация, объект культурного наследия, Болгарское городище, остров-град Свияжск, естественнонаучные исследования, научный семинар.

Пятый научный семинар «Междисциплинарные археологические и естественнонаучные исследования памятников культурного наследия: Болгар и Свияжск», посвященный итогам полевых исследований 2015 г. прошел 19–20 февраля 2016 года в г. Казани. В работе научного семинара приняли участие 60 человек и было заслушано 39 докладов.

Семинар был посвящен итогам археологических исследований 2015 г.

на территории Болгарского городища и Свияжска в рамках реализации комплексного проекта «Культурное наследие: остров-град Свияжск и древний Болгар». В научных исследованиях этих памятников под руководством Института археологии им. А.Х. Халикова участвовали также Институт археологии РАН, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, ГБУН РК «Институт архео-

логии Крыма», Казанский (Приволжский) федеральный университет и др. Обсуждению на ежегодном научном семинаре были представлены результаты совместных полевых раскопок и лабораторных естественнонаучных изысканий Болгарского городища и Свяжска (Беляев, 2014, с. 112–118; Археологические исследования 2015 г..., 2016, с. 1–36).

На открытии с приветственным словом к участникам семинара обратился директор Института археологии им. А.Х. Халикова Ситдилов А.Г. Первым был заслушан его доклад в соавторстве с Р.Р. Валиевым и А.С. Старковым, посвященный итогам и перспективам археологического исследования Болгарского городища и Свяжска.

По проблемам применения неразрушающих методов исследования и поиска объектов на отдельных участках памятников была сделана серия докладов. С докладом о коллективном труде «Результаты геофизических исследований на территории Болгарского городища и острова-града Свяжск в 2015 г.» в соавторстве с К.И. Бредниковым и Б.М. Насырдиновым выступил Д.И. Хасанов. В частности, он указал на перспектив-

ные для вскрытия участки городища с геомагнитными аномалиями, которые могут быть остатками архитектурных объектов. Тему геофизических исследований продолжил В.Г. Бездудный, в докладе которого были представлены геофизические исследования производственных комплексов Болгарского городища в западной части памятника. И.В. Волков в своем докладе показал методические возможности поиска архитектурных и иных сооружений в южной части Болгарского городища на основе совмещения данных дистанционного аэрокосмического зондирования земли с картографическими источниками. Коллектив авторов, состоящий из А.Г. Ситдилова, М.В. Сивицкого, А.В. Беляева и А.И. Хазиева, продемонстрировал опыт проведения исследований по отработке методики соотнесения данных магниторазведки на примере раскопок ССVIII–ССXII в 2015 г. В их докладе были показаны результаты раскопок на местах локализации геомагнитных аномалий и представлены подходы при интерпретации данных геофизики на объектах археологии.

Следующие два доклада связаны с продолжением полевых исследований в южной и юго-западной части

Болгарского городища. И.В. Волков в совместном докладе с О.В. Лопан и А.Г. Ситдиковым рассказал об итогах обследования раскопами ССИ, ССП, ССПШ трех белокаменных мавзолеев, под фундаментом одного из которых обнаружен клад, упрятанный в череп барана, состоящий из 100 серебряных монет и других предметов. В докладе о совместной работе И.И. Елкиной и А.В. Лазукина прозвучали предварительные результаты исследований в 2015 г. на раскопе ССХIV в южной части Болгарского городища на территории Малого города и Южного мавзолея.

Значительная часть выступлений была посвящена работам на раскопах CLXXIX и СХСП, которыми исследуется центральный рынок и другие объекты средневекового Болгара. Серию докладов открыл коллектив авторов в составе – Д.Ю. Бадеев, В.Ю. Коваль, Л.В. Яворская. Ими были представлены результаты исследований на раскопах CLXXIX и СХСП в 2015 г. Большой интерес вызвал доклад Д.Ю. Бадеева, который на основе планировки объектов на данных раскопах, попытался установить размеры усадеб и элементы городской застройки золотоордынского города. С.И. Валиулина выступила с интересным докладом, в котором сообщила о находке при раскопках на месте базара бронзовых бубенчиков позднего средневековья, имеющих западноевропейские аналогии. Предварительные сведения о результатах совместных с Е.А. Федоровой исследований монет из раскопок рыночной площади Болгара доложил Д.Г. Мухаметшин (раскопы CLXXIX и СХСП).

Нумизматическую тему продолжил доклад А.И. Бугарчева и М.В.

Сивицкого о монетных находках с раскопа CLXXXV.

Результаты работ на раскопе СХСIX в 2015 г. были доложены группой авторов: А.Г. Ситдиков, С.Г. Бочаров, Д.А. Масюта, Д.В. Йожица, Е.С. Лесная, Л.В. Яворская, А.И. Данильченко. Изыскания на раскопе площадью в 2500 кв. м были завершены в текущем сезоне. Некоторым группам гончарной керамики из раскопов СХСVI и СХСIX был посвящен доклад А.Н. Масловского, А.Г. Ситдикова и С.Г. Бочарова. По материалам, полученным из раскопа СХСVI, Л.В. Яворская рассказала об особенностях заполнения культурных напластований данного участка Болгара костями животных.

В 2015 году продолжились исследования оборонительных сооружений средневекового Болгара. Результаты изысканий были показаны в выступлении А.М. Губайдуллина и совместном докладе В.Ю. Ковалья и П.Е. Русакова, которые уточнили время сооружения укреплений и его конструктивные особенности, а также последним удалось зафиксировать некрополь и предшествующую ему средневековую дорогу, законсервированную насыпью вала. Результаты почвенных анализов насыпи вала и сохранившегося под ним почвенного слоя на раскопе ССV в 2014 г. были представлены в совместной работе А.А. Гольевой, Н.М. Свириды и В.Ю. Ковалья.

В числе выступлений, освещающих микроскопические исследования находок с раскопов Болгарского городища, нужно отметить доклад о совместной работе Е.Ф. Шайхутдиновой, А.В. Беляева и А.Г. Ситдикова, посвященный изучению образцов чу-

гуна XIV–XV вв. путем сканирующей электронной микроскопии. В докладе В.Н. Бахматовой, А.Г. Ситдикова и Р.Х. Храмченковой сообщалось о предварительных итогах многолетнего изучения сырьевых источников неполивной керамики Болгара на основе анализа состава формовочной массы различных групп керамики. Опытом микроскопического исследования и консервации золототканой шали из раскопа ССИ поделилась в своем выступлении Ю.В. Федотова.

Глубокому анализу подверглись находки из стекла, происходящие из раскопок Болгара и Суvara, чему посвящены два доклада. В докладе Р.Х. Храмченковой в соавторстве с Р.Ф. Шарифуллиным сообщалось о проведенных химических анализах образцов с двух обозначенных памятников и поиске их сырьевых источников и центров производства. Во втором докладе Р.Х. Храмченковой в соавторстве с А.М. Губайдуллиным были рассмотрены результаты исследования фрагмента стекла с эмалевым рисунком.

На изучении средневекового населения Болгара и болгарского населения на других территориях заострялось внимание слушателей семинара двумя докладами. Доклад Е.В. Волковой, К.В. Кирягина и Н.В. Харламовой познакомил с палеопатологическими характеристиками населения Болгара. Предположение о возможном присутствии болгарского населения на золотоордынском поселении Болдыревка в окрестностях Укека было высказано в выступлении А.А. Евтеева и Д.А. Кубанкина.

Большая и кропотливая работа ведется по созданию каталога Музея болгарской цивилизации, расположенного на территории Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, чему был посвящен доклад В.С. Баранова и А.Г. Ситдикова.

Итоги работы Международной археологической школы в Болгаре, которая проводится уже второй сезон на территории Болгарского городища, представили А.Г. Ситдигов, Л.А. Вязов и Е.М. Макарова.

В докладе Р.Р. Валиева, Л.А. Вязова и А.Г. Ситдикова были изложены данные о предварительных результатах разведочных исследований в Спасском районе в 2015 г. Благодаря этим работам произведена точная спутниковая привязка обследованных памятников, составлены инструментальные планы, уточнена культурно-хронологическая принадлежность.

Изучение «острова-града Свяжск» и его ближайшей округи определилось в самостоятельный блок докладов, который начался с выступления В.А. Галиева. Он подвел итоги мониторинга археологических памятников в устье р. Свяжи, проведенного в 2015 г. Вопросам изучения некрополей на территории «острова-града Свяжск» в 2015 г. посвятил свое выступление Р.Н. Хамзин, который выделил погосты второй половины XVI–XVII в., кладбище конца XIX – первой четверти XX в. и братские захоронения XX в. Изучение антропологических материалов и новые данные к антропологическому портрету жителей Свяжска были доложены Е.А. Макаровой. Проблемы изучения бытовых предметов жителей Свяжска была затронута в совместном докладе М.Ю. Визгаловой, А.С. Старкова и Л.Ф. Богатовой. Они составили системное описание и реконструкцию летней обуви населения Свяжского посада: поршней и лаптей-бахар. Опыт по определению сырья для находок «археологической кожи» с применением метода микроскопического анализа поделилась Л.Ф. Богатова.

С большим интересом был выслушан доклад Д.В. Тишина (его соавторы: Д.К. Нурғалиев, А.Г. Ситди́ков и Р.Г. Чу́гунов) о результатах датировки

объектов «острова-града Свяжск» по данным дендрохронологического и радиоуглеродного анализа. Благодаря постепенной и плодотворной работе по составлению дендрохронологической шкалы для среднево́лжского региона авторам удалось датировать как культовые объекты в целом, так и их отдельные конструкции в частности. Результаты дендрохронологического анализа, по словам докладчика, коррелируются с данными радиоуглеродного анализа, что позволяет составить точную дату постройки зданий. Исследованиям левкасного слоя фресковой живописи Успенского собора «острова-града Свяжск» был посвящен коллективный доклад Р.Х. Храмченковой, П.Ю. Каплан, В.Ф. Косушкина, А.Г. Ситдикова, И.Р. Сафиной и Б.И. Гареева. Проведенными работами выявлены микротрещины, угрожающие фрескам храмов.

Предварительные итоги реализации проекта по разработке автоматизированной системы учета результатов исследований объектов культурного наследия острова-града Свяжск представили А.В. Касимов, Е.Ф. Шайхутдинова и А.Г. Ситди́ков.

В рамках семинара также были заслушаны доклады, посвященные методике использования данных геофизических исследований при археологических раскопках, на примере обследования в 2014 г. некрополя Московской Духовной Академии. В.Г. Бездудный и Е.Е. Васильева рассказали, что благодаря комплексной работе было локализовано место расположения склепов. А.В. Энговатова и Е.Е. Васильева представили результаты проведения раскопок некрополя и идентификации погребенных по архивным материалам.

В целом необходимо отметить высокий уровень работ, отраженных в докладах, заслушанных на семинаре. Доклады прошедшего семинара предполагается издать в одном из номеров журнала «Поволжская археология».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беляев А.В., Валиев Р.Р., Ситдииков А.Г.* Научный семинар по проблемам междисциплинарных исследований Болгара и Свяжска // Поволжская археология. 2014. № 2(8). С. 112–118.
2. Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свяжск / Авт.-сост. Ситдииков А.Г., Валиев Р.Р., Старков А.С. Казань: ЗАО «Изд. Дом «Казанская недвижимость», 2016. 36 с.

Информация об авторах:

Беляев Александр Владимирович, старший научный сотрудник, Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (БГИАМЗ) (г. Болгар, Россия), научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); bay986@yandex.ru

Валиев Ринат Рафаилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); vtr80@yandex.ru

Ситдииков Айрат Габитович, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; заведующий кафедрой, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

V SCIENTIFIC WORKSHOP “INTERNATIONAL ARCHAEOLOGICAL AND NATURAL SCIENTIFIC STUDIES ON CULTURAL SITES: BOLGAR AND SVIYAZHSK”

A.V. Belyaev, R.R. Valiev, A.G. Sitdikov

The authors present a brief summary and conclusions of the V Scientific Workshop focusing on interdisciplinary archaeological and natural scientific studies on the territory of Bolgar fortified settlement and Sviyazhsk island-fort. Research on these sites is carried out under a complex project “Cultural Heritage: Sviyazhsk island-fort and Ancient Bolgar”. The studies are led by Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of Tatarstan Academy of Sciences and involve participation of other Russian academic institutions as well. The project includes archaeological excavations and collection of samples for palynological, palaeoecological, radio-carbon, dendrochronological and other laboratory investigations, which are used to reconstruct certain production technologies. It also includes anthropological study of necropolises. Use of geo-physical and aero-spatial methods is an integral part of the field research, which allows localizing monumental stone structures and other geomagnetic anomalies without destroying them. The excavations both on Bolgar and Sviyazhsk and their closest environs, i.e. on other cultural sites, actively apply modern high-precision systems and methods of fixation with application of positioning systems. Results of such complex studies have been subject of discussions during annual scientific workshops since 2011.

Keywords: history, archaeology, restoration, object of cultural heritage, Bolgar fortified settlement, Sviyazhsk island-fort, natural scientific studies, scientific workshop.

REFERENCES

1. Belyaev, A.V., Valiev, R.R., Sitdikov, A.G. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 8 (2), 112–118 (in Russian).

2. Valiev, R. R., Sitdikov, A. G., Starkov, A. S. (comp.). 2016. *Arkheologicheskie issledovaniia 2015 g.: Bolgar i Sviiazhsk (Archaeological Studies in 2015: Bolgar and Sviyazhsk)*. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimosti" Publ. House (in Russian).

About the Authors:

Belyaev Alexandr V. Bolgar State Historical and Architectural Reserve; Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; bav986@yandex.ru

Valiev Renat R., Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; VRR80@yandex.ru

Sitdikov Airat G. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

УДК 06.091

ГЕРМАН АЛЕКСЕЕВИЧ ФЕДОРОВ-ДАВИДОВ (1931-2000)

© 2016 г. Ю.А. Зеленеев

Г.А. Федоров-Давыдов выдающийся отечественный учёный: археолог, историк, нумизмат. В 2016 году исполняется 85 лет со дня его рождения и 50 лет со времени публикации его книги «Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов» (1966), которая относится к классической отечественной археологической литературе. Работы Г.А. Федорова-Давыдова в области археологии, истории и нумизматики Золотой Орды во многом создали это направление в отечественной исторической науке, хотя научные интересы его были гораздо шире. Г.А. Федоровым-Давыдовым создана научная школа, которая продолжает его научные изыскания.

Ключевые слова: археология, история, нумизматика, Золотая Орда, научная школа.

Герман Алексеевич Федоров-Давыдов родился 17 июля 1931 года в интеллигентной московской семье. Его дед Александр Александрович Федоров-Давыдов – автор книг и рассказов для детей – впервые в России начал издавать детский журнал. Отец – Алексей Александрович Федоров-Давыдов (1900–1969) – искусствовед, член-корреспондент Академии художеств, заведующий кафедрой русско-

го и советского искусства МГУ, автор книг о русском искусстве. Кстати, в 1919–1920 гг. обучался в Казанском университете. Мать – Ирина Николаевна была хорошей художницей. В круг общения родителей Германа Алексеевича входили представители советского искусства. Сохранился портрет Ирины Николаевны кисти известного художника Ю.И. Пименова.

Высшее образование получил на историческом факультете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (1949–1954). Здесь же при кафедре археологии закончил в 1957 году аспирантуру с защитой в этом же году диссертации на тему «Клады золотоордынских монет».

В 1956–1960 гг. работал младшим научным сотрудником Института истории материальной культуры – Института археологии, являясь одновременно ответственным секретарем журнала «Советская археология» (1958–1960).

Возвращение в МГУ в качестве преподавателя произошло в 1960 году. Впоследствии стал доктором исторических наук (1966), профессором

МГУ (1969). С 1983 г. являлся членом-корреспондентом Германского археологического общества, академиком РАЕН (1992). В 1998 году получил Ломоносовскую премию I степени. Долгие годы являлся членом Президиума Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Основными направлениями его научных интересов были археология и нумизматика. С помощью этих наук он пытался создать развернутые картины истории Восточной Европы и в первую очередь Золотой Орды.

Научный руководитель Г.А. Федорова-Давыдова – Алексей Петрович Смирнов, которого он считал своим учителем.

В первой половине 1950-х годов он участвовал в полевых археологических исследованиях Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР. Эта экспедиция тогда была в числе лидеров по организации, методам и научным результатам в Советском Союзе. Естественно, она очень многое дала молодому исследователю.

Первые масштабные полевые работы, которыми руководил Герман Алексеевич, связаны с участием в исследованиях Чувашской археологической экспедиции в 1956–1959 гг. Экспедицией руководил А.П. Смирнов, а Г.А. Федоров-Давыдов был начальником одного из отрядов. Им были проведены раскопки Тигашевского, Батыревского и Большетаябинского городищ, а также осуществлены разведки в нескольких районах Чувашии.

В 1959 г. А.П. Смирновым и Г.А. Федоровым-Давыдовым была опубликована программная статья о задачах археологического изучения Золотой Орды, которая на долгие годы

определила исследования в данном направлении. Да и сейчас некоторые ее положения остаются значимыми для организации изучения этого средневекового государства (Смирнов, Федоров-Давыдов, 1959).

Г.А. Федоров-Давыдов принимал активное участие в создании и работе Поволжской археологической экспедиции. В 1959–1972 гг. он возглавлял Ахтубинский отряд экспедиции, а после смерти А.П. Смирнова руководил ею до 1983 г. В 1983–2000 гг. являлся научным консультантом экспедиции.

В соответствии с программой развития золотоордынской археологии, разработанной А.П. Смирновым и Г.А. Федоровым-Давыдовым, было решено начать раскопки крупного золотоордынского города. В 1958 году Г.А. Федоров-Давыдов совершил разведочную поездку в Нижнее Поволжье и Подонье. Им были осмотрены Царевское и Селитренное городища, а также Азовское городище (Азак). Наиболее интересным для стационарных работ было признано Царевское городище (Сарай ал-Джедид). На выбор повлияло наличие хорошо читаемого рельефа со следами улиц и кварталов и интереснейшие находки, полученные в XIX веке при раскопках А.В. Терещенко.

Результат был получен фактически сразу. Уже в раскопах конца 1950-х – первой половины 1960-х годов были выявлены жилые постройки в квартальных усадьбах, мастерские, многочисленные находки, раскрывающие культуру средневекового города. Для участников экспедиции все это было очевидно. На археологическое же сообщество огромное впечатление произвели две статьи Г.А. Федорова-Давыдова, которые вновь представили

научному миру уже почти забытую золотоордынскую археологию (Федоров-Давыдов, 1964; 1966). По существу, эти статьи и начинали новую золотоордынскую археологию. Впоследствии будут другие статьи и книги, но именно с этих статей Г.А. Федоров-Давыдов получил признание как ведущего специалиста в этой области.

После выхода этих статей места для скепсиса по поводу необходимости раскопок золотоордынских городов не осталось. Стало легче обосновывать расширение исследовательских работ. Поэтому со второй половины 1960-х годов Поволжская археологическая экспедиция кроме Царевского городища ведет раскопки на Селитренном (Сарай) и Водянском (Бельджамен) городищах. Несмотря на то что с 1975 г. работы экспедиции сосредоточились на Селитренном городище, в 1970-х – 1980-х гг. они отличались большим размахом и входили в число наиболее значимых археологических работ страны. Под руководством Г. А. Федорова-Давыдова на Царевском городище было раскопано около 10 тыс. кв. м., на Селитренном городище более 20 тыс. кв. м. Были вскрыты целые жилые кварталы, зажиточные усадьбы, мечети, производственные сооружения и многое другое. Археологические исследования позволили изучить историческую географию городов Золотой Орды (Егоров, 1985). Да и к концу 1980-х годов существовало не общее представление о золотоордынском городе начала 1960-х, а стройная теория его развития.

С 1990 г. Герман Алексеевич перестал ездить в экспедиции – не позволяло состояние здоровья. Переход для него был довольно сложный. Было

видно, с каким интересом он получает информацию о проведенных исследованиях. Я тогда вел раскопки на Наровчатском, потом на Царевском, а затем на Селитренном городище и стремился сразу же после экспедиции поехать к Герману Алексеевичу и доложить об их результатах, чему он всегда был рад.

В этот период он задумал проект издания основных материалов раскопок золотоордынских городов. В одном томе все издать было невозможно, поэтому он собирался выпустить несколько книг. Первой из этой серии стала книга, в которой он давал основы археологии золотоордынского города и самые общие понятия о нем (Федоров-Давыдов, 1994). Уже после его смерти из печати вышла подготовленная им книга о золотоордынской керамике и быте населения Нижневожских городов (2001).

Г.А. Федоров-Давыдов считал необходимым донести результаты исследований не только до отечественных специалистов, но и до мировой научной общественности. Сделать это было довольно сложно. И дело не только в закрытости нашей науки в советский период, но и в нежелании зарубежных партнеров замечать достижения наших специалистов или в отсутствии интереса к тем или иным исследованиям. Тем не менее Г.А. Федоров-Давыдов был одним из немногих, которому удавалось публиковать результаты своих исследований за рубежом (Fyodorov-Davydov, 1984).

В 1966 году Герман Алексеевич защищает докторскую диссертацию и издает книгу «Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов (1966). Эта книга до настоящего времени является настольной

для всех специалистов по археологии и истории средневековых кочевников. Без всякого преувеличения можно сказать, что она стала классикой отечественной археологии.

В этой работе Г.А. Федоров-Давыдов широко применил статистико-комбинаторные методы обработки материала. Датирование типов вещей и погребального обряда производил с использованием элементов статистической взаимовстречаемости, что для того времени было очевидной новацией. В результате тщательнейшего анализа источников он пришел к выводу о том, что монгольское нашествие не привело к кардинальной смене населения в степях Восточной Европы, но привело к социальным и культурным изменениям.

Продолжением данной книги явилась историческая работа, основанная на широком круге различных источников «Общественный строй Золотой Орды» (1973).

Германа Алексеевича интересовали истоки своеобразного искусства кочевников и его трансформация в эпоху средневековья. Раскопки золотоордынских городов дали много материала по этому разделу археологии, что нашло отражение в одной из его книг (1976).

Все вышеперечисленные работы наряду с другими статьями, вышедшими в 1960-х – 1970-х годах, и докторской диссертацией составили основу взглядов Г.А. Федорова-Давыдова на археологию и историю кочевников Восточной Европы и Золотой Орды.

Еще одно направление, которое изначально было в поле зрения Германа Алексеевича, – это нумизматика. Причем его интересовали разные

ее направления. Отсюда и публикации по восточной нумизматике, и по русской средневековой нумизматике. Хотя ясно, что монетное дело Золотой Орды и русских княжеств и хождение монет этого периода тесно связаны. Во второй половине 1970-х и в 1980-х годах Г.А. Федоров-Давыдов много времени посвятил обработке и изучению так называемого Саранского клада. Этот клад как раз и состоял из золотоордынских и русских монет. Значительное количество монет, составляющих клад, привело к необходимости его публикации в нескольких книгах (Федоров-Давыдов, 1981; 1987; 1989).

Но основной интерес в нумизматике у него все-таки был связан с золотоордынскими монетами. Он тщательно отслеживал их находки, картографировал, старался опубликовать весь доступный ему материал. Это была, по существу, титаническая работа. Обобщенный же в единую книгу материал ему увидеть так и не удалось. Книга по золотоордынской нумизматике, подготовленная им, вышла уже после его смерти (2003).

Большое значение имели популярные работы ученого по нумизматике, написанные простым и доступным языком. Книга «Монеты рассказывают» многократно переиздавалась на русском языке и публиковалась во многих странах мира. Многие нумизматы начали свой путь с того, что в детстве или юности прочитали эту книгу. Впоследствии Герман Алексеевич издал большую популярную книгу по нумизматике (1985). Увлекательно написанная книга представляла собой очерки монетного дела в античности, в средневековой Европе и в России до реформ Петра I.

В ходе работ Поволжской археологической экспедиции Г.А. Федоров-Давыдовым была создана научная школа, из которой вышли доктора наук В.И. Вихляев, В.Л. Егоров, Ю.А. Зеленева, Э.Д. Зиливинская, К.И. Корепанов, М.Г. Крамаровский, А.Г. Мухамадиев, К.А. Руденко, Л.Т. Яблонский. Многие из них имеют своих учеников, продолжающих традиции этой школы. Этими фамилиями, естественно, не ограничивается круг людей, которые прошли через экспедицию. Это многие десятки, если не сотни сотрудников. И все они испытали воздействие и обаяние ее руководителя. Герман Алексеевич сумел подобрать людей, которые проводили его идеи и цементировали коллектив, таких как В.Л. Егоров, В.В. Дворниченко, Н.М. Булатов, Л.Т. Яблонский, Т.В. Гусева, Л.М. Носкова и других.

Полевые работы всегда сопровождалось и обучением молодежи. Герман Алексеевич считал необходимым прямо в поле читать лекции по результатам раскопок. Я всегда поражался тому, что по приезду в экспедицию

меня, сначала студента, а потом аспиранта, Герман Алексеевич вел на раскоп и подробно объяснял, что там делается. Только потом я понял, что это образ жизни настоящего профессора. Все, чем овладел сам, нужно передать своим ученикам.

Университетские лекции Г.А. Федоров-Давыдова были очень интересны и давали в сжатый срок большой объем информации. С ним всегда было очень интересно беседовать. Острый ум, огромные знания, мягкий юмор и в то же время отсутствие стремления навязать свою точку зрения любой ценой притягивали к нему людей, особенно молодежь.

Для меня, как ни странно, он очень много дал уже после того как перестал ездить в экспедиции. В 1990-годы, может быть, и надоедая ему, я стремился как можно больше получить консультаций по интересовавшим меня вопросам. Надо отметить, что эти беседы оказали на меня огромное влияние, за что я и благодарен Учителю.

Умер Герман Алексеевич 23 апреля 2000 года в возрасте 68 лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнов А.П., Федоров-Давыдов Г.А. Задачи археологического изучения Золотой Орды // СА. 1959. № 4. С. 128–134.
2. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 224 с.
3. Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки Нового Сарая в 1959–1962 гг. // СА. 1964. № 1. С. 248–271.
4. Федоров-Давыдов Г.А. Новый Сарай по раскопкам 1963–1964 гг. // СА. 1966. № 2. С. 233–248.
5. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: МГУ, 1966. 275 с.
6. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1973. 180 с.
7. Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976. 228 с.
8. Федоров-Давыдов Г.А. Монеты Московской Руси. М.: МГУ, 1981. 224 с.

9. Федоров-Давыдов Г.А. Монеты – свидетели прошлого. Популярная нумизматика. М.: Изд-во МГУ, 1985. 176 с.
10. Федоров-Давыдов Г.А. Монеты Московской Руси. Москва в борьбе за независимость и централизованное государство. М.: Изд-во МГУ, 1987. 222 с.
11. Федоров-Давыдов Г.А. Монеты Нижегородского княжества. М.: МГУ, 1989. 256 с.
12. Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд. МГУ, 1994. 232 с.
13. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: керамика, торговля, быт. М.: МГУ, 2001. 254 с.
14. Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 352 с.
15. Fyodorov-Davydov G. The Culture of the Golden Horde Cities / Translated from Russian by H. Bartlett Wells. Oxford, 1984. 278 p.

Информация об авторе:

Зеленец Юрий Анатольевич, доктор исторических наук, доцент, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); y_zeleneev@mail.ru

GHERMAN FYODOROV-DAVYDOV (1931–2000)

Yu.A. Zeleneev

Gherman Fyodorov-Davydov is an outstanding national scientist: archaeologist, historian, numismatist. It is his 85th birthday anniversary in 2016, and 50 years since publication of his book “East-European Nomads under the Golden Horde’s Khans: Archaeological Sites” (1966), a classical national archaeological book. Fyodorov-Davydov’s works in archaeology, history and numismatics of the Golden Horde were major contributions that determined this course of studies in the national historical research, though his scientific interests were much broader. Gherman Fyodorov-Davydov established a scientific school, which continues his studies.

Keywords: archaeology, history, numismatics, the Golden Horde, a scientific school.

REFERENCES

1. Smirnov, A. P., Fyodorov-Davydov, G. A. 1959. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* 4, 128–134 (in Russian).
2. Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
3. Fyodorov-Davydov, G. A. 1964. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* 1, 248–271 (in Russian).
4. Fyodorov-Davydov, G. A. 1966. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* 2, 233–248 (in Russian).
5. Fyodorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast’iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East European Nomads under rule of Altyn Orda Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
6. Fyodorov-Davydov, G. A. 1973. *Obshchestvennyi stroi Zolotoi Ordy (Social order of Golden Horde)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
7. Fyodorov-Davydov, G. A. 1976. *Iskusstvo kochevnikov i Zolotoi Ordy. Ocherki kul’tury i iskusstva narodov Evraziiskikh stepei i zolotoordynskikh gorodov (Art of nomads and Golden Horde. Essays on Culture and Art of the Peoples of Eurasian Steppes and Golden Horde Cities)*. Moscow: “Iskusstvo” Publ. (in Russian).

8. Fyodorov-Davydov, G. A. 1981. *Monety Moskovskoi Rusi (Coins of Muscovy)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
9. Fyodorov-Davydov, G. A. 1985. *Monety - svideteli proshlogo. Populearnaia numizmatika (Coins – Witnesses of the Past. Popular Numismatics)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
10. Fyodorov-Davydov, G. A. 1987. *Monety Moskovskoi Rusi. Moskva v bor'be za nezavisimost' i tsentralizovannoe gosudarstvo (Coins of Muscovy. Moscow's Fight for Independence and Centralized State)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
11. Fyodorov-Davydov, G. A. 1989. *Monety Nizhegorodskogo kniazhestva (Coins of the Nizhny Novgorod Principedom)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
12. Fyodorov-Davydov, G. A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia (Golden Horde Towns in the Volga Area)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
13. Fyodorov-Davydov, G. A. 2001. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia: keramika, trgovlia, byt (Golden Horde Towns in the Volga Area: Pottery, Trade, Everyday Life)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
14. Fyodorov-Davydov, G. A. 2003. *Denezhnoe delo Zolotoi Ordy (Coinage of the Golden Horde)*. Moscow: "Paleograf" Publ. (in Russian).
15. Fyodorov-Davydov, G. 1984. *The Culture of the Golden Horde Cities*. Translated from Russian by H. Bartlett Wells. Oxford, England: B.A.R.

About the Author:

Zeleneev Yuriy A. Doctor of Historical Sciences. Mari State University. Ryabinin St., 8, Yoshkar-Ola, 424000, Mari El Republic, Russian Federation; y_zeleneev@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АА – *Archeologia abrahamica*
 АН РТ – Академия наук РТ
 АН СССР – Академия наук СССР
 АНР – Архитектурное наследие и реставрация (реставрация памятников истории и культуры России).
 АО – Археологические открытия
 БГИАМЗ – Болгарский историко-архитектурный музей-заповедник
 БНЦ УРО РАН – Башкирский научный центр уральского отделения Российской академии наук
 ВИА – Всеобщая история архитектуры
 ГГЗО – Генуэзская Газария и Золотая Орда
 ГИМ – Государственный исторический музей
 ГНИМА – Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А. В. Щусева, Москва.
 ГОМ РТ – Государственный объединенный музей РТ
 ДДГ – Духовные и договорные грамоты русских князей. М., 1952.
 ДКМК – Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования. Материалы конференции. М., 1999
 ИВИ РАН – Институт всеобщей истории РАН
 ИЗ – Исторические записки
 Изв. МОН РК – Известия Министерства образования и науки Республики Казахстан
 ИИ АН РТ – Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
 ИТЭ – Институт татарской энциклопедии АН РТ
 ИЯЛИ АН РТ – Институт языка, литературы и истории АН РТ
 ИЯЛИ КНЦ РАН – Институт языка, литературы и истории КНЦ РАН
 ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории КФАН СССР
 КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция
 КНЦ РАН – Казанский научный центр РАН
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии им. Г. Ибрагимова Академии наук Татарстана
 КФАН СССР – Казанский филиал АН СССР
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
 МОиН РТ – Министерство образования и науки Республики Татарстан
 НАН РК – Национальная Академия наук Республики Казахстан
 ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
 РА – Российская археология, М.
 РАН – Российская академия наук
 РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив. М.
 РИЦ «Школа» – Редакционно-издательский центр «Школа»
 СА – Советская археология, М.
 САГУ – Средне-Азиатский Государственный Университет.
 САИ – Свод археологических источников, Москва-Ленинград
 Тр. ИИАЭ АН КазССР – Труды Института Истории, археологии и этнографии Академии Наук КазССР
 УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
 УрО РАН – Уральское отделение РАН
 ЧГИГН – Чувашский государственный институт гуманитарных наук
 ЭКГ – этнокультурная группа керамики
 IAS – Institute for Advanced Studies, Princeton, USA

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения. Научный журнал «Поволжская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин (антропология, археозоология, биоархеология, нумизматика, эпиграфика, этноархеология и др.). Публикации каждого номера журнала группируются в разделы: «Исследования и публикации», «Критика и библиография», «Хроника». Согласно условиям отбора научных изданий для включения в ведущую мировую базу данных отслеживания цитируемости SCOPUS, основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его научным критериям (актуальность, научная новизна и т.д.).

При отборе статей редакция отдает предпочтение аналитическим и дискуссионным статьям и публикациям новых данных, а также статьям и заметкам, в которых имеются ссылки на материалы, изданные в предшествующих номерах нашего журнала.

Авторы заключают с редакцией Соглашение, в котором гарантируют, что предлагаемые ими статьи не были опубликованы прежде в иных изданиях. Авторы также гарантируют отсутствие каких-либо форм неправомерного заимствования в предоставляемых для публикации материалах.

Статьи, направляемые в редакцию журнала, авторы должны сопроводить «внешней» рецензией, заверенной печатью организации.

Все материалы и отсканированный оригинал рецензии принимаются в электронном виде по адресу: arch.pov@mail.ru. Оригинал рецензии на поступающую статью должен быть отправлен по адресу: 420012, г. Казань, ул. Бутлерова, д. 30.

Все поступающие материалы проходят в редакции внутреннее рецензирование. Решение редколлегии о принятии материалов к публикации, отклонении или необходимости их доработки сообщается автору после заключения рецензентов.

Небольшие исправления стилистического и формального характера могут быть внесены в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или же направляется им на доработку.

Правила по оформлению статей и других материалов

Общий объем статей не должен быть менее 15 тысяч знаков и не должен превышать 40 тысяч знаков (с пробелами), включая таблицы, список литературы, подрисовочные подписи и аннотации-резюме. Статья должна включать в себя не более 8–10 иллюстраций.

Материалы, направляемые в раздел «Хроника» (некрологи, материалы о конференциях и юбилеях) не должны суммарно превышать 10 тысяч знаков и включать не более 3 иллюстраций. При составлении библиографии трудов того или иного ученого следует указывать только основные, наиболее значимые работы (не более 20–25).

Материалы принимаются в электронном виде в формате Word, RTF. Шрифт – Times New Roman, размер кегля 14, стиль обычный, одинарный интервал, поля – 2 см.

Необходимо предоставить следующие материалы:

- УДК;
- **Название** на русском и английском языках;
- **Фамилия, Имя, Отчество** автора (авторов) на русском и английском языках;
- **Аннотация-резюме** (объем 100–200 слов или 800–1500 знаков с пробелами) и ключевые слова (6–10 слов) на русском языке; для материалов раздела «Хроника» – не более 500 знаков с пробелами, без ключевых слов.

– **Резюме (Abstract)** (объем 100–200 слов или 800–1500 знаков с пробелами) и ключевые слова (6–10 слов) на английском языке.

– Представленные материалы необходимо отредактировать стилистически и технически; не следует производить табуляцию и разделять абзацы пустой строкой;

– **Список литературы (библиография)** составляется в алфавитном порядке (фамилия и инициалы автора, название работы, место, издательство, год издания, страницы) на языке оригинала. Сначала на кириллице (на русском, болгарском, украинском и т.д.), затем – на латинице (на английском, немецком, французском и т.д.). **Для сборников статей и коллективных монографий обязательно указание ответственного редактора (отв. редакторов). Библиографический список не следует делать излишне пространным (не более 50), ссылки на собственные работы автора (авторов) должны составлять в нем не более 25%.**

– **Список сокращений**, который должен включать в себя расшифровку всех аббревиатур, используемых как в тексте статьи, так и в списке литературы;

– **Иллюстрации** (рисунки, фотографии) в виде отдельных файлов в формате JPG, TIF, с разрешением не меньше 300 dpi;

– **Таблицы** в формате Word (в тексте) или в виде рисунков в формате JPG (отдельными файлами), диаграммы – в формате Word (в тексте);

– **Подписи к иллюстрациям и таблицам**, приводятся в общем файле после списка литературы (см. *Образец оформления статьи*);

– **Сведения об авторе или авторах** (в случае коллективной работы): Ф.И.О. (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, адрес организации, город, страна, занимаемая должность – **на русском и английском языках.**

Примечания:

1. Представленные текстовые материалы должны быть проверены на предмет правописания; не следует производить табуляцию и разделять абзацы пустой строкой.

2) **Аннотация-резюме** составляется для компетентной аудитории, поэтому авторы могут использовать техническую (специальную) терминологию Вашей дисциплины, оно должно быть:

а) информативным (не содержать общих слов);

б) содержательным (отражать основное содержание статьи и результаты исследования).

3) **Резюме и ключевые слова на английском языке** должны:

а) быть написанными качественным английским языком;

б) максимально точно передавать смысл русскоязычного резюме и ключевых слов (с учетом различий в синтаксисе и стилистике научного изложения в русской и английской грамматике), вместе с тем не быть калькой – дословным переводом русскоязычной версии.

4) **Библиографические ссылки** на литературу и источники в тексте даются в круглых скобках: фамилия автора без инициалов (кроме работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), год издания через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т.п.

Например:

(Смирнов, 1964, с. 23–25, рис. 5: 1; 6: 3; табл. XII, 16; Свод памятников, 2007, с. 93, № 590).

5) При оформлении **списка литературы** вначале приводятся работы на кириллице (на русском, болгарском, украинском и т.д.), а затем – на латинице (на английском, турецком, французском и т.д.).

Например:

Описание монографии (книги)

1. *Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 174 с.
2. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам / МИА. № 142. М.: Наука, 1967. 198 с. (для монографий в серии МИА).
3. *Халиков А.Х.* Приказанская культура / САИ. Вып. В1-24. М.: Наука, 1980. 128 с.
4. *Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 143 с.
5. Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. 116 с.
6. Город Болгар: культура, искусство, торговля / Отв. ред. П.Н. Старостин. М.: Наука, 2008. 276 с.

Описание статьи в продолжающемся издании (сборнике трудов)

1. *Асылгараева Г.Ш.* Морфологические исследования средневековых археозоологических материалов из археологических раскопок Казанского кремля // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 1 / Отв. ред. А.Г. Петренко. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. С. 63–133.
2. *Чижевский А.А.*, Каменное изваяние с острова Березовая Грива // Тверской археологический сборник. Вып. 7 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2009. С. 419–427.
3. *Халиков А.Х.* Мезолит Среднего Поволжья // МИА. 1966. № 126. С. 185–193.

Описание статьи в научном сборнике

- Белорыбкин Г.Н.* Монголы в землях обулгаризированных буртас // Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 82–87.
- Напольских В.В.* Проблема начала финно-угорско-иранских контактов // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / Археология евразийских степей. Вып. 20. Казань: Отечество, 2014. С. 76–89.

Описание материалов конференции

1. *Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш.* Казанская археология: итоги и перспективы // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том. I. Казань: Отечество, 2014. С. 8–10.
2. *Казаков Е.П.* Проявления языческой культуры в древностях Урало-Поволжья болгарского времени // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции (Екатеринбург, 19–22 ноября 2007 г.). Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 251–253.

Описание статьи в журнале

1. *Яворская Л.В.* Костные останки животных из раскопа CLXII города Болгара: некоторые новые методы обработки и оценки археозоологических материалов // ПА. 2012. № 1. С. 216–237.
2. *Галимова М.Ш., Чурбанов А.А.* Археоминералогические исследования эпохи камня Волго-Камья // КСИА. 2012. Вып. 227. С. 174–181.
3. *Валиулина С.И., Зиливинская Э.Д.* Стекланные изделия Самосдельского городища // Уч. зап. Казан. гос. ун-та. 2010. Том 152, кн. 3, ч. 1. С. 63–76.

Описание статьи в электронном журнале

Rady M. The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Bela: A Translation. *Slavonic and East European Review*, 2009, no. 87 (4). Доступно по URL: <http://www.discovery.ucl.ac.uk/18975/1/18975.pdf>

Описание ссылки на Web-сайт

1. The Berry flint. URL: http://www.geocaching.com/geocache/GC42TVE_Le_silex_blonde_du_Berry (дата обращения: 23.09.2014).

Описание книги, переведенной с иностранного языка

Gerberstein S. *Rezum Moskovitarum commentarii*. Munchen, Osteuropa-Institut, 2007. 586 S. (Russ. ed.: Yanin V.L. *Zapiski o moskovii*. Moscow: Moscow University Publ., 1988, 430 p.).

Описание рецензии

Кузьмина Е.Е. Рец. на: В.П. Шилов. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975 // СА. 1977. № 3. С. 261–265.

Описание полевого отчета

1. Генинг В.Ф. Отчет об археологических раскопках Федотовского городища 1954 г. Ижевск, 1955 / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 966.

2. Генинг В.Ф., Одинцов В.В. Отчет о раскопках Нырғындинского II могильника // Отчет об исследованиях Удмуртского отряда Нижнекамской археологической экспедиции в 1969 г. Т. II. Свердловск, 1969 / Архив Археологического музея УрГУ. Ф. II. Д. 756.

Описание диссертации и автореферата диссертации

1. Агеев Б.Б. Пьяноборская культура (вопросы хронологии и общественного строя). Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1983. 18 с.

2. Подосенова Ю.А. Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья. Дисс... канд. ист. наук. Пермь, 2009. 272 с.

5) Образец оформления статьи

УДК 904 "04/14"

**Исследования в центральной части Болгарского городища
("Дом ремесленника")**

© 2013 г. А.М. Губайдуллин

Аннотация-резюме на русском языке

Ключевые слова: на русском языке

ТЕКСТ СТАТЬИ (на русском языке)

ЛИТЕРАТУРА

Информация об авторе:

Губайдуллин Айрат Маратович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); airg_g@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

**Researches in the Central Part of the Bulgar Ancient
Settlement («House of the Handicraftsman»)
А.М. Gubaidullin**

Abstract (на английском языке)

Keywords: (на английском языке)

About the Author:

Gubaidullin Airat M. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

6) Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, к изданию в журнале не принимаются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

Журнал основан в апреле 2012 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-61900 от 25 мая 2015 г.
выдано Роскомнадзором

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Подписано в печать 25.06.2016 г. Формат 70×108 ¹/₁₆
Печать цифровая. Бумага мелованная. Печ. л. 18,5. Усл. печ. л. 25,9.
Общий тираж 1000 экз. Первый завод 150 экз. Заказ №

Издательство "Фэн"
Академии наук Республики Татарстан
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20